

ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

№ 1(31)

СТРАНИЧКА РЕДАКТОРА
ПОЛИТИКА
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
ТЕМА НОМЕРА
ЭКОНОМИКА
ДЕБЮТ
«КРУГЛЫЙ СТОЛ»
ПУБЛИКАЦИИ
ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ

EDITOR'S PAGE
POLITICS
FOREIGN AFFAIRS
NATIONAL SECURITY
THE ISSUE'S MAIN TOPIC
ECONOMICS
DEBUT
ROUND TABLE
PUBLICATIONS
NOTES ON A BOOK'S MARGINS

ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

Журнал аналитических материалов

Учрежден Институтом стратегических оценок и анализа

Издается при поддержке ГК «Н-транс»

и Бюро социально-экономической информации

Выходит один раз в квартал

Главный редактор,
Председатель Совета –

Вагиф Гусейнов, директор *Института стратегических оценок и анализа*

Первый заместитель
главного редактора –

Юрий Поройков, к. филос. н.

Редакционный совет:

Михаил Делягин, д.э.н., академик РАЕН, председатель президиума, научный руководитель *Института проблем глобализации*
Владимир Егоров, президент-ректор *Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации*
Сергей Караганов, д.и.н., председатель президиума *Совета по внешней и оборонной политике*, заместитель директора *Института Европы РАН*

Андрей Кокошин, академик РАН, первый заместитель к-та Государственной Думы РФ по науке и наукоемким технологиям
Сергей Кортунов, д.п.н., зам.декана факультета мировой экономики и мировой политики ГУ ВШЭ

Николай Михайлов, д.э.н., советник председателя Совета директоров АФК «Система»

Александр Назарчук, д. филос. н., проф. кафедры социальной философии философского факультета МГУ им. М.В.Ломоносова

Алексей Пушкин, к.и.н., профессор МГИМО, автор и ведущий программы «Постскриптум»

Александр Рар, директор программ России и стран СНГ Германского совета по внешней политике (Германия)

Владимир Рыжков, к.и.н., политический обозреватель радиостанции «Эхо Москвы»

Леонид Слуцкий, д.э.н., первый заместитель председателя к-та Государственной Думы РФ по международным делам

Андрей Федоров, директор Фонда «Центр политических исследований и консалтинга»

Александр Ципко, д. филос. н., главный научный сотрудник *Института международных экономических и политических исследований РАН*

Ответственный
за выпуск:

Константин Радовицкий, к.соц.н.
Мария Кортунова

© Институт стратегических оценок и анализа

Точка зрения авторов не всегда совпадает с позицией редакции

СОДЕРЖАНИЕ

СТРАНИЧКА РЕДАКТОРА

Вагиф Гусейнов	5
----------------------	---

ПОЛИТИКА

Александр Ципко. О стратегии строительства гражданского общества в России	7
Павел Гуревич. Дегустация власти. <i>Часть вторая</i>	16

«500 слов»

<i>Зарубежные корреспонденты о своей жизни и работе в России</i>	26
--	----

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Петер В.Шульце (Германия). Угрозы европейской безопасности и возвращение России как значимой фигуры европейской и международной политики	34
Марианна Евтодьева. Европейские страны, Ближний Восток и проблемы безопасности в Средиземноморском регионе	47
Сергей Кортунوف. Россия в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР): основы региональной стратегии	65
Владимир Рошупкин. Лейтенант Джонсон по-арабски не понимает	80
Расим Агаев (Азербайджан). Курдское государство: миф, мечта или геополитический проект?	85

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Анатолий Цыганок. Россия на пространстве безопасности СНГ	99
Василий Белозеров. Вооруженные силы России и борьба за энергоресурсы	108

ТЕМА НОМЕРА: Каким должно быть решение проблемы

ядерного контроля в современном мире?

Эдвард Иффт (США). Как понимать принцип ядерного сдерживания	122
Гарольд Смит (США). Сравнение политики Демократической и Республиканской партий США по вопросу нераспространения ядерного оружия	132
Майкл Крепон, Алекс Столар (США). Перспектива ядерной стабильности в Южной Азии	138
Павел Золотарев. О некоторых подходах к снижению рисков ядерной многополярности	145

ЭКОНОМИКА

Валентин Валюков, Алексей Ермаков, Борис Сидоров. 1. О некоторых аспектах межрегиональной дифференциации социально-экономического развития в России	154
2. Актуальные проблемы обеспечения экономики России кадровыми ресурсами	167

ДЕБЮТ

Мария Бочкова. Россия в начале XXI века: национальный интерес и его теоретическое обоснование	174
Эльдар Касаев. О некоторых проблемах современной ситуации в Ираке	180

«КРУГЛЫЙ СТОЛ»

Приватизация: кто виноват и что делать дальше? <i>Дискуссия о возможности преодоления перекосов нашей приватизации</i>	187
---	-----

ПУБЛИКАЦИИ

Афранд Дашдамиров. Карабахский конфликт в контексте перестройки: в преддверии распада (<i>Продолжение</i>)	202
--	-----

Информационный блок	228
---------------------------	-----

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ

Эльвира Спирова. «Апостолы мерцающего будущего». О книге Дэвида Уилсона «История будущего»	230
--	-----

Рецензии	234
----------------	-----

Новые книги, которые могут вас заинтересовать	238
---	-----

Тезисы статей на английском	242
-----------------------------------	-----

Об авторах	251
------------------	-----

CONTENTS

EDITOR'S PAGE

Vagif Guseynov	5
----------------------	---

POLITICS

Alexander Tsipko. About strategy of construction of a civil society in Russia. <i>Some preliminary perception</i>	7
Pavel Gurevich. The authorities-tasting. <i>Part 2</i>	16

«500 words»

<i>Foreign correspondents speak about Russia</i>	26
--	----

FOREIGN AFFAIRS

Peter Schultze (Germany). Threats to the European security and Russia's coming back to the status of a major figure in the European and a world politics	34
Marianna Evdotjeva. The European countries, Middle East and the problems of security in the Mediterranean	47
Sergey Kortunov. Russia in APR: basis of regional strategy	65
Vladimir Roschupkin. Lieutenant Johnson does not understand Arabic	80
Rasim Agayev (Azerbaijan). The Kurdish state: a myth, or a dream, or a geopolitical project?	85

NATIONAL SECURITY

Anatoly Tsyganok. Russia within the CIS security space	99
Vasily Belozyerov. Russia's armed forces and the struggle for energy resources	108

THE ISSUE MAIN TOPIC: What should be the decision of a problem of the nuclear control over the modern world?

Edward Ifft (USA). Understanding deterrence NATO–Russia advanced research workshop	122
Harold Smith (USA). Comparing the policies pursued by the democratic and republican parties on nuclear non-proliferation	132
Michael Krepon, Alex Stolar (USA). The outlook for nuclear stability in South Asia	138
Pavel Zolotaryov. On some approaches to lowering the risks of the nuclear multi-polarity	145

ECONOMICS

Valentine Valyukov, Alexey Yermakov, Boris Sidorov. 1. Some aspects of the interregional differentiation of the socio-economic development in Russia	154
2. Topical problems of providing Russia's economy with the cadre resources	167

DEBUT

Maria Bochkova. Russia at the beginning of the 21 st century: its national interests and their theoretical substantiation	174
Eldar Kasayev. About some problems of actual situation in Iraq	180

ROUND TABLE

Who's guilty and what's to be done? <i>Is It and How It Is Possible to Overcome the Faults of Our Privatization?</i>	187
---	-----

PUBLICATIONS

Afrand Dashdamirov. The Karabakh conflict in the context of <i>perestroika</i> . <i>On the threshold of the collapse (continuation)</i>	202
The Information block	228

NOTES ON A BOOK'S MARGINS

Elvira Spirova. Apostles of the flickering future. <i>On Wilson, David. History of the Future</i>	230
--	-----

Reviews	234
---------------	-----

Books that Might Be of Interest	238
---------------------------------------	-----

SUMMARY	242
---------------	-----

OUR AUTHORS	255
-------------------	-----

СТРАНИЧКА РЕДАКТОРА

Пишу эту заметку за неделю до выборов нового президента.

Две начальные статьи номера посвящены этой проблеме: Александр Ципко пишет о задачах строительства гражданского общества в России, выдвинутых Медведевым, Павел Гуревич – о метаморфозах власти, о политике, превращающуюся в игру и о политике как театре.

Я же мысленно разглядываю предвыборный политический ландшафт. Уже ставших привычными, как домашний халат, Зюганова и Жириновского. Неутомимого в своих разъездах по стране и деятельного Медведева. Несомненно, экзотичного Богданова. Он выглядит здесь как рояль, найденный в кустах.

«Видела вас на дебатах, – говорит журналистка. – Вы такой были напояженный весь». «Гелем мажусь», – отвечает кандидат в президенты. – Летом на даче с хвостиком хожу. Иногда с косичками» (журнал «Большой город», №2, 2008 г.).

М-да...

Любопытны результаты социологических опросов: все основные центры сходятся на том, что Медведев наберет не менее 70% голосов избирателей. И побьет тем самым рекордный результат Путина четырехгодичной давности.

Вполне вероятно. Победа обеспечивается массивной организационно-пропагандистской работой властей на всех уровнях и, особенно, впечатляющими усилиями главного действующего лица российской политики. Образно говоря, на широких крыльях своего рейтинга Путин мог поднять любого преемника. Он выбрал Медведева. И объяснил – почему: «Это честный, порядочный человек, молодой человек, прогрессивный, современный...».

Почти синхронные выступления и президента, и его преемника на Госсовете и на Красноярском экономическом форуме, несомненно, преследовали задачу демонстрации органичной преемственности власти. Дотошные аналитики не преминули сличить тексты, но главное внимание, естественно, было сосредоточено не на совпадении или сходстве мыслей и позиций, а на тех нюансах, которые позволяли бы в той или иной мере достоверности судить о готовности преемника самостоятельно руководить страной, учитывая, что прежний президент остается во власти.

Многие опасаются, что у нас может образоваться два центра, а в истории нет примеров благостного разрешения возникающих при этом проблем. Однажды уже было сказано, что даже хаос ищет свой центр, вокруг которого он будет потом вращаться.

Собственно, именно этот вопрос в основном и дискуссировался едва ли не все предвыборные недели и, очевидно, не сойдет он с повестки дня и в последующем. Даже решенный как организационно-правовой, он неизбежно возникнет в качестве морально-психологического и, по мнению аналитиков, будет оказывать все возрастающее влияние на систему и уровень отношений – такова, увы, природа власти.

Хорошо, что они оба понимают: атаки надо ждать, прежде всего, в личном и межличностном плане. Вот же задала Путину вопрос: повесит ли он в своем кабинете портрет нового президента?

Мелочь, пустяк? Несомненно, но весьма показательные.

По данным Центра Юрия Левады, 18% опрошенных считают, что руководить страной будет Путин, а не формально избранный президент. Известный

же астролог Павел Глоба, который, как он сам о себе говорит, «никогда не ошибается», утверждает, что Дмитрий Медведев «не будет слабой и управляемой личностью... У него есть шансы стать более жестким, прагматичным и менее управляемым».

Неизбежно обнаружатся различия и в подходах к решению конкретных проблем. Во всяком случае, во всех выступлениях Медведева весьма заметна правовая составляющая, и, как пишет известный политолог Дмитрий Фурман, «очевидно, этот упор на законность и право будет таким же важным личным «стилистическим признаком» правления юриста и «либерала» Медведева, как упор на порядок, контроль был «стилистическим признаком» правления Путина».

Вот в таком диапазоне, включающем и гадание на кофейной гуще, собственно, и выстраивается сегодня пирамида мнений о нашей сегодняшней политической реальности, в которой все большую роль играют не закономерности, а тяжелые кувалды политтехнологов. Или – тонкие инструменты политювелиров. Тут уж кому что нравится. Сущность управляемого процесса от этого выбора инструментов не меняется.

И все-таки с приходом нового лидера начинается и новый отсчет времени жизни страны. А у него есть шанс достойно войти в историю.

«Каким образом возникает сильный мотив власти? – пишет П.Гуревич. – Судя по всему, он, в первую очередь, свойственен сильным лидерам или тем, кто обладает потенциально лидерскими качествами... Запрос на лидера, на вождя возникает в конкретных социально-исторических условиях. Понятное дело, что вожацеские свойства могут быть не востребованы конкретной эпохой и, напротив, в силу сложившейся ситуации, превратить обычного человека в крупную историческую фигуру».

Разве сам он об этом не думает?

Кем был всего лишь десять лет назад Путин? Вполне ординарным чиновником. Но именно он, приведенный к власти Ельциным, сумел задать стране нужный вектор развития и вселить в людей надежду на лучшее будущее.

«Я не вижу никаких серьезных неудач, все поставленные цели достигнуты, задачи выполнены» – так охарактеризовал он итоги своей президентской миссии.

Не будем цепляться за слова – нам предлагают вести отсчет от достигнутого.

Нельзя не обратить внимание на такой весьма впечатляющий пассаж в выступлении Медведева: «В основе нашей политики должен лежать принцип, который, я считаю, несмотря на всю его очевидность, важнейшим для деятельности любого современного государства, стремящегося к достижению высоких стандартов в жизни: свобода лучше, чем несвобода. Речь идет о свободе во всех ее проявлениях – о личной свободе, об экономической свободе, наконец, о свободе самовыражения. Считаю достижение гармонии между свободой и порядком самым важным на данном этапе».

Это очень яркая и многообещающая заявка на руководство великой страной.

Что ж, нам остается только дожидаться начала ее реализации.

В. Гусев.

Александр ЦИПКО

О СТРАТЕГИИ СТРОИТЕЛЬСТВА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ

Некоторые предварительные суждения

Данная статья выйдет в свет, когда произойдет избрание нового президента Российской Федерации. Нынешние рейтинги Дмитрия Медведева свидетельствуют о его гарантированной победе. Это дает право надеяться, что выдвинутая им программа развития гражданского общества в России уже в ближайшее время будет воплощаться в жизнь.

Речь в данном случае идет о конкретизации так называемого «плана Путина», акцентирующего внимание на создании политических предпосылок устойчивого, спокойного развития. В этой связи я пытаюсь обратить внимание в своем тексте на некоторые «трудные» вопросы, которые, к сожалению, остались без должного внимания в ходе дискуссии, инициированной выступлением Д.А.Медведева на II Гражданском форуме, который состоялся в Москве 22 января 2008 года.

Меня, прежде всего, настораживает, что наши СМИ трактуют выдвинутые Дмитрием Медведевым задачи строительства гражданского общества в России несколько односторонне. Как правило, акцент делается исключительно на задачах укрепления правового сознания, преодоления традиционного российского правового нигилизма, то есть на тех изменениях, которые зависят от людей и которые должны быть осуществлены самими людьми. Но при этом ничего не говорится о задачах по укреплению гражданского общества, которые предполагают усилия самой нынешней российской власти, направленные на формирование реального разделения власти, на расширение полномочий местной власти, на укрепление реальных прав личности, в том числе и на право иметь собственное мнение и право его публично защищать. Если речь идет о создании контракта между обществом и властью, то должны быть оговорены обязанности двух договаривающихся сторон, а не только об обязанностях граждан перед властью.

Правовой нигилизм и традиции российского самовластия, традиции нашей ничем не ограниченной власти тесно связаны. В том-то и дело, что ахиллесовой пятой отечественной политической культуры и всех наших прошлых и нынешних политических систем является не столько низкая правовая культура масс и традиционный правовой российский нигилизм, сколько наше традиционное российское самовластие, отношение власти к народу как к подданным, как к слугам, как к великому молчуну, немому. Да, правовой нигилизм идет из седой старины. Но ведь он, правовой нигилизм масс, является обратной стороной российского полновластия, когда власть на самом деле ощущает себя как имеющая особые права и преимущества по отношению к своим подданным.

Все верно, в России дело с правовым сознанием, с уважением к писаному закону всегда обстояло неважно. Хотя дореволюционная Россия жила во многом не «племенным сознанием», а страхом перед карами господними. Дефицит европейского правового сознания у нас в какой-то мере уравнивался религиозным сознанием. В старой России, в отличие от нынешней, работало чувство совести и чувство стыда.

Мы в России куда больше страдаем от цинизма самовластных властей и характерного для них чувства безнаказанности, чем от правового нигилизма их подданных. Наша обвальная приватизация, проведенная под лозунгом «Грабь государственное!», привела и к обвалу морали, и к обвалу и без того слабого правового сознания. Не может быть правового сознания масс, когда наверху, как считает народ, все воры и коррупционеры.

Здесь, на мой взгляд, и зарыта собака. Традиционный российский правовой нигилизм является оборотной стороной нашего традиционного разрыва между народом и властью, которая, за редким исключением, не была подотчетна народу и очень редко считалась с тем, что на самом деле думает о ней, о власти, этот народ.

Сегодня отрыв властных верхов, вообще элиты, от народных низов и, прежде всего, от тех, кто живет на грани черты бедности, куда выше отрыва дворянской России от крестьянской. Но если власть ощущается массами, простыми людьми как другой мир, как то, что, как им кажется, не имеет к ним никакого отношения, то им, естественно, наплевать и на законы, которые эта чужая для них власть издает. По этой причине в России не укоренилась идея разделения власти. Простой человек, который смотрит на власть снизу вверх, видит только царя, генерального секретаря, президента, а все остальные представители власти – и судьи, и министры, и депутаты, и милиция – всего лишь челядь царя, в лучшем случае – бояре.

Так что, на мой взгляд, начинать строительство в России гражданского общества надо не с воспитания правовой культуры масс, хотя сама по себе эта проблема крайне актуальна, а с создания полноценного

гражданского общества, полноценной страны. При всей важности правовой культуры, при всей важности укоренения привычки соблюдать закон, она, правовая культура, сама по себе не гарантирует ни демократии, ни уважения к правам и свободам личности. Яркий тому пример – Германия эпохи Гитлера. Правовая культура немцев с 1933 по 1945 год была на высоте. Немцы всегда были законопослушными. Кстати, и в СССР, особенно во времена Сталина, законопослушание было куда выше, чем сейчас. Но говорит ли это о том, что в сталинской России было больше зачатков гражданского общества, чем в путинской? Конечно, нет.

Поэтому, если мы хотим строить в России гражданское общество всерьез и надолго, мы должны спуститься с высот академических рассуждений на грешную российскую землю и увидеть главную нашу беду. А она в том, что у нас, за исключением редких случаев консолидации власти и масс, как, например, в годы Отечественных войн, не было общества как единой социальной системы.

Россию, и как социум, и как империю, всегда раздирали разломы – цивилизационные, идеологические, социальные, региональные и т.д. В этих условиях было чрезвычайно трудно создать на практике единое правовое поле, чрезвычайно трудно выработать одинаковое отношение к закону. В новой, посткоммунистической России к старым разломам добавились новые. Наша элита, так называемая «оффшорная аристократия», и местом хранения своих капиталов, и местом сбережения своих семей, детей, и местом времяпровождения, отдыха стала частью глобального мира. А десятки и десятки миллионов россиян, как и сотни лет назад, живут в своей провинциальной, старой России, живут своей вологодской или орловской жизнью, отгороженной не только от остального мира, но даже от своих собственных столиц. Кроме языка, на самом деле нет ничего общего между Россией Куршавеля и Россией Кондопоги. Так вот, если не создать ощущения единства между этими все еще разорванными частями России, никогда не создать на самом деле никакого гражданского общества.

Кстати, большевики заблуждались, полагая, что тотальное равенство людей, уравниловка сама по себе укрепит общество и общественные связи. Как показали годы перестройки, отчуждение масс от власти не только сохранилось, но и выросло по сравнению с положением дел в царской России. По этой причине и произошел обвал страны в 1991 году. По этой причине после Беловежских соглашений 8 декабря 1991 года никто не стал спасать историческую Россию.

Тогда, в конце 1917 – начале 1918 года, все же родилось движение в защиту великой, неделимой и православной России. Белая гвардия по всей стране объединила вокруг себя сотни тысяч добровольцев. У советских людей, в отличие от старых русских людей, не было ни сил, ни желания противостоять государственному перевороту Ельцина.

И мы, в свою очередь, уже в новой России сделали ошибку, надеясь, что приватизация, появление в массовом масштабе владельцев частной собственности даст так недостающее российским людям чувство независимости от власти, способности к самоорганизации снизу, к самостоятельным суждениям. Ведь, строго говоря, не может быть правовой культуры, в собственном смысле этого слова, без чувства развитой личности, могущей самой, вместе с другими гражданами, строить свое социальное, политическое окружение.

Наши собственники, даже владельцы крупных состояний, за все эти годы не проявили ни желания, ни способности к самоорганизации. Именно потому, что бывший советский человек стал собственником, именно потому, что у него теперь есть что терять, он и не рискует ослушаться власти, вступить с ней в конфликт. Приватизация, вопреки всякой теории, привела у нас не к разделению властей, а, напротив, к созданию экономической базы единовластия.

Вообще, наверное, трудно формировать и укреплять правовое сознание в эпоху массовой приватизации государственной собственности, когда открылось обширное поле для захвата национального достояния. Есть основания утверждать, что эпоха приватизации, перехода к рынку выдвинула наверх не столько предприимчивых людей, сколько людей, не обремененных нравственными чувствами.

На мой взгляд, для России с ее традициями абсолютизма, обожествления, сакрализации высшей власти задачи формирования гражданского общества связаны, прежде всего, с формированием культуры независимости личности, культуры самостоятельных суждений, с формированием органов контроля за властью. Мы, как говорил Владимир Путин, до сих пор расплачиваемся за репрессии советского периода, когда в первую очередь уничтожали людей с чувством собственного достоинства, людей, имеющих собственное мнение. Справедливости ради надо сказать, что Дмитрий Медведев в своем выступлении на II Гражданском форуме связывал укрепление позиций гражданского общества в России и с усилением со стороны общества контроля над властью.

Далее. Когда мы начинаем говорить о строительстве гражданского общества в современной России, то должны учитывать специфику, качественные особенности нынешнего периода истории страны. В каком-то смысле в 1990-е годы было больше предпосылок для строительства гражданского общества, для укрепления начал самоуправления в нашей жизни, чем сейчас. Конец 1980-х – начало 1990-х были годами демократической романтики, когда из хаоса политической жизни неожиданно вырастали институты гражданского общества. К примеру, лично я не склонен считать, что и выборы Думы в декабре 2007 года, и выборы президента в марте 2008 года укрепили у нас доверие населения к власти. Отнюдь нет. Как мне кажется, власть не очень заботилась о доверии населения к предложенным выборным процедурам.

Надо признать: Путин чрезвычайно много сделал для вывода России из смуты 90-х, для восстановления вертикали власти, государственной и правовой дисциплины. Отобраны высоты власти и в экономике, и в политике у олигархических кланов, по крайней мере, устранена опасность приватизации власти в России, возрождена у людей уверенность в будущем.

Но, положительно оценивая результаты его деятельности, надо осознать, что на всем, что он делал, лежала и лежит печать чрезвычайщины, что преодоление хаоса и смуты достигалось за счет резкого возрастания роли административного фактора в организации всей общественной жизни. И это, в общем, понятно. Нельзя решать чрезвычайные задачи по спасению страны без чрезвычайных мер, без усиления роли единоначалия. В конце концов, Конституция, на которую опирался Путин при восстановлении вертикали власти, тоже выросла из чрезвычайной ситуации, из гражданской войны осени 1993 года. Понятно также и то, что политическая система, в которой главным и единственным субъектом принятия решений, единственным субъектом правды и истины является верховное лицо в государстве, становится целиком зависима от личностного, субъективного фактора. В рамках такой системы нет сил, способных противостоять ошибкам гаранта Конституции.

Кто-нибудь может себе представить, что наш уважаемый председатель Совета Федерации выскажет мнение, не совпадающее с мнением президента?

Конечно, не вина Путина в том, что у нас на самом деле нет серьезной политической оппозиции. Многие наши политики-интеллектуалы бежали впереди паровоза централизации, устлая дорогу лестью, угодничеством, лизоблюдством. Но без свободной конкуренции мнений и взглядов не может быть и свободного гражданского общества.

Драматизм нынешней ситуации состоит в том, что на самом деле мы должны решать сегодня две взаимоисключающие задачи. Нельзя победить коррупцию, не усиливая роль административного начала в жизни страны. В то же время нельзя не видеть, что, в силу сложившейся практики единоначалия, мы воспроизводим все слабости советской политической системы, когда практически все общественное развитие страны зависело от воли и предпочтений первого лица. Рискну утверждать, что, по крайней мере, после смерти Сталина роль членов Политбюро в сдерживании Генерального секретаря ЦК КПСС от ошибочных решений была все же выше, чем роль наших руководителей представительской власти сегодня.

Так вот. Как, с одной стороны, снова не оказаться в хаосе и криминальном беспределе, а с другой – избежать возвращения к временам, когда первое лицо становится и главным экономистом, и главным судьей, и, одновременно, главным идеологом страны? Рецептов реше-

ния этой задачи много, и они известны. И я думаю, что сейчас, после окончания выборной кампании 2007–2008 годов, у политической элиты России хватит духа и смелости начать разговор о серьезных изъятиях сложившейся у нас политической системы. Необходимо, к примеру, изменить принципы комплектования Совета Федерации. Он, Совет Федерации, в первую очередь должен стать независимым субъектом власти. Настало время превратить Совет Федерации в Совет народов земель России.

Все говорит о том, что необходимо продолжать двигаться по пути перехода от сверхпрезидентской к парламентско-президентской республике, придавать большее значение результатам выборов в Думу. Первый шаг в этом направлении в думской кампании 2007 года сделал Путин, приняв решение возглавить список кандидатов от «ЕР». Лично у меня складывается ощущение, что идея всенародных выборов президента России, благодаря которой пришел к власти Борис Ельцин, себя значительно изжила. Обращает на себя внимание, что парламентско-президентская модель, утвердившаяся в бывших социалистических странах Восточной Европы, дала куда больше для строительства гражданского общества, чем наша модель выборного самодержавия. Теперь уже каждый видит, что у нас так и нет отработанного механизма преемственности власти.

Но все же в России и политический климат, и политическая система во многом зависят и от духовного, морального состояния нашей интеллигенции. Гражданское общество не возникает тогда, когда его просто не хотят. Как мне кажется, наша интеллигенция, и даже гуманитарная, сейчас устала духом, служит не столько ценностям свободы и достоинства личности, сколько своим узким корпоративным интересам.

Убежден, у нас никогда не будет полноценного гражданского общества, полноценного разделения властей, если мы, и прежде всего интеллигенция, не преодолеем своего холопства, своего политического безволия. Не может быть никакого гражданского общества без национальной элиты, которая умеет интересы национального развития ставить выше своего благополучия, карьеры.

Надеюсь, что все эти препятствия на пути строительства гражданского общества станут предметом пристального внимания общественности в России в ближайшие годы.

* * *

Технология выхода в свет журнала предоставила мне возможность написать послесловие к своему январскому тексту. Поводом к созданию этого дополнительного комментария послужило выступление Владимира Путина на расширенном заседании Государственного Совета «О стратегии развития России до 2020 года». Лично мне это выступление Путина, которое довелось выслушать в Георгиевском зале Крем-

ля с близкого расстояния, дало очень много для понимания проблем, которые мы должны разрешить на пути к нормальной, зрелой в гражданском отношении России. По крайней мере, для того, чтобы построить гражданское общество в России, нам надо куда больше, чем, к примеру, нашим соседям по бывшему социалистическому лагерю. Нам требуется решить целый ряд морально-психологических проблем, которые уже давно решены в европейских странах.

Задайте себе простой вопрос, к примеру, о причинах, побудивших якобы уходящего президента Путина накануне 2 марта вдруг неожиданно выступить не с «политическим завещанием», а с обширной программой действий его команды на будущее, на 12 ближайших лет. И как только вы зададите себе этот вопрос, вы поймете, что я имею в виду, когда говорю о дополнительных морально-психологических условиях строительства гражданского общества в России.

Русские очень боятся перемен. Путину, несомненно, нужно было выступить именно сейчас, ибо в ходе длительной, уже многомесячной предвыборной кампании 2007–2008 годов обострился вечный русский запрос на гаранта будущего. Все дело в том, что у нас в России, именно в силу неразвитой политической системы, в силу дефицита институтов гражданского общества, надежда на будущее связывается с личностью верховного правителя. На сегодняшний день, и от этого никуда не уйти, только Путин воспринимается как гарант на будущее. Тут мы имеем дело с механизмом, который ни в одном учебнике политологии не прописан. Нам для создания гражданского общества необходимы не только связь сословий, регионов, культур, но и личностное ощущение людьми связи времен, связи между прошлым, настоящим и будущим.

Российский человек из-за своей драматической истории, из-за того, что десятки поколений жили на грани жизни и смерти, по природе своей метафизичен, постоянно обращен в лучшее будущее, которое для него никак не наступает.

Но при этом вера российского человека в лучшее будущее, в то, что страна все же сохранится, все время нуждается в подкреплении. Мы уж так устроены, что не можем при всем своем эгоизме целиком погрузиться в настоящее, целиком раствориться в своих бытовых проблемах. Отсюда и характерная для русских сакрализация власти как гаранта сохранения надежды на будущее, сакрализация Кремля как свидетельство устойчивости страны, постоянства своей национальной истории.

Запрос на Путина все эти восемь лет его президентства возникал и возникает тогда, когда обнаруживается дефицит этой веры в будущее, когда из подкорки снова вырываются все традиционные российские страхи. Обратите внимание: Путин в своем выступлении назвал нынешние разговоры о грядущей деноминации рубля «чушью». Но надо понимать, что эти российские слухи абсурдны только с экономической точки зрения, при этом они довольно точно отражают и природу наше-

го российского самосознания, и нынешнее состояние умов. За этими слухами стоит страх перед грядущими переменами, инстинктивное их отторжение. Поэтому, еще раз повторяю, нынешнее прямое обращение Путина к народу российскому было крайне своевременным. Завтра действительно было бы поздно. Сама идея выступления Путина на расширенном заседании Государственного Совета и, самое важное, его содержание, его обращенность в будущее, является адекватным и своевременным ответом на вызовы нынешней морально-политической ситуации в России.

Надо признать, что смена власти, все эти выборные циклы трудно даются российскому человеку. И в этом нет ни вины нашего избирателя, ни, тем более, вины героев нынешних перемен. Драматизм, чрезвычайщина, характерные для эпохи перемен, идут, как бы я сказал, от родовых травм нашего национального самосознания. Правда, на мой взгляд, наши нынешние страхи носят все-таки иной характер. Разница между страхами эпохи перемен начала 1990-х и нынешними связана с тем, что у нынешнего российского человека все же есть что терять. Он приобрел за последние годы и стабильность, и какой-то достаток, и уверенность в будущем. Отсюда и те вопросы, которые буквально висели в российском воздухе накануне 8 февраля и которые вызывали нервозность у политически мыслящей России.

Первый и самый главный вопрос: сохранит ли Путин за собой высоты власти, будет ли он на самом деле действующим премьером, будет ли он строить больницы, школы, дороги, как он обещал в своих интервью? Путинское большинство, которое на самом деле является, как показали результаты голосования за «ЕР» на выборах в Думу, патриотическим большинством, в свою очередь, обеспокоено судьбой главного наследия эпохи Путина – судьбой суверенитета России. Мне самому показалось в какой-то момент, что в наших СМИ началось сворачивание идеологии Путина, идеологии национальной демократии с характерной для нее ставкой на уважение к «отеческим гробам», на государственничество, на справедливость. Интересно, что во время нынешней выборной кампании 2007–2008 годов проблема территориальной целостности новой России ушла на второй план. И это хорошо, это значит, что люди свыклись с одним из главных достижений путинской эпохи – с умиротворением Чечни.

И это самое главное. По крайней мере, на сегодняшний день все улеглось. Выступление Путина на расширенном заседании Государственного Совета сняло все вопросы, которые разбудили спящие доселе русские страхи. И я думаю, что все эти страхи, т.е. боязнь войны, безвластия и бескормицы, не имеют под собой почвы.

Актуален в свете нынешних дискуссий о строительстве гражданского общества и характерный для выступления Путина акцент на развитии личностного, человеческого фактора производства. Я согласен с

логикой Путина. Если мы хотим лучшего будущего, то мы должны и больше вкладывать в развитие человека, и более трезво, более критически, чем обычно, отнестись к самим себе, к тому, как мы работаем, как мы живем. Все верно. Нельзя, как говорил Путин, «восстанавливать Россию за счет людей, ценой дальнейшего ухудшения условий их жизни». Но надо видеть правду, надо знать, что мы порой трудимся плохо, не с полной отдачей сил. Мы вообще не ценим ни себя, ни свои способности. Отсюда тоже растут корни нашей поразительно низкой производительности труда, нашей апатии и халатности.

Конечно, очень многое при решении задачи развития человеческого капитала зависит от государства, от отношения властвующей элиты к духовному состоянию своего народа. Надо действительно понимать, что развитие человека – это и основная цель, и необходимое условие прогресса современного общества.

И тут снова возникает наша русская проблема, без разрешения которой мы никогда не станем нормальным обществом. Само по себе избавление от пут так называемой «административно-командной системы» ничего нам не даст, если будет угасать и без того слабая витальность, энергия народа российского. Я согласен с Путиным: нас спасет только путь инновации, модернизации производства. Хорошо, что государство будет увеличивать «ресурсы, направляемые в науку», и что они, эти ресурсы, будут сосредотачиваться «на фундаментальных и прорывных направлениях». Но как сформировать мотив к инновациям, творчеству? Как пробуждать и всемерно развивать «стремления людей к самосовершенствованию и использованию своих навыков и талантов»?

Конечно, все эти вопросы выходят и за рамки проблем, поставленных Путиным в его выступлении на расширенном заседании Госсовета, и за рамки моего предварительного анализа предпосылок и условий строительства гражданского общества в России. Но думаю, что в общественных дискуссиях о стратегии развития России до 2020 года, к которым призывал Путин, мы должны, наконец, всерьез заняться изучением самих себя, реальной мотивации жизни людей, мы должны выяснить, что на самом деле мешает нам, россиянам, стать конкурентоспособными в этом мире.

Я понимаю, что Путин как лидер страны обязан поддерживать веру людей в будущее, вселять оптимизм. И он совсем не случайно напомнил о том, что раньше в нашем российском национальном характере было и «стремление быть первыми», «всегда была привычка побеждать». Потому и важно знать, что на самом деле осталось у нас от этих российских достоинств после всех наших «славных революций», и особенно после деградации и упадка 1990-х.

Прежде чем куда-то идти, надо выяснить, где мы на самом деле находимся и кто мы такие сегодня есть.

Павел ГУРЕВИЧ

ДЕГУСТАЦИЯ ВЛАСТИ

Часть вторая¹

Тема власти давно занимала умы философов и психологов. Давнюю историю имеет общефилософское рассмотрение феномена власти (конфуцианство, Аристотель, Эпикур, Полибий, Платон). Античные мыслители, прежде всего, рассуждали о моральных и нормативных аспектах в исполнении политических ролей. Для них участие в политике было высшей формой проявления человеческого достоинства. Геродот и Плутарх уделили лидерам в области политики много внимания, превознося героев, монархов и полководцев как творцов истории.

Каков главный признак власти? Правильный ответ, судя по всему, мы находим у Фридриха Ницше. Он считал, что власть может существовать только в одном случае – если она непрерывно наращивает свою мощь. Логика власти неизбежно приводит ее к дальнейшей экспансии. Стоит власти остановиться в своем размахе или, не дай Бог, ослабить свой напор, как она тут же распадается. С этой точки зрения, выстраивание властной вертикали в нашей стране вполне оправданно. Невозможно реализовать политическую волю в условиях перманентного разномыслия и произвола. Власть ставит перед собой цели. Но она способна забыть о них ради утверждения самой власти как таковой. Искушение велико.

Борьба за власть – тайная или явная – действительно пронизывает политическую жизнь любого общества. Каким образом возникает сильный мотив власти? Судя по всему, он в первую очередь свойственен сильным лидерам или тем, кто обладает потенциально лидерскими качествами. Можно, разумеется, назвать эти врожденные индивидуальные качества. Человек, стремящийся к власти, несомненно, имеет организационные способности. Ему присуща явно выраженная воля, сила убеждения, быстрота реакции. Однако эти перечисления носят формальный характер. Запрос на лидера, на вождя возникает в конкретных социально-исторических условиях. Понятное дело, что вожа-

¹ Начало см. Вестник аналитики №4-2007 г.

ческие свойства того или иного человека могут быть не востребованы конкретной эпохой, и, напротив, в силу сложившейся ситуации, превратить обычного человека в крупную историческую фигуру.

Не подлежит сомнению тот факт, что Мартин Лютер мог стать священником, юристом или профессором, как об этом мечтал его отец. Но социальные обстоятельства диктовали иную миссию для этого реформатора. Махатма Ганди вряд ли обрел бы мировую известность, если бы не мощный вызов времени, который превратил его в борца против английских колонизаторов. Человек, почувствовавший вкус к власти, редко утрачивает волю к власти. Он испытывает постоянную потребность в ней.

Анализировать мотив к власти сложно, поскольку он порождается конкретным временем. Разные обстоятельства побуждают к борьбе за власть. Это может быть стремление доминировать над людьми, распоряжаться их судьбами. В других случаях потребность во власти диктуется тягой к свободе, желанием отвергнуть тирана или авторитарного лидера, не дать ему развернуться в полную силу. Нередко исторический вызов заставляет того или иного человека взять на себя ответственность за ход событий. Мотив власти может диктоваться потребностью в достижении, в уважении, в одобрении, в безопасности. Разумеется, в реальной истории нет такой чистоты жанра. Различные импульсы возникают одновременно и в прихотливых сочетаниях.

Политик заинтересован в достижении влияния, в авторитете, в гарантированности своего властного желания, в получении прерогатив, в возможности активно воздействовать на ход событий. Поскольку власть постоянно требует собственного наращивания, то политик нередко становится манипулятором, безответственным лидером. Ради достижения власти люди готовы на любые жертвы или обещания. Главное – приобретение и сохранение власти. Так, Б.Н.Ельцин, обещавший «лечь на рельсы» в случае ухудшения жизни россиян, не только не сделал этого, но и применил силу для того, чтобы удержаться у власти при попытке объявления ему импичмента. В.Жириновский всегда готов стать не только президентом, но и премьер-министром, и министром иностранных дел – лишь бы стать.

Итак, власть – это способность и реальная возможность правителей или народа оказывать радикальное и всеобъемлющее влияние на деятельность, поведение, сознание и помыслы людей, распоряжаться их судьбами. Власть – это выражение общественных отношений, которые обнаруживаются в навязывании социальным субъектом собственной воли другим лицам или сообществам. Власть отличается от физического насилия тем, что она оказывает воздействие на тело, душу, ум, подчиняет других закону своей воли. В политических науках власть рассматривается как центральное, организационное и регулятивно контрольное начало политики.

Власть – это благо или зло? Вот что пишет, к примеру, отечественный исследователь Борис Диденко: «Власть... О ней написаны горы книг. Ее по праву можно считать одной из «вечных тем», наряду с темами любви, смерти, смысла жизни... И то, что власть – зло, трудно оспаривать. Невозможно даже в общих чертах описать весь тот водопад несчастий и горя, который власть обрушивает на людей. Преступления и несправедливости, совершенные властью имущими и равно борющимися за власть, – неисчислимы». (Диденко Б. Хищная власть. Зоопсихология сильных мира сего. М., 1997, с. 3.)

Диденко ставит вопрос о том, какова внутренняя (интроспективная) «психологическая картина», мотивационная основа бесчеловечного поведения самих властителей (правителей, иерархов, «авторитетов»), которые, не теряя душевного комфорта, обрекают людей на невзгоды и страдания? «Власть развращает человека, абсолютная власть развращает абсолютно».

Метаморфозы политики

Занятые политической конъюнктурой, мы, судя по всему, совершенно не обращаем внимание на то, что сущность и формы политики в современном мире радикально изменились. Сегодня мало кто говорит о морали в политике. Чаше мозги затачиваются на целесообразность, эффективность любыми средствами.

Обратимся к прошлому. Американский просветитель Томас Джефферсон вошел в историю как революционер и как справедливый, честный президент. Фактически Джефферсон является единственным примером великого деятеля-рационалиста, который не навлек на себя критику рациональных идеологов. Он был очень успешен как в разработке идей, так и в осуществлении их на практике. Несомненно, и он совершал ошибки, но он был, пожалуй, крупнейшим общественным деятелем тогдашней эпохи. Этот философ, писатель, архитектор, фермер, изобретатель, революционер, политический деятель, глава государства был окружен друзьями и любовью.

Джефферсон избегал интриг, секретность не была его главным оружием. Он понимал различие между первостепенной важностью мира и неизбежным оправданием войны. Он не смог убедить коллег включить осуждение рабства в Декларацию независимости, но писал: «В Книге Судеб ничего более конкретного, чем то, что люди должны быть свободны». «Человек должен содрогаться при мысли, что он может ограничить свободу другого».

Как истинный демократ, он верил, что люди – «источник всей полноты власти». Все свои поступки он оценивал с позиции морали. «Да будет первым благословенно честное сердце, а вторым – умная голова». «Делая первый шаг, Вы не знаете, каким будет следующий, – пи-

сал он племяннику, – и все же следуйте за правдой, справедливостью, правосудием и простотой в отношениях и никогда не сомневайтесь, что они выведут вас из лабиринта самым коротким путем. То, что Вам кажется гордиевым узлом, развяжется само. Ничего нет более ошибочного, чем предположение, что человек может выйти из затруднения при помощи интриг, уловок, клеветы, с помощью неправды и беззакония».

Еще пример. Сошлемся на работу американской исследовательницы Карен Хорни «Невротическая личность нашего времени». Написанная 70 лет назад, эта книга содержит первый набросок к анализу психопатических аспектов политики. Первый вопрос, который ставит Хорни: может ли в обществе вообще отсутствовать феномен власти? Будучи специалистом по культурной антропологии, она отмечала, что во многих племенах не существовало постоянной власти. Она устанавливалась только тогда, когда возникала необходимость в ней. Разные представители власти осуществляли ее в различных сферах: ведения войны, отправления религии, решения споров. Когда исчезали или ослабевали качества, на которые опиралась данная власть, переставала существовать и власть.

К чему эти рассуждения? Разумеется, мы далеко ушли от архаических племен. Сегодня Тоффлер справедливо отмечает, что властные отношения присущи всем общественным системам и человеческим взаимоотношениям. Власть – не конкретное явление, но аспект всех без исключения отношений между людьми (*Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М., 2001, с. 574*). Да, борьба за власть не обязательно является злом. Но похоть власти – опасная тенденция. Лучше не допускать ее кристаллизации в одном месте, в одном человеке.

Невротик, имеющий тягу к власти, по Хорни, не станет приспосабливаться к реальности, учитывать ее требования. Напротив, такой человек будет оказывать сильнейшее сопротивление вызовам времени. Носителю власти важно, чтобы мир откликнулся на его вожделения и признал их законными. Вот почему в политике так часто обнаруживаются близорукость, упрямство, авторитарная воля.

Вместе с тем Хорни признает, что потребность во власти может возникать и у нормального человека в результате реализации его превосходящей силы, будь то физическая сила или способность, умственные качества или зрелость и мудрость.

«Власть, престиж или богатство отдельного члена общества играют роль не в каждой культуре. Например, у индейцев-пуэбло стремление к престижу определенно не поощряется, имеют место лишь несущественные различия в индивидуальной собственности, и вследствие этого данное стремление также является малозначащим. В этой культуре было бы бессмысленно стремиться к какой-либо форме доминирования как к средству успокоения. То, что невротики в нашей культуре выбирают этот путь, происходит потому, что в нашей социальной

структуре власть, престиж и обладание могут дать чувство большей безопасности» (*Хорни К.* Невротическая личность нашего времени. Самоанализ. М., 2004, с. 140).

Как ведут себя люди в политике? Какие жизненные и практические представления они отстаивают? Каковы мотивы их поведения? Какие психологические механизмы проявляют себя в сфере политического поведения отдельных лиц, групп и целых обществ?

Политика как театр

Оценивая современную социальную реальность, мы говорили о том, что она утрачивает черты реального политического процесса. Как-то обвально и незаметно политика превратилась в политическую игру. В действиях политиков мы оцениваем не способность устранять конфликты, гармонизировать социальные интересы, мобилизовывать массы, а осанку, физическую форму, актерское дарование.

Политическая психология широко использует язык театра для характеристики политического процесса. В политический лексикон вошли многие понятия театрального обихода. Политическое пространство описывается такими терминами, как «сцена» или «подмостки», «авансцена» или «арена». Деятельность политика тоже выражается словами из театральной лексики. Можно говорить, к примеру, о том, как тот или иной политик играет «роль», именовать авторов политического действия «сценаристами» и «драматургами», пассивных участников политического действия называть «марионетками».

Но что самое парадоксальное: сегодня уже не только политтехнологи, но и сами политики рассуждают о своих действиях на языке политического театра. 17 сентября 2007 г. прошел предвыборный съезд ЛДПР. Владимир Жириновский предложил увеличить срок легислатуры президента, да и самих народных избранников с четырех до пяти лет, а главу государства избирать на заседании Государственной Думы. «Это же большой театр, и нужно доставить зрителям удовольствие». Сам же выступил в качестве режиссера всего действия и исполнителем главной роли. Сюжет с Андреем Луговым, включенным в элитный партийный список, не столько политический акт, сколько впечатляющий сценарный ход.

Таков ли Жириновский в реальной жизни, каким он предстает перед нами в политике? Безусловно, нет. Политик лицедействует. Он рассыпает фантастические, неисполнимые обещания. Он излучает магнетическую настроенность на успехи и заряжает ею. Неважно, за счет чего у нас все будет хорошо, но будет непременно, обязательно. И как же прекрасно входить в это состояние после такого длительного уныния и перепуга. В других устах, в чужом обезличенном изложении эти идеи, эти фантазмагорические планы и воспринимались бы по-иному.

Бывший премьер М.Касьянов, перед тем как начать заседание, обводил членов правительства предельно строгим, суровым взглядом. «Дескать, у меня не забалуешь». Но это как раз и есть театральное действие. Внешняя жесткость никому не мешала своевольничать. Еще кадр, и опять уже другой премьер в роли непримиримого борца с разгильдяйством. Он немедленно отправил чиновника во Владивосток, а тот даже не посмел сказать ему, что лететь туда должен не он, а тот, кто отвечает за эти проблемы. К счастью, деньги пришли раньше, чем чиновник оказался в городе. Зубков, побывав в деревне, угостил бабушек карамельками. Возмутился, будто впервые услышал про бедственное положение пенсионеров, и велел срочно исправить положение. Однако другой чиновник тотчас же объяснил ему, что его указание нереально.

Если это не театр, то я ничего не смыслю в системе Станиславского.

Исследователи отмечают, что использование технологий политического спектакля становится общим приемом перехвата власти. Сегодня в нашей стране политмейкером выступает один человек. Фамилию можно не называть, потому что никто в России не выступает в качестве самостоятельного фигуранта. Каждый выполняет ту роль, которую ему назначали. Малейшее отступление от указанной черты грозит политической отставкой. Политики высокого ранга в известном смысле оказываются марионетками. Они ждут державного решения, которое определит их судьбы. А политтехнологи в состоянии полной растерянности комментируют события, которые случились вопреки их прогнозам.

Александр Дугин описывает случившееся как театральный, сценарный эпизод: «Это была блестящая комбинация, никто из ярых сторонников президента не предполагал такого разрешения ситуации. Все ранее просчитанные варианты, с любым преемником, с любой моделью (даже третьим сроком, за который многие до последнего выступали), были бы хуже, чем тот, который придумал Путин. Нам предлагается им демократическая, абсолютно преемственная модель. Я просто поражаюсь этому политическому ходу».

Комбинация сдерживающих технологий власти и декоративных личных свобод вовне сделала неизбежным и возникновение нового класса. Первым об этом сказал в пятидесятые годы прошлого века американский социолог Ч.Райт Миллс. Знаменитости. Звезды. Люди, единственное объяснение известности которых заключается в том, что они знамениты. Теннисисты, члены аристократических семейств, дети художников, кинозвезды. В истории всегда были известны знаменитые куртизанки, но их слава измерялась главным образом тем, насколько ярко на них отражался блеск монарха. Эти знаменитости играют важную общественную роль. Они привлекают общественное внимание аналогично тому, как это ранее делали королевские дворы. А теперь, после того как знаменитости установили контроль над сферой общественной мифологии, они получили доступ к реальной власти.

Политические партии формируют сегодня списки людей, которые должны олицетворять лицо партии. В предлагаемых тройках замечены известные писатели, артисты. Для политической практики это не новость. Однако неужели не возникает ощущения некоторого абсурда, когда, открывая парад фигурантов, сообщают, что такая-то актриса сыграла в таких-то фильмах. Означает ли это, что данный человек выражает интересы определенных социальных слоев, несет некий комплекс ценностных ориентаций? Увы, нет. Ее отношение к политике вообще не артикулируется. Что это, если не своеобразный политический театр?

Как это ни скандально, но у нас, по существу, нет политической элиты. Вольтер часто высмеивал современную ему знать, отмечая, что, несмотря на титулы и богатство, она была ужасающе невежественной. Они просто покупали знания и услуги в любых областях: финансах, архитектуре, управлении, искусстве или военном деле. Невежество элиты было настолько вопиющим, что она была не способна к руководству.

Должна ли власть опираться на массы?

Действительно ли в нашей стране четко обозначился феномен деполитизации? Верно ли, что народ сам не хочет участвовать в политике и мы живем в условиях политической пассивности большинства населения?

Не только наши политтехнологи и политики сетуют на деполитизированность власти. Это настолько стало догмой, что сегодня говорят не о народе, а об электорате. В прежней Конституции говорилось о том, что «вся власть в РФ принадлежит многонациональному народу РФ». В нынешней Конституции про народ сказано, что он источник власти. Согласитесь, что эта формула отражает, скорее, психологию манипулятора, чем политика, действующего во имя интересов народа.

Неверие в массы, в их здравый смысл получило сегодня солидное философское обоснование. Сошлемся на авторитетное мнение известного французского философа Жана Бодрийяра. Он отмечает, что «последние многочисленные революции и сто- или даже двухсотлетнее обучение масс политике только лишь тысяча человек готова к действию, тогда как двадцать миллионов остаются пассивными. Безразличие масс относится к их сущности, это их единственная практика». Приписывание им желания подавления и порабощения (чего-то вроде «повседневного микрофашизма») это, согласно Бодрийяру, «последняя попытка привязать массы к смыслопроизводству».

По мысли философа, политическое, выделившееся из религиозной сферы, первоначально понималось как чистая стратегия, не связанная ни с какой социальной или исторической истиной, но, напротив, разыгрываемая в отсутствие всякой истины. Так, у Макиавелли полити-

ческое принадлежит к тому же порядку, что ренессансный машинный театр, его формой является форма игры. Политика на этом этапе началась как чистая игра знаков, чистая стратегия, свободно обращающаяся с целями.

После Французской революции, считает ученый, «политическая сцена» уже не пространство ренессансного механического театра, оно отсылает к народу, воле населения. На политической сцене захватывают господство не знаки, а смыслы. Референдум – это уже симуляция, а не репрезентация. «Молчание масс становится главной проблемой. Массы не могут быть субъектом, ибо не в состоянии выступать носителем автономного сознания. Уход масс в область частной жизни – это непосредственный вызов политическому, форма активного сопротивления политической манипуляции. Поллюсом жизни оказывается уже не историческое и политическое с их абстрактной событийностью, а обыденная, приватная жизнь.

Предельная пассивность масс на деле является их совершенным оружием против власти: так они ускользают от любой мобилизации. Гиперконформизм – это абсолютная ироничность, делающая импотентной любую власть.

Мнение Бодрийяра, несмотря на его теоретическую логичность, является все же философским заблуждением. Исследователи привыкли анализировать массы по логике властителей. В политической философии все еще сохраняют свою значимость схемы необихевиористской политической школы, согласно которым массы обязаны впрямую и отражательно реагировать на действия власти. Однако социальная механика не так примитивна. Реакция народа подчиняется другому алгоритму. Политик живет сиюминутной конъюнктурой, он убежден в том, что весь мир захвачен сегодня его идеями. Однако люди бытуют в сфере собственных частных интересов. Они не могут мгновенно ринуться за политиком, потому что им надо растить детей, добывать средства к существованию, решать массу повседневных проблем. Уход в частную сферу, о которой пишет Бодрийяр, вполне естественен.

Но это вовсе не свидетельствует о тотальной деполитизации населения. Коммунисты, борясь с либералами, сетовали: «Когда наконец проснется народ?» Либералы, воюя с державниками, сетовали на массовую непросвещенность. Сегодняшние партии тоже печалются по поводу народной слепоты. Между тем влияние масс на политику далеко не всегда связано с политической конъюнктурой.

Будни огромной массы населения связаны с психологией выживания. То, что политики принимают за пассивность населения, на самом деле форма протеста против политической шумихи, против карнализации жизни. Послушайте выступление любого современного политика, и сразу убедитесь в том, что он живет в призрачном мире собственных грез и мечтаний. Ну кто верит сегодня в идею справедли-

ности, как она аранжируется соответствующей партией? Или в готовность российского государства всыпать британской короне? Все это химеры, которые впечатляют как театральные репризы, но для реальной жизни они, по существу, не подходят.

Там, где манипуляторы толкуют о косности бытового сознания, во многих случаях можно видеть здравый смысл. Его результаты далеко не всегда проводятся с логической последовательностью. Зато именно этот запас жизненного опыта служит защитной реакцией по отношению к вольным или невольным провокациям, к различным инспирациям господствующей идеологии, к прожектерским или просто дезориентирующим действиям верхов. Массовое сознание, сбрасывающее фикции манипуляции, нередко выступает против них во всеоружии своей «непонятливости».

История человечества полна примеров, когда самые изощренные приемы манипуляторов неожиданно разбивались о наивно-трезвые представления рядовых людей.

Социальные авантюристы, герои фразы нередко терпели крах, столкнувшись с «мужицкой наивностью» и житейским практицизмом, простотой нравов и элементарной логикой. Сколь это ни элементарно, мы и в нашей российской реальности сталкиваемся с безоглядной верой в административный ресурс, в непреложность политтехнологии и ее организационных усилий. Кому-то наверху мнится, будто нужно вовремя подсуетиться и противопоставить общественному негодованию «мнение», выстроенное по заказу и призванное «утишить» народное неудовольствие. Кому-то кажется, что наивность народных масс – очевидный факт.

Вот, скажем, пример из недавней истории. Православный народ в своей массе не признал останки царской семьи, обнаруженные в Порошенковском Логе. Логике научных доказательств он предпочел собственную: мол, Ельцин в бытность свою первым секретарем Свердловского обкома снес Ипатьевский дом – святыню, где пострадали царственные мученики, и теперь хочет загладить свою вину устройством торжественного захоронения останков.

Последние социальные реформы, проводимые в нашей стране, как известно, предварялись телевизионными показами счастливых пенсионеров, радостно подсчитывающих денежные потоки взамен утраченных льгот. Демонстрации протеста обездоленных слоев населения «перекрывались» картинками мудрых и законопослушных граждан, выкрикивающих одобрительные лозунги. И политтехнологам казалось, что они сумели запутать общественное мнение, представить общественные события под углом зрения законности различных мнений, бытующих в обществе. Но если говорить по существу, эти организационные усилия можно расценить с позиции здравого смысла как политический цинизм, оруэлловский приемчик.

Психологическая усталость масс – многозначный феномен. Люди в немалой степени способны отличать расчетливые политические филиппики и стоящие за ними своекорыстные интересы. Политическое киллерство утрачивает привлекательность. Рядовые граждане, при всей своей внушаемости, без труда знают, что подлинная забота о благоденствии народа не обязательно должна рядиться в государственный патернализм, в мнимую зачарованность реформаторских авантюр. И вот все чаще вызревает простая истина: хотите получить голоса, оставьте наивную веру в «незрелость» масс, в тотальную внушаемость, в органическую неспособность людей понять, на какой тверди они стоят.

Там, где манипуляторы фиксируют асоциальность личности, на самом деле можно обнаружить глубинную трезвость, которая возникает как следствие разочарования в реальности. Само конформное поведение чаще все оказывается лишь стадией, преходящей иллюзией человека, который временно принял «идола» за «бога».

Стоит только слугам народа увлечься системой манипулирования, как народ теряет ощущение, что им руководят. Хуже всего то, что сложности новых систем только увеличились, и новые элиты, давая вознаграждение наиболее преуспевшим с точки зрения власти, стали демонстрировать презрение к гражданам. Элиты стали считать граждан существами особого рода, примером чего служат особые формы обращения к ним, типа «народ этого не поймет», «электорат хочет знать» или «пипл хавает». Последнее выражение особенно популярно среди представителей четвертой власти. Неспособность властей разговаривать с народом о животрепещущих политических и экономических вопросах в ясной и не унижающей его достоинство манере служит самым ярким доказательством этого презрения.

Выстраивание вертикали власти – это наглядное проявление элементарного неверия в демократию, в здравый смысл людей и их политическую волю.

* * *

Политическая психология – прямая наследница политической философии. Возникнув сравнительно недавно, она быстро набирает вес и силу. Огромную роль в ней играет тема генеалогии власти, то есть ее происхождения и становления. Современная политическая практика ощущает острую недостаточность теории. Если каждое новое поколение будет руководствоваться только расхожими представлениями, связанными с эффективностью власти, огромный исторический опыт будет не востребован. А значит, мы обречены вновь и вновь идти печальными проторенными путями.

ЗАРУБЕЖНЫЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ О СВОЕЙ ЖИЗНИ И РАБОТЕ В РОССИИ

Арнур РАХЫМБЕКОВ, *шеф-корреспондент московского бюро агентства новостей Казахстана, в России работает с 2004 года*

В марте официально завершился второй президентский срок Владимира Путина. Мало кто сомневался, что ему на смену по результатам голосования придет молодой и перспективный политик Дмитрий Медведев — такой выбор был предопределен поддержкой кандидата действующим президентом, обладающим высоким «кредитом доверия» у российских избирателей.

В Казахстане, являющемся добрым соседом и стратегическим партнером России, всегда пристально наблюдали за политическими событиями в вашей стране. Безусловно, курс на стратегическое партнерство и вечную дружбу, взятый нашими странами, остался бы неизменным при любом исходе выборов, хотя личностное восприятие «первого лица» много значит в восточном мире. Казахстан — евразийское государство, в котором переплавляются политические традиции и ценности Запада и Востока, но в нашем обществе считается, что приемы «межличностной» дипломатии могут иметь решающее значение и принести лучшие результаты.

Дипломатические отношения между Российской Федерацией и Республикой Казахстан установлены в 1992 году и насчитывают уже больше пятнадцати лет — период достаточный для определенного осмысления. На протяжении всего этого периода «первым лицом» Казахстана был Нурсултан Назарбаев, сыгравший неоспоримую «историческую» роль в становлении суверенитета и основы экономического процветания молодой республики, и которого народ назвал «лидером нации». В период президентства Бориса Ельцина российско-казахстанские отношения были далеки от истинно партнерских. Можно сетовать на общий «хаос» девяностых, экономический упадок на постсоветском пространстве после распада Союза. Однако у казахов, по крайней мере, большинства из них, складывалось впе-

чатление об отсутствии у тогдашних российских руководителей «единого центра принятия решений» на казахстанском направлении, настолько вялыми и непоследовательными казались нам российские инициативы в те годы. К тому же на развитие межгосударственных отношений накладывал отпечаток подчеркнуто формальный стиль личных контактов Назарбаева и Ельцина. Оба деятеля советской партийной школы, выдвинутые в национальные лидеры в пору болезненного распада СССР, позднее оказались инкорпорированы в абсолютно новый для себя формат отношений. На тот момент «температура» отношений между Москвой и Астаной оказывалась в прямой зависимости от переменчивых «ветров», возникавших при контактах двух президентов. Считалось, что в процессе укрепления Содружества сталкивались личные интересы Ельцина и Назарбаева. Надо признать, первому президенту России не нравился авторитет Назарбаева на постсоветском пространстве, и оба политика конкурировали за влияние в СНГ.

На президентство В. Путина пришлось восемь лет – половина периода суверенного развития Казахстана. За это время совершен прорыв в наших отношениях, а ключевую роль в установившемся союзе и добрососедстве сыграла личная дружба Нурсултана Назарбаева и Владимира Путина. С приходом В.Путина в российско-казахстанских отношениях наступили новые времена. Возобладал прагматичный подход, сблизилась оценки геополитических перспектив развития наших стран. Сторонам наконец-то удалось «безболезненно» поделить имущество, оставшееся в наследство от Советского Союза, определить порядок использования четырех военных полигонов на территории Казахстана, в том числе космодрома Байконур. В настоящее время в Казахстане действует более 90 государственных программ, практически во всех присутствует сотрудничество с Россией. В 2005 году подписан важный Договор о делимитации границы, между прочим, самой протяженной в мире по суше – около 7500 километров. И это прошло в конструктивном ключе, с пониманием и учетом взаимных интересов. Например, на участке Имашевского газоконденсатного месторождения на границе с Астраханской областью решено поделить спорную территорию и само месторождение поровну, разработкой месторождения занимается совместное российско-казахстанское предприятие. На некоторых участках ситуация была сродни комической: жители казахстанского поселка Огнеупорный были вынуждены на работу ходить за границу – в Россию, пока стороны не согласились обменять эту территорию на равноценную. В январе уже нынешнего года подписано соглашение о создании Таможенного союза в составе России, Казахстана и Белоруссии.

В течение последних лет ежегодно президенты России и Казахстана встречаются более десятка раз. Такой динамике контактов могут поза-

видовать лидеры любых стран. Ряд экспертов в научном сообществе, например, директор Казахстанского института стратегических исследований при президенте Казахстана Б.Султанов, замдиректора ИМЭМО РАН России Г.Чуфрин, выдвигают задачу продвижения к союзническим отношениям между Россией и Казахстаном. Особые отношения «полностью понимаются президентами двух государств, но не всегда политической элитой наших стран, которая иногда ориентируется не на межгосударственные, а на корпоративные интересы, – отмечает Султанов, – рывок в наших отношениях произошел именно в начале нового века и поэтому его необходимо закрепить основополагающим бессрочным союзническим договором».

Обоснованность таких предложений нашла подтверждение в недавнем президентском послании Нурсултана Назарбаева: «Россия, которая заявляет о себе как мировая держава, для нас, стратегических партнеров и союзников России, очень важна... со всех точек зрения». На фоне растущего авторитета Казахстана в Центральной Азии можно утверждать, что два государства составят основное интеграционное «ядро» постсоветского и евразийского пространства. Подтверждением этому служит достигнутая высокая степень взаимодействия наших стран в рамках СНГ, ЕврАзЭС, ОДКБ и других международных организаций.

Бежан НАМИЧЕИШВИЛИ, грузинский писатель и публицист, специалист по международным отношениям, выпускник московской Дипломатической академии (1997 г.), с начала XXI века работает журналистом в Москве

Мне было 40 лет, когда распалось большое государство, где одной семьей жили наши народы. Сегодня живем в суверенных государствах, но никакие границы не закроют перед друзьями двери моего дома и сердца. В поездках по регионам России убедился – в нашей бывшей единой семье нас встречают с чистой душой и дружески. Как, скажите мне, могу я оценивать нынешнее состояние межгосударственных отношений России и Грузии, противоестественное для наших народов? Искренне желаю и верю, что все наладится.

Россия в сознании входивших в Союз народов воспринималась на самом деле и продолжает восприниматься как преемница СССР. Со всеми вытекающими из этого поначалу негативными, а позднее все больше и больше позитивными последствиями. Союз вспоминают на постсоветском пространстве, вспоминают о многом хорошем, что у нас было. А значит, неизбежно связывают это с русским народом. Прежде всего, гордимся нашим общим вкладом в Победу во Второй мировой войне, успехами в освоении космоса. Были и ошибки, о которых все знают.

Сегодня у России есть шанс исправить многое, появилась возможность наверстать упущенное за многие неудачные годы, если не десятилетия. Россия – перспективный экономический партнер, имеющий колоссальный промышленный потенциал и емкий рынок. Без сомнения, у нее есть все предпосылки, чтобы стать одним из мощных демократических государств мира. Разговоры о якобы недостаточной демократии в России, о ее «имперских устремлениях» и угрозе соседям считаю беспочвенными. Вменяемые политики за рубежом не опасаются угроз с ее стороны. Республики бывшего Союза за 16 лет самостоятельной жизни убедились: их суверенитет незыблем. Суверенитет только укрепляется. Так, в ходе январского плебисцита в Грузии около 70% участников высказались за присоединение страны к НАТО. И хотя состоявшийся опрос не имеет юридической силы (отмечу еще раз – это не референдум), весьма вероятно, что в перспективе Грузия войдет в эту организацию. Опасения России по поводу приближения НАТО к своим границам, наверное, основываются на сложившихся представлениях о противостоянии блоков, в этом смысле они оправданны. Однако представления могут оказаться лишь старыми штампами в сознании, ведь бывшего противостояния уже нет. Напомню, что когда-то Э.Шеварднадзе, в бытность президентом Грузии, парадоксально предсказывал будущее сближение и сотрудничество России с НАТО.

Опыт межгосударственного общения подсказывает – следует уважать решение соседей, каким бы оно ни было. Надо выслушивать мнение друг друга, учитывать интересы, проявлять уважение друг к другу. Взаимные упреки возникают после прерванных споров и невыясненных обид.

Отношения русских с грузинами были образцом для других народов в общем культурном пространстве. Не знаю ни одного случая, когда бы русских людей в моей стране ущемляли по национальному признаку. Но сейчас появилось препятствие – визовые вопросы, которые порождают обиды. В годы Отечественной войны из 700 тысяч ушедших на фронт с территории Грузии половина не вернулась, многие лежат в могилах на полях России. Грузинским родственникам стало трудно посещать эти могилы из-за визового режима. Когда он вводился, ссылались на временный характер этой меры, если не ошибаюсь, до завершения конфликта в Чечне. Слава Богу, в этой северокавказской республике установился мир – это благо для всех в Кавказском регионе. Конечно, чтобы закрепить результаты, не дать искре вражды переметнуться в другие республики, требуется осторожная, умная и мудрая политика. Нужны рабочие места, перспектива для населения, прежде всего молодежи. Простые люди в Грузии тоже страдают от ограничений на границах и ожидают, когда поездки к соседям снова станут беспрепятственными.

С большим интересом наблюдаю за развитием соседнего с Грузией Краснодарского края. Принимал участие в двух последних международных экономических форумах в Сочи – «Кубань-2006» и «Кубань-2007». Вижу, как с каждым годом прибавляется авторитет Сочинского форума в регионе и в мире. Учитывая открывающиеся в регионе перспективы и прекрасную организацию, он вполне может претендовать на роль кавказского Давоса. Именно там в 2006 году, когда обсуждался вопрос о выдвижении сочинской заявки на проведение зимней Олимпиады в 2014 году, я утверждал, что ни минуты не сомневаюсь – Россия примет эту Олимпиаду. Мои прогнозы оправдались, чему я несказанно рад. Вспоминаю дни, когда молодым журналистом освещал спортивные баталии Московской летней Олимпиады-80. Спустя 34 года буду счастлив вновь оказаться в качестве аккредитованного корреспондента, теперь уже в Сочи, в самом центре мирового спортивного праздника.

Лишь слегка коснусь актуальной темы территориальной целостности Грузии. Никто не собирается воевать в Абхазии и Южной Осетии, этот сложный узел мы, как цивилизованные партнеры, намерены кропотливо развязывать, не используя античный опыт применения острых предметов. В ряде публикаций в СМИ приходилось читать о том, что будущее непризнанных республик на территории Грузии якобы зависит от решения вопроса независимости населенного албанцами сербского края Косово. Считаю это спекуляциями журналистов и политологов. В политических кругах России понимают важность принципа территориальной целостности, в том числе необходимость следовать ему в отношении Грузии. Никто из официальных лиц России не заявлял о возможности признания независимыми каких-либо субъектов на грузинской территории.

Мне кажется, президент Грузии М.Саакашвили искренне желает наладить отношения с Россией. Что происходило в последние годы – это противоестественно для сути характеров наших народов и взаимоотношений стран. Еще раз повторю: стремление навстречу России возникло не из страха возможных потрясений, но из понимания важности отношений с великим соседом.

В завершение хотел бы приветствовать решение российских властей вернуть традиции Парада Победы. После 16 лет забвения возобновляется показ военной техники во время парада 9 мая в Москве – это значимый символ. Наблюдая за парадом, потомки победителей на всем постсоветском пространстве будут испытывать гордость за своих отцов, дедов и прадедов, вновь почувствуют причастность к великим свершениям наших народов, живших когда-то одной семьей. Такие праздники вселяют уверенность в завтрашнем дне.

София КИШКОВСКИ, американская журналистка русского происхождения, с 1990-х годов работает в России

С самого детства я воспитывалась в русской среде – в деревне под Нью-Йорком. Учитывая мое стремление стать журналистом, неудивительно, что я работаю в Москве, хотя для корреспондента-иностранца нахождение здесь в командировке с июля 1991 года может показаться необычным.

Поездка на летнюю стажировку в Москву вылилась в многолетнее пребывание в стране моих предков. Мои бабушки и дедушки были вынуждены покинуть Россию вследствие революции и Гражданской войны. Прадедушки по материнской линии – Николай Борисович Щербатов и Анатолий Николаевич Куломзин – были членами Госсовета при Николае II. Анатолий Николаевич управлял делами Сибирской железной дороги.

Живая память о России была частью моего воспитания в Си Клиффе, деревне под Нью-Йорком, где поселились бежавшие от революции в России. К ним присоединялись эмигранты последующих, уже советских и постсоветских волн. Мой отец служит в Си Клиффе настоятелем храма Казанской иконы Божьей Матери (приход автокефальной Православной Церкви в Америке). В этой деревне есть и храм Русской Православной Церкви за рубежом (РПЦЗ), куда мы с сестрой и другими детьми с русскими корнями по субботам ходили в русскую школу, где изучали грамматику, литературу, историю и Закон Божий. На Рождество устраивались елки, ходили по домам и пели колядки. Церковь и духовные традиции русского православия очень нас сближали.

Можно сказать, у нас была своя маленькая Россия, жившая в семейных фотографиях, альбомах, письмах родных, соединившаяся с нашим американским бытом. И это тогда, когда связи с Советским Союзом были затруднены и неустойчивы – ведь мое детство прошло в годы «холодной войны», когда президент США Р.Рейган провозгласил Советский Союз «империей зла». Из-за русского происхождения нас в школе иногда обзывали коммунистами, отмахиваясь от объяснений, что наши деды и бабушки бежали от большевиков. Происходили и смешные казусы. Несмотря на антикоммунистический и часто монархический настрой нашей эмигрантской среды, в нашей субботней русской школе писать и читать учили по советским учебникам. Переписывали из упражнений рассказы о каникулах «у бабушки в колхозе», стихи Юрию Гагарину, попадались совсем невероятные фразы – «мой папа коммунист»! Я думаю, как раз такие необычные ситуации готовили меня к лучшему осмыслению и пониманию нюансов жизни постсоветской России.

Теперь многие из нас – те, кто сидел за партой русской школы в Си Клиффе, в других очагах русской культуры вокруг Нью-Йорка, в Ва-

шингтоне и Калифорнии, – живут и работают в России. Некоторые стали известными, как предприниматель Борис Йордан. Многие здесь вышли замуж и женились. Участвуют в работе организаций и фондов соотечественников, которые в России помогают больным детям и сиротам, утешают опечаленных и заблудших. Много исторических, в том числе мемуарных материалов о неизвестных страницах жизни русских за рубежом становятся доступны специалистам и массовому читателю.

Среди этих материалов есть и мемуары моих предков. Пожалуй, самым известным из них в современной России стал двоюродный дедушка по материнской линии князь Алексей Павлович Щербатов, президент Дворянского собрания Северной и Южной Америки и Канады. После показа в 2004 году на ТВЦ многосерийного документального цикла «Рассказы князя Щербатова» на родине узнали об удивительной жизни этого незаурядного человека. Дважды Рюрикович: по отцу – полковнику царской армии Павлу Щербатову и матери – княгине Барятинской, он был рожден в Петербурге в 1910 году. Дед Алексей общался с царскими дочками и играл в одни игрушки с цесаревичем Алексеем, видел Николая II, Ленина и Гитлера, пил кофе с Муссолини, в Крыму ловил бабочек с Набоковым, в Нью-Йорке дружил с Керенским, в Париже общался с Махно, Маннергеймом и Тухачевским, беседовал с Гучковым и Милюковым, знал Деникина и Врангеля, Бунина и Цветаеву. В новейшие времена стал активным участником Конгрессов русских соотечественников, различных геральдических комиссий. В посмертно изданной книге воспоминаний он с надеждой говорит о любимой сердцу России, возрождение которой ему посчастливилось увидеть на закате своей жизни.

В мае 2007 мы стали свидетелями события, которое многие считают настоящим завершением гражданской войны в России, примирением «белых» и «красных», слиянием двух направлений русской жизни, развивавшихся порознь – в эмиграции и в национальных границах. Это было объединение Русской православной церкви за рубежом и РПЦ Московского патриархата. Создавшие Зарубежную церковь в 1920-х годах эмигранты провозгласили, что никогда не вернутся в страну «с безбожным режимом». В 2003 году, после более чем 80-летнего раскола Русской церкви, на встрече в США с деятелями РПЦЗ президент России В.Путин заверил присутствовавших: «Безбожного режима больше не существует», и позже добавил: «Вы сидите с верующим президентом». Та встреча дала толчок длительным переговорам, завершившимся подписанием в возрожденном после разрушения Храме Христа Спасителя в Москве канонической унии об объединении церквей. По словам секретаря комиссии РПЦЗ по переговорам с Московским патриархатом о. Александра Лебедева, «разделение церквей оставалось одним из последних осколков печальной истории револю-

ции; преодолевая этот раскол, мы закрываем главу истории о самых тяжелых временах России и Русской церкви».

Мне довелось рассказать о воссоединении церквей, о Бутовском полигоне и визите В. Путина на место расстрелов читателям «Нью-Йорк Таймс» и «Интернэшнл Геральд Трибюн». Безусловно, мои русские корни помогают в освещении подобных событий. Но бывают у меня и сугубо личные темы и поездки. Мы с родителями, с дядей и тетей, родившимися в царской России, посетили национализированную в революционные годы усадьбу Куломзиных Корнилово под городом Кинешма. Грустно было узнать, что дом наш давно сгорел. Но живет память: в краеведческом альманахе «Костромская земля» за 2007 год напечатана содержательная статья об истории Корнилово, о нашей поездке туда. До сих пор не могу забыть, как в толпе деревенских пенсионеров мелькнули задорные глаза старушки и позвали моего стареющего, но в равной степени задорного дядюшку так, как когда-то звали в детских играх и забавах. Ни о каких обидах и претензиях к людям, живущим на этих землях и в бывших родовых домах, не может быть и речи. Как написал в книге воспоминаний князь Щербатов, посетивший родные места в Санкт-Петербурге, «несмотря на то, что все выглядело чужим, я чувствовал, что попал домой...»

Петер В. ШУЛЬЦЕ (Германия)

УГРОЗЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ВОЗВРАЩЕНИЕ РОССИИ КАК ЗНАЧИМОЙ ФИГУРЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ

*Тезисы к новому определению соотношения сил
в системе межгосударственных отношений
и вопросы европейской безопасности*

Тезис 1: Эрозия представления об однополярном мировом порядке — становление многополярного порядка

Как ни банально это может звучать на фоне поднятой вокруг Мюнхенской конференции шумихи о новом этапе «холодной войны», основная причина спада далеко не идентичных отношений США и Европы с Россией вытекает из несовпадения в оценках процессов, происходящих в международной системе. Имеются в виду произошедшие после распада СССР изменения, которые оказывают влияние на соотношение сил и вынуждают эти силы к адаптации. Ниже кратко излагаются наиболее существенные факторы, которые повлияли на эти изменения и которые будут действовать и в дальнейшем. Последствия этих изменений касаются роли как ЕС, так и России, равно как и взаимоотношения этих центров силы. Необходимо также кратко обрисовать позиционирование США.

1. Попытка американцев с применением военной силы и без оглядки на глубинные пласты конфликтов прописать Среднему и Ближнему Востоку демократическое лечение лошадиными дозами в рамках концепции «расширенного Ближнего Востока» с треском провалилась. Политика США в Ираке фактически привела к возникновению здесь «несостоявшегося государства» (*failed state*), погрязшего в хаосе и терроре. С новой интенсивностью разгорелась борьба с «Талибаном» в Афганистане, так что и в этой стране успеха в обозримом будущем не предвидится. Иран не только поднялся до уровня региональной правящей силы. Ядерные амбиции Тегерана усложняют положение во всем

регионе и угрожают стабильности. Позиция США в районе Персидского залива уже продолжительное время ослаблена, и это оказывает влияние как на Европу, так и на арабские государства и Турцию. В настоящий момент политика США оказалась перед почти неразрешимой дилеммой: либо вывод войск с непредсказуемыми внутривосточными последствиями нового вьетнамского синдрома, либо эскалация с возможными последствиями полной дестабилизации всего региона. Во всяком случае, можно ожидать, что Вашингтон должен будет более узко определять и приравнивать к изменившимся условиям свое видение глобального порядка. Также можно предположить усиление изоляционистских настроений и позиций в базовых установках американской политики. И независимо от того, как разрешится этот вопрос, в трансатлантических отношениях между США и ЕС будет сквозить напряженность, которая, в свою очередь, может оказать влияние на НАТО.

2. Европейский Союз, мнивший себя вплоть до весны 2005 года влиятельной геополитической фигурой и организующей силой на восточноевропейском и постсоветском пространстве, оказался в глубоком смысловом кризисе. Этого не может скрыть даже проявленное Брюсселем усердие по продвижению выдвинутой им «европейской политики соседства» и «сфинксообразной» формулы «углубленного сотрудничества». Расширение ЕС обернулось пирровой победой в отношении внутренней однородности Союза и легитимации политических проектов. Выпады Варшавы и Праги в дебатах по поводу ПРО доказывают, что опасность ренационализации внешней политики и политики безопасности некоторых стран – членов Союза столь же реальна, сколь и вредна для проекта Европейской политики безопасности и обороны (ЕПБО). Если польская политика установления особых отношений с США одержит верх, это вызовет серьезные последствия для согласованности действий и надежности ЕС, как и НАТО, поскольку соглашения оборонного характера между США и отдельными странами – членами НАТО приведут к возникновению в Европе зон разной степени безопасности. Последствия окажутся разрушительными для союзной солидарности. Фактически может возникнуть «альянс в альянсе».

3. Кроме того, несмотря на грандиозные стратегические документы, разработанные в период председательства Германии в ЕС, больше не приходится говорить о внешнеполитической динамике и рассчитанной на длительную перспективу ответственности ЕС на евразийском пространстве, что сказывается на дееспособности ЕС. Брюссель возвращается к тому, что ему удавалось лучше всего: к политике предупреждения. Другими словами, ЕС не хочет попадать в подчинение ни одной новой руководящей силе своего полушария, предпочитая вести самостоятельную политику, что приводит или уже привело его к дилемме, которую можно сформулировать следующим образом: ЕС обя-

зан стать «глобальным игроком», защищающим свои представления о «покрое» и организационных формах мирового порядка перед другими полюсами сил, поскольку благодаря своим экономическим, финансовым и технологическим возможностям он объективно превратился в такого игрока. Из-за этой ожидаемой функции ЕС как актора не заставят себя ждать конфликты с США, Россией или другими развивающимися мировыми державами. ЕС не может ни уступить вызовам международной политики, ни избежать их, ни спрятаться за фасадом смыслового кризиса политического проекта объединения. И самое последнее, на что может надеяться ЕС, так это на то, что его международные партнеры/конкуренты будут считаться с сегодняшним состоянием европейского интеграционного процесса.

4. Ослабленная позиция ЕС оказывает, однако, отягчающее воздействие на пространстве СНГ, которое всего несколько лет назад грозило стать яблоком раздора между двумя геополитическими центрами силы, а именно между Россией и ЕС. Европейская мирная политика, задуманная по контрасту с военно-силовой политикой США, давала шанс на присоединение странам восточноевропейской части евразийского пространства, простирающегося от Балтийского до Черного моря и включающего в себя также территорию вплоть до Каспийского моря. События на Украине показали, что Брюссель эту перспективу даже для восточноевропейской зоны более не рассматривает или сдвигает ее на неопределенное время. Это влияет на внутреннюю политику упомянутых стран, поскольку их реформаторские силы, без сомнения, слабеют, а старые или вновь формирующиеся олигархически-авторитарные структуры набирают силу. Эти страны рискуют оказаться практически размолотыми между жерновами ЕС и России, поскольку они слишком слабы и разобщены, чтобы обеспечивать стабильность во всем своем регионе.

5. Независимо от состояния США, не стоит ожидать, что сложности в трансатлантических отношениях могут быть легко устранены, тем более, что внутриевропейские конфликты имеют собственные истоки и пути урегулирования в ЕС и НАТО. Из этого следует, что Европа является сегодня и останется в обозримом будущем дееспособной лишь в определенных пределах. Если «доморощенный» кризис легитимации и самосознания не будет преодолен, в качестве единственного выхода останется возврат к осознанию Европы другой формы – Европы с многообразием степеней и скоростей интеграции.

6. Совершенно неизвестно, какой потенциал изменений могут привнести в существующую на сегодня конъюнктуру сил практически не рассматривающиеся на данный момент в качестве глобальных игроков другие государства БРИК, а именно Индия и Бразилия, а также каким образом разные полюсы или силовые центры новой многополярной системы договорятся между собой. На сегодняшний день

неясно также, как это развитие может повлиять на конфликтные регионы и какова будет динамика региональных дифференциаций и альянсов. Однако то, что необходимость институциональной реорганизации ООН, т.е. ревизии ее анахроничной структуры, будет нарастать, кажется таким же неизбежным, как и то, что доминирующее влияние Запада в международных организациях будет снижаться. К тому же полностью неясным остается и то, не возьмут ли верх в многополярном устройстве международной системы тенденции регионализации и маргинализации. Такие тенденции хотя и были бы легитимны в контексте многополярной конъюнктуры, но вряд ли могли бы способствовать росту надежности, предсказуемости и безопасности международной системы.

7. Россия, напротив, в новой мировой системе ценностей плывет на волне признания ее глобальной энергетической державой. По сравнению с 1990-ми годами нынешняя ситуация представляется зеркальной. Запад вынужден приспосабливаться к новым условиям. Изменения в расстановке сил требуют быстрее пересмотра **аномалии в международной системе**, порожденной закатом Советского Союза. Эта аномалия привела к временному проявлению однополярной системы при гегемонии США. И коррекция этой однополярной системы, ее трансформация или разворот к многополярному миропорядку давно пущены в ход. Проистекающие из этого конфликты не подразумевают возврата к стереотипам «холодной войны» и биполярной гонки вооружений. Отсутствует, прежде всего, идеологическая составляющая. Следует, однако, учитывать, что «заурядные» споры по поводу силового превосходства в международной системе будут нарастать, а перевес западных позиций в международных организациях, особенно в ООН, – в равной степени уменьшаться.

Эти изменения пока еще не переработаны концептуально российской политической средой. Но она уже среагировала на них, потому что данные сдвиги, несомненно, дают преимущества позиции России. Напротив, на Западе по сей день приспособление к этим изменениям в политическом аспекте идет медленно или вообще не происходит. Поэтому в данном случае классическая дилемма, с которой мы имеем дело, представляется следующей: статус-кво с доминирующим Западом поставлен под вопрос окрепшей Россией, хотя Москва и не намерена вести антизападную политику. Вследствие этого, само собой разумеется, российская политика представляется как «агрессивная».

В западном восприятии постепенно теряются привычные очертания российской внешней политики, ее тригональный (треугольный) покроем. Москва не предполагает смены курса в отношениях с США, так же, как и демонстративное равнодушие Кремля по отношению к морализаторским упрекам из Брюсселя не стоит интерпретировать как поворот в сторону от Европы. Напротив, как это ни кажется парадоксальным,

Москва демонстрирует стремление к сотрудничеству. Но к **сотрудничеству равноправному** и к **совместной трактовке** требующих решения задач по наведению порядка в Европе (Косово, замороженные конфликты) и в других конфликтных регионах мира. Однако притязания России толкают западную гегемонию на пересмотр спровоцированной распадом Советского Союза **аномалии в международной системе**.

Тезис 2: Поворотный пункт в российской внешней и внутренней политике

Выступление Путина на Мюнхенской конференции по безопасности¹ в феврале 2007 года воспринимается как поворотный пункт во внутренней и внешней политике постсоветской России. Это выступление не было экспромтом, оно было вполне ожидаемым. Помимо всего, в речи звучало требование о переоценке расстановки сил в системе международной политики, поскольку, с точки зрения Москвы, не только завершилась эра «холодной войны» и конкуренции систем, но и Россия преодолела период ослабления 1990-х годов и снова заявила о себе как об акторе в международной политике. Запад должен, наконец, принять это к сведению – именно таково было намерение Путина. И этот посыл достиг цели.

Реакция участников Мюнхенской конференции была однозначна: Путин говорил от имени вновь восставшей мировой силы, которая не ссылается на свой геостратегический разрушительный потенциал, как это было в советские времена, а создает свою новую мощь, опираясь на свои энергетические ресурсы и контроль над трубопроводами. В Мюнхене трансатлантическому сообществу продемонстрировано, что **новая постсоветская Россия определяет себя как обновленная мощная сила, хотя и без осознания своей миссии, но с четко сформулированными интересами**.

Россия намерена вернуться на политическую арену в качестве значимой силы и **вместе с тем отрицает прежнюю политику сохранения статус-кво**, которой она придерживалась в 1990-е годы по причине очевидной слабости своей позиции.

На этой основе страна стремится к проведению совместных акций, к созданию альянсов с растущими силами других перспективных регионов. Скоро может выясниться, что однополярный миропорядок во главе с Соединенными Штатами являлся лишь кратковременным промежуточным инцидентом и что государства БРИК (Бразилия, Россия, Индия и Китай) будут способствовать прорыву к многополярному миропорядку, приверженность которому вновь и вновь подтверждает российская политика. Как показывают конфликты, связанные с нача-

¹ См. выступление президента России (англ. перевод): http://president.kremlin.ru/eng/speeches/2007/02/10/0138_type82914type82917type84779_118135.shtml

лом войны в Ираке, споры с Украиной о повышении цен на газ в 2006–2007 годах или продолжающиеся по сей день разногласия по поводу статуса Косово, Москва не боится ни демонстрировать свое неповиновение главенствующей суперсиле, ни насильственно проводить свои экономические интересы. Без стеснения защищаются национальные интересы, порою даже вопреки логике и не особенно заботясь о деликатном обхождении с менее значимыми силами.

Тезис 3: Предпосылки «экономизированной» Realpolitik («реальной политики»), направляемой интересами, – союзы (объединения) на основе экономической кооперации и прямых инвестиций

Претензиям Америки на роль гегемона Москва противопоставляет аморфную фигуру многополярного устройства и вместе с этим – пересмотр международной системы. Проистекающие из этого разногласия толкают обе стороны на поиск союзников. Это основополагающая предпосылка *Realpolitik*, направляемой национальными интересами. Как следствие, Кремль идет по стопам прежней политики Советов и пытается реанимировать союзы, забытые десятком лет назад. Но Москва также делает осторожные попытки выстраивания новых конъюнктурных союзов, казавшихся немыслимыми несколько лет назад. В качестве примера достаточно привести **Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС)**, включающую такие сложные группы государств, как Россия, Китай, центрально-азиатские государства, и стремящуюся вовлечь в свои ряды Индию, Пакистан и Иран. Пока в основе этого сотрудничества доминирует практическая деятельность. Институциональная надстройка слаба. Но это может даже способствовать большей гибкости и приспособляемости альянса. Заинтересованность России в стабильности окружающего ее так называемого **Ближнего Зарубежья или Содружества Независимых Государств (СНГ)** хотя и остается прежней, но практически со времен конфликта с ЕС по поводу Украины в 2004–2005 годах Кремль стремится проводить на восточноевропейском евразийском пространстве скорее дифференцированную и селективную союзническую политику, которая в большей степени определяется энергетическими и сырьевыми интересами, отражает обеспокоенность вопросами внутренней безопасности и в основном направлена на центрально-азиатские государства.

Для российской политики отношения как с Европой, так и с США остаются важными. Однако это не исключает того, что в российской внешнеэкономической деятельности, внешней политике и политике безопасности будет расти «азиатско-тихоокеанская» компонента. Этот выбор предопределен **тригональностью и логикой российской внешней политики**. Отношения Москвы с Западом не должны от этого пострадать, но тем не менее Москва, связанная особыми интересами со всеми вершинами треугольника – с США, ЕС и с аморфным «бандажом»

азиатско-тихоокеанских государств, в особенности с Китаем и Индией, располагает независимой позицией для маневра (отступления) на случай размолвки с одним из западных партнеров.

Тезис 4: Внутриполитическая стабильность, рост экономики как определяющие российской внешней политики

Хотя Москва никогда не теряла своей позиции как равноценная ядерная держава по отношению к США, едва ли она была в состоянии создать противовес способности США к практически неограниченному проецированию военной силы. Начало процесса трансформации России датируется началом процессов перестройки и гласности при правлении Горбачева в 1985 году. С тех пор страна практически находилась в **затянувшемся системном кризисе**. К началу миллениума она была слишком слаба экономически, нестабильна политически и раздираема внутренней борьбой за власть, чтобы играть активную роль в мировой политике.

Теперь положение кардинально изменилось.

С момента вступления Путина в должность страна во внутренней политике освободилась как от наследия Советов, так и от груза ельцинской системы, а именно, политической нестабильности, потери авторитета государства, экономического спада и внешнеполитической маргинализации в международной системе. Экономический подъем страны и целенаправленный стиль руководства российского президента Путина, благоприятная ситуация в международной политике, вызванная 11 сентября 2001 года, фундаментально и качественно изменили основы российской политики. Россия больше уже не объект международной политики, она укрепилась внутриполитически и намеревается снова стать актором на «мировой сцене». В экономическом плане Москва уже достигла этой позиции. Начавшийся в 2000 году стремительный и продолжительный рост российской экономики впервые с 1993 года создал материальные предпосылки для дискуссии о будущем пути развития и внешнеполитических целях, отвечающих интересам страны. За счет устойчивого спроса на энергию и сырье на мировом рынке Москва заняла, подобно странам – членам ОПЕК, позицию почти монопольного глобального производителя газа. И если брать за основу прогнозы на спрос и потребление первичных энергоносителей, энергетические ресурсы России обеспечат стране в последующие десятилетия очень комфортную позицию в мировой экономике. Из этого обстоятельства в значительной степени произрастает независимость, свобода действий и гибкость российской политики, при этом для поддержки национальных интересов вполне допускается злоупотребление энерго-экономическими средствами давления. Нельзя исключать, что российская правящая элита отгородится баррикадами от предписывающей критики из Вашингтона и Брюсселя и будет жестко руково-

дствоваться доктриной особого российского пути, в основе которой лежит понятие «**великолепной изоляции**» (*splendid isolation*²).

Тезис 5: Не особый, но собственный путь эволюционного развития против евразийского соблазна

В ходе развития страны у российской элиты возникло новое самосознание. Понять его можно по задачам внутренней и внешней политики. «Россия будет шагать в будущее таким образом, каким она сочтет нужным. Цель очевидна: полноценная и эффективная демократия. Но путь России при этом будет чисто российским путем», – заявил заместитель главы кремлевской администрации, ответственный за нормативные и общественные вопросы, Владислав Сурков³, указав при этом на развивающееся **русское национальное самосознание**.

Новая русская идентификация, искомая еще при Ельцине, находится в процессе становления. И эту идентификацию *деидеологизированная* правящая элита, которая не является ни гомогенной, ни «урезанной» за счет военных и представителей сил безопасности, о чем так охотно болтают западные СМИ, переносит на политику и экономику. Она отбросила свои советские корни, но также растеряла в беспощадной борьбе за выживание во времена эры Ельцина всякую склонность к защите общественных интересов и ценностей.

Несмотря на свой образ жизни, новая правящая элита меньше ориентируется на сигналы с Запада. Она твердо верит в собственные силы, в способность справиться с обновлением страны самостоятельно. По мере роста авторитета государства снижается изначальная открытость в политике. Превалируют **консервативно-авторитарные движения**, переполненные пустой болтовней о патриотизме. Система находится в поиске легитимности, значимых идентифицирующих символов. При этом также наблюдается эклектическое обращение к символам времен Советов и царизма. Вдобавок ко всему, православная церковь в этом ансамбле вновь заняла свою исконную, утверждающую ее господство позицию.

Необходимо отметить еще одно изменение в российском обществе. Население и сегодняшняя правящая элита в подавляющем большинстве поддерживают политические цели президента, заключающиеся в

² «Великолепная изоляция» («Splendid isolation») – термин, употребляемый для обозначения общего курса внешней политики Великобритании 2-й половины XIX в., выражавшегося в отказе от заключения длительных международных союзов. – *Прим. перев.*

³ Подробное изложение и анализ целей, связанных с понятием «суверенная демократия», см.: Peter W. Schulze, *Souveräne Demokratie: Kampfbegriff oder Hilfskonstruktion für einen eigenständigen Entwicklungsweg? – die ideologische Offensive des Vladislav Surkov*, in: M.Buhbe, G.Gorzka (Hrsg.), *Russland heute – Rezentralisierung des Staates unter Putin*, Wiesbaden Jan. 2007, S. 293ff.

создании экономически сильной, политически стабильной, по возможности демократической России с открытым обществом. Россия должна вновь занять в международной системе вакантное место, образовавшееся после распада Советского Союза, и выступать в международном сообществе как ответственная и предсказуемая держава. Однако нередко бывает трудно определить, где у новой и зачастую юной властной российской элиты проходит грань между самоуверенным поведением в собственных делах и проявлениями заносчивого высокомерия. Свежими примерами того, как такая позиция в конфликтных ситуациях оборачивается неприкрытым шантажом, являются отношения с более слабыми государствами СНГ⁴. И Запад реагирует на это.

И все же Россия сегодня:

1) преодолела период внутренней слабости и вступила в стадию, на которой речь идет не о сохранении статус-кво, а об активном сотрудничестве в области международной политики, т. е. о некоем статус-кво-плюс;

2) сформировала **суверенную демократию**, определяющую внешнюю политику, отвечающую национальным интересам, не боящуюся защищать национальные экономические интересы и интересы безопасности вопреки противодействию Запада;

3) хоть и не пойдет **особым путем**, но не отступит от российского пути развития, истоки которого лежат в традициях и истории страны, вместо того чтобы обращаться к Западу в поиске духовных ценностей и примеров для подражания.

Следовательно, говоря открытым текстом, трансформационные проекты ЕС и США в отношении России потерпели неудачу, и Россия избирает самостоятельный путь развития, включая формирование своей общественно-политической системы.

Тезис 6: Против кого направлена противоракетная оборона? Нейтрализация Европейского Союза как актора в области внешней политики и политики безопасности

В свете описанных изменений в международной системе, параллельно с которыми происходит новый подъем России как великой державы, неизбежно будут возникать конфликты, для разрешения которых Москва будет нуждаться в партнере. Это обстоятельство накладывает ограничения и на заносчивый изоляционизм, и на евразийский выбор России. Следовательно, если исходить из рациональной политики, **Москва не может быть заинтересована в ослаблении Европы.**

В этом контексте нужно рассматривать также и дебаты об американской ПРО и размещении ее компонентов в Польше и Чешской Республике.

⁴ См: The Moscow Times, 4.05.2006. S.4.

Как ни парадоксально, но именно речь Путина в Мюнхене вызвала открытые дебаты о ПРО в Германии и других государствах – членах НАТО. Более того, то обстоятельство, что дискуссия приобрела открытый характер, неожиданно породило также и со стороны правительства США готовность вовлечь Россию в эти планы. Практически распавшееся понятие «коллективной» безопасности Европы времени больших перемен конца 1980-х годов снова оказалось на повестке дня⁵. Тем не менее параллельно эти планы продолжают наращиваться в Пентагоне без участия НАТО. Судя по всему, Вашингтон снова использует уловку, уже опробованную им в иракской кампании, пытаясь сталкивать лбами «старую» и «новую» Европу.

Вполне вероятно, что, как утверждает Кондолиза Райс, с Москвой были проведены консультации, однако это ничего не решает⁶.

Как следствие Мюнхенского выступления В.Путина последовали привычные шумные угрозы со стороны Генштаба и Министерства обороны России. В качестве ответа на размещение ракет у порога России было обещано выйти из договора 1987 года, предусматривающего полное уничтожение ракет средней и меньшей дальности⁷, и приостановить действие Договора об обычных вооруженных силах в Европе. По словам российских военных экспертов, мотивировка Вашингтона, что противоракетная оборона направлена против потенциальной угрозы со стороны иранских или северокорейских межконтинентальных баллистических ракет, противоречит всякой военной логике, а посему не выглядит правдоподобной. Радиус действия иранских ракет типа Шахаб-5 не обеспечивает досягаемости целей, расположенных на европейской территории (не говоря уже о целях на американском континенте)⁸.

Необходимость противодействовать этой угрозе, по мнению российских военных, может возникнуть не ранее чем через 8–15 лет.

Угроза России выйти из Договора о ракетах средней и меньшей дальности (РСМД) не направлена против Европы, в том числе и против

⁵ Дискуссия по поводу противоракетной программы Вашингтона началась еще на саммите НАТО в Праге в 2002 году. Однако европейские государства – члены НАТО не высказали особой готовности к ее реализации, кроме Польши, которая тут же просигнализировала о своем согласии. Саммит НАТО в Риге в 2006 году также не привел к сдвигам в этом вопросе.

⁶ Frankfurter Allgemeine Zeitung, 22.02.2007, стр. 3. По сообщениям Государственного департамента США, только с марта 2006 г. состоялось десять двусторонних встреч с участием членов правительств обеих стран.

⁷ Начальник Генштаба РФ генерал Юрий Балувеский, см.: The Moscow Times, 19.02.2007, стр.5.

⁸ См. также высказывание предыдущего министра обороны России Сергея Иванова во время его визита в Индию (The Moscow Times, 25.01.2007, стр. 3). Иванов на пресс-конференции подчеркнул, что иранские и северокорейские ракеты не могут достичь Европы. «Они не располагают и не будут располагать межконтинентальными баллистическими ракетами. Отсюда вопрос: против кого это направлено?».

«любимых» врагов России – Польши и Грузии. Россия имеет намного более серьезную проблему безопасности на своих южных границах. Иранские ракеты средней дальности до Берлина не долетят, но зато они долетят до Юга России. С учетом этого вполне можно предположить, что власти Москвы и США ведут циничную игру на поле реальной политики. Под прикрытием общественного возмущения по поводу американских планов ПРО Москва вполне может получить свою выгоду от выхода из Договора о ракетах средней и меньшей дальности и либо создать следующее поколение СС-20, либо переоборудовать современные ракеты Тополь-М дальнего действия в ракеты средней дальности с многозарядными боевыми частями, оснащенными управляемыми боеголовками. В этом случае координаты целей для российских ракет останутся неизвестными. И это не только может вновь открыть ящик Пандоры, как в начале 1980-х годов, но также, возможно, окончательно похоронить планы в отношении европейской политики обороны и безопасности заодно с политическим проектом Европы.

В этой связи Лотар Рюль⁹ в своих разработках подчеркивает, что проталкиваемая американцами ПРО в Европе функционально дополняла бы оборонительные системы, размещенные на территории США. Но помимо этого она преследовала бы и политическую цель, а именно – «поставить в политические скобки территории на востоке Союза и связать обязательства «новое НАТО»¹⁰. Если Грузия, Украина и балканские государства Хорватия и Албания в обозримом будущем будут приняты в НАТО, – а на это твердо нацелена политика Вашингтона, – то Вашингтон будет иметь в составе Союза «американскую клиентуру» в Европе и в ближайшем евразийском пространстве.

Легко также допустить, что Москва учитывает то, что США под давлением постепенно сдадут свои господствующие позиции в регионе между Персидским заливом и Черным морем и вынуждены будут закрепиться в немногих стратегических пунктах внутри и на границах региона. В этом случае противоракетная система приобрела бы функцию последнего пугающего инструмента для того, чтобы быть вооруженными против возможных угроз, исходящих из региона, а также чтобы крепче привязать к себе Европу в преддверии будущих разногласий. Но стабильность и безопасность на территории от Персидского залива до Европы много значит также и для Москвы.

Заявление российского президента во время его ежегодного обращения к Федеральному собранию 26 апреля 2007 г.¹¹ о приостановке участия России в Договоре об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ)¹² до тех пор, пока все государства – члены НАТО его не подпишут, также не со-

⁹ Lothar Rühl. Debatte im Kreislauf, in: FAZ, 27.06.2007. S. 10.

¹⁰ Там же.

¹¹ http://president.kremlin.ru/eng/speeches/2007/04/26/1209_type70029_125494.shtml

¹² РИА Новости, 26.04.2007.

держит в себе опасности выхода на новую спираль гонки вооружений, но повышает степень неопределенности в Европе, поскольку на этих договоренностях покоится стабильность в Европе со времен конца bipolarной системы.

Адаптированный ДОВСЕ 1999 года, во-первых, до сих пор не ратифицирован государствами – членами НАТО¹³; во-вторых, устарел по своей сути; в-третьих, ошибочно интерпретируется, что вызывается в высшей степени сомнительным, притянутым условием, которое ставит ратификацию Договора странами НАТО в зависимость от вывода российских военных баз из Грузии и Приднестровья. Россия ратифицировала Договор и готова гарантировать вывод военных баз с территории Грузии до конца 2008 года. Президент России в своем послании 26 апреля 2007 г. ловко повернул упомянутую взаимообусловленность против НАТО. Действия России, сделанные авансом, остались без ответных шагов. «Новые члены НАТО, такие, как Словения и государства Балтии, несмотря на предварительные соглашения, заключенные с НАТО, вообще не подписали ДОВСЕ. Это создает реальную угрозу и непредсказуемую ситуацию для России. В этом контексте, я думаю, правильной линией поведения для России является объявление моратория на соблюдение этого соглашения до тех пор, пока все члены НАТО без исключения не ратифицируют его и не начнут строго соблюдать его положения так же, как это до сих пор делала Россия в одностороннем порядке». Переговоры по этому вопросу должны проходить в предназначенном для таких целей Совете НАТО–Россия. Если согласие не будет достигнуто, Россия «пересмотрит» свои обязательства в рамках ДОВСЕ.

Вместо того чтобы вести эти переговоры «за закрытыми дверями», отгородившись от общественности, Путин добивается открытого диалога по проблеме ПРО, поскольку как в Совете НАТО–Россия, так и в прямых диалогах с США Москва оказалась бы в проигрышном положении и, ввиду негативной позиции большинства западных СМИ, имела бы огромные сложности с защитой своих аргументов.

Утверждения некоторых западных СМИ¹⁴ о том, что российская политика направлена на разделение Европы или на то, чтобы вбить клин

¹³ Исходный Договор об обычных вооруженных силах в Европе был последним соглашением bipolarной системы о разоружении и ограничении вооружений. Он был заключен за год до распада Советского Союза 19.11.1990 между странами НАТО и Варшавского Договора и вступил в силу 9.11.1992. На Стамбульской конференции 19.11.1999 ограничения для обычных вооружений, определенные в исходном договоре, были адаптированы применительно к изменившимся условиям, возникшим после распада СССР. Тогда же государства-члены НАТО «сконструировали» взаимосвязь ряда принятых на саммите документов: ратификация адаптированного ДОВСЕ ставилась ими в зависимость от вывода Москвой военных баз с территорий Грузии и Приднестровья.

¹⁴ Frankfurter Allgemeine Zeitung, 2.05.2007. S. 2.

в трансатлантические отношения, являются ложными и в случае их популяризации могут привести к обратному эффекту. Ясно, что Москва конечно же предпримет все возможное, чтобы не допустить расширения военной инфраструктуры и ее приближения к своим западным границам.

Но и утверждение о том, что ПРО несет опасность возникновения новой «холодной войны» или гонки вооружений и европейский дом может быть вновь ввергнут в состояние неопределенности, подобно тому, которое знакомо нам по временам «холодной войны», кажется неправдоподобным. Даже если отношения между ЕС и Москвой сегодня оставляют желать лучшего, все же в последние 15 лет возникла тесная и интенсивно развитая сеть устойчивых экономических и политических интересов, которая укрепляется и расширяется посредством двусторонних контактов и совпадающих национальных интересов. Созданная тем самым взаимозависимость реальна и признается обеими сторонами, и это рано или поздно должно быть осознано также и политическим классом Польши. И хотя старое Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (СПС) между ЕС и Москвой застряло в антагонизме реальных политических интересов и нормативных требований, оба партнера, невзирая на идеологических подстрекателей с обеих сторон, могли и могут прекрасно обходиться виртуальным соглашением или, в случае необходимости, тем же СПС без определенного срока действия.

Однако нельзя пройти мимо того угрожающего факта, что впервые со времен интенсивных дебатов по поводу расширения НАТО на восток вновь раздуваются военные факторы, которые способствуют усложнению и без того непростых отношений между Россией и Европейским Союзом. Конфликт, все равно в каком органе он будет обсуждаться и будет ли обсуждаться вообще, будет разыгрываться на территории Европы и над ней. Из этого в конечном итоге следует ослабление Европейского Союза. Управляет ли Россия развитием этой ситуации осознанно, неясно. Едва ли это принесло бы Кремлю пользу. Но то, что США в ответе за эту конфликтную ситуацию, представляется между тем все более однозначным, несмотря на упорную позицию консервативных СМИ, настаивающих на обратном¹⁵. Тем не менее бесспорно, что оценка Европейского Союза российской правящей элитой изменилась: Европа рассматривается не только как партнер, но и как противник, пусть даже и временно ослабленный.

¹⁵ Matthias Rüb, Heitere Geschäftigkeit beim Washingtoner Gipfel, in: FAZ, 2.05.2007. S. 2.

Марианна ЕВТОДЬЕВА

ЕВРОПЕЙСКИЕ СТРАНЫ, БЛИЖНИЙ ВОСТОК И ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ В СРЕДИЗЕМНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ

С точки зрения как географической, так и военно-политической, Средиземноморский регион, объединяющий Южную Европу и Балканы, страны Ближнего Востока и Северной Африки, представляет собой два различных региона, отличающихся существенным образом по механизмам и архитектуре безопасности. Это, с одной стороны, европейские страны, где действуют свои механизмы региональной безопасности, и, с другой, ближневосточные страны, включая арабскую Северную Африку.

Цель данной статьи – изучить базовые принципы региональной безопасности в европейском и ближневосточном регионах, рассмотреть возможности оптимизации политики в области безопасности на Ближнем Востоке (в том числе исходя из целей и возможностей США, России и европейских стран, вовлеченных в ближневосточное урегулирование).

Ближний Восток и Европа как системы региональной безопасности

Отличия европейского и ближневосточного регионов безопасности, являющихся составными частями общей системы безопасности Средиземноморского региона, довольно весомы, поскольку сильно различается сама политическая обстановка в этих двух регионах, включая расстановку политических сил, позиции основных игроков, а также в целом особенности архитектуры системы международных отношений и безопасности. Перечислим наиболее важные из этих различий:

- преобладание механизмов политической, экономической и военно-технической интеграции в Европе и механизмов дезинтеграции на Ближнем Востоке;

- наличие сильных и влиятельных организаций, занимающихся региональной безопасностью в Европе (НАТО, Евросоюз), и относительная слабость и невысокая степень влияния Лиги арабских государств как ключевой региональной организации ближневосточного региона;

– отсутствие значимых межгосударственных, этнических и религиозных конфликтов или «замораживание» этих конфликтов в европейской зоне, и продолжение, усиление и переход в стадию прямого военного противостояния межгосударственных и этнических конфликтов в ближневосточной зоне (арабо-израильский конфликт, война в Ираке и др.);

– по преимуществу единая, согласованная внешняя политика и политика безопасности европейских стран, выразителями которой являются ЕС и НАТО (хотя между этими структурами и существуют различия в подходах к *механизмам обеспечения безопасности*), и сложные блоковые стратегии во внешней политике и политике безопасности ближневосточных стран, которые формулируются и определяются в том числе с учетом этнической и конфессиональной составляющих, прозападной или антизападной ориентации политических элит и правящих режимов и т.д.

Европейская система безопасности с момента окончания «холодной войны» оставалась одной из самых стабильных и эффективно действующих в мире. Здесь активно развивались интеграционные процессы (внутри ЕС, НАТО, Совета Европы, др. структур), а заново выстраиваемая система безопасности получила новый импульс к развитию за счет вступления в ЕС и НАТО стран Восточной Европы в 1999–2004 гг. [1, 2].

В настоящее время можно выделить следующие значимые тенденции в развитии европейской системы безопасности.

Во-первых, происходит дальнейшее *укрепление Вооруженных сил в рамках структур НАТО*. Так, Североатлантический альянс активизировал военное строительство в странах Восточной Европы, проводя реструктуризацию Вооруженных сил новых членов альянса. Теперь на очереди готовящиеся к вступлению в НАТО страны Южной Европы, Грузия и Украина. Совокупные расходы стран альянса на оборону в настоящее время увеличиваются: в 2006 г., по данным Стокгольмского международного института исследований проблем мира (СИПРИ), они превысили соответствующие расходы времен «холодной войны» [3, 4]. Примечательно при этом, что военное сотрудничество, которое развивает альянс, практически никак не касается стран ближневосточного региона¹.

Во-вторых, *Европейский Союз* в последние годы также активизировал свою деятельность во внешней политике и политике в области безопасности и обороны (ЕПБО). Переход к собственной политике в сфе-

¹ Происходит это во многом благодаря соответствующим установкам политики США в регионе. В первую очередь считается, что условия для сотрудничества Лиги арабских государств, а также ряда арабских стран с Североатлантическим альянсом по обсуждению военных угроз и угроз региональной безопасности пока не сложились. В то же время для укрепления военно-политического сотрудничества с некоторыми из стран региона (Израиль, Саудовская Аравия и др.) применяются другие механизмы, в частности, оказание им военной помощи и продажа вооружений.

ре обороны и безопасности в Евросоюзе произошел начиная с конца 1990-х годов; при этом в 1999–2003 гг. была сформирована система руководящих органов по ее реализации², созданы европейские силы быстрого реагирования, разработаны альтернативные (конкурентные) натовским стратегии и доктрины в сфере обороны и безопасности. Дальнейшее развитие ЕПБО было отмечено успешной реализацией Евросоюзом ряда миротворческих миссий и принятием в декабре 2003 г. Европейской стратегии безопасности (ЕСБ), которая конкретизировала ключевые направления и определила пути практической реализации ЕПБО³.

Основные положения Европейской стратегии безопасности касались, в том числе, таких направлений внешнеполитической деятельности ЕС, как многостороннее сотрудничество с международными организациями, включая ООН; политика на Ближнем и Среднем Востоке; противодействие терроризму (эта проблема приобрела повышенную актуальность после взрывов в Мадриде в марте 2004 г.).

Ключевым моментом европейской политики в области безопасности и обороны стала так называемая концепция «мягкой силы», ориентированная на использование экономических рычагов и дипломатических средств в урегулировании тех или иных конфликтов, а также в развитии сотрудничества с различными странами и регионами мира, в том числе в области безопасности. Она была применена и проверена на «прочность», в частности, в рамках участия Евросоюза в ближневосточном мирном урегулировании, в разрешении иранского ядерного кризиса и ряда других конфликтов – впрочем, по мнению ряда экспертов, не особенно успешно [5, р. 59].

Одним из важнейших направлений реализации стратегии «мягкой силы» стало также принятие и реализация **Европейской политики добрососедства (ЕПД)**, в рамках которой ряду стран-соседей ЕС, в том числе странам ближневосточного региона, были предложены привилегированные условия сотрудничества с ЕС в хозяйственной и экономической сфере, построенные на общих ценностях (демократии, прав человека, принципов рыночной экономики и устойчивого развития и т.д.)⁴.

² Ими стали Комитет по политике и безопасности для общего управления, Военный комитет для решения главных военных задач и Военный штаб ЕС для практического планирования операций и руководства ими.

³ Например, было запланировано создание 13 подразделений быстрого реагирования и развертывания (Battlegroups) к 2008 г., а также формирование к 2008 г. как минимум одной гражданской миссии по урегулированию ситуаций в кризисных зонах и др.

⁴ Первоначально ЕПД в виде реализации индивидуальных планов действий и сотрудничества, рассчитанных на 3–5 лет, была предложена Алжиру, Белоруссии, Египту, Израилю, Иордании, Ливану, Ливии, Молдавии, Марокко, Палестинской автономии, Сирии, Тунису и Украине. В 2004 г. участие в ЕПД было распространено также на Армению, Азербайджан и Грузию. (Подробнее об этом см. *Стрежнева М.* Условия партнерства с Европейским Союзом // МЭМО, 2007. №6.)

В-третьих, что касается развития сотрудничества между Евросоюзом и НАТО, то в 2005–2007 гг. эти две структуры в основном преодолели многочисленные разногласия в сфере оборонной политики и политики безопасности, и тем самым наметились тенденции к тому, чтобы усилия ЕС и НАТО по формированию системы региональной безопасности были объединены и стали эффективным дополнением друг к другу.

На этот процесс повлияли, в частности, такие события, как: а) преодоление кризиса в отношениях между ЕС и США, возникшего из-за неприятия европейцами американской политики в Ираке; б) более четкое разделение ролей и функций в урегулировании ряда кризисных ситуаций в конфликтных регионах мира, согласие США на более активную роль европейской дипломатии при переговорах по арабо-израильскому конфликту, иранской ядерной программе, кризису в Ливане и др.; в) завершение споров вокруг создания собственных вооруженных сил и независимого военного планирования ЕС, передача Европейскому оборонному агентству в 2004 г. полномочий по укреплению сотрудничества стран – членов ЕС в области вооружений; г) более четкое определение роли и задач НАТО в системе европейской безопасности, в том числе в области сотрудничества с новыми европейскими военными институтами и структурами.

В-четвертых, на формирование системы региональной безопасности в Европе серьезным образом также повлияли кризисные тенденции в системе контроля над вооружениями и в режиме стратегической стабильности, основу которых составляли соответствующие договоры между СССР (Россией) и США времен «холодной войны». В результате в 2006–2007 гг. возникли дискуссии по вопросу о размещении Соединенными Штатами элементов ПРО в странах Восточной Европы, выхода РФ из ДОВСЕ, рассмотрения вопроса о приостановке договора РСМД и ряду других. На настоящий момент, следует отметить, между самими европейскими странами, а также между ЕС, НАТО, США и Россией по этим вопросам пока так и не достигнуто консенсуса.

Основными направлениями деятельности, а также укрепления системы безопасности в европейских странах, как следует из программных документов Европейского Союза и НАТО, а также заявлений официальных лиц [6, 7], являются следующие:

- развитие сотрудничества НАТО-ЕС и Евроатлантического партнерства;
- реструктуризация Вооруженных сил НАТО и Европейского Союза в рамках процессов расширения, а также реализации различных программ в области обороны и безопасности;
- развитие регионального сотрудничества и взаимодействия со странами Южной Европы, странами ближневосточного региона, Россией, Украиной и другими странами постсоветского пространства;

- осуществление военных и миротворческих операций и миссий в различных регионах мира;
- борьба против терроризма по различным направлениям;
- развитие систем ПВО/ПРО и систем перехватчиков в Европе (с целью предотвращения возможных несанкционированных запусков ракет);
- обновление и дальнейшее развитие ядерной стратегии стран НАТО.

В отличие от европейской, *ближневосточная система безопасности* в настоящее время находится в кризисном состоянии: она, с одной стороны, до конца не сформирована, а с другой, в регионе существуют силы, препятствующие ее созданию. Ослаблению системы региональной безопасности при этом способствуют продолжающиеся региональные конфликты, противостояние шиитских и суннитских группировок и объединений, а также прозападных и антизападных политических сил и режимов внутри арабского региона, слабость позиций Лиги арабских государств как крупнейшей региональной организации, занимающейся проблемами мирного урегулирования и безопасности.

Характеризуя систему региональной безопасности ближневосточного региона, следует, прежде всего, отметить, что здесь в течение последних нескольких лет активно развиваются и находятся в острой фазе несколько региональных и межгосударственных кризисов и конфликтов, включая вооруженные. Это палестино-израильский конфликт, война в Ираке, кризисная ситуация вокруг иранской ядерной программы (последняя потенциально может привести к военному противостоянию с Ираном). Кроме того, крайне напряженно складываются отношения Израиля и Ирана, Израиля и Сирии (их можно рассматривать как конфликтные, но находящиеся в скрытой фазе), остались не преодолены многие причины и следствия военной операции Армии обороны Израиля в Ливане против боевиков «Хезболлах».

Второй важнейшей чертой политической ситуации в регионе является *фактическое отсутствие у ближневосточных государств согласованной политики в области обороны и безопасности*. Векторы внешней политики и политики в области безопасности у различных стран и блоков стран на Ближнем Востоке разнонаправленны и зависят от таких факторов, как этническая и конфессиональная принадлежность отдельных групп населения; внешнеполитическая ориентация государств, наличие союзников и противников на международной арене. Отдельным фактором можно назвать также прозападные или антизападные ориентации политической элиты страны, от которых зависят, в частности, объемы торгового оборота и экономического взаимодействия ближневосточных стран с США и ЕС, степень развития сотрудничества с США в военной сфере и сфере закупок вооружений и т.д.

Условно можно обозначить, что размежевание во внешнеполитических стратегиях и политических ориентациях и интересах стран ближ-

невосточного региона происходит по двум ключевым осям: 1) по этноконфессиональному признаку – разделение на шиитский и суннитский блоки; 2) по критериям отношения политической элиты к проблемам модернизации и вестернизации – разделение на прозападный и антизападный блоки. Лидерами шиитского блока на сегодняшний день являются Иран, Ирак и Ливан, большие шиитские общины проживают также в ПНА, Турции и Сирии. В суннитский блок входят, в первую очередь, Саудовская Аравия, Египет, Иордания, Турция, Сирия, Тунис, Судан и ряд других стран, значимую роль сунниты играют в Ливане и Ираке. Что касается разделения ближневосточных стран на прозападный и антизападный блоки, то оно в основном совпадает с конфессиональным разделением, о котором говорилось выше. Так, к числу союзников США и европейских стран на Ближнем Востоке следует отнести, прежде всего, Турцию (член НАТО), Саудовскую Аравию, Египет и Королевство Иорданию, которые, наряду с монархиями Персидского залива (ОАЭ, Катар, Кувейт и др.) являются крупнейшими получателями вооружений и военной техники из США, активно сотрудничают с американцами и европейцами в борьбе с терроризмом и по другим вопросам региональной безопасности⁵.

Еще одним традиционным союзником США и европейских стран в регионе является Израиль. А к странам антизападного блока, отличительными особенностями которого является сильная антизападная идеология и пропаганда, а также не связанная с интересами европейских стран и США внешняя политика, относится Иран, к такой же внешнеполитической ориентации склоняется руководство Сирии, просирийские политические силы в Ливане, многие партии и политические группировки в современном Ираке и др.

Поскольку указанные блоки стран по-разному формулируют свои внешнеполитические интересы и придерживаются различных взглядов на пути преодоления региональных конфликтов, включая ливанский, палестино-израильский, иракский и т.д., это затрудняет формирование общей внешней политики и политики в области безопасности в рамках ближневосточного региона.

Роль базисной структуры в системе региональной безопасности на Ближнем Востоке сейчас активно пытается играть *Лига арабских государств* (ЛАГ) [8, 9]. Образованная в 1945 г., ЛАГ, куда сейчас входят 22 арабских государства, является на настоящий момент крупнейшей региональной организацией ближневосточного региона. Главными за-

⁵ США в настоящее время готовятся заключить соглашения с Израилем и Египтом, по которому этим странам в течение десятилетия Вашингтон поставит военную помощь на сумму 43 млрд. долл. Помимо этого, США намерены продать в Саудовскую Аравию и в еще пять нефтедобывающих арабских стран Персидского залива оружие на 20 млрд. долл. (См. *Блинов А.* Милитаризация вместо демократизации // Независимая газета, 2007. 1 августа.)

дачами ЛАГ являются координация политических позиций стран-членов, совместное рассмотрение вопросов, связанных с обеспечением их консолидированных интересов; разрешение споров между отдельными арабскими странами; урегулирование региональных конфликтов. И, кроме того, координация мер, предпринимаемых странами-членами в сфере обороны и безопасности (в соответствии с *Соглашением о сотрудничестве в вопросах экономики и обороны* от 1950 г.).

В последние годы, во многом под влиянием изменения ситуации в ближневосточном мирном урегулировании, Лига арабских государств значительно активизировала свою деятельность. Так, в 2006 г. в рамках ЛАГ был сформирован *Совет мира и безопасности ЛАГ (СМБ)*, в функции которого вошло, в том числе, принятие решений о размещении арабских миротворческих сил, а также урегулирование спорных вопросов и конфликтов между арабскими странами [8].

По мнению экспертов, создание СМБ позволит Лиге арабских государств более четко институционализировать процесс принятия решений в сфере безопасности с учетом новых угроз и вызовов и, кроме того, будет способствовать преодолению тенденций, связанных с чрезмерным вмешательством иностранных государств и различных международных объединений в дела арабского мира.

Другой важнейшей акцией стало одобрение Лигой арабских государств в 2007 г. на саммите в Эр-Рияде так называемой Арабской мирной инициативы – плана ЛАГ по ближневосточному мирному урегулированию⁶. Ее принятие позволило ЛАГ не только объединить позиции арабских стран региона в отношении путей решения арабо-израильского конфликта, но также выступить с одной из самых жизнеспособных (на сегодняшний день) инициатив по ближневосточному урегулированию. Это признали, кстати, и США, которые выступили в поддержку Арабской мирной инициативы, и ряд официальных представителей «квартета».

В то же время в деятельности Лиги арабских государств сохраняется ряд негативных тенденций, не позволяющих ей играть самостоятельную и значимую роль в обеспечении безопасности в регионе. Так, механизмы конфликтного урегулирования, которые применяются в рамках ЛАГ, не до конца сформированы и не всегда являются эффективными. Лига фактически не обладает пока надлежащими военно-политическими и финансовыми возможностями для реализации функций, связанных с противодействием угрозам и вызовам безопасности. Многие инициативы и решения ее, как считает ряд наблюдателей, носят декларативный характер и являются политической риторикой.

⁶ Арабская мирная инициатива предлагает считать ближневосточный конфликт урегулированным при условии освобождения Израилем территорий, занятых в 1967 году, и справедливого решения проблемы палестинских беженцев, включая признание их права на возвращение.

кой, поскольку не подкрепляются никакими конкретными действиями и ресурсами.

Развивая тесное сотрудничество с ООН и ОИК (все страны – члены ЛАГ являются одновременно членами «Организации Исламской конференции»), ЛАГ практически не поддерживает контактов со структурами Евросоюза и НАТО, занимающимися проблемами обеспечения безопасности. Наконец, следует упомянуть о том, что в ЛАГ не входят Израиль и Иран, являющиеся крупнейшими военными державами ближневосточного региона и находящиеся при этом в состоянии конфликта друг с другом. В этой связи, конечно, возможности ЛАГ в области влияния на процесс мирного урегулирования в регионе сильно понижаются.

Еще одной важной чертой системы безопасности на Ближнем Востоке является *достаточно высокая степень влияния Соединенных Штатов, Европейского Союза, а также России и ООН как участников «ближневосточного квартета» на решение проблем ближневосточного мирного урегулирования и развитие региональной безопасности.*

Новая конфигурация политических сил в ближневосточном регионе начала формироваться после окончания «холодной войны» и успешного для Вашингтона завершения операции в Персидском заливе в 1991 г., в результате чего США превратились на достаточно долгий период в ведущего внешнеполитического игрока на ближневосточной сцене. Тогда же, по мнению экспертов, произошло *фактическое самоустранение арабских стран от урегулирования региональных проблем*, что нашло свое выражение в их крайне низкой внешнеполитической активности, отказе от обсуждения проблем региональной безопасности, отсутствии на протяжении длительного периода значимых внешнеполитических инициатив [10]. Те же самые тенденции в 1990-е годы наблюдались и в деятельности Лиги арабских государств. *Решение вопросов регионального развития и региональной безопасности в этот период было фактически отдано на международное попечительство*, ключевую роль в котором играли США и, кроме того, ООН, европейские страны и ряд других игроков.

Несколько изменили ситуацию провал инициированного администрацией Б.Клинтон ближневосточного мирного процесса в Кемп-Дэвиде в 2000 г. (вскоре после неудачных переговоров с израильским премьером Э.Бараком лидер ПНА Я.Арафат объявил Израилю «вторую интифаду»), а также начатая Соединенными Штатами в 2003 г. война в Ираке. Крайне негативные для США последствия развития ситуации как на иракском, так и на палестино-израильском «фронте» привели к пересмотру Белым домом своих подходов к обеспечению безопасности в регионе, в том числе к постепенной передаче все большего числа ролей и функций в этих вопросах своим партнерам по ближневосточному урегулированию – ООН, Евросоюзу и России, образовав-

шим так называемый «ближневосточный квартет». А начиная с 2005–2006 годов активизировали свою активность на внешнеполитическом поле как сами ближневосточные арабские страны (в особенности Египет и Саудовская Аравия), так и Лига арабских государств как объединяющая интересы указанных государств структура. В итоге сформировалась более широкая коалиция государств и международных организаций, занимающихся проблемами ближневосточного мирного процесса и укрепления региональной безопасности.

Тем не менее роль главной скрипки в определении путей ближневосточного урегулирования стремятся сохранить за собой США и Евросоюз как представители «ближневосточного квартета». Это доказывают как участвовавшие в последнее время визиты в страны Ближнего Востока госсекретаря США Кондолизы Райс и верховного представителя Евросоюза по общей внешней политике и политике безопасности Хавьера Соланы, в рамках которых ведется обсуждение и согласование самых различных вопросов регионального развития, так и объявленный президентом США Дж.Бушем созыв международной конференции по ближневосточному урегулированию.

Наконец, пятым важнейшим фактором, определяющим ситуацию в сфере безопасности в ближневосточном регионе, является *активизация радикального исламизма* и неспособность традиционных арабских режимов противостоять росту политических позиций радикальных исламистов. По мнению наблюдателей, в ближайшее время серьезная борьба между исламскими партиями и монархическими режимами может начаться в Египте, Саудовской Аравии и Иордании. В ряде стран региона – Ираке, Ливане, Палестинской автономии – радикальные исламистские группировки уже смогли укрепить свои позиции настолько, что превратились в ведущую оппозиционную силу и вступили в прямой конфликт и борьбу за власть с действующими режимами (например, «ХАМАС» в ПНА, «Хезболлах» в Ливане, «Армия Махди» в Ираке). При этом эти исламистские объединения продолжили укреплять свои боевые бригады, т.е. развивать военную составляющую своей деятельности. Этот феномен получил название «*милитизации*», которая означает формирование в рамках того или иного государства альтернативных действующей армии и силам безопасности боевых отрядов и силовых структур (их задачами может являться осуществление террористических актов или даже ведение боевых действий – например, действия «Хезболлах» против ЦАХАЛ в 2006 г.).

Подобные вооруженные формирования, идеологией которых является радикальный исламизм, представляют на сегодняшний день одну из главных угроз безопасности в регионе. При этом необходимо учитывать, что национализм (борьба за власть, а также за освобождение оккупированных территорий) в деятельности исламистских группировок стран Ближнего Востока сочетается с очень сильными антиизраильски-

ми и антиамериканскими настроениями [11]. Осуществляются даже попытки со стороны различных исламистских групп (например, палестинских и ливанских) скоординировать свою деятельность для нанесения более мощного урона по позициям США и Израиля в регионе.

Проблемы взаимодействия между европейскими и ближневосточными странами в сфере обороны и безопасности

В целом можно отметить, что в рамках Средиземноморского региона сохраняется *неравномерное развитие ближневосточной и европейской «зон безопасности»*. Так, в Европе активно развивается военнотехническая интеграция, страны НАТО наращивают оборонительный и наступательный потенциал, тогда как на Ближнем Востоке эти процессы не получают развития ввиду неурегулированности ряда политических и военных конфликтов, экономических проблем, активизации деятельности военизированных террористических группировок.

Весьма остро стоит и другая проблема: *все более усложняется взаимодействие и диалог между странами европейского и ближневосточного регионов в области разоружения и безопасности*. Проявлениями этого процесса в настоящее время являются множество тенденций, начиная от политики ряда ближневосточных держав в ядерной сфере, наблюдающегося роста военных расходов в странах Европы и Ближнего Востока и заканчивая активным развитием ракетных вооружений в ближневосточных странах и «ответными» мерами по укреплению систем ПВО и ПРО в странах «западного блока». Подтверждением указанным тенденциям являются многочисленные фактические данные.

Так, ядерная гонка на Ближнем Востоке продолжает набирать обороты. В настоящее время МАГАТЭ одновременно ведет переговоры о программах освоения ядерной энергии с иранцами в Тегеране и с представителями Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) в Вене. В августе 2007 г. о своих амбициях напомнила Исламская Республика Йемен, заявившая о намерении приступить к строительству ядерного реактора. А после авианалета израильских ВВС на один из объектов в Сирии, осуществленного 6 сентября, были озвучены (впрочем, пока не проверенные) сведения о том, что в Сирию были доставлены ядерные материалы из КНДР.

В целом следует отметить, что сейчас именно в странах Ближнего и Среднего Востока, в отличие от других регионов мира, проблемы ядерного распространения стоят наиболее остро [12]. У экспертов существуют серьезные опасения, что Исламская Республика Иран сейчас развивает свою деятельность в направлении латентного ядерного распространения – другими словами, внешне выполняя условия ДНЯО, тайно развивает военные ядерные программы. Получение в перспективе

Ираном статуса ядерной державы может подтолкнуть к проведению собственных ядерных программ Саудовскую Аравию, Египет и других союзников США в арабском мире.

Таким образом, сегодня можно говорить об очень высокой вероятности подрыва режима нераспространения, в основе которого лежит соблюдение положений ДНЯО, в случае провала международных усилий (и прежде всего усилий США и европейских стран) в области ядерного сдерживания.

Данные по военным расходам в европейском и ближневосточном регионах также, в свою очередь, указывают на количественный и качественный рост в указанных странах производства и закупок вооружений и, в целом, расходов на оборону. Это позволяет сделать вывод о том, что *европейские и ближневосточные страны вступили де-факто в новый этап «гонки вооружений»*. Так, по данным СИПРИ за 2006 год, лидером по объему военных расходов по-прежнему остаются Соединенные Штаты (528 млрд. долл.), а второе место, вслед за Вашингтоном, занимают Великобритания и Франция [4]. Указанные европейские державы оказались и в числе крупнейших производителей военной техники. Важно отметить, что в 2005–2006 гг. значительно увеличились военные расходы в странах Восточной Европы, недавно вступивших в НАТО (из 7 новых стран – членов НАТО 6 увеличили расходы на оборону [3, с. 320].

Страны Ближнего Востока в последние годы также продолжили тратить значительную долю своего военного бюджета на оборону. Все последнее десятилетие (по данным за 1996–2005 гг.) наблюдался долгосрочный рост военных расходов в странах ближневосточного региона – за этот период они увеличились на 61% [3, с. 322]. Если говорить о совокупных расходах на оборону отдельных ближневосточных стран, то Саудовская Аравия по итогам 2005 г. заняла в списке стран с крупнейшими военными расходами 8-е место, Израиль – 15-е место, в двадцатку государств мира с наибольшими военными расходами попали также Иран и Турция [3, с. 302, 322]. Примечательно, что именно страны Ближнего Востока в последние годы стали также превращаться в крупнейший рынок продаж и поставок вооружений: Турция в 2000–2004 гг. заняла 5-е место в списке крупнейших стран – получателей обычных вооружений, Египет – 6-е, ОАЭ – 8-е, Иран – 11-е, Израиль – 13-е, Саудовская Аравия – 15-е [5, с. 455].

К любопытным выводам приводит и изучение проблем развития ракетных вооружений и систем ПВО/ПРО в Европе и ближневосточном регионе. Хорошо известно, что активную работу в области создания новых ракет и ракетной техники сегодня ведет Исламская Республика Иран. Начиная с 2004 г. Тегераном были созданы баллистические ракеты типа «Шехаб-3» с радиусом действия от 1500 до 2000 км, способные поражать цели в Израиле, а также неоднократно проводились ис-

пытания имеющихся на вооружении ракет «Шехаб-2», «Шехаб-3», «Скат-Б», «Зульфакар-73», «Z-30» и «Фатх-110». В середине 2007 г. появились данные о создании новых ракет дальнего радиуса действия «Ghadr-1» («Мощь-1»). Считается, что уже в настоящее время Иран может вести разработку двухступенчатых ракет типа «Шехаб-4» и «Шехаб-5» с еще большим радиусом действия, в зону поражения которых могут попасть многие европейские государства.

Есть все основания полагать, что конечной целью усиления ракетной мощи Ирана является не столько выполнение оборонительных функций, сколько противодействие возможным действиям США и Израиля, готовым на силовые меры, если иранские ученые подойдут вплотную к созданию ядерного оружия. Неудивительно, что в ответ на активное развитие ракетных вооружений Ираном, а также соседней с ним Сирией, Израиль предпринимает не менее активные меры по укреплению системы противовоздушной и противоракетной обороны (в особенности это касается развития систем перехвата баллистических и других типов ракет). В частности, в августе 2007 г. Армия обороны Израиля приняла решение об изменении доктрины ПВО/ПРО, а также передислокации имеющихся на вооружении систем ПРО «Хец» («Arrow») в целях укрепления защиты Израиля от возможных ракетных ударов. Стало также известно, что Минобороны Израиля начало рассматривать возможность приобретения у США новых систем противоракетной обороны «РАС-3» («Patriot») [13]. По мнению экспертов, указанные меры направлены на то, чтобы укрепить все составляющие системы ПВО/ПРО Израиля, состоящей из нескольких «уровней»: рассчитанных на ликвидацию ракет класса «касам», перехват ракет класса «катюша», наконец, уничтожение баллистических ракет.

В целом нужно отметить, что Иран, Сирия и Израиль уже достаточно давно вовлечены в гонку ракетных вооружений, однако в последние годы эти процессы получили особенно высокий темп развития, учитывая крайне напряженное развитие отношений между этими странами и кризис в ближневосточном урегулировании. Сложность, однако, состоит в том, что комплекс ответных мер на действия Ирана, Сирии и ряда других стран региона в ракетной сфере сравнительно недавно стал разрабатываться, помимо Израиля, еще и европейскими странами. В частности, как сообщил в мае 2007 г. заместитель генсека НАТО Г.Робертс, страны Североатлантического альянса одной из главных угроз своей безопасности рассматривают развитие ракетных вооружений в Иране, «ракеты которого через 10 лет будут способны достичь любого члена НАТО» [14]. Именно поэтому, по всей видимости, США и страны НАТО в настоящее время готовят размещение радара и ракет-перехватчиков в рамках глобальной системы ПРО США в Чехии и Польше, а также планируют внести изменения в ядерную концепцию

стран НАТО к 2009 г.⁷ Фактически эти решения являются способами «подстраховки» стран НАТО в целях защиты от потенциально опасных действий стран нестабильного ближневосточного региона. При этом, нужно сказать, если такая подстраховка будет осуществлена, это вряд ли будет способствовать решению (в глобальном плане) проблем разоружения и ядерного нераспространения, крайне остро стоящих перед мировым сообществом.

Перспективы ближневосточного мирного урегулирования

В вопросах диалога между странами Европы и ближневосточного региона в области разоружения и безопасности в настоящее время сохраняется множество проблем, которые обостряются из-за роста недоверия между отдельными странами и их объединениями, усиления гонки вооружений, кризиса в системе ядерного нераспространения.

Указанные сложности накладываются друг на друга и усиливаются также *в связи с нерешенностью проблем ближневосточного мирного урегулирования*. Вообще «запрос на мир» на Ближнем Востоке сейчас крайне высок, в связи с чем международное сообщество, включая ООН, Евросоюз, ЛАГ и другие организации и объединения, все более активно выступает в последнее время с планами и сценариями развития мирного процесса в регионе. Проблемы Ближнего Востока стали, в частности, ключевой темой обсуждения на открывшейся в конце сентября 2007 г. в Нью-Йорке ежегодной сессии Генеральной Ассамблеи ООН; как ожидается, им также будет посвящена специальная конференция по ближневосточному урегулированию, которую предложили созвать в ноябре этого года Соединенные Штаты. Между тем, как показывает развитие событий, до согласования позиций сторон и принятия одобренного всеми ближневосточными государствами плана мирного урегулирования еще очень далеко.

Рассмотрим, например, инициативу США с созывом международной конференции по Ближнему Востоку. Эта идея на стадии предварительной подготовки мероприятия получила принципиальную поддержку со стороны большинства заинтересованных стран и организаций. Однако вскоре как Лига арабских государств, так и сами арабские страны в лице глав их внешнеполитических ведомств, выдвинули ряд требований, связанных со своим участием в ближневосточном форуме. О необходимости выполнения ряда ключевых условий по проведению этого мероприятия заявили и в Москве.

Лидеры арабских стран, в том числе руководитель Палестинской национальной администрации Махмуд Аббас, в преддверие вашингтон-

⁷ По мнению ряда экспертов, в ядерную концепцию стран НАТО может быть включено известное положение новой ядерной стратегии США о возможности нанесения «превентивных ударов».

ского саммита подчеркнули следующие моменты: во встрече должны принять участие все заинтересованные стороны (включая Сирию и Ливан); необходимо четко задать повестку дня форума, добиться «гарантий того, что на встрече будут достигнуты конкретные результаты» и четко определить перспективы ближневосточного урегулирования в обозримом будущем; в основу этого урегулирования должна быть положена реализация «дорожной карты» и Арабской мирной инициативы, а его итогом должно стать провозглашение палестинского государства [15].

Особо следует упомянуть в этой связи о проблемах, связанных с реализацией Арабской мирной инициативы. Дело в том, что Израиль явно не заинтересован в выполнении условий этого плана урегулирования (освобождение территорий, занятых в 1967 г., и предоставление палестинским беженцам права на возвращение) и не соглашается на то, чтобы его выполнение стало предварительным условием для старта многосторонних переговоров по урегулированию.

Такую жесткую позицию израильтяне сохраняют, даже несмотря на активные попытки «переубеждения» и поиска компромиссов с арабскими странами, предпринимаемые американской администрацией⁸. Причины такого курса Тель-Авива состоят в крайне негативных прогнозах экспертов, касающихся возможных последствий реализации Израилем условий арабского плана мирного урегулирования. Например, согласие Израиля на возвращение палестинских беженцев не только подведет черту под реализуемой израильтянами уже в течение многих лет политикой «односторонних действий» в отношении ПНА, но и может привести к тому, что арабы-палестинцы составят большинство населения страны. В результате это может вызвать широкомасштабный политический кризис, перестройку политической системы, а возможно, и новый виток палестино-израильского противостояния. С другой стороны, в случае передачи Сирии Голанских высот Израиль, по мнению экспертов, может столкнуться с серьезными проблемами эколого-экономического характера (в районе Голанских высот расположены крупнейшие в ближневосточном регионе запасы пресной воды, имеющие «стратегически важное» для Тель-Авива значение).

Арабские страны и Лига арабских государств, в свою очередь, также не соглашаются идти ни на какие уступки, связанные с проблематикой ближневосточного урегулирования. Суть этой позиции пояснил в сентябре 2007 г. генеральный секретарь ЛАГ Амр Мусса, комментируя вопрос о проведении вашингтонской мирной конференции: «Мы не собираемся раздавать подарки до того, как получим что-либо взамен. Из-

⁸ В преддверие выборов-2008 в Белом доме крайне заинтересованы в том, чтобы «сдвинуть» ближневосточное урегулирование с нынешней «мертвой точки».

раиль должен эвакуировать все поселения – это условие для продвижения переговоров о мире. Все карты на саммите будут положены на стол – Иерусалим, беженцы, границы, упорядочение вопросов безопасности и, разумеется, полная нормализация отношений с Израилем» [15]. Не устраивает арабский мир и проводимая Израилем политика «односторонних действий», которая позволяет развивать двусторонние отношения только с «удобными» партнерами (например, Египет, Иордания) и при этом игнорировать государственные интересы и усиливать противодействие со странами, обвиняемыми Тель-Авивом и Вашингтоном в спонсорстве терроризма (Сирия, Иран, в определенной степени Ливан).

В целом следует отметить, что *фактическое отсутствие «точек соприкосновения» и общих целей у государств-участников арабо-израильского конфликта крайне затрудняет поиск путей его урегулирования для международного сообщества*. Неудивительно в этой связи, что у представителей «ближневосточной четверки» на сегодняшний день нет единого понимания задач предстоящего ближневосточного саммита, а также мер, которые нужно предпринять для нормализации обстановки в регионе. Серьезные различия наблюдаются, в частности, в позициях американской и российской сторон. Так, глава МИД РФ С.Лавров по вопросам, касающимся организации вашингтонской ближневосточной конференции, заявил, что ее успех «будет зависеть от состава участников» и что «необходимо включать страны региона в процесс ближневосточного диалога, а не изолировать» [15]. В то же время Вашингтон не признает возможность участия в форуме ни Сирии, ни руководства движения «ХАМАС», возглавившего де-факто с лета 2007 г. сектор Газа⁹.

Итак, арабо-израильский конфликт, продолжающийся много десятилетий, носит для ближневосточного региона системный характер, и именно с ним связаны многие проблемы и недостатки системы региональной безопасности. В настоящее время, несмотря на вмешательство различных международных посредников, включая «ближневосточный квартет» и Лигу арабских государств, пути к тому, чтобы начать в обозримом будущем жизнеспособный мирный процесс в ближневосточном регионе, практически не просматриваются. Во многом это связано с тем, что сохраняются неизменными позиции сторон конфликта: лидеры «ХАМАС» и «ФАТХ», многие арабские страны по-прежнему не согласны признавать Израиль, израильтяне, с другой стороны, не готовы на компромиссы по проблеме палестинских заключенных, статусу Иерусалима, Голанским высотам и т.д.

⁹ В этом плане позиция США во многом оказывается близкой израильской: обе страны в первую очередь предлагают бороться с терроризмом и ракетной угрозой, исходящей от арабских стран и Ирана, и только во вторую очередь заниматься собственными проблемами мирного урегулирования.

Выводы

Опираясь на проведенный анализ проблем безопасности в европейских странах и на Ближнем Востоке, следует сделать вывод о том, что система безопасности ближневосточного региона нуждается в серьезных мерах подкрепления, оптимизации и в новых эффективных механизмах политического урегулирования. Учитывая особенности политической ситуации в регионе, следует отметить, что эти механизмы регулирования, во-первых, должны быть тесно связаны с проблематикой арабо-израильского конфликта и развития мирного процесса на Ближнем Востоке и, во-вторых, с политикой ООН, европейских стран, России и США как посредников в ближневосточном урегулировании.

Другими словами, важен не только вопрос о том, как арабские страны, а также Иран и Израиль, будут выстраивать систему своей безопасности, но также о том, чем для ближневосточного региона может быть полезен европейский опыт, в том числе в сфере развития оборонной политики и политики безопасности.

В целом при разработке мер по укреплению политики безопасности в ближневосточном регионе необходимо учитывать и искать способы снижения остроты следующих ключевых проблем регионального развития:

- отсутствие прогресса в ближневосточном мирном процессе из-за роста взаимного недоверия между государствами – участниками конфликта и фундаментальных различий в позициях сторон;
- неравномерное развитие ближневосточного и европейского регионов безопасности и слабость позиций региональных организаций, занимающихся проблемами мирного урегулирования и безопасности;
- усложнение взаимодействия между Европой и Ближним Востоком в связи с обострением проблем ядерного распространения, усилением ракетной гонки и гонки вооружений в ближневосточных странах;
- активизация радикального исламизма и терроризма на Ближнем Востоке.

В этой связи можно предложить следующие рекомендации по содействию укреплению системы безопасности ближневосточного региона.

1. *В институциональном плане* главным направлением укрепления системы безопасности ближневосточного региона должно являться дальнейшее эффективное развитие в рамках Лиги арабских государств структур и институтов, занимающихся проблемами безопасности.

Усилия ЛАГ по созданию Совета мира и безопасности, ведения переговоров по разрешению региональных конфликтов, активному взаимодействию с «квartetом» посредников по ближневосточному урегулированию, развитию оборонного сотрудничества между арабскими странами следует рассматривать как благоприятные тенденции с точ-

ки зрения укрепления региональной безопасности, и поэтому должны на всех уровнях быть поддержаны международным сообществом. Одновременно эту систему мер по укреплению безопасности требуется расширять, в том числе учитывая перспективы ближневосточного урегулирования. Речь идет, в частности, о *создании собственного миротворческого контингента ЛАГ, проведении совместных военных учений для улучшения координации деятельности Вооруженных сил, создании специальных комиссий, которые бы занимались расследованием причин возникновения и изучением путей разрешения конфликтных ситуаций и т.д.* Отдельно следует указать на необходимость *выработки в рамках ЛАГ механизмов по проведению консультаций по вопросам обороны и безопасности с Израилем и Ираном, не входящими в эту организацию*, что позволит ЛАГ более эффективно заниматься проблемами ближневосточного конфликтного регулирования. Определенные институциональные меры должны быть предприняты также в целях противостояния тенденциям «милитизации» и роста позиций радикального исламизма в регионе (создание антитеррористических комиссий, центров и т.д. с целью противодействия соответствующим угрозам).

2. Укрепление существующих и рассмотрение новых возможных путей *сотрудничества между странами-членами ЛАГ и европейскими структурами безопасности* (Евросоюзом и НАТО) является вторым важнейшим направлением укрепления ближневосточной системы безопасности.

Механизмы регионального взаимодействия и сотрудничества между странами Европы и Ближнего Востока могут быть различными. В первую очередь, важно наладить систему проведения *взаимных консультаций и обмена опытом в сфере безопасности между ЛАГ и структурами Европейского Союза и стран НАТО*, что будет способствовать взаимному доверию и поиску компромиссов в указанных выше вопросах. Ключевая роль в сотрудничестве двух регионов также должна остаться за прямыми переговорами между ЛАГ, с одной стороны, и представителями ООН и «ближневосточной четверки» – с другой, ставшими уже традиционными.

Более тесной включенности арабских стран в процессы ближневосточного урегулирования и укрепления региональной безопасности, на наш взгляд, может способствовать, создание *Европейско-Ближневосточного Совета по проблемам безопасности* (между Евросоюзом и ЛАГ), *более тесная координация действий между ЛАГ и «ближневосточным квартетом»*, укрепление проводимой ЕС политики *добрососедства за счет развития сотрудничества в сфере безопасности* и постепенного распространения этой политики на все страны ближневосточного региона.

Возможно также, что европейским странам следовало бы также рассмотреть возможность оказания консультационной, организационно-технической и финансовой помощи Лиге арабских государств в рамках предпринимаемых этой организацией действий по укреплению региональной безопасности.

Ссылки:

1. Кузьмичева А. Внешнее измерение» сотрудничества Европейского Союза по вопросам безопасности и обороны // МЭМО, 2007, №3.
2. Иванов П.Л., Халоша Б.М. НАТО и интересы национальной безопасности России // МЭМО, 1997, №8–9.
3. SIPRI Yearbook 2006 (Oxford University Press, 2006).
4. Литовкин В. США и НАТО вырвались в лидеры гонки вооружений // Независимое военное обозрение, 2007. 22 июня.
5. Ежегодник СИПРИ. М.: «Наука», 2005.
6. Riga Summit Declaration. Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Riga on 29 November 2006. (<http://www.nato.int/docu/pr/2006/p06-150e.htm>).
7. The Common Foreign and Security Policy: Introduction. Information from the website <http://ec.europa.eu>, July 13, 2006 (http://ec.europa.eu/external_relations/cfsp/intro/index.htm).
8. Almezal M. League Forms Peace and Security Council. Gulf News, March 30 (2006).
9. Issacharoff A. PA: Arabs Should Call on Israel to Accept Saudi Plan Unchanged. Haaretz, March 27 (2007).
10. Haas R. New Middle East. Foreign Affairs, No. 6 (November-December) (2006).
11. Умнов А.Ю. Вызов с юга. Ислам и национализм на границах России и СНГ. – М., 2005.
12. Ромашкина Н.П. Проблемы безопасности Большого Ближнего Востока. Информация с сайта www.wpec.ru, September 13 (2007). (<http://www.wpec.ru/text/200709130945.htm>).
13. Katz Y. IDF modifying Arrow deployment in the North. The Jerusalem Post, August 23 (2007).
14. Заместитель генерального секретаря НАТО Ги Робертс: нам нужно продолжать диалог // «Красная звезда», 2007. 19 мая.
15. Гришина М. Битва за Ближний Восток // «Красная звезда», 2007. 28 сентября.
16. Lebedev M. Priorities in Nuclear Arms Control and Non-Proliferation: Comparing Approaches of Russia and the West» (<http://www.pugwash.org/reports/nw/moscow-mtg42007.htm>).

Сергей КОРТУНОВ

РОССИЯ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ (АТР): ОСНОВЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ

Россия как евразийская страна имеет долгосрочные военные, политические и экономические интересы в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Суть этих интересов состоит в том, чтобы обеспечить здесь не только безопасность России, но и ее геоэкономические позиции, существенно повысить конкурентоспособность страны. Данный регион обладает огромными человеческими и природными ресурсами и способен к бурному экономическому развитию. Необходимость полноценного подключения России к деятельности мирового сообщества требует от нее серьезной и прагматичной восточной политики, существенной активизации внешнеполитических и внешнеэкономических связей на этом направлении, которые должны быть приоритетными по отношению к силовым факторам.

С другой стороны, очевидно, что утрата Россией роли «военной сверхдержавы» в АТР, вероятно, не может, по крайней мере, в ближайшем будущем, быть компенсирована возможностями подключения к экономическому взаимодействию с членами тихоокеанского сообщества. Надо признать, что в экономическую интеграцию в этом регионе Россия, будучи его составной частью, так пока и не вписалась.

В этом плане для России налаживание отношений в военно-политической и военно-экономической сферах остается крайне важной задачей. Угроза вытеснения России из Европы делает проблему ее отношений со странами АТР особенно актуальной. Важно использовать все появляющиеся возможности для «врастания» России в структуры региональной безопасности, экономической интеграции в регионе и обеспечения таким образом своих национальных интересов на Востоке.

Сотрудничество с некоторыми странами в деле развития Сибири и Дальнего Востока необходимо, однако оно должно осуществляться под строгим контролем федеральных властей и не переходить пределов, допустимых с точки зрения оборонных, политических, экономических и экологических интересов Российской Федерации.

Оптимальной, с точки зрения перспективы, была бы схема действий, предусматривающая, с одной стороны, формирование с ос-

новными державами АТР специфических, асимметричных зон общих интересов и сотрудничества, а с другой – сосредоточение усилий на региональных узлах проблем, из которых первоочередное внимание должно быть уделено Северо-Восточной Азии. При этом устанавливались бы субрегиональные режимы стабильности, которые в идеале могли бы послужить «кирпичами» системы коллективной безопасности в рамках всего АТР. Через реализацию своей роли в основном узле, сосредоточенном в СВА, а также функции гаранта других субрегиональных систем стабильности Россия сохранит и упрочит свое положение как одной из главных держав АТР, что, в свою очередь, укрепит ее международные позиции на всем евразийском континенте и в мире в целом.

Современная обстановка в АТР

Характерной особенностью современной обстановки в Азиатско-Тихоокеанском регионе является высокая динамика политических и экономических процессов, формирующих устойчивую тенденцию к превращению его в важнейший центр мировой политики и экономики, сопоставимый с евроатлантическим. По целому ряду показателей этот рубеж уже достигнут.

Доминантой, определяющей ситуацию в регионе, является целенаправленная политика большинства государств на осуществление радикальных экономических преобразований, создание для них максимально благоприятных условий как на национальном, так и общерегиональном (а в последнее время и глобальном) уровне.

Страны, по тем или иным причинам выпадающие из общерегиональной тенденции стабильного и быстрого экономического подъема и оказывающиеся в положении «догоняющих» (к их числу, к сожалению, относится пока и Россия), объективно находятся в менее выгодных условиях для полноценного участия в процессе тихоокеанского сотрудничества, включая формирование структур военной безопасности.

Развитие военно-стратегической ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе по многим параметрам сильно отличается от процессов, происходящих на евроатлантическом направлении. Это связано с практическим оформлением в АТР нескольких центров силы, отсутствием аналогичной европейской развитой сети переговорных механизмов, мер доверия и т.п. Более того, в политическом сознании большинства азиатских государств не без основания присутствует мнение о несоответствии европейского опыта специфике и реалиям современных международных отношений в АТР. Это, в свою очередь, связано с весьма различающимися представлениями отдельных стран региона об источниках угроз их национальной безопасности, наличием неразрешенных конфликтов и территориальных споров, значительной неравномерностью социально-экономического развития стран этого района мира.

Военный потенциал США, несмотря на некоторые сокращения, остается фактически преобладающим в регионе. Главной мотивировкой сохранения значительного американского военного присутствия является предотвращение возникновения кризисных ситуаций, защита международных морских коммуникаций и др. То есть осуществление мер, гарантирующих в первую очередь собственно интересы США, возможность выступать «дирижером» на тихоокеанской «сцене». Вашингтон внимательно следит за обстановкой в регионе, учитывает, что размыв прежних союзнических структур при снижении интенсивности противостояния может вести к возникновению новых региональных лидеров.

Система безопасности в АТР, по крайней мере, уже в последние два десятилетия, не строилась только лишь вокруг противостояния двух великих держав. Сегодня же на нее постоянное и все возрастающее влияние оказывают китайский и японский (и даже индийский) факторы. Их значимость возросла настолько, что вполне допустимо говорить о самостоятельной геополитической роли в регионе Китая и Японии, превращении их в самостоятельные полюса международного влияния в регионе.

Существуют два противоположных подхода к американскому военному присутствию в регионе.

С одной стороны, сохраняется позитивная оценка его стабилизирующей роли со стороны большинства государств АТР, многие из которых использовали и используют военное и экономическое присутствие США в регионе для обеспечения высоких темпов собственного развития и формирования весьма устойчивой интеграционной модели сотрудничества. В основном это новые индустриальные страны (НИС), для которых характерны высокие темпы роста экономики.

Казалось бы, подобная ситуация должна настраивать развитие взаимоотношений на курс «позитивного» взаимодействия. Реальность, однако, такова, что поле для возникновения конфликтных ситуаций остается тем не менее значительным. Сказывается синдром «молодых структур», отсутствие, помимо экономического, еще и сформировавшегося устойчивого геополитического поля, притом, что каждое из государств региона стремится усилить свое влияние, преследуя собственные интересы. Быстрое экономическое развитие вызывает соперничество за ресурсы (топливные, сырьевые и т.п.), при этом высокий экономический потенциал НИС позволяет им наращивать военный потенциал, в том числе наступательный.

С другой стороны, ряд государств, к которым относится, прежде всего, Китай, усматривают в сохранении военного присутствия США на Тихом океане стремление Вашингтона навязывать свою волю в «моноцентрической» модели ситуации в АТР и даже усиливать арсенал средств военной гегемонии. Это противоречит их видению перспектив развития обстановки в регионе, их собственным растущим амбициям.

Именно страны АТР относятся сейчас к числу государств, наиболее быстро наращивающих свои военные расходы. Пока речь идет о величинах относительно небольших. Но тенденция, тем не менее, просматривается совершенно определенная, что не исключает возникновения непредсказуемых пока угроз в будущем.

В настоящее время реальная опасность широкомасштабного военного конфликта в АТР практически отсутствует. Однако в регионе сохраняется целый набор весьма серьезных дестабилизирующих факторов (неконтролируемая региональная гонка вооружений, проблема Корейского полуострова, опасность распространения ракетных и ядерных технологий, территориальные споры и т.д.).

Положение России в регионе: военное, политическое и экономическое измерения

В этих условиях Россия как страна, имеющая обширные границы в АТР, а также в силу объективно возрастающей вовлеченности в дела региона, не может не принимать мер по обеспечению своей безопасности, в том числе путем участия в формировании структур, ставящих целью обеспечить стабильное мирное развитие. Необходимо продолжать участие в этом процессе, добиваясь придания этим формирующимся структурам комплексного характера – военного, политического, экономического.

Отдельный вопрос – целесообразность и масштабы военного присутствия России в АТР в нынешних условиях, учитывая, в частности, то обстоятельство, что экономическое партнерство стран «тихоокеанского кольца» оказывает возрастающее воздействие на формирование совместных подходов к обеспечению безопасности, в том числе военными средствами. Практическое отсутствие (на данный момент) непосредственной военной угрозы суверенитету и территориальной целостности России со стороны государств региона позволяет сократить до разумного минимума оборонный потенциал в азиатской части страны, имевший прежде гипертрофированный, чрезмерный характер. Кроме того, учитывая экономические возможности России, включая спроецированные на поддержание военного потенциала, следует, видимо, признать, что Россия вряд ли будет в состоянии в обозримой перспективе решать свои проблемы в АТР силовыми методами.

Основой для конструктивного продвижения России на азиатско-тихоокеанском направлении является реализация возможностей для установления новых отношений с США, нормализация отношений с Японией, стабильное добрососедство с Китаем и динамичное развитие всесторонних связей с двумя Кореями, другими странами и группами государств АТР, в частности, с АСЕАН. Для обеспечения интересов России в постсоветском Центрально-Азиатском регионе важную роль может играть тесное сотрудничество с Индией.

Продвижение на этих направлениях, скорее всего, будет постепенным: через двусторонние отношения (прежде всего, естественно, с ведущими державами АТР), через укрепление роли межгосударственных (правительственных и неправительственных) институтов сотрудничества – в той мере и в тех областях, в которых будет налицо готовность вывести его на более высокий уровень.

Проблема для России в АТР во многом состоит сейчас в том, что уменьшение ее политического веса, во многом ассоциировавшегося прежде в регионе с ее военной мощью, практически не компенсируется пока наращиванием ее экономического и иного сотрудничества со странами Азии и бассейна Тихого океана. Фактический «уход» России из АТР как военного фактора влияния неоднозначно воспринят странами региона. Образовавшийся вакуум нередко заполняется Китаем (Япония также пытается сегодня более активно участвовать в данном процессе, пусть и в связке с США), что вызывает опасения у многих государств.

Усилия многих стран АТР по быстрому наращиванию своего военного потенциала, в значительной мере отражающие хрупкость и неопределенность нынешней ситуации (в том числе и в связи с китайским фактором), тоже могут привести в перспективе к весьма негативным последствиям, если не будет соответствующего надежного механизма безопасности, снимающего излишние страхи одних и укорачивающего амбиции других.

Экономические интересы России в АТР потенциально огромны, особенно если иметь в виду острую необходимость скорейшего развития восточной части ее территории. Однако без включения России в процесс нормального экономического взаимодействия в АТР, без развития различных форм сотрудничества и партнерства со странами региона решить эту важнейшую для России задачу на XXI век будет невозможно. Более того, отсутствие прогресса в этой области неизбежно будет вести к нарастанию изолированности России, углублению негативных внутренних процессов, например, регионального сепаратизма.

В военно-политической области решение проблем, оставшихся в АТР от предшествующего периода (региональные конфликты, рудименты противостоявших друг другу военных потенциалов и т.д.), требует создания новой системы безопасности.

Применительно к военным потенциалам России и США нацеленность на формирование в будущем системы коллективной безопасности в регионе делает необходимым такое их реструктурирование и модификацию отношений с союзниками, партнерами, соседями, которые позволили бы в дальнейшем включать их в качестве компонентов в общерегиональную систему безопасности.

Крайне важным является поэтому углубленное изучение складывающегося в регионе геополитического ландшафта, использование экономических интересов отдельных «центров силы» в АТР, возможных противоречий между ними.

Ключевые позиции основных региональных держав

14–16 ноября 2007 г. в Ляоянге (КНР) состоялась международная конференция «Меры доверия в вопросах безопасности», организованная Ассоциацией военной науки при поддержке Института иностранных языков Народно-освободительной армии Китая. В ней приняли участие ведущие эксперты КНР, Японии, Южной Кореи, Индии, Пакистана, США, ФРГ, Швеции, России, Сингапура и Филиппин. Выступления их представителей, как представляется, позволяет довольно точно судить о политике этих стран в регионе.

В выступлениях китайских военных специалистов были озвучены следующие основные тезисы:

- КНР не стремится к военно-политическому доминированию в АТР и не будет добиваться региональной гегемонии;
- КНР увеличивает военные расходы, укрепляет свой флот, предпринимает меры по созданию статуса космической державы, но все это не направлено против какой-либо другой страны, включая США, и имеет сугубо оборонительную направленность; в своей региональной политике Китай будет опираться на технологии «мягкой силы»;
- главной проблемой региональной безопасности для КНР является сепаратистское («сецессионистское») движение в Тайване, однако КНР будет добиваться мирного воссоединения страны, что является основным чаянием и требованием китайского народа. КНР должна быть готова к тому, чтобы в этом контексте сказать твердое «нет» США и Японии;
- серьезной угрозой для региональной и глобальной безопасности является ремилитаризация Японии, реальная возможность приобретения ею де-факто статуса ядерной державы;
- для укрепления мер доверия в регионе ключевое значение имеют контакты между военными ведомствами стран АТР; тематика прав человека не должна заслонять необходимость сохранения и укрепления государственного суверенитета этих стран; для региона особо важное значение имеет ориентация на общие «азиатские» ценности, которые отличны от европейских.

Японцы акцентировали внимание на том, что переговоры по ядерной программе КНДР в шестистороннем формате оказались недостаточно эффективными; в связи с этим, по их мнению, необходимо переходить к трехстороннему формату переговоров с участием США, Японии и КНР как стран, располагающих реальными экономическими и военно-политическими возможностями для влияния на КНДР и ситуацию, сложившуюся в регионе в связи с ядерной политикой этой страны.

В ответ китайцы заявили, что они, скорее всего, не примут такой формат, поскольку он означал бы на деле проведение переговоров по модели «2+1», т.е. США и Японии, с одной стороны, и КНР – с другой,

что обеспечило бы американцам и японцам полное политическое доминирование по данному вопросу. Кроме того, исключение из переговоров России и обеих Корей было бы, с точки зрения китайцев, контрпродуктивно.

В выступлении представителя ФРГ была высказана озабоченность в связи с ядерным распространением в регионе. При этом говорилось о том, что такое распространение неизбежно и остановить его нельзя; с этим злом мировому сообществу придется жить и к нему приспосабливаться; к 50-м годам XXI века в мире будет 20–25 ядерных держав; уже сейчас в нем около 40 пороговых ядерных государств, способных создать ядерное оружие в течение 6–10 месяцев; отсюда – огромное значение мер доверия в регионе, которые, однако, должны быть качественно другими по содержанию, чем первое поколение мер доверия времен «холодной войны».

Американцы во главу угла своих презентаций поставили вопрос о будущем КНДР, который является более широким, чем вопрос о ее ядерной программе. Неизбежный крах режима Ким Чен Ира во вполне обозримом будущем (7–10 лет) может иметь катастрофические последствия в регионе и уж во всяком случае приобретет характер беспрецедентного международного кризиса, который будет иметь не только региональное, но и глобальное измерение. В худшем варианте этот кризис перерастет в локальную войну с применением ядерного оружия. Крушение режима может привести к исчезновению КНДР с политической карты мира, что, в конечном счете, будет означать объединение двух Корей в единое государство, однако такое развитие может идти через региональную военную катастрофу. В связи с этим, по мнению американских экспертов, необходимо немедленно начинать серьезные консультации сначала на уровне военных специалистов, а затем и на политическом уровне (когда это станет возможным) – по аналогии с переговорами 1989 года «2+4» по объединению Германии. При этом следует учесть весь негативный исторический опыт объединения двух германских государств, поскольку объединение Кореи будет на порядок более сложным и дорогостоящим проектом, неподъемным для одной лишь Южной Кореи.

Представители Индии и Пакистана констатировали значительный прогресс в расширении и углублении мер доверия между двумя странами за последние несколько лет, прежде всего по линии отношений между военными ведомствами. Усилия по совершенствованию ядерного потенциала Пакистана его представитель оправдывал значительным увеличением военной мощи Индии, что порождает у Исламабада опасения по поводу возможного намерения Дели решить территориальные споры между двумя странами с помощью военной силы.

Представитель Швеции посвятил свое выступление проблемам безопасности в Центральной Азии. При этом он особо подчеркивал, что эти проблемы не могут быть решены путем экспорта демократии (например,

с помощью «цветных революций»). Скорее, наоборот, безопасность здесь будет обеспечена лишь в том случае, если удастся укрепить государственность стран Центральной Азии, пусть даже в ущерб демократии и правам человека. Причем импульс к такому укреплению должен прийти изнутри, а не извне. В настоящий момент слабость государств региона связана, в первую очередь, с тотальной криминализацией и коррупцией, пронизавшей все и вся, а покончить с этими явлениями внешние силы по определению не в состоянии. Положение в Центральной Азии усугубляется еще и исключительно враждебным и подозрительным отношением друг к другу почти всех стран этого региона, что делает формирование мер доверия в этом регионе особенно актуальным.

Участники конференции (с особым удовольствием – КНР) констатировали, что американская идея «Большой Центральной Азии», которая имела целью обеспечить лидерство США в регионе и создать альтернативу слишком успешно развивающейся, по мнению американцев, Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), на данном этапе провалилась. Об этом говорит и явное охлаждение к этому проекту в последнее время самих США. Американцы в ходе обсуждения этого вопроса никак не комментировали подобные оценки.

Китайцы обращали внимание участников на негативные последствия военно-политического присутствия США в Центральной Азии, которое, по их мнению, служит в основном главной цели – «отбрасывания» КНР и России из этого региона.

Итоги конференции в Ляоянге, а также более широкий и углубленный анализ ситуации в АТР, говорят о том, что в целом в регионе достаточно четко обозначены несколько ключевых стран, на которые должно быть нацелено внимание России. Это, в первую очередь, США, Китай, Япония, оба корейских государства. На данном этапе наиболее перспективным в смысле обеспечения российских интересов представляется двусторонний диалог с этими странами, подкрепленный участием России в многостороннем региональном сотрудничестве.

Приоритеты национальных интересов России в АТР

Проблемы международной безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) напрямую затрагивают жизненно важные интересы России. Со многими странами, расположенными в этом регионе, Россия имеет общие границы, причем некоторые из них совсем недавно вместе с Российской Федерацией составляли части единого государства – СССР. Следует сказать и о том, что Россия обладает уникальным тысячелетним опытом взаимодействия с большинством стран АТР. В силу этих обстоятельств Россия просто «обречена» быть одним из ключевых игроков в регионе, даже если ей бы этого не хотелось.

Россия сталкивается в АТР со следующими рисками, вызовами и угрозами.

В краткосрочной перспективе (2–3 года):

- АТР становится регионом самой интенсивной гонки вооружений и чрезвычайно быстрой милитаризации;
- АТР в ближайшее время станет (и во многом уже стал) регионом распространения ядерного оружия и ракетных средств его доставки;
- АТР способен стать центром радикализации исламского мира, что, в свою очередь, будет разогревать в регионе деятельность транснационального терроризма.

Все эти факторы, взятые в сочетании, порождают кумулятивный синергический эффект.

В среднесрочной перспективе (5–10 лет):

- политические риски, исходящие из «Большого Ближнего Востока»: распространение ядерного оружия, транснациональный терроризм (в том числе и с ОМУ), радикализация исламского мира, особенно после неизбежного вывода американских войск из Ирака и Афганистана (многие российские военные эксперты полагают, что в этом случае натренированные в Ираке террористы хлынут в западном направлении, поэтому в России придется вводить чрезвычайное положение со всеми вытекающими из этого последствиями);
- конфликт между Индией и Пакистаном по территориальному вопросу вокруг Джаммы и Кашмира, притом что оба государства являются ядерными;
- политическая нестабильность в Пакистане: исламисты там могут прийти к власти либо в результате военного переворота, либо в ходе демократических выборов. Тогда в их руках окажется ядерное оружие и последующее развитие событий в регионе станет непредсказуемым;
- дефицит энергетической безопасности в регионе, что связано с политической нестабильностью «Большого Ближнего Востока». Это объективно провоцирует соперничество за энергетические ресурсы основных энергетических потребителей в лице КНР, Японии, Индии и Южной Кореи;
- две страны Центральной Азии – Узбекистан и Киргизия – прошли через серьезный политический кризис; эти страны вряд ли будут политически стабильны в обозримом будущем.

В долгосрочной перспективе (15–20 лет):

- более чем вероятное ослабление американских военно-политических позиций в мире в целом, что существенно уменьшит стабилизирующую роль США в регионе. Военный и политический «выход» США из региона может спровоцировать геополитическое соперничество между КНР, Японией, Индией, Пакистаном и Южной Кореей, которое в настоящий момент сдерживается «американским фактором»;
- новые и нетрадиционные угрозы: транснациональный терроризм, пиратство, наркотики, эпидемии и пандемии, экологические и природные катастрофы, что будет объективно подрывать социальную стабильность в регионе;

- возможное ухудшение американо-китайских отношений в связи с проблемой Тайваня.

Несмотря на эти риски, вызовы и угрозы, в регионе действуют также и стабилизирующие факторы.

Во-первых, это сближение КНР и России. КНР не представляет для России военной угрозы. Проблемы, которые Россия имеет на Дальнем Востоке и в Сибири, – это внутренние проблемы самой России, связанные с отсутствием стратегического развития данных регионов. В этом контексте Россия заинтересована, чтобы и Китай не испытывал чувства уязвимости или угрозы со стороны других внешних сил, в том числе и США.

Во-вторых, успешное экономическое развитие КНР и Индии, а в последние годы – и России. В частности, успешное экономическое развитие КНР существенно снижает риск военного конфликта вокруг Тайваня, поскольку КНР, объективно превращаясь в привлекательную для соседей экономическую модель национального развития, получает больше возможностей использовать технологии «мягкой силы». КНР, Индия и Россия, сконцентрированные на поступательном внутреннем экономическом развитии, вряд ли станут «ревизионистскими» державами в регионе и в мире в целом.

В-третьих, в регионе на данном этапе остаются США, военно-политическое присутствие которых играет позитивную стабилизирующую роль.

Исходя из сказанного, можно сформулировать следующие основные национальные интересы России:

- формирование эффективной системы региональной безопасности на основе ШОС;
- обеспечение надежной энергобезопасности в регионе;
- углубление экономического сотрудничества, запуск крупных инфраструктурных инвестиционных и инновационных проектов совместно с Индией, КНР и Южной Кореей;
- сохранение в регионе стабилизирующего американского фактора в течение длительного времени.

Разумеется, эти основные региональные интересы России должны быть органически вплетены в общенациональную внешнеполитическую стратегию, которую выработать еще предстоит. Ведь шкала приоритетов национальных интересов в региональной политике выстраивается в соответствии с общенациональными приоритетами и является их интегральной частью.

Перспективы Шанхайской организации сотрудничества

В последние годы важным фактором международной жизни в АТР становится Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Она объединяет схожие по своему политическому и экономическому развитию страны и обладает существенным потенциалом влияния на развитие

этой части мира. ШОС возникла сравнительно недавно и уже добилась больших успехов в налаживании сотрудничества между странами-участницами. Распределение природных, человеческих, финансовых и технологических ресурсов между странами ШОС является взаимодополняющим. Страны-участницы поддерживают друг друга в борьбе с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом, а также заинтересованы в ограничении влияния внешних игроков (прежде всего, США) в регионе.

В настоящий момент в регионе формально имеются две системы коллективной безопасности: Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС).

Преимущества ШОС состоят в следующем:

- это не субрегиональная (как ОДКБ), а региональная структура;
- ШОС основана на совпадающих реальных региональных и глобальных интересах двух главных участников – России и КНР (у членов ОДКБ интересы, как правило, разные, и их измерение носит субрегиональный характер);
- ШОС – это продукт российско-китайского сближения (в то время как ОДКБ – продукт «цивилизованного развода» бывших советских республик, фактически – продукт распада СССР);
- ШОС – структура новая и быстро развивающаяся (в отличие от ОДКБ, которая, скорее, деградирует);
- в отличие, например, от НАТО, ШОС не имеет «негативной исторической памяти»;
- ШОС – это организация именно коллективной безопасности, а не военный блок (которым продолжает оставаться НАТО);
- ШОС по своей природе не носит конфронтационного характера: любая попытка кого бы то ни было превратить ее в антизападную или антиамериканскую организацию заведомо обречена на провал, поскольку это противоречило бы основополагающим национальным интересам всех без исключения членов ШОС, жизненно заинтересованных в сотрудничестве с Западом и, особенно, с США;
- международная деятельность ШОС с момента ее создания была нацелена на решение вопросов международной безопасности, и в первую очередь на противодействие транснациональному терроризму (НАТО – это, как очевидно, не тот случай). Не случайно уже в 2003 году в рамках ШОС была разработана и принята Конвенция по борьбе с терроризмом, которая содержала согласованные формулировки по определению этого явления.

Как представляется, заложенный в ШОС потенциал пока используется далеко не полностью. Для повышения эффективности этой организации необходимо ее расширение. Действующий сегодня мораторий на расширение ШОС, как представляется, должен быть отменен. В качестве постоянных членов в ШОС могли бы войти Монголия, Индия, Пакистан, что имело бы стабилизирующее воздействие на индо-пакис-

танский конфликт. С учетом напряженной ситуации вокруг Ирана, переводить его из наблюдателей в постоянные члены на данном этапе было бы нецелесообразно. Нельзя также допускать попыток Ирана (а они имеют место) использовать организацию в качестве инструмента давления на Запад в своих интересах. Наблюдателями в ШОС могли бы войти Турция, Афганистан, Туркменистан, на определенном этапе – США.

Вторым направлением совершенствования ШОС могло бы стать придание организации экономического измерения. Очевидно, что без серьезной экономической базы ШОС не станет эффективной организацией региональной безопасности. В настоящий же момент все отчеты по экономическому сотрудничеству в рамках ШОС представляют собой лишь перечисление существующих двусторонних и многосторонних экономических проектов, которые развиваются без помощи ШОС.

Нередко ШОС рассматривается как организация, способная стать важнейшим мировым центром политической и военной интеграции. Однако вероятность того, что ШОС станет реальным политическим и военным противовесом Западу, крайне мала.

В частности, не следует преувеличивать антиамериканский потенциал ШОС. Во-первых, ШОС все еще существенно слабее США экономически и, особенно, в военной сфере. Во-вторых, полного доверия и единства мнений между странами ШОС также не наблюдается: правящие элиты Средней Азии не готовы вернуться под полный политический контроль России (или попасть под контроль КНР); Россия испытывает определенные опасения по поводу будущего малонаселенной Восточной Сибири, граничащей с перенаселенным Китаем; КНР сотрудничает не только с Россией, но и с другими странами-соседями и импортирует энергоносители из многих источников, не только из Средней Азии и Сибири. Следует ожидать, что в среднесрочной перспективе ШОС будет достаточно единой, чтобы противодействовать вмешательству США в регионе, однако этого единства не хватит для того, чтобы бросить Соединенным Штатам вызов в качестве альтернативного им центра силы.

Столь же маловероятной является перспектива превращения ШОС в полноценный военный блок. Во-первых, сотрудничество между странами до сих пор носит в основном политический, а не военный характер. Проводившиеся РФ и КНР совместные военные учения были призваны, скорее, продемонстрировать политическую близость стран, а не укрепить их военный потенциал. Во-вторых, такая перспектива пока не отвечает интересам ее участников. КНР в основном заинтересована в доступе к энергоресурсам и в сохранении политической стабильности на своих северных и западных границах. Россия же имеет военный союз со среднеазиатскими государствами в рамках ОДКБ и уже стала свидетелем его непрочности (выход и возвращение Узбекистана в ОДКБ). В сегодняшней ситуации создание военного пакта мо-

жет в большей степени привязать Россию к чужому конфликту, нежели обеспечить ей групповую поддержку в решении ее собственных проблем. Пока страны ШОС не выровняют уровень своего политического и экономического развития и не станут более взаимозависимыми, создание военного блока будет оставаться контрпродуктивным.

Таким образом, хотя ШОС превосходит такие объединения, как НАТО или ЕС по совокупному населению, территории и природным ресурсам, у нее пока нет перспективы развиться в мощное международное объединение, сравнимое с НАТО или ЕС. Основная причина такого положения дел состоит в том, что основные страны-члены имеют собственные стратегические интересы, препятствующие их плотной привязке к организации. Потенциал для военного и плотного политического объединения пока недостаточен, экономические связи продолжают оставаться весьма скромными в сравнении со связями стран ШОС с внешним миром. Существует и некоторая неопределенность, связанная с будущим изменением сравнительного веса России и Китая. Следует предположить, что ШОС продолжит развиваться по принятой сегодня схеме конкретного сотрудничества в отдельных областях и не перерастет в плотный политический или военный союз.

В целом же следует, как представляется, смелее развивать организацию. Несмотря на стремительный рост экономической, политической, а в перспективе и военной мощи КНР, опасения ряда российских политиков и экспертов относительно доминирования в ШОС КНР лишены оснований: все документы организации говорят о равноправии ее членов, что выгодно более слабым, так как это уравнивает их в правах с более сильными. Выход ШОС на новый этап развития поставило бы ее в ряд наиболее авторитетных международных институтов и способствовало бы продвижению российских национальных интересов в АТР.

Евразийский проект для России

Если в культурно-цивилизационном отношении Россия является европейской страной, частью Большой Европы, то в геополитическом плане ей не уйти от **евразийской миссии**. Если же всерьез говорить о такой миссии, то думать надо на самом деле не о том, как отсидеться от процессов глобализации в замкнутой Евразии (что предлагают отечественные неоевразийцы типа А.Дугина), а об активном включении в экономические интеграционные процессы, стремительно развивающиеся и в Европе, и в Азии, но пока без участия России. Нас не зовут в Евросоюз, на долю которого приходится 25% мирового ВВП. Договор с ним по-прежнему де-факто заморожен. Россия не участвует на равноправной основе в Азиатско-Тихоокеанском экономическом сообществе (АТЭС или АПЕК), доля которого в мировом ВВП (с учетом США) – более 50%. Само собой разумеется, мы не участвуем и в Североамериканской зоне

свободной торговли (НАФТА), доля которой – 28% мирового ВВП. Доля же всего СНГ – менее 3,5%, России в отдельности – 2,5%.

Между тем именно через эти три огромных региональных экономических объединения идет процесс экономической глобализации и консолидации мирового рынка. Таким образом, наше «евразийство» на практике осуществляется «с точностью до наоборот»: нас исключают и из Европы, и из Азии. Сами же создать хотя бы на постсоветском пространстве однородную экономическую зону мы оказались не в состоянии. Россию далеко не всегда зовут на регулярные встречи лидеров Европы и АТР, что является катастрофой для страны, называющей себя «великой евразийской державой». Ведь там обсуждаются амбициозные планы установления прямых внешнеэкономических связей между двумя крупнейшими региональными рынками.

Могут сказать, что Россия является членом «Большой восьмерки». Но там у нее по-прежнему нет равноправного статуса в ходе обсуждения вопросов глобальной экономики. И не потому, что такой статус ей не предоставляют по политическим соображениям, а потому, что Россия до этого статуса просто не дотягивает.

Особо следует отметить планы воссоздания Великого шелкового пути (ВШП), который через Центральную Азию должен напрямую связать АТР и, в первую очередь, динамично развивающуюся китайскую экономику и расширяющийся ЕС. По замыслу авторов этого плана, ВШП должен пройти в обход России по территориям Турции, Грузии, Азербайджана, Туркмении, Узбекистана, Казахстана (или Киргизии). Рассматриваются варианты с участием Молдовы, Украины, Армении и Ирана.

Если этот план будет реализован, то очень скоро через сеть трубопроводов, железных и шоссейных дорог, авиационных маршрутов и электронных коммуникаций Центральная Азия, которая до сих пор имела выход на мировые рынки только через Россию, превратится в связующее звено между ЕС и АТР.

Строительство такой трансевразийской магистрали создаст новое, по существу, глобальное геоэкономическое пространство. Если эта магистраль пойдет в обход России, то последняя буквально «выпадет» из него, что будет означать окончательную потерю статуса мировой державы. А с учетом того, что США имеют прочные экономические связи как с ЕС, так и с АТР, более того, занимают в каждом из этих региональных объединений господствующие позиции, вопрос о гегемонии Америки, по крайней мере, в XXI веке, будет решен окончательно и бесповоротно. США и в самом деле станут евразийской державой №1.

Помешать такому развитию событий может лишь одно: крутой геоэкономический маневр. Суть его в том, что Россия **своим экономическим развитием** должна в XXI веке связать евроатлантический и азиатско-тихоокеанский рынки, тем самым построив недостающее пока звено мировой экономической системы. При этом она должна стать

не мостом (это нечто второстепенное и вспомогательное), а именно активно работающим **связующим звеном** между двумя главными регионами завершающей свое формирование мировой экономики. И на этот счет пока имеются все необходимые предпосылки: только Россия может сделать максимально эффективными и экономичными (т.е. относительно недорогими) **наземные** (через реконструкцию Транссиба в Трансевразийскую магистраль Дублин–Лондон–Париж–Москва–Токио), **воздушные и электронные сообщения** между расширяющимися вглубь и вширь евроатлантическим и азиатско-тихоокеанским рынками и получить благодаря этому колоссальный импульс для внутреннего развития. В этом и состоит **Евразийский Проект России XXI века**, ее стратегия развития и, если угодно, экономическое измерение национальной (русской) идеи. Такая стратегия должна интегрировать экономическую, технологическую, промышленную, транспортную и информационную политику России, по крайней мере, на протяжении жизни одного поколения.

Если Россия окажется в центре глобальных рыночных процессов, то это даст объективный импульс центристским тенденциям в СНГ и превратит его в реальное содружество. Тогда все постсоветское пространство и в самом деле станет Евразией. В этом и состоит экономическая миссия России – завершить начатый много веков назад процесс освоения евразийских просторов, сделать «срединную землю» (Хартленд) глобальной осью развития мирового рынка. Это, в свою очередь, позволит нам не только вернуться в число великих держав, но и поддерживать мировое равновесие в геополитическом смысле (как это было всегда), не только предотвратить острую борьбу за «евразийское наследство», в которую могут быть втянуты Китай, США, Япония, Германия, исламский мир, но и обеспечить стабильность мирового порядка в XXI веке.

Наконец, это позволит России осуществить ее глобальную демократическую миссию – **замкнуть Северное Кольцо** (Европа–Россия–Япония–Северная Америка). Тем самым Россия может внести решающий вклад в создание единого пространства развитых демократических стран, разделяющих ответственность за мировое развитие и мировую безопасность.

Владимир РОЩУПКИН

ЛЕЙТЕНАНТ ДЖОНСОН ПО-АРАБСКИ НЕ ПОНИМАЕТ

В заокеанских СМИ активно обсуждается проблема изучения и совершенствования преподавания иностранных языков. Эта тема обрела уже не только общественное, но и государственное звучание. Почему вдруг? И вдруг ли? Журналисты и политики отмечают особую значимость языкового аспекта для национальных интересов США, не в последнюю очередь – в военной и разведывательной сфере.

Американская печать не раз приводила неутешительные факты о системе и качестве обучения иностранным языкам. Если в 1970 году русский язык в США изучали почти 40 тысяч студентов, то в конце девяностых – менее 24 тысяч. А сейчас и того меньше. Преподавателей русского языка и культуры в военном институте иностранных языков в Монтеррее (Калифорния) сократили в свое время почти вдвое (с 443 до 223), да и оставили только тех, кому скоро на пенсию. Вообще в наши дни только 8,2% студентов записались на курсы иностранного языка. При этом общее количество студентов колледжей и университетов выросло в 4 раза! Большая их часть изучают испанский, французский и немецкий. А ведь необходимость в знатоках других языков значительно возросла.

Ричард Брехт, управляющий Национальным центром иностранных языков в Мэрилендском университете и один из авторов книги «Язык и национальная безопасность в XXI веке», сравнивает нынешнее время с концом 50-х годов прошлого века. Сорок лет назад, в 1957 году, когда СССР запустил в космос первый в мире искусственный спутник Земли, США срочно предприняли общенациональные меры, чтобы поднять уровень преподавания точных наук. Сейчас, считает Брехт, то же самое следует сделать и с изучением иностранных языков. Правда, теперь все гораздо сложнее. Когда существовал Советский Союз, американским дипломатам, военным аналитикам и разведчикам требовалось знание только одного, русского, языка. Сейчас – в десять с лишним раз больше.

Общеизвестно, что обучать языкам надо с детства. Правительство США в интересах поддержки языкового обучения в начальных школах

разработало специальный законодательный акт под названием «No Child Left Behind». Его смысловой перевод приблизительно таков: ни один ребенок не должен отставать (в изучении иностранных языков. – *В.Р.*). Однако, несмотря на эти меры и пропаганду необходимости изучения иностранных языков, желаемые результаты пока не достигнуты. Только в семи из полусотни штатов изучение иностранных языков включено в обязательный учебный план школьников в возрасте от 6 до 12 лет.

Как отмечалось, владение иностранными языками обретает особое значение для американских вооруженных сил и разведывательного сообщества. Особенно в связи с ситуацией на Ближнем Востоке, где американские войска ведут боевые действия в Ираке и в Афганистане. Влиятельная газета «Вашингтон Пост» считает, что одна из причин отсутствия сколько-нибудь заметного прогресса «в войне с международным терроризмом» – недостаточная языковая подготовка американских военнослужащих и сотрудников спецслужб. Поэтому, мол, они в полной мере не готовы к борьбе с терроризмом. А под явком террористов за океаном сегодня в первую очередь подразумевают арабский, на котором говорят исламские фундаменталисты.

Однако, по данным крупнейшей американской спецслужбы – ФБР, до недавнего времени из числа ее 12 тысяч агентов только 33 хоть что-то понимали по-арабски. Тех же, кто языком действительно владеет, можно пересчитать по пальцам одной руки. А штат переводчиков после неоднократных сокращений был урезан. Так что неудивительно, что вооруженные силы и спецслужбы все больше испытывают потребность в специалистах с лингвистическим образованием.

На фоне вышеизложенного нелишне сказать, как обстоят дела в данной сфере у главного союзника США на Ближнем Востоке – Израиля. Знание иностранных языков – важнейший критерий подбора кадров в военной разведке Страны обетованной. Отбор кандидатов для службы в ее органах начинается еще со старших классов средней школы. Но при этом главный критерий – успехи кандидатов в изучении иностранных языков и других интересующих разведку учебных предметов. Перед выпускными экзаменами со школьниками после предварительного отбора проводится собеседование. Причем не только с парнями, но с и девушками. Им предлагают место военного переводчика на время их обязательной двухгодичной военной службы после школы. Те, кто согласен, после призыва в армию направляются служить в военную разведку.

Лучших из вчерашних школьников посылают учиться в школу военной разведки (в 5 км к северу от Тель-Авива), где, наряду с другими дисциплинами, изучаются или совершенствуются иностранные языки. По окончании военной разведшколы выпускники назначаются помощниками оперативных сотрудников на местах и служат там до получения капитанского звания. Затем их переводят в штабы военных округов или в штаб-квартиру военной разведки, где перед ними открываются перспективы дальнейшего роста. Так что языковые знания, обретенные еще в средней школе, – один из основных факторов служебного роста для офицеров израильской военной разведки.

Что касается американских коллег израильских джеймсов бондов, то они уже не раз попадали впросак из-за нехватки специалистов со

знанием иностранных языков. Как поведал тот же Ричард Брехт, по этой причине испытания ядерного оружия в 1998 году, проведенные Пакистаном и Индией, стали неприятным сюрпризом для американской разведки.

Так что сама жизнь выдвинула на повестку дня разработку и внедрение комплексного подхода к изучению иностранных языков не только в американской армии и в спецслужбах, но и на государственном уровне. По некоторым данным, в американском военном ведомстве уже вступил в силу не совсем обычный приказ. Его суть – деньги и языки. Или, если угодно, деньги на языки. Речь идет о серьезных дополнительных выплатах американским военнослужащим, которые хорошо знают иностранные языки. Как сообщалось, ежегодная прибавка за это может достигать ни много, ни мало 12 тыс. долларов (!) – в зависимости от сложности изучаемого языка и степени владения им.

В заокеанских СМИ отмечалось, что принять такое решение руководителей военного ведомства заставила сама жизнь. Как показал опыт войны в Ираке и Афганистане, нехватка квалифицированных военных переводчиков, да и просто людей, знающих местные языки, серьезно усложнила ведение боевых действий и выполнение спецопераций. В том же Ираке очень немногие из десятков тысяч американских военнослужащих, ведущих борьбу с повстанцами и обучающих иракских солдат, говорят на арабском языке. Незнание языка, а значит, и менталитета, местных реалий и традиций, создает большие сложности в общении «джи-ай» с местным населением, а следовательно, и в стремлении в позитивном свете представить пребывание оккупационных войск на иракской земле. Та же проблема – очень малое число тех, кто говорит на таких экзотических для Америки языках, как пушту и дари, и понимает их. Все это негативно сказывалось на миссии американских военных в Афганистане.

Как сообщалось, на ближайшие пять финансовых лет Пентагон запланировал выделить сотни миллионов долларов на финансирование «лингвистов». В частности, большие инвестиции будут сделаны в упоминавшийся выше Военный институт иностранных языков в Монтеррее. Выделенные средства также будут использованы в интересах овладения языками и совершенствования лингвистических навыков военнослужащими всех рангов.

Минобороны США планирует расширить языковую подготовку в трех военных академиях и проводить занятия за границей с целью получения языковых навыков. Сообщалось также о планах создания специального корпуса запаса для гражданских лингвистов в составе не менее тысячи человек, которые могли бы действовать с «джи-ай» за рубежом или в самих Соединенных Штатах.

Импульсом же к принятию вышеназванных мер послужило решение на самом верху – на уровне президента Джорджа Буша, который, как известно, является и верховным главнокомандующим. Еще в январе 2006 года он озвучил намерения правительства страны привлечь американскую молодежь к изучению иностранных языков. Это, по мнению Буша, должно помочь в борьбе с международным терроризмом. А позднее, на встрече с президентами американских университетов, заявил о необходимости специальной государственной программы, стимулирующей изучение языков. По его мнению, такая программа особенно нужна для того, «чтобы защитить эту страну». Более того, Буш заявил, что сегодня изучение иностранных языков является для США «стратегической целью».

Изучение иностранных языков, подчеркнул американский президент, необходимо для того, чтобы вовлечь другие народы в борьбу с международным терроризмом, а также для пропаганды в мире свободы и демократии. «Когда мы научимся говорить на иностранных языках, например на арабском, люди там, в арабском регионе, скажут: Боже, Америка нами интересуется. Им, американцам, мы не настолько безразличны, что они пытаются говорить с нами на нашем языке!», – дал волю своей фантазии Буш.

Президента поддержала и госсекретарь США Кондолиза Райс. «Америка на сегодняшний день не делает должных интеллектуальных инвестиций для того, чтобы наладить обмен людьми и идеями со странами иной культуры, для того, чтобы знать их язык и их обычаи; таких инвестиций, какие мы делали во время «холодной войны», – констатировала госпожа Райс. Кстати, сама она как доктор политологии, специалист по России и восточноевропейским странам еще студенткой освоила русский.

В нынешнем году Буш пообещал выделить 114 миллионов долларов на нужды национальной программы изучения иностранных языков. Разработаны планы по вовлечению детей в изучение иностранных языков с детсадовского возраста. Соответствующие ассигнования будут выделены не только министерству образования, но и военному ведомству, госдепартаменту, а также разведывательному сообществу США. К 2010 году ежегодные финансовые инвестиции в изучение иностранных языков увеличатся до 320 миллионов. Их будут интенсивно преподавать во всех военных учебных заведениях. Важнейшими для национальной безопасности языками объявлены арабский, китайский, русский, фарси и хинди.

Как сообщалось, в развитие «лингвистических установок» Буша Пентагон в ближайшие пять лет собирается потратить сотни миллионов долларов на то, чтобы обучить военнослужащих иностранным языкам. Из аналитических отчетов военных следует, что именно незнание ими языка местного населения в Афганистане и Ираке стало причиной отсутствия абсолютного успеха операций.

В ученом мире и в военном ведомстве с энтузиазмом восприняли сообщение президента, обратив внимание на то, что подобное решение должны были принять еще несколько лет назад. В программе будут принимать участие департамент образования, министерство обороны, госдепартамент, а также национальная разведка. Так что Пентагон конкретизировал президентские установки уже применительно к собственно военной сфере. Военное ведомство на выделенные деньги собирается создать национальный фонд безопасности. Он будет заниматься реализацией планов по изучению иностранных языков детьми с детского сада до университетского возраста.

Высокопоставленный представитель американского командования Ген Уильям Велес заявил о создании специального подразделения – группы скорой языковой помощи. На основе анализа потенциальной опасности для США она будет определять, на какие языки и географические объекты должна бросить все свои силы американская армия.

Однако специалисты считают: среднему американцу, будь он даже семи пядей во лбу, потребуется немало времени и усилий, чтобы изучить не только арабский, китайский, корейский и другие восточные языки, но хотя бы более легко усвояемые западноевропейские. Так что вряд ли немалые средства, выделенные американской администрацией на совершенствование изучения иностранных языков, окупятся достаточно быстро. В том числе и в интересах национальной безопасности.

Так что о своих интересах – геополитических и военных – Вашингтон, как видим, не забывает. Интересы же других стран и народов рулевые американского курса на однополярный мир нередко попросту оставляют за бортом.

Расим АГАЕВ (*Азербайджан*)

КУРДСКОЕ ГОСУДАРСТВО: МИФ, МЕЧТА ИЛИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ?

Идея создания национального очага одной из самых загадочных народностей Ближнего Востока – курдов, издавна владевшая умами наиболее воинственной и политизированной их части, судя по всему, обретает вполне реальные очертания. О перспективах этого геополитического проекта ныне рассуждают в европейских столицах. Брожением и надеждами охвачены курдские общины во всех странах рассеяния – от Москвы до Баку, не говоря уже о внушительной диаспоре на Западе. И хотя некоторые специалисты (Е.Примаков) склонны считать, что до создания нового крупного государственного образования дело не дойдет, поскольку это в конечном счете не в интересах США, России и других государств, так или иначе вовлеченных в события, разворачивающиеся на Ближнем Востоке, в международном политическом мнении утверждается иная точка зрения.

«Курды намерены добиваться от мирового сообщества статуса субъекта конфедерации во всех 4 странах компактного проживания – Турции, Ираке, Иране и Сирии (претендуя при этом на территорию примерно в 500 тыс. кв. км. – *Р.А.*)», – заявляет председатель Международного союза курдских общественных объединений, первый вице-президент Союза диаспор Российской Федерации, адвокат Мераб Шамоев. Заметим, что курдские политики не считают нужным делать секрета из того, что речь идет об изменении конституций и государственного устройства перечисленных стран. Стремительная федерализация Ирака, создание де-факто и де-юре курдского государственного образования – Иракского Курдистана делает эти планы не такими уж и гипотетическими.

Отсюда – необходимость пристальной взглянуть в саму панораму событий, равно как и в особенности политики лидеров народа, вознамерившихся с помощью столь радикальных методов создать собственное государство и нашедших в этих своих замыслах поддержку или согласие основных игроков всемирной шахматной доски. Сведения о происхождении этой, безусловно, древней народности, как и ее исто-

рии и численности, крайне скупы, противоречивы или же в определенной степени мифологизированы. Два характерных примера. Арабский полководец времен халифата Саладдин (Салахаддин), сыгравший большую роль в завоевательной стратегии арабского государства, его упрочении, объявляется главой средневекового курдского государства. Тот факт, что Саладдин по происхождению был курдом из Эрбиля, служит для некоторых авторов достаточным основанием считать усиление различных племен, династий (например, айубидов – XII–XIII вв.), контролировавших значительные территории, созданием мощного курдского государства, хотя ясно, что речь может идти о зачаточных формах этнополитических образований. Не говоря уже о том, что процессы укрепления тех или иных племенных династий осуществлялись в рамках арабского супергосударства, являлись результатом завоевательной стратегии халифата.

Принято считать, что исторически курды являются потомками мидян. Однако недавно известный турецкий историк, председатель Турецкого исторического общества Юсиф Халачоглу, обнародовал сообщение, вызвавшее немало шума в прессе, да и научном мире. Ученый утверждает, что, согласно имеющимся историко-архивным данным, часть иракских курдов – алевитов фактически являются туркманами (третья после арабов и курдов этническая группа в Ираке), генеологические корни же другой части восходят к армянам, которые, много веков назад слившись с курдскими племенами (или под видом курдов), вели совместную сепаратистскую войну против Османской империи.

Основная масса курдов исповедует ислам, главным образом суннитского толка, хотя различные их группы, достаточно крупные, считаются шиитами, как, например, в Иране и Азербайджане. Незначительное количество езидов и христиан проживает в Армении. Впрочем, некоторые армянские исследователи рассматривают езидизм в качестве некой научной этнополитической разработки, понадобившейся для того, чтобы избежать угрозы признания Армении страной «с курдским фактором».

ПАСЕ, в объективности которой трудно отказать, неоднократно изучавшая некоторые аспекты курдской культуры и истории, вынуждена была признать, что «вопрос, откуда появились курды, пока не получил окончательного ответа». В документах ПАСЕ курды рассматриваются как этническая группа, местом первоначального обитания которой считается Загрос-Таврский горный район у границ Турции, Ирана и Ирака.

Точная численность курдов неизвестна. Основной курдский массив находится на юго-востоке Турции (12–15 млн.), северо-западе Ирана (4–5 млн.), севере Ирака (5–6 млн.) и некоторых районах Сирии (1–2 млн.) Около одного миллиона представителей данной этнической группы проживает в различных странах мира, главным образом в Европе и республиках бывшего СССР – России, Армении, Азербайджане.

Курдский язык относится к северо-западной подгруппе иранской ветви индоевропейской семьи языков. Он коренным образом отличается от семитского арабского и алтайского турецкого языков, распадаясь на десятки диалектов.

Отчет истории курдского национализма ведется с восстаний XIX в., потрясавших Османскую Турцию и Персию, когда, собственно, впервые и был выдвинут лозунг создания курдского государства (1880). Длительное время эта национальная идея не простиралась далее требований о предоставлении автономии курдскому населению в той или иной стране. Впервые курды вплотную приблизились к созданию собственной автономии в Азербайджане после советизации последней в 1920 году. В июле 1923 года азербайджанскими властями был образован Курдистанский уезд в составе трех районов, где большинство населения составляли курды. Неофициально эта административная единица, в последующем преобразованная в округ с включением еще двух районов и с центром в Лачине (ныне весь этот регион оккупирован Арменией, население его изгнано с мест проживания), стала называться Красным Курдистаном. Воспринимавшийся многими как курдская автономия, Красный Курдистан, просуществовав семь с лишним лет, распался на районы после введения этих новых советских административных делений. Не исключено, что Советы заигрывали с курдами в свете превалировавшей на том этапе теории о перманентной революции, со временем трансформировавшейся в официальную доктрину КПСС, согласно которой СССР оказывала всестороннюю поддержку различным отрядам антиколониальных движений. На это, в частности, указывают и некоторые другие факты: газета «Красный Курдистан» издавалась до 1962 года, после подавления в Турции курдского восстания под предводительством Шейха Саида (1925 г.) часть его участников поселилась в Азербайджане и т.д. Стоит, пожалуй, в данном контексте упомянуть и Мехабадскую республику, созданную к концу Второй мировой войны в Иране, просуществовавшую почти год (1946) и поддержанную вспыхнувшим тогда же Барзанским восстанием по соседству в Ираке, получившим свое название по имени племен и шейха, возглавившего его, – Мустафы Барзани. Главным наследием Мехабадской республики и Барзанского восстания было создание двух организаций: Демократической партии Иранского Курдистана и Демократической партии Курдистана (Ирак).

Создание курдского автономного образования в Иране напрямую было связано с введением советских войск в эту страну, попытками Москвы с помощью наиболее крупных после персов этнических групп – азербайджанцев и курдов – надолго закрепиться на этом важном, с точки зрения нефтяных ресурсов и геополитического положения, плацдарме. Тогда-то и установились разносторонние связи шейха М.Барзани с Советами. После поражения многие активисты и руково-

дители восстания вновь оказались на территории СССР, и вновь в Азербайджане...

Молодой, энергичный лидер, отличавшийся упорством, целеустремленностью и недюжинными физическими данными, Мустафа Барзани некоторое время жил в Баку под фамилией Мамедов и даже пользовался вниманием властей – высокопоставленный эмигрант со своими приближенными был взят на государственное довольствие, принят тогдашним всесильным руководителем Азербайджана М-Дж.Багировым, приставившим к нему охрану из числа азербайджанских чекистов курдского происхождения. Однако планы относительно повстанческой группировки в Москве вскоре изменились, и М.Барзани со своим отрядом оказался в Узбекистане, где о нем надолго забыли. Е.Примаков пишет, что напомнил Москве о себе шейх сам, каким-то образом вырвавшись из ташкентского плена и с шумом явившись прямо в Кремль. После этого визита внимание к иракским курдам в СССР усилилось: они были направлены на учебу в партийные школы, вузы, получили работу. Их практический опыт и теоретическая подготовка оказались очень скоро востребованы на Ближнем Востоке, где, вдохновленные примером египетского полковника Гамаль Абдель Насера, военные возглавили революционные перевороты в Ираке, Сирии, Йемене, а позже и в Ливии. Сразу вслед за военным переворотом, совершенным иракским насеристом полковником Касемом в Багдаде (1958 г.), М.Барзани десантируется со своими людьми в родные края – горы Иракского Курдистана, и с этого момента центр автономистского движения курдов смещается в Ирак.

Перипетии борьбы за создание курдского автономного района в Ираке сложны, противоречивы. Восстание под руководством М.Барзани длилось с 1961 по 1975 год, то вспыхивая, то угасая. К моменту укрепления у власти С.Хусейна стало ясно – курды, наладив контроль за северным районом страны, фактически легализовали курдскую автономию, де-факто существовавшую на севере страны. Мустафа Барзани как лидер воссозданной им Демократической партии Курдистана приобрел международную известность и поддержку. В конечном счете официальный Багдад пошел на уступки. Был конституирован Курдский автономный район (1974), разумеется, во многом с урезанными правами. Отношение руководства ДПК к багдадскому компромиссу было двояким – официально отклонив закон об автономии, на практике оно продолжало контролировать Северный район, пользуясь предоставленными правами, стремясь расширить автономию за счет приращения новых территорий, взятия под контроль, прежде всего, нефтяных районов и коммуникаций.

К середине 1970-х годов Багдад заручился поддержкой СССР, наладил сотрудничество с рядом европейских стран. Сумел найти он взаимопонимание – в курдском вопросе – и с Тегераном. Шах, оказывав-

ший иракским повстанцам помощь с 1970 года, в обмен на оккупацию трех небольших островов в Персидском заливе согласился перекрыть тропы, по которым поступала гуманитарная и военная помощь Барзани. Коронованный союзник курдского вождя не мог не учитывать того, что, ослабляя Ирак – традиционного соперника Ирана – с помощью М.Барзани, он одновременно усиливает курдское движение, в том числе и среди собственных подданных. Куда выгодней было в союзе с Багдадом покончить с курдскими притязаниями, а заодно и прирастить к собственному государству новые земли, продемонстрировав всем соседям окрепшие иранские мускулы. Эта типично восточная политическая комбинация полностью подтвердила ожидания их авторов. Знаменитые партизаны – пешмерге – после кинжального удара в спину продержались считанные месяцы. Курдская автономия в Ираке была ликвидирована, М.Барзани пришлось бежать из страны. И тут выяснилось, что бывший советский иммигрант местом жительства предпочел США (где и скончался в феврале 1978 г. у трапа самолета, на котором он намеревался вернуться в родные края после свержения иранского шаха). Так получило огласку то, о чем и без того догадывались многие, – Барзани лавировал между двумя супердержавами не хуже многих арабских лидеров.

Советский Союз закрыл глаза на ликвидацию дружественным Ираком курдской автономии, поскольку сохранял политическое влияние в курдском массиве, ибо одна из старейших политических организаций Иракской республики – Коммунистическая партия (ИКП) во главе с ее бессменным лидером Мухаммедом Азизом – в основном состояла из курдов (впрочем, так же, как сирийская компартия во главе с Халедом Багдашем). Взаимоотношения курдских политических сил, и до того не отличавшиеся толерантностью, оказались надолго раздробленными не без участия их заклятого врага С.Хусейна, успешно пользовавшегося в борьбе против сепаратистов подкупом и травлей наиболее непримиримых лидеров. В конце концов, старший сын Мустафы Барзани, Масуд, стал как бы наследником шейха, что вполне вписывалось в династические традиции курдских племен, занял лидирующие позиции в достаточно пестром раскладе политических сил Иракского Курдистана. (Помимо основных партий – Демократической партии Курдистана и Патриотический союз Курдистана – на территории автономии действует с десятков других политических организаций левого, лево-радикального, а также исламистского, в том числе крайне экстремистского толка.)

Обретя после войны 1991 года фактическую независимость, курдская автономия раскололась, более того, ее ведущие организации – Демократическая партия Курдистана (ДПК, лидер Масуд Барзани) и Патриотический союз Курдистана (ПСК, лидер Джаляль Талабани) вступили в военное противоборство. К моменту американского вторже-

ния в Ирак в Курдистане фактически действовали два правительства: в Эрбиле располагались властные структуры ДПК, в Сулеймании – ПСК.

Многое указывает на то, что при планировании иракской войны Пентагон рассчитывал опереться на курдских лидеров и руководимые ими политические силы, имел с ними налаженные связи. Противоборствующие отряды курдского движения очень быстро высказались за примирение. Это единодушие не замедлило сказаться при формировании единого национального правительства. Его возглавил лидер ДПК, а вице-премьером стал представитель ПСК. (Усиление последней обеспечено тем, что ее бессменный лидер Джалаль Талабани американцами поставлен во главе всего иракского государства. Устойчивость этой властной конструкции обеспечивается не столько внутренним ресурсом государственности, сколько американским присутствием. Этот ход удивительно повторяет британский опыт удержания Ирака, когда почти четверть века этой страной управлял генерал Нури Саид, курд по происхождению, жестокостью и продажностью вызвавший всеобщую ненависть.)

Поделив поровну министерские портфели, правящий тандем шесть оставшихся кресел предоставил представителям нацменьшинств, исламистам, социалистам и коммунистам. Вот как выглядит новый Курдистан в описании газеты «Бабиль»: «Формально это часть Ирака, однако никто уже не использует это слово. Их телекомпания называется «Курдтель», телевидение – Курд ТВ, и все остальное – также курдское. Безопасность Курдистана обеспечивается силами ВВС США и Великобритании, Курдистан получает 18% доходов от иракской нефти через ООН, а также дополнительные доходы от продажи контрабандной нефти Турции». К сказанному остается добавить, что МВД Ирака впервые в истории страны начало выдачу паспортов с отметками на курдском языке. Пешмерга – курдские военизированные отряды – преобразованы в регулярную армию.

Иначе говоря, иракские курды добились не только самоуправления в границах провозглашенной ими автономии, но и заняли особое этнополитическое положение в обреченном на конфедеративное устройство Ираке. Это вызвало вполне ожидаемое недовольство суннитов и шиитов, раздраженных тем, что пропорции представительства в управлении государством явно сложились в пользу курдов. Составляя всего лишь 15% населения, в центральном управлении государством они занимают 25% мест. Таким образом, перекося в распределении властных полномочий, являвшийся бедой всех существовавших политических систем в Ираке со времен Османской империи, когда суннитское меньшинство превратилось в лидирующую этноконфессиональную силу при более чем 60% шиитском большинстве населения, сменился другим – курдским. (Вовсе не случайно, что курды и шииты выступают за феде-

рализацию страны, а сунниты – против и безуспешно, хотя им и удалось оттянуть до 2008 г. сроки непосредственного создания автономий.

На позиционирование упомянутых этноконфессиональных группировок серьезно влияет нефтяной фактор. Основные месторождения углеводородного сырья находятся в районах контролируемых курдами и шиитами. Из чего неумолимо следует также, что на данном историческом повороте суннитская группировка, похоже, лишилась власти надолго.)

Выступая в качестве партнеров США, курды достигли того, чего они десятилетиями безуспешно добивались от Багдада, – своей доли от нефти. Улучшение материального положения политических лидеров, полевых командиров, формирующейся бюрократии прибавило им амбиций, а самой, говоря на местном политическом сленге, курдской революции – новое дыхание. Лидеры ведущих курдских партий открыто требуют расширения границ Курдского автономного района. Под этим подразумевается необходимость включения в его состав богатого нефтью Киркука, который намечается сделать столицей автономии (по геологическим прогнозам, недра юга Курдистана хранят 45 млрд. баррелей нефти и 100 триллионов кубометров природного газа). По некоторым данным, ДПК и ее лидер Масуд Барзани в недавнем прошлом наладили особые связи с Турцией, благодаря которым компании выплачивали им сотни миллионов долларов в виде своеобразной пошлины за безопасность транспортировки киркукской нефти в порт Джейхан.

Теперь лидер ДПК настаивает на предоставлении курдам полного контроля над добычей нефти. Однако и в Багдаде, и в Анкаре хорошо помнят, что в свое время Барзани (старший), которому принадлежал лозунг «Курдская нефть – курдам!», в обмен на поддержку США обещал после взятия под контроль киркукских месторождений передать их в концессию американским компаниям.

Итак, в результате событий 1991–2003 годов на Ближнем Востоке фактически появилось полунезависимое и притом имеющее легальный правовой статус курдское государственное образование, которое в геополитическом отношении превращается в важнейшую опору и надежнейшую базу США в регионе. Заинтересованность США в существовании курдской государственности в Ираке делает автономию практически неуязвимой и превращает ее в реальную политическую силу. Необходимо также отметить, что упорство иракских курдов, их умение, используя противоречия среди мировых сил, располагать к себе одни, заключая при этом тайные союзы с другими, достаточно долгое существование автономии в Ираке, какой бы ограниченной она ни была, имели огромное значение для пробуждения национального самосознания многочисленного разделенного народа. Повсюду в странах рассеяния курды располагают общественно-политическими организа-

циями самого различного направления, отлажены и связи со многими международными организациями, прежде всего ПАСЕ.

Осознание реальности перспектив автономистского движения усилило процесс консолидации национальных сил. Реальная автономия рассматривается курдскими идеологами как часть общенационального движения. Оказание практической помощи братьям в других странах в их борьбе по достижению автономии объявляется общенародной патриотической целью.

К сожалению, иракский опыт – повстанческий – стал восприниматься в курдском массиве, прежде всего, турецком, куда сместился Центр курдского сепаратистского движения, как наиболее эффективный путь реализации автономистских проектов. Это нанесло ему ощутимый морально-политический урон, ибо Анкаре удалось добиться признания международным сообществом Рабочей партии Курдистана (РПК) террористической, а затем и ареста ее лидера Абдуллы Оджала-на. Боевикам этой полувоенной организации пришлось перебазироваться в северные районы Ирака, откуда они совершают регулярные террористические рейды в глубь Турции. (Турецкие власти утверждают, что за последние четверть века их потери в этой «неизвестной войне» составили 47 тыс. человек.) На стороне РПК действует примерно 3500 боевиков, причем 1500 из них находятся на территории Турции, активно участвуя в необъявленной террористической войне против этого государства, члена НАТО. Последнее обстоятельство, однако, никак не подвигло союзников по атлантическому альянсу совместно противодействовать РПК, имеющей разветвленные связи со многими отрядами международного терроризма. Следствием этого явилась новая волна насилия (2006–2007 гг.) со стороны РПК, выступающей за создание «независимого социалистического Курдистана» в Юго-Восточной Анатолии. (Одновременно с РПК проявляют активность и ряд экстремистских группировок, такие как «Соколы освобождения Курдистана», Армия освобождения народов Курдистана.)

Намерение Анкары провести широкомасштабную военную операцию в северных районах Ирака встретило ожесточенное сопротивление Вашингтона. «Турция не удовлетворена результатами процесса координации противодействия террору с США в Северном Ираке, поэтому при необходимости она может провести трансграничную операцию на сопредельной территории», – в такого рода заявлениях (оно принадлежит спецпредставителю Турции по борьбе с терроризмом генералу Эдип Башеру) в течение 2007 года не было недостатка. Однако Вашингтону, кажется, удалось отговорить Анкару от большой войны. Обеспокоенность американцев, думается, вызвана не столько судьбой курдских боевиков, сколько плохо скрытыми планами Турции взять под контроль нефтеносные районы Киркука. Комментируя позицию Турции по предстоящему референдуму о статусе Киркука, населенно-

го туркманами, глава турецкого правительства Реджеп Тайип Эрдоган жестко заявил, что Анкара не позволит повторить сценарий оккупационной политики, реализованной армянами в Нагорном Карабахе. По его словам, иракские курды проводят в Киркуке этнические чистки. «Итоги подобного референдума неприемлемы, так как демографическая карта Северного Ирака насильственно изменена», – подчеркнул он. (К слову, в самом спорном городе, забыв о традиционной вражде, сунниты и шииты сообща противятся установлению чисто курдского правления, в то время как Национальный туркманский фронт Ирака, пользующийся поддержкой Анкары, объявил о создании Иракского Туркменистана со столицей в Киркуке.)

Нерешительность Турции больно ударила по авторитету генералитета, традиционно считающегося гарантом государственности страны. Атаюрка, серьезно поколебала позиции правящей происламской Партии справедливости, вызвала небывалый всплеск антиамериканизма. В состоянии приближающегося кризиса оппозиция настояла на проведении досрочных парламентских выборов. Но выборы обернулись для нее неприятным сюрпризом: партия Эрдогана одержала убедительную победу. Оказалось, что за правящую партию подало голоса подавляющее большинство курдского населения. Секрет такого единодушия раскрылся при формировании парламента – из 340 мест (всего их 550), доставшихся Партии справедливости, 70 получили депутаты курдского происхождения. Еще 20 голосами располагает курдская Партия демократического общества (ПДО) – единственная легальная партия, отстаивающая интересы турецких курдов, благодаря чему ей удалось сформировать свою фракцию в парламенте. Впервые в истории турецкого парламентаризма курдские депутаты превратились в третью по численности влиятельную силу законодательной власти.

Склонная к конспиралогическому объяснению социально-политических явлений, турецкая пресса обвиняет правящую партию и ее лидеров в сговоре с курдами под патронажем американцев. «В настоящее время Ирак для нас приоритетнее переговоров о вступлении в Европейский Союз», – заявил турецкий премьер, пытаясь успокоить общественность.

Позиция Турции в отношении Ирака взаимоувязана с курдской проблемой. Анкара «готова оказывать любую поддержку народу Ирака – главное, чтобы она способствовала обеспечению территориального единства и целостности страны», которая имеет для Анкары «крайне важное значение», – заявляет Эрдоган. Это значит – Турция всячески стремится воспрепятствовать образованию курдской автономии, прекрасно сознавая, чем это грозит ей самой. В то же время отмечено турецкое экономическое проникновение в Ирак и, прежде всего, в его северную часть. По данным торговой палаты Диарбакыра, стоимость турецких поставок северу Ирака, особенно продовольствия и стройма-

териалов, к концу 2007 года достигло 5 млрд. долларов. Начиная с 2003 г. турецкие строительные фирмы заключили контракты на сумму 2 млрд. долларов. Ожидается, что турецким компаниям достанется львиная доля контрактов на сумму 15 млрд. долларов, которые будут осуществляться в ближайшие три года в Курдистане.

Как бы ни развивались военные операции турецких вооруженных сил на севере Ирака, во взаимоотношениях Вашингтона и Анкары обнаружили серьезные противоречия, что не может не стимулировать активизацию курдского движения в Турции. Внутриполитическая ситуация в стране резко изменилась после сообщений о том, что официальные лица США избегают называть РПК террористической организацией, а заявление президента Джорджа Буша о том, что курды являются союзниками Америки, повергло Анкару в шок.

Курдские организации повсеместно развернули мощную пропагандистскую кампанию, подключая к ней свои широкие международные связи. Они обвиняют Турцию в преследовании курдов и призывают Европу оказать давление на нее. В последнее время курдские организации говорят о возможности обращения с жалобой в Совет Безопасности ООН. ПАСЕ фактически солидаризировалась с этими обвинениями, заявив, что «в течение многих десятилетий власти Турции не признавали курдов». В то же время Ассамблея констатировала, что ситуация с правами курдов изменилась в положительную сторону после того, как в 2004 году турецкое национальное телевидение начало вещание на курдских диалектах, а также было разрешено открывать курсы курдского языка. Отмечается, что в Турции более не существует запрета на книги, звукозаписи и проведение концертов на курдском языке. С марта 2006 года впервые два частных региональных телевизионных канала и одна радиостанция начали транслировать короткие программы на курдском языке.

Но, судя по накалу страстей и непримиримости, опасно напоминающих армяно-азербайджанское противостояние в начале 90-х годов прошлого века, правительственные реформы не удовлетворяют ни одну из сторон.

«Диарбакыр – наша неприступная крепость. Если кому-то хочется взять ее – мы ждем его. Мы достойно встретим каждого, кто попытается взять эту крепость!» – это воинственное заявление Байдемира, мэра упомянутого полуторамиллионного города, считающегося оплотом курдского национализма в Турции, взорвало турецкий парламент (попутно отметим, что Диарбакыр в Ереване считают исконно армянской землей). Ничего подобного Турецкая республика не слышала на протяжении всего своего существования.

«Чем больше курды будут бороться, тем скорее будут внесены изменения в турецкое законодательство», – считают курдские лидеры. Официальная Анкара отвергла предложение о перемирии, объявлен-

ном РПК с 1 октября 2007г. «Договоренность о прекращении огня достигается между государствами, – считают в Анкаре. – Это неприемлемо в отношении террористической организации».

Три важнейших события последнего времени – поддержка Вашингтоном курдов в Ираке, благосклонная позиция ЕС в отношении курдского автономистского движения в Турции и скандальная история в американском конгрессе, связанная с резолюцией о геноциде армян во времена Османской империи, подтвердили то, о чем уже многие догадывались: для США и, даже в более широком плане, – НАТО, Турция потеряла свое стратегическое значение. Более того, их интересы пришли в явное противоречие. Прорыв через Турцию в прикаспийскую зону посредством расчленения тюркско-мусульманского массива, лишение Анкары ее лидирующей роли в рассматриваемом регионе стоят, видимо, союзнических обязательств. В контексте сказанного перспективы курдского государства смотрятся куда как реальными.

«Курдская карта» на разных этапах разыгрывалась многими мировыми силами: Великобританией, нацистской Германией, Советским Союзом. Однако сами курды, как и их идея о национальном очаге, всегда играли подчиненную роль в геополитических играх на Ближнем Востоке. Какая роль отводится им на данном историческом этапе? Отношение Запада (и не только Запада) к курдскому вопросуотягается целым рядом факторов геополитического и этнополитического свойства. Для современной международной политики существует внутренний курдский вопрос по отдельности в Турции, Иране, Ираке и Сирии. Поэтому на международном уровне складываются различные отношения к курдской проблеме в каждой из стран региона. Положение усугубляется и отсутствием единой консолидированной позиции по внешним вопросам у самих курдов. Их политические силы по-разному видят роль западных стран в решении курдской проблемы. Проамериканская ориентация наследников шейха Барзани вовсе не означает, что в курдском движении нет сил, которые, как и во времена биполярного мира, не настроены враждебно в отношении США и Израиля. Не стоит забывать, что оно оказалось особо чувствительным к коммунистическим идеям и тому, что называлось в советской идеологии левацким уклоном.

Обращают на себя внимание противоречия в политических установках курдских идеологов по вопросу европейской интеграционной стратегии Турции. Понимание того, что в результате присоединения Турции к ЕС самая большая часть Курдистана может стать частью объединенной Европы, никак не стимулирует действия, направленные на ускорение интеграционных процессов, нацеленность на ускоренное формирование внутренних социально-экономических и культурных предпосылок, способствующих реализации общенациональной, общегосударственной задачи. Хуже того, методы агрессивного сепаратизма,

применяемые РПК, серьезно ослабляют позиции Анкары в европейских структурах, ставя под сомнение ее стратегический выбор. В целом положительно относясь к культурно-политическому обособлению курдов, ПАСЕ в то же время считает нужным обратить внимание курдских политиков и правозащитников на то, что многим из тех, кто возлагает надежды на общее с Европой будущее, «необходимо модернизировать свои взгляды». Дабы не оставалось сомнений относительно того, что именно беспокоит ее в курдской ментальности, Ассамблея сочла нужным указать, что стране, где убийство во имя защиты чести все еще воспринимается как одна из национальных традиций, нет места в Европе, исповедующей права человека. Западные исследователи курдского вопроса обращают внимание и на характерные для курдов развитые племенные структуры и внутрисемейные отношения.

К сожалению, особенности национальных традиций слишком часто сказывались на политических отношениях не только с властями, но и между соперничающими курдскими группировками и лидерами, отличающимися крайней нетерпимостью во взглядах, непримиримой враждебностью. К каким трениям может привести в дальнейшем растущее значение нового фактора – нефтяного – во взаимоотношениях курдских автономий, будь они созданы в будущем, можно только догадываться. Тем более, что крупные политические силы курдов неиракского происхождения вряд ли согласятся признать над собой власть кланов Барзани или Талабани. С этой точки зрения появление устойчивого общего курдского государства в масштабах субконтинента, по крайней мере, в обозримом будущем, может быть лишь предметом смелых теоретических предположений. «Даже если Ирак разделится и курды создадут свое государство, мы за то, чтобы продолжать жить в составе Турции», – утверждают лидеры упоминавшейся выше легальной курдской партии в Турции.

И все же очевиден факт – роль и значение курдского фактора, его влияние на расклад сил и общую ситуацию в регионе серьезно возросли. В настоящее время существует пять спутниковых каналов на курдском языке, Интернет и мобильная связь не только объединяет курдов во всем мире, но открывает новые возможности для координации разрозненных частей диаспоры, расширения общекурдского информационного, политического и даже финансового пространства. Нефтедоллары уже сейчас работают на курдский сепаратизм, по крайней мере, в Турции. Отряды РПК гораздо лучше оснащены, чем несколько лет назад, курдские политические организации обладают значительными финансовыми возможностями. О последнем свидетельствуют неоднократные контрабандные валютные поступления в Турцию. Две попытки провезти через границу значительные суммы валют из Азербайджана, в одном случае – 1,5, во втором – 40 млн. американских долларов, были пресечены турецкой таможней и получили оглас-

ку. (Эти странные инциденты, вкуче с сообщениями о переселении в Азербайджан новых групп курдских беженцев, появление в ближайшем окружении президента Г.Алиева лиц курдского происхождения дали повод азербайджанской оппозиции обвинить политическое руководство страны в тайных связях с РПК. От судебного преследования тогдашнего лидера оппозиции А.Эльчибея спасло лишь вмешательство турецкого президента Демиреля.) Таким образом, Турция уже на данном этапе вынуждена решать вопросы, связанные с автономизацией курдских районов. Скорее всего, с этой проблемой в ближайшем будущем столкнется и соседний Иран. Процесс автономизации этих стран представляет определенное политическое удобство для США, ибо сделает мусульмано-тюркский конгломерат государств Большого Ближнего Востока более управляемым. Подтверждение тому – формула взаимоувязки сепаратизма и государственного единства, к которой прибегает Вашингтон в отношении Ирака. Несмотря на очевидное стремление Иракского Курдистана к провозглашению независимости (уже собрано свыше 1,7 млн. подписей населения региона в поддержку проведения референдума), США официально выступают за территориальную целостность Ирака, подчеркивая при этом – Ирака демократического и федерального. Из этого следует, что решение курдской проблемы не только в Ираке, но и в Турции, Иране, скорее всего, будет носить поэтапный и эволюционный характер.

Однако динамизм и живучесть любому национализму придают не только внешняя поддержка, но, прежде всего, внутренняя энергия народного движения, которым, как показывает опыт революций, и не только арабского Востока, часто пользуются их амбициозные вожди. Думается, история курдского движения, его истоки, этнополитические коллизии, порожденные им, наилучшим образом свидетельствуют о том, что такого рода геополитические проекты, основанные на так называемом историческом праве, входя в непримиримое противоречие с принципом территориальной целостности, компрометируют другой общепризнанный принцип – право наций на самоопределение. Нельзя не согласиться с тем, что опыт создания государственных образований на основе исторического права породил трудноразрешимый клубок проблем, сказывающихся на самочувствии всего мирового сообщества.

Отсюда вывод: перспективными, а главное, куда более отвечающими интересам всех народов региона были бы опробованные американо-европейским многолетним опытом проекты культурных автономий, позволяющие избежать гражданского противостояния и создающие наиболее благоприятные условия для совместного проживания, саморазвития народов в общем доме, predetermined их совместной историей. Новый разворот событий в регионе уже взломал государственные границы, пока внутренние, что, видимо, вполне вписывается в

планы США по модернизации региона, называемого ими Большим Ближним Востоком, нуждающегося, по мнению американских стратегов, в проведении демократических реформ, экономической либерализации «ради борьбы с бедностью и отсталостью, которые порождают терроризм». Учитывая особенности политики, экономики и стиля жизни на Ближнем Востоке, кажется маловероятным, чтобы «американская модель демократии» имела там будущее. Многие эксперты в Европе скептически относятся к программе «реконструкции» Ближнего Востока, указывая на то, что уже первые шаги в этом направлении лишь усилили нестабильность, привели к активизации экстремизма и терроризма.

Новая перекройка политической карты Ближнего Востока угрожает эскалацией напряженности в широком международном масштабе, вовлечением в конфликт новых сил, опасно расширяя его геополитическую зону. Решение курдского вопроса именно в предлагаемом варианте спровоцирует новые обращения к существующему опыту ирредентизма со стороны других народов, имеющих исторические претензии на территории современных международно признанных государств. Следствием «перестройки» по-американски может явиться появление нового очага длительной дестабилизации, опасно продвигающегося непосредственно к границам Большой Европы.

Использованная литература

1. *Примаков Е.* Ближний Восток на сцене и за кулисами. – М., 2006.
2. *Мирский Г.* Статьи и интервью в «НГ»: «Россия в глобальной политике».
3. *Агаев Р.* Ирак: революция и диктатура. – Баку, 1991.
4. *Демиденко С.* Появится ли на Ближнем Востоке курдское государство? // Вестник аналитики, №2, 2007.
5. *Документы ПАСЕ:* «О выполнении Турцией своих обязательств» (док. 9120 от 2001 г. и док. 10111 от 2004 г.) и «О гуманитарной ситуации перемещенного курдского населения в Турции» (док. 9391 от 2002 г.). Предварительное издание Резолюция 1519 (2006) 11 «Положение курдской культуры»; «аш-Шарк-аль-Аусат», 19.04.2007, Турция и курды: от Киркука зависит будущее.

Анатолий ЦЫГАНОВ

РОССИЯ НА ПРОСТРАНСТВЕ БЕЗОПАСНОСТИ СНГ

По своему воздействию угроз общее пространство безопасности стран СНГ можно разграничить на подпространство непосредственно российской части. Наибольшую сложность для межгосударственных отношений СНГ в последнее время приобретают классические проблемы безопасности, к которым относятся угрозы силового характера, развязывания военных действий или террористические угрозы, или угрозы в области пограничной сферы (незавершенность создания самой пограничной системы у государств Средней и Центральной Азии, наркотрафик, демаркация границ, минные поля вдоль государственных границ) и таможенной сферы (незаконная миграция, увеличение контрабанды, слабость самой таможенной системы), религиозная экспансия, замороженные конфликты, серые и черные схемы экспорта вооружений. Не меньшее воздействие оказывают проблемы безопасности иного плана, иной конфигурации: проблемы смены политических элит в государствах СНГ, выбирающих других партнеров, союзников и другие векторы развития, проблемы транспортные и энергетические, информационные.

Условно эти проблемы безопасности можно разделить на те, которые влияют на все пространство безопасности всех стран СНГ или ряда регионов в составе безопасности СНГ: Северо-Западной части СНГ, Западной части СНГ, Кавказской части СНГ, Средне- и Центрально-Азиатской части СНГ, Сибирско-Дальневосточной части СНГ.

Иерархия пространства безопасности СНГ

На пространство безопасности России как мирового игрока воздействуют процессы, идущие и предполагаемые на пространстве Европы, Африки, Ближнего Востока, Центральной, Юго-Западной и Юго-Восточной Азии, Азиатско-Тихоокеанского региона, Северной Америки. Примером тому может служить проблема американской противоракетной обороны как элемент передового базирования средств ядерного

нападения, первый район которой расположен в Северной Америке (на Аляске), второй – совместный японо-американский морской компонент в Японском море и на Корейском полуострове, третий планируется разместить на территории Польши и Чехии, четвертый – на территории Великобритании, а радиолокационные станции в Норвегии и Гренландии. Не следует забывать и о совместной израильско-американской ПРО на Ближнем Востоке.

Основное влияние на уровень пространства безопасности оказывает угроза со стороны так называемого «международного терроризма», которая носит очевидный характер. Все увеличивающиеся угрозы исламского терроризма при финансовой поддержке его основных центров со стороны Саудовской Аравии и Пакистана и не просчитанные последствия войны в Ираке на сегодняшний день являются основными.

Несмотря на транснациональный характер террористических угроз, за ними всегда стоят конкретные государства. Другими словами, за формально внутренней угрозой фактически стоит внешняя. Следует прямо сказать, что для пространства безопасности России и СНГ главную угрозу представляет исламский терроризм, основными спонсорами которого являются Саудовская Аравия и Пакистан.

Значительное влияние на изменение уровня безопасности оказывают процессы трансформации вооруженных сил США и расширение НАТО на Восток, в регионы Кавказа, Средней и Центральной Азии, не снижаемые сотрудничеством в рамках Совета Россия–НАТО. Появление серых неконтролируемых зон в Европе и дисбаланс в вооружениях порождают новые проблемы в контроле над обычными вооружениями.

Приблизившийся к границам СНГ Североатлантический альянс, невянятно обосновывающий свое продвижение к Черному и Каспийскому морям, создающий свои базы в Средней Азии и не уменьшающий ни одной реальной угрозы, будь то наркомания или незаконная миграция, несет угрозу общему пространству безопасности своими решениями действовать без определения границ своих действий. Настораживает и возможное развязывание нового вооруженного конфликта с Ираном, непосредственно примыкающего к южным границам СНГ. Страны – члены НАТО сократили частично свои военные арсеналы, однако и оставшиеся силы многократно превосходят военные возможности стран СНГ.

Угроза со стороны США и НАТО для пространства безопасности является на сегодняшний день угрозой гипотетической, но, вполне вероятно, может стать реальной. В политическом плане это может сказаться в вычленении блоком НАТО калининградского анклава и создании предпосылок для давления на Россию под угрозой размещения вдоль границ воинских контингентов участников блока. В военно-технической сфере – это модернизация бывшей инфраструктуры ВС СССР и Варшавского блока, способствующей развертыванию крупных передо-

вых группировок войск, которые реально могут представлять угрозу странам СНГ и России; увеличение глубины воздействия тактической авиации НАТО с аэродромов новых членов практически на глубину Европейской части России; расчленение системы базирования Балтийского флота на Калининградскую и Санкт-Петербургскую и резкое сужение действий Черноморского флота.

Проблемой, влияющей на пространство безопасности на южных рубежах, но о которой политкорректно стараются не распространяться политики, является наличие спорных участков границы между Китаем и Казахстаном, Китаем и Вьетнамом, Китаем и Тайванем. Не исключается непредсказуемость развития событий при развале империи коммунистического Китая и возможных конфликтов в приграничных областях, в частности, на границах с Синьцзян-Уйгурским автономным районом КНР, из-за слабо прикрытых территориальных претензий и демографического давления на соседние приграничные страны, декларируемых во внутривнутриполитических дискуссиях.

Значительное влияние на пространство безопасности оказывают очаги напряженности на Ближнем Востоке, связанные с угрозой возможных несанкционированных пусков одиночных ракет, в том числе и с ядерными боеголовками, с территорий КНДР, Ирана, Пакистана. Между этими государствами налажено сотрудничество и обмен ракетными технологиями. Территория России и СНГ находится в их зоне досягаемости и поражения.

Не менее на пространстве безопасности сказываются: замороженные конфликты (Приднестровье, Южный Кавказ); нерешенные балканский и арабо-израильский конфликты; нерешенность территориальных проблем, вопросов территориальной целостности как в Европе (Косовский конфликт), так и на ее границах (Грузия, Армения, Азербайджан); нестабильная обстановка в Средней и Центральной Азии (на границах Узбекистана и Таджикистана) и в Афганистане. Ситуация в них может привести к локальным конфликтам с перспективой вмешательства соседних стран, при определенных обстоятельствах – и государств, входящих в НАТО (под предлогами и прикрытием ООН, ОБСЕ).

Пространства безопасности Северо-Западной части СНГ

На часть пространства безопасности Северо-Западной части СНГ воздействуют процессы и отношения, происходящие в странах Скандинавских стран, Балтии и Северо-Западной части Европы, Белоруссии и Калининградского анклава России и Северо-Западной части России, акваториях этой части Ледовитого и Атлантического океанов. Среди них наибольшее влияние на состояние уровня безопасности оказывают несение боевого дежурства стратегических бомбардировщиков и атомных подводных лодок США в Северном Ледовитом океане и Се-

верной Атлантике; ухудшение отношений Совета Россия–НАТО, связанное с трансформацией группировок США в Европе и размещением радиолокационных станций НАТО и США в Норвегии, Латвии, Литве и Эстонии. «Увязывание» диверсификации энергоресурсов из стран ОПЕК с поставками из России стран Северо-Восточной Европы на Рижском саммите НАТО с положениями безопасности альянса. Энергетические проблемы и споры о безопасности вновь прокладываемых нефтепроводов вне государств Балтии, Польши и Белоруссии и уровень физической безопасности для транспортировки углеводородов по Северному газопроводу, прокладываемому по дну Балтийского моря. Мало похожие на добрососедские отношения Россия – страны Балтии и связанные с этим проблемы со статусом неграждан в странах Балтии и переездом российских граждан, проживающих в Калининградском анклав. Размещение третьего позиционного района ПРО как элемента передового базирования американских СЯС в Польше и радиолокационных станций ПРО на территориях Гренландии, Великобритании, Норвегии, Чехии и стран Балтии. Натянутость отношений Россия – Польша, связанная с попытками пересмотра Польшей итогов Второй мировой войны и «проталкивания буйволиного мяса» на внутренний рынок России из Польши и как следствие – срыв переговоров о подписании Соглашения о торговле Евросоюз–Россия. Российско-норвежские споры о пересмотре статуса Шпицбергена и условий рыболовства в его зоне. Незавершенность юридического оформления военно-технических отношений России и Белоруссии и энергетические споры Россия–Белоруссия в связи с отказом России дотировать Белоруссию как «будущего члена Союза Россия–Беларусь».

Пространство безопасности Западной части СНГ

На пространство безопасности Западной части СНГ влияют процессы, проходящие на территории стран СНГ – Украины, Молдовы, Приднестровья, в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, акватории Средиземного и Черного морей, северной части Африки, региона Ближнего Востока. Наибольшее влияние на состояние уровня пространства безопасности оказывают параллельно идущие процессы: незавершенность операции коалиционных сил в Ираке, размещение элементов американских ПРО РЛС на территории Чехии, перемещение элементов инфраструктуры НАТО, создание военных баз США и НАТО на территории Румынии и Болгарии, разность подходов к проведению операций «Блэксифор» на Черном море и операции «Активные усилия» в акватории Средиземного моря. Отказ стран НАТО от ратификации Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ), регулирующего сокращение обычных вооружений. Замороженный конфликт на территории Молдавии и непризнанной республики Приднест-

ровье, влияющий на отношения между Украиной и Россией и Молдавией с Румынией и состояние миротворческих сил в Приднестровье. Политическая нестабильность на территории Украины, сказывающаяся на перемене курса и непредсказуемости по отношению к Черноморскому флоту России, арендующему часть Крымского полуострова. Непредсказуемость позиций Украины по отношению к станциям системы предупреждения о ракетном нападении России, дислоцированным в Севастополе и Мукачево, и наземному комплексу НИТКА, имитирующему палубу авианесущего крейсера, для тренировок летчиков морской авиации. «Перетягивание энергетического каната» – попытки стран ГУАМ, Украины, Польши, Молдавии навязывания прокладки трубопроводных систем из России по своей территории. Взрывоопасная ситуация на Ближнем Востоке, сложившаяся в последнее время в результате Второй Ливанской войны, распространение террористической опасности на весь регион и арабских междоусобиц.

Пространство безопасности Кавказской части СНГ

Здесь воздействуют одновременно процессы, проходящие на территориях Юга России, государств Южного Кавказа, кавказской части Турции, Ирана, Ирака, Афганистана, восточной части Черного моря, акватории Каспийского моря.

На пространстве северо-кавказской части СНГ сказывается наличие самой большой в России группировки войск на Северном Кавказе, итоги двух «чеченских войн» России против сепаратистов и неопределенность, связанная с незавершенностью вывода российских баз и вооружений с территории Грузии. На этом пространстве не решаются три из четырех в СНГ замороженных конфликтов на территориях государств Южного Кавказа (Грузии и на границах Армении и Азербайджана): Грузино-Абхазский, Грузино-Южно-Осетинский и Карабахский. Отсутствие прогресса в переговорном процессе Карабахского конфликта под эгидой Минской группы ОБСЕ. Не меньшее воздействие на пространство безопасности на всем Кавказе (Северном и Южном) оказывают нерешаемые проблемы армянских, абхазских, азербайджанских, грузинских, дагестанских, ингушских, русских, турок-месхетинцев, южно-осетинских, чеченских беженцев. Не уменьшают уровень безопасности смена политических элит в Грузии и Азербайджане, создание в противовес России ГУАМ и попытки направить энергопотоки в обход России, стремление вступить любой ценой в НАТО. Обострению ситуации способствуют и осложнившиеся российско-грузинские и российско-азербайджанские отношения, стремящиеся интернитуализировать конфликты путем ввода полицейских формирований и смены российских миротворцев.

В этом пространстве действуют в различных направлениях структуры ЕС и НАТО и ЕврАзЭС, ОДКБ и ШОС. На Кавказе сталкиваются интересы США, России и Китая, транснациональных энергетических и транспортных компаний Запада и Востока. Значимо влияние проблемы между Россией, Азербайджаном и Ираном по разделу Каспия и проблемы транспортировки углеводородов и «замороженность» транспортного коридора «Север–Юг» и «Запад–Восток». Сложность отношений между Турцией и Арменией в связи со спорностью всего вопроса по поводу отказа Турции от геноцида армянского населения в начале XX века, препятствуют открытию границы и нормальному развитию отношений между соседними странами. Стремление Турции и Ирана к лидерству на Кавказе, выразившееся в распространении своего влияния на постсоветское государства Южного Кавказа. Непрерывающаяся партизанская война в турецком Курдистане, война сопротивления в Ираке против коалиционной группировки, война шиитов против суннитов, курдов против арабов, перерастающая во всеобщую войну всех против всех в Ираке, отрицательно сказываются на безопасности региона, поскольку грозит расползанию децентрализованного терроризма, бандитизма, бытовой вооруженной уголовщины по большей части региона. Ситуация с безопасностью региона усугубляется и войной отрядов туркмен, узбеков, пуштунов, подразделений «Талибана» и «Аль-Каиды», наркобаронов против группировки НАТО в южном и центральном Афганистане и усилением транзита афганских наркотиков через страны Кавказа в Россию и Европу.

Подпространство безопасности государств Средне- и Центрально-Азиатской части СНГ

Подпространство безопасности, формирующееся на Азиатском фланге СНГ в постсоветское время, особенно в последнее десятилетие, стало объектом активной политической деятельности многих государств и международных организаций. Это связано и с развалом Советского Союза, и с появлением новых государств Средней и Центральной Азии, и открытием новых месторождений углеводородного сырья, и вводом в эксплуатацию новых трубопроводных маршрутов, и открытием новых транспортных коридоров TRACECA (Transport Corridor Europe-Caucasus-Asia) и «Север–Юг», и близостью замороженных конфликтов Кавказа, и стремлением США, ЕС, НАТО, Ирана и Турции расширить свое политическое, экономическое и военно-техническое присутствие в этом стратегически важном регионе.

На пространство безопасности этого направления параллельно воздействуют несколько мощных разноректорных факторов, где сталкиваются интересы межгосударственных структур ЕС и НАТО и ЕврАзЭС и ОДКБ и ШОС, мощных государств США, России и Китая, интересы

транснациональных энергетических и транспортных компаний Запада и Востока и интересы различных религиозных конфессий и направлений.

Достаточно сложные отношения складываются для Туркмении и Узбекистана, поскольку около 20% государственной границы между Таджикистаном и Узбекистаном все еще не определено на карте (не говоря о ее демаркации на местах). Особую значимость обретает нерешаемая проблема минной опасности на границах. Причиной тому – неопределенность линии границы между двумя государствами, препятствующая непосредственному разминированию опасных участков. По некоторым экспертным данным, с 2000 года на участке таджикско-узбекской границы произошло около 70 взрывов, в результате которых пострадали 155 граждан Таджикистана, из них погиб 71 и ранены 84 человека. В числе пострадавших – 36 детей. В годы гражданской войны в Таджикистане противопехотные мины нанесли огромный урон жизни и здоровью людей и экономике страны. С 1992 года по настоящее время, по неполным данным, в республике из-за взрыва на минах погибло около 600 человек. Многие сельхозугодия вышли из оборота. Только за 2006 год пострадали 20 человек, 6 из них погибло, 14 получили ранения. Сегодня, по подсчетам экспертов, в Таджикистане осталось 25 млн. кв. м заминированной территории, в 150 районах перманентно существует минная опасность. Власти Таджикистана и местные НПО при содействии международных посредников за последние годы очистили всего 500 тыс. кв. м, уничтожено 3200 взрывоопасных мин.

Не меньшую угрозу представляет исламский экстремизм и радикализм. При этом исламский экстремизм, с его непримиримостью к гражданскому светскому обществу и стремлением к его замене исламским, устроенным по законам шариата; отрицающий единство мировой цивилизации с противопоставлением исламской зоны всему остальному миру; не допускающий раздельного сосуществования государства и религии и проявляющий нетерпимость к международному праву, готовый сотрудничать со всеми силами национализма и сепаратизма, создает одну из наиболее сложных проблем в области безопасности.

Последние десятилетия показали тенденцию «разворота исламского экстремизма» в сторону ранее закрытого для него пространства Крыма, Кавказа, Средней и Центральной Азии. События на Кавказе и в Таджикистане, Узбекистане свидетельствуют о заинтересованности исламских радикалов в затягивании конфликтов в этих районах для создания на южных границах некоего «санитарного исламского кордона».

Не меньшую опасность для пространства безопасности азиатских стран СНГ несет и радикальный ислам. Первыми были атакованы области ранней исламизации Центральной Азии – Таджикистан, Узбе-

кистан и южный Киргизстан, где преобладает узбекское и таджикское население, более исламизированное, чем киргизы. Эти атаки на пространство безопасности с 1999 года возглавило Исламское движение Узбекистана.

Конфликтную ситуацию во многом инициировали афганские наркодельцы, заинтересованные в расширении «северного маршрута» транспортировки героина в Россию и Западную Европу. Таджикские боевики и узбекские «исламисты» использовались ими в первую очередь для своих маршрутов и «героиновых троп и дорог». Дестабилизация обстановки в Таджикистане, во время маковой революции в Кыргызстане и событий в Ферганской долине в Узбекистане создает комфортные условия для увеличения поставок наркотиков и выгодна международной наркомафии. Головная боль и огромная проблема для государств этого региона – увеличение поставок наркотиков из Афганистана и связанная с этим задача создания пояса безопасности вокруг этой страны.

На пространство безопасности стран Средней и Центральной Азии наибольшее влияние оказывает продолжающаяся с 2001 года операция НАТО в Афганистане и одновременное размещение в регионе сил и средств, военных баз и объектов России и НАТО (военные базы США и России в Киргизии, НАТО и ОДКБ – в Таджикистане). Движению «Талибан» и группировке «Аль-Каиды» и Исламскому движению Узбекистана нанесен существенный урон, но угроза конфликта, к сожалению, не исчезла, и ситуация в Афганистане находится пока в неустойчивом равновесии.

Во многом может измениться уровень безопасности пространства от того, каким путем и какими способами и силами будут решаться задачи коалиционными группировками в Ираке, как долго будет проводиться операция по выходу сил коалиции из страны. И не будут ли перенесены силовые методы на территорию Ирана, что значительно усложнит и так непростую ситуацию в этом регионе. Не исключено здесь и применение силы против Ирана.

Наиболее важным фактором, влияющим на уровень пространства безопасности государств СНГ, является фактор силы, состояние вооруженных сил и уровень боевой выучки и боевой готовности армий и других силовых структур государств СНГ.

Сибирско-Дальневосточная часть пространства СНГ

Эта часть пространства СНГ, включающая в себя не только большую часть Российской Федерации, но и Азиатско-Тихоокеанский регион, в котором находится не только Корейский полуостров, но и Япония, Китай, Монголия, большая часть Юго-Восточной Азии. Регион, в котором сосредоточена вторая по численности после Европы группи-

ровка войск, не считая группировки России и Китая. Только на Корейском полуострове сосредоточена почти миллионная группировка КНДР и такая же у союзников Южной Кореи – США и Японии.

Наибольшую угрозу для пространства безопасности этого региона представляет непредсказуемая политика Северной Кореи, которая за последние годы неоднократно проводила пуски оперативно-тактических и тактических и баллистических ракет, испытывала устройства, по своей картине и параметрам взрыва похожие на ядерные. Наличие под «боком» основных баз Российского Тихоокеанского флота маленькой, вооруженной ракетами страны, которая не считает нужным даже предупреждать соседние государства о предполагаемых пусках оперативно-тактических и стратегических ракет, делает КНДР достаточно неудобным партнером и создает постоянную угрозу пространству безопасности. Вольно или невольно, но КНДР, запустив десяток ракет (от тактических до стратегических), в июле 2006 года провела проверку эффективности российских средств противоракетной и противовоздушной обороны. Проверка показала прорехи в общей системе предупреждения о ракетном нападении, в системе противоракетной и противовоздушной обороны России.

Япония, Южная Корея, Россия и Китай настроены на мирное решение кризиса, хотя все страны Азиатско-Тихоокеанского региона выступают за безъядерный статус Корейского полуострова и придерживаются политики вовлечения, осуществляемой Южной Кореей и рядом западных стран.

Вооруженный конфликт на Корейском полуострове не отвечает интересам ни одной из стран шестерки. Для Южной Кореи – это срыв основного плана объединения, на котором настаивает большая часть населения. Для Японии война невыгодна уже тем, что вероятность ракетных ударов слишком велика. При этом не исключено, что Пхеньян может использовать ядерное оружие при ударах по базам Америки в Японии. Для Китая военное противоборство тоже невыгодно во всех отношениях, Китай против наращивания военного присутствия Америки. Китаю и России совсем не хочется иметь у своих границ обширные зоны радиоактивного заражения (в худшем случае) или нарастание напряженности вблизи границ. Для США втягивание еще в одну войну чревато не только большими потерями, но и потерей всего Корейского полуострова, а это противоречит интересам Америки в этом регионе.

Василий БЕЛОЗЕРОВ

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ РОССИИ И БОРЬБА ЗА ЭНЕРГОРЕСУРСЫ

Основу современных политических отношений все в большей мере образует борьба за энергетические ресурсы. Проблема эта носит комплексный и глобальный характер, в ней тесно переплелись экономические, геополитические, военные и иные аспекты. При этом наша страна, как отмечено в Энергетической стратегии России, «...располагает значительными запасами энергетических ресурсов и мощным топливно-энергетическим комплексом, который является базой развития экономики, инструментом проведения внутренней и внешней политики. Роль страны на мировых энергетических рынках во многом определяет ее геополитическое влияние»¹. К тому же Россия претендует на статус одного из гарантов энергетической безопасности в глобальном масштабе. По всей видимости, борьба за ресурсы будет становиться все более значимым фактором, определяющим содержание государственной политики России в области обороны и военного строительства.

Что и почему надо защищать

Если на современной карте мира выделить страны, являющиеся наиболее крупными потребителями энергоресурсов, и регионы, где осуществляется добыча сырья, то существующий дисбаланс обнаружится сразу же. При этом на фоне истощения запасов углеводородного сырья потребление энергетических ресурсов, особенно газа, быстро растет.

Россия является единственной страной на планете, которая входит в тройку мировых лидеров по добыче нефти и газа и по их запасам. На ее территории сосредоточено около 10–15% мировых запасов нефти и примерно 30–35% запасов газа. Соотношение в пользу России может увеличиться в случае проведения масштабных геологоразведочных работ.

¹ Энергетическая стратегия России на период до 2020 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 августа 2003 г. № 1234-р.

Потребление энергоресурсов в мире в 1971–2030 гг.²
(млн. тонн в нефтяном эквиваленте)

	1971	2000	2010	2030	Ежегодный прирост в 2000–2030 гг., %
Уголь	1,449	2,355	2,702	3,606	1,4
Нефть	2,450	3,604	4,272	5,769	1,6
Газ	895	2,085	2,794	4,203	2,4

Важные преимущества предоставляет и само географическое положение России, которое позволяет с максимальной рациональностью осуществлять экспорт нефти и газа на основные мировые рынки. Кроме того, страна обладает уникальной системой трубопроводов. Сказанное позволяет утверждать, что роль России в системе мировых энергетических отношений не просто важна, но практически безальтернативна.

Обострение борьбы за ресурсы не дает России оснований ожидать джентльменского отношения со стороны партнеров. Примечательно, что весной 2006 года бывший госсекретарь США Мадлен Олбрайт прямо указала на несправедливость положения, когда Россия обладает слишком большими запасами природных богатств. Демарш Олбрайт не был случаен: известно, что США потребляют львиную долю мировых энергоресурсов³. Любое же снижение уровня внутреннего потребления товаров и благ в стране неприемлемо для населения и власти. Каждый президент США, начиная с 70-х гг. прошлого века, принимает концептуальный документ в сфере энергетической политики, а в 1981 г. в документе впервые появился раздел, посвященный энергобезопасности.

В целом же основными потребителями энергии в мире являются государства, бедные ресурсами. В результате крупные геополитические игроки прилагают серьезные усилия для установления контроля над поставками углеводородного сырья, что может стать более действенным способом усиления влияния по сравнению с контролем над регионами добычи, поскольку зависимыми и уязвимыми становятся как раз страны-экспортеры. Поэтому в фокусе борьбы оказывается противостояние не столько за источники сырья, сколько за важнейшие коммуникации и узлы транспортировки (трубопроводы, порты, каналы и проливы).

² См.: Umbach F. Internationale Energiesicherheit zu Beginn des 21. Jahrhunderts. В кн.: Sicherheitspolitik in neuen Dimensionen. Ergänzungsband 1 / Bundesakademie für Sicherheitspolitik (Hg.). – Hamburg: Mittler, 2004. – S. 346.

³ США, где проживает 4% населения Земли, потребляют 29% добываемой в мире нефти. Доля выбросов в атмосферу углекислого газа составляет 25% от мирового. См.: Колчин С.В. Россия и международная энергетическая безопасность // Власть. – 2005. – № 7. – С. 30.

При этом энергоресурсы нередко выступают не только целью и объектом, но и действенным инструментом реализации политических устремлений. Для оказания давления на оппонентов может использоваться как сокращение поставок сырья (по отношению к странам-импортерам), так и их увеличение с целью снижения получаемых доходов (применительно к производителям и экспортерам)⁴. В обоих случаях энергоресурсы выступают как эффективное «политическое оружие».

Сегодня приоритетом энергетической стратегии России выступает снижение зависимости от транзитных стран, проводящих невыгодную для нее тарифную политику, что вызвало негативную реакцию на Западе, где полагают, что энергетическая политика российских нефтегазовых корпораций осуществляется «в значительной мере под воздействием далеко идущих правительственных установок в сфере внешней политики и политики безопасности»⁵. За рубежом наперебой обвиняют Россию в шантаже – ограничении поставок энергоносителей, в применении нефти и газа в качестве «политического оружия», в имперских амбициях. Несмотря на то, что, по обоснованному мнению экспертов, «нынешняя политика российского руководства по использованию нефтяного фактора в политических целях носит не столько геополитические, сколько коммерческие интересы»⁶, разбираться в ситуации многим нашим партнерам, видимо, невыгодно. На Россию оказывается консолидированное давление с целью заставить ее быть более податливой. При этом нефтегазовый комплекс России и маршруты поставок энергоресурсов являются весьма привлекательным объектом для нападений и диверсий, посредством чего может осуществляться политический шантаж.

Разница в подходах

Действия субъектов политики – как государственных, так и негосударственных – в сфере энергоресурсов отличаются разнообразием и могут быть охарактеризованы как «эгоистические», «сбалансированные» и «дестабилизирующие». При любом подходе не исключается возможность использования военной силы.

«*Эгоистический*» подход выражается в стремлении относительно небольшого числа развитых стран обеспечить собственное процветание, не считаясь с интересами других. Для сохранения статус-кво предпринимается формирование экономик ряда стран как сырьевого придатка более развитых, идет воздействие на общественное мнение стран, богатых ресурсами, чтобы доказать, что их судьба и специали-

⁴ Подробнее см.: Егоров-Тисменко И.Ю., Мироненко Н.С. Нефтяной фактор во внешней политике России. В кн.: Значение наследия А.Е. Снесарева для решения современных проблем геополитики. – М.: ВА ГПШ, 2006. – С. 112–116.

⁵ См.: Umbach F. Указ соч. – С. 348.

⁶ Егоров-Тисменко И.Ю., Мироненко Н.С. Указ. соч. – С. 116.

зация в рамках глобальной экономики – добывать сырье и обеспечивать других, получая взамен готовые товары, и что существующий порядок гарантирует стабильность в мире. Звучат и обвинения стран-поставщиков в отсутствии демократии или же в неблагоприятной ситуации с правами человека.

Во что может вылиться интерес к российским недрам, видно на примере стран СНГ, где произошли т.н. цветные революции. Для их технологии характерны дискредитация и ослабление госструктур с последующим «народным возмущением» и сменой руководства государства и исполнительной власти. Очевидно, что в случае реализации такого сценария применительно к России немедленно был бы поднят вопрос о ее «месте в глобальном мире», а если называть вещи своими именами – о свободном доступе к ее ресурсам.

Все же особую тревогу вызывает расширение практики обращения к военной силе для решения проблемы обеспечения ресурсами. Операцией против Ирака создан прецедент силовой акции, цель которой состояла в получении контроля над нефтеносными районами посредством установления лояльного и удобного режима. Специалисты не без сарказма отмечают, что американцами в Багдаде наиболее тщательно охранялось министерство нефтяной промышленности, куда не попал ни один снаряд.

Для России многозначным сигналом стало выступление американского сенатора Лугара на Рижском саммите НАТО в ноябре 2006 г., который предложил считать снижение поставок энергоресурсов актом агрессии: «Нападение с использованием энергетики в качестве оружия может сокрушить экономику страны и привести к сотням и даже тысячам жертв... Мы должны распространить на сферу энергетики действие пятой статьи устава НАТО, в которой говорится о том, что нападение на одного из членов альянса считается нападением на весь военный блок»⁷. Было выступление экспромтом или же согласованным заранее заявлением, сказать трудно. Однако свою идею сенатор лоббирует давно и встречает все большее понимание, о чем свидетельствует и подготовленный в США при его участии законопроект «Акт об энергетической безопасности и дипломатии».

Представление о его специфике *«сбалансированного» подхода* можно составить, ознакомившись, например, с позицией российского руководства. Здесь уместно привести выдержку из статьи Владимира Путина в «The Wall Street Journal». «По нашему глубокому убеждению, перераспределение энергоресурсов, направляемое исключительно интересами небольшой группы наиболее развитых стран, не служит целям и интересам глобального развития. Мы будем стремиться к созда-

⁷ Цит. по: Ахтамзян А. Суверенитет и энергобезопасность // Российская Федерация сегодня. – 2007. – № 4. – С. 72.

нию системы энергетической безопасности, отвечающей интересам всего международного сообщества»⁸. Иначе говоря, Россия выступает против того, чтобы поставки нефти и газа выступали как средство политического давления. При этом наша страна не строит иллюзий относительно скрытого и явного противодействия, но готова отстаивать свои позиции всеми легитимными способами.

В рамках «дестабилизирующего» подхода углеводородное сырье, система нефте- и газопроводов и коммуникации рассматриваются как привлекательный и легко уязвимый объект для нападения со стороны сил, заинтересованных в дестабилизации своих оппонентов и причинении максимального ущерба. Экстремистские и террористические организации, как национальные, так и международные, зная об ахиллесовой пяте современной экономики, умело извлекают максимальные дивиденды из сложившейся ситуации, о чем и свидетельствуют регулярные атаки на объекты топливно-энергетического комплекса.

Особую тревогу вызывает активизация их действий, направленных на дестабилизацию поставок углеводородного сырья морским путем. В настоящее время более половины российского экспорта нефти осуществляется танкерами (в основном, кстати, греческими и либерийскими). Стоимость же доставки складывается и под воздействием «фактора риска», который при определенных обстоятельствах может стать одним из основных компонентов цены энергоресурсов для потребителя. Так, через неделю после нападения 6 октября 2002 г. у берегов Йемена на французский танкер «Лимбург», перевозивший 400 тыс. баррелей нефти, цена доставки крупными нефтеналивными судами выросла вдвое. В целом же последствия атаки оказались намного масштабнее, чем ущерб самому кораблю, оставшемуся на плаву. По мнению экспертов, подобные действия делают вполне реальным паралич экономики стран, зависимых от поставок морским путем энергоресурсов, сырья и других товаров⁹.

Легко представить последствия захвата и угона танкеров или судов, осуществляющих перевозку сжиженного природного газа, а также химвозов и транспортов с другими опасными грузами. Исследования показали, что взрыв танкера водоизмещением 100 тыс. т, перевозящего сжиженный газ, эквивалентен бомбе, сброшенной на Хиросиму. При этом в мире активно строятся именно такие суда, поскольку в них ощущается наибольшая потребность¹⁰. С учетом сказанного можно сделать

⁸ Цит. по: Путин В.В. Энергетическая безопасность: Дорога в будущее // Ведомости. – 2006. – 1 марта.

⁹ Например, подрыв супертанкера в порту Роттердама скажется одновременно в нескольких европейских странах, экономика которых зависит от функционирования порта. См.: Макеев Б. Флот в борьбе с терроризмом // Военный парад. – 2005. – № 6. – С. 38.

¹⁰ При этом 102 строящихся танкера имеют водоизмещение более 100 тыс. т, а 36 – более 200 тыс. т. См.: Войтенко М.Д. Мировое судоходство, его роль, тенденции развития. Россия в мировом судоходстве // Вестник аналитики. – 2006. – № 4. – С. 159.

вывод, что обеспечение безопасности становится главной проблемой перевозки энергоносителей по морским коммуникациям.

Терроризм распространен в прибрежных морских районах Юго-Восточной и Южной Азии, Западной и Восточной Африки, Южной Америки. В последнее десятилетие наметилась тенденция перенесения действий морских террористов к берегам развитых государств мира. Практически все крупные экстремистские организации, действующие на суше, такие как «ХАМАС», «Исламский джихад», филиппинские экстремисты и др., имеют и морские подразделения. По сведениям страхового фонда Ллойда, бен Ладен создал собственный «военный» флот, куда входят 16–19 разнотипных грузовых судов (ударных и брандеров) водоизмещением 200–300 т. Флотилия «Аль-Каиды» разделена на два отряда. Корабли переоборудованы и имеют на вооружении скорострельные автоматические пушки, крупнокалиберные пулеметы, переносные зенитные и противотанковые комплексы. «Военно-морские силы» «Аль-Каиды» базируются в районе Африканского Рога (для действий в западной части Индийского океана); в Индонезийском архипелаге (для совершения диверсий и терактов в Малаккском проливе); в нескольких портах экваториальных стран на западе Африки (нацеленные на атаку восточного побережья США)¹¹.

Приведенные факты способны лишь фрагментарно воспроизвести картину, сложившуюся в сфере глобальной и национальной энергетической безопасности. Тем не менее ясно, что Россия не сможет обеспечить энергетическую безопасность в национальных и глобальных рамках без опоры в той или иной мере на военную силу.

Военная сила как инструмент обеспечения энергетической безопасности

Чтобы оценить перспективы привлечения Вооруженных Сил России к обеспечению энергетической безопасности, следует учесть ряд обстоятельств.

Прежде всего, спектр применения военной силы меняется с эволюцией общества и политических отношений. Современная общемировая тенденция состоит в том, что трансформация вооруженных сил осуществляется таким образом, чтобы они были готовы к решению практически любых задач. Чтобы в этом убедиться, достаточно ознакомиться, например, с положениями Стратегии национальной безопасности США или же Белой книги ФРГ, вышедших в 2006 г. с интервалом в несколько месяцев. Такой подход оправдан, поскольку современное постиндустриальное общество становится все более зависимым от множества факторов и уязвимым, при этом различие между военными и

¹¹ См.: *Макеев Б.* Флот в борьбе с терроризмом // *Военный парад.* – 2005. – № 6. – С. 39.

невоенными угрозами сегодня практически отсутствует. К России опасности и угрозы, природа которых становится все более разнообразной, также могут подойти с самой неожиданной стороны. В интересах же обеспечения безопасности политическое руководство вправе обратиться к использованию любых инструментов, имеющихся в распоряжении у государства¹². К тому же логичнее использовать то, что уже имеется, чем создавать, оснащать и готовить новые структуры, не произойдет и «растаскивания» оружия по самым разным структурам.

В 2007 г. в Госдуме уже рассматривался законопроект, инициированный компаниями «Газпром» и «Транснефть», по которому их вооруженные формирования должны заняться защитой производственной и транспортной инфраструктуры этих естественных монополий¹³. Однако представляется, что если защищать от хулиганских или криминальных действий создаваемые структуры в состоянии, то противостоять тщательно спланированным «профессиональным» диверсиям они смогут вряд ли. К тому же вооружение крупных корпораций означает появление целого ряда негосударственных воинских формирований, а «приватизация» военной силы может иметь непредсказуемые последствия. Объективно же Вооруженные Силы России – прямо или косвенно – участвуют в обеспечении энергетической безопасности страны.

Нельзя исключить, что интересы обеспечения энергетической безопасности станут мощным фактором, который уже в ближайшем будущем окажет самое серьезное воздействие на военное искусство и приведет к существенному пересмотру взглядов на ведение военных действий и предназначение армии, как это случилось вслед за появлением железных дорог. И к этому Россия и ее Вооруженные Силы должны быть готовы уже сейчас, по крайней мере, на уровне концептуальных подходов.

Сегодня же можно с уверенностью утверждать и то, что приданием Российской армии функции, связанной с обеспечением энергетической безопасности, вовсе не создается прецедент в международной практике. Специалисты отмечают, что «реализация американской энергетической стратегии в том или ином регионе непосредственно связана, прежде всего, с обустройством военной инфраструктуры и прочным закреплением военного присутствия»¹⁴. Главным принципом перегруппировки американских войск на зарубежных театрах воен-

¹² По данным всероссийского опроса, проведенного ВЦИОМ 11–12 марта 2007 г., 46% россиян считают, что энергетическая безопасность нашей страны совсем не обеспечена. См.: Государственная безопасность. – 2007. – № 1. – С. 9.

¹³ См.: *Пермяков С.* Их будет много у газопроводов // Военно-промышленный курьер. – 2007. – № 15.

¹⁴ *Арешев А.* Политически мотивированные энергетические проекты и рост военно-политической напряженности в Закавказье // Аналитические записки. – 2007. – № 22. – С. 76.

ных действий является наращивание сил именно там, где проходят основные морские транспортные коммуникации и расположены значительные месторождения природных ресурсов. Так, в рамках осуществляемой США инициативы «Каспийская охрана» посредством привлечения Азербайджана и Казахстана создается система контроля в акватории Каспийского моря, а также формируются специальные силы для охраны магистральных трубопроводов. Соответствующий центр управления войсками создан в Баку в 2005 г.¹⁵

Генсек НАТО Яап де Хооп Схеффер уже предложил странам Восточной Европы, чтобы войска блока охраняли нефте- и газопроводы, а также морские маршруты транзита нефти и газа. Предлагается предоставление гражданской и военной помощи странам, чья инфраструктура подвергается угрозе «ввиду террористических атак или природных катаклизмов», использование ВМС НАТО для защиты маршрутов следования танкеров, доставляющих нефть на Запад, обучение вооруженных сил охране нефтегазовой инфраструктуры «на случай возможной атаки»¹⁶.

Одновременно НАТО начало проработку вопросов защиты объектов энергетической инфраструктуры со «своими» транснациональными нефтяными компаниями. Брюссель предложил компаниям Royal Dutch Shell и British Petroleum морские силы быстрого реагирования для защиты нефтяных платформ и других объектов «от злоумышленников, которые могут захватить их или взять персонал в заложники». По некоторым данным, НАТО ведет переговоры и с правительством Катара об обеспечении безопасности крупных проектов в сфере производства и транспортировки сжиженного природного газа. Ряд стран, включая Азербайджан, Грузию и Чехию, уже приветствовал предложение альянса. Идея охранять трубопроводы международными военными структурами заложена и в Бакинской декларации, принятой в азербайджанской столице на саммите стран ГУАМ. Декларацию поддержали президенты Польши, Литвы, Румынии, вице-президент Болгарии, представители США и Японии, ООН, ОБСЕ, НАТО, ЕС и др. Итак, налицо консолидация усилий в сфере защиты маршрутов поставки энергоресурсов и стремление обзавестись специальными войсками.

Задачи получают и спецслужбы. Так, правительство Германии намерено возложить на Федеральную разведывательную службу (БНД) задачи по распознаванию и предупреждению угроз энергетической безопасности на ранних стадиях¹⁷.

¹⁵ См.: Анисин В., Ташлыков Б. Американская инициатива «Каспийская охрана» // Зарубежное военное обозрение. – 2007. – С. 2–7.

¹⁶ Подробнее см.: Матвеев А. Ресурсы – ваши, трубы – наши // Военно-промышленный курьер. – 2007. – № 26.

¹⁷ См.: Денисов А., Шпаков Ю. В ловушке энергобезопасности // Время новостей. – 2006. – 16 октября.

Летом 2007 г. появились сведения о том, что Венесуэла рассматривает вопрос о закупке у России нескольких подводных лодок. По словам президента Уго Чавеса, который договорился об увеличении поставок нефти в Китай с 200 тыс. баррелей в сутки до 1 млн. баррелей к 2012 г., «...стоит задача защитить свыше полумиллиона квадратных километров морской акватории». Венесуэла уже закупила у Китая 18 танкеров и собирается приобрести еще 20, субмарины же нужны для защиты танкеров¹⁸.

Российская научная экспедиция в Арктику в августе 2007 г. вызвала немедленную активизацию военной деятельности в северных широтах. Это легко объяснить, если учесть, что, по некоторым данным, четверть земных запасов нефти и газа находится в Арктике¹⁹. США, у которых Служба береговой охраны имеет в своем распоряжении три ледокола, способных решать и военные задачи, уже 6 августа отправили в Северный Ледовитый океан тяжелый ледокол «Хили». 10 августа премьер-министр Канады Харпер объявил, что в Арктике будет построено два военных объекта. На удалении в 595 км от полюса будет создан тренировочный лагерь, где будут постоянно находиться около ста военнослужащих, подготовленных к боевым действиям в регионе. На острове Баффина, возле входа в стратегически важный Северо-Западный проход, будет сооружен глубоководный порт, который планируется к использованию и в военных целях. До 5 тыс. человек будет увеличена и численность патрульного воинского формирования стрелков-эскимосов. Харпер лично отправился в районы развёртывания новых объектов, утверждая, что их строительство «покажет миру, что Канада рассчитывает на свое долговременное присутствие в Арктике»²⁰. Оттава решила ускорить и строительство пяти военных кораблей ледокольного класса. Ранее, в 2005 г., командос из состава Арктической группы высадились на крошечный заполярный остров Ханс и водрузили там флаг своей страны. Сразу же состоялся и демонстративный визит на остров главы внешнеполитического ведомства Канады. Столь решительные действия были вызваны обострением территориального спора за остров между Данией и Канадой²¹.

Болезненная реакция партнеров России, последовавшая еще до возвращения экспедиции, демонстрация Канадой и США своей способности вести интенсивную военную деятельность в северных широтах

¹⁸ См.: Владыкин О. Охрана для танкеров // Московские новости. – 2007. – № 27.

¹⁹ На потенциал региона, наращивание военного присутствия в Арктике западных стран и ряд других проблем отечественные военные специалисты обращали внимание и ранее. См.: Моцак М.В. О национальных интересах России в Арктике // Военная мысль. – 2000. – № 6. – С. 8-10.

²⁰ См.: Володин В., Мошкин М. Премьер для подражания // Время новостей. – 2007. – 13 августа.

²¹ См.: Юнанов Б. Второй ледовый поход // Московские новости. – 2007. – № 31.

свидетельствуют, что борьба за Арктику вступила в активную фазу. Если же нашей стране удастся доказать свое законное право на освоение арктического шельфа, то, скорее всего, у Российской армии появятся новые задачи в регионе, связанные с обеспечением безопасности добычи и транспортировки углеводородного сырья. В целом же можно утверждать, что военная сила может выступить действенным – а порой и единственным – средством защиты национальных интересов в энергетической сфере.

Потенциал Вооруженных Сил России

В рамках обеспечения энергетической безопасности Вооруженные Силы могут решать ряд задач, среди которых в самом общем виде следует выделить две группы. К *первой группе* задач может быть отнесено привлечение армии к обеспечению энергобезопасности в том ее сегменте, который касается добычи, хранения и переработки сырья, в том числе при разработке новых месторождений. Особо следует указать на важность создания условий для расширения возможностей по переработке сырья, что неразрывно связано с освоением новых обширных территорий и включением их в единое экономическое пространство страны.

Вторая группа задач связана с обеспечением надежной транспортировки энергоресурсов, в том числе за пределами России. С развитием инфраструктуры транспортировки энергоносителей объем таких задач будет расти²². Нужно учитывать и обеспечение надежного функционирования действующих и формирующихся транзитных коридоров, новой системы трубопроводов как на западном, так и на восточном направлении. В особом ряду стоит обеспечение перевозки сжиженного газа морским путем. Следует указать и на необходимость создания благоприятных условий для выхода на новые рынки сбыта и на конечного потребителя, прежде всего, в Америке, Китае, в Юго-Восточной Азии.

Анализ ситуации, складывающейся в сфере добычи и транспортировки углеводородного сырья, показывает, что привлечение Вооруженных Сил в той или иной форме к решению названных задач – не прихоть, которая может показаться обременительной обузой или же угрожающим бряцанием оружия, а насущная необходимость. Вооруженным Силам придется действовать не только на суше, но и в морских акваториях, в районах пролегания трубопроводов и расположения терминалов, портов, морских и воздушных коммуникаций. Следует

²² По существующим прогнозам, уже к 2015 г. мощности магистральных нефтепроводов и морских терминалов для экспорта и транзита нефти из России за пределы СНГ могут возрасти в 1,5 раза. См.: Мир вокруг России: 2017. Контуры недалекого будущего. – М.: «Культурная революция», 2007. – С. 75.

напомнить: «Природные топливно-энергетические ресурсы, производственный, научно-технический и кадровый потенциал энергетического сектора экономики являются национальным достоянием России. Энергетическая безопасность является важнейшей составляющей национальной безопасности России»²³. В любом случае национальное достояние и интересы страны должны быть надежно защищены.

Решение проблемы использования потенциала Российской армии для обеспечения энергетической безопасности видится в двух плоскостях.

В первую очередь, следует иметь в виду, что мощные и боеготовые Вооруженные Силы, располагающие подготовленным и мотивированным личным составом, пользующиеся поддержкой граждан, одним своим существованием обеспечивают стабильность и порядок на определенной территории. В этом смысле потенциал армии выглядит как нечто очевидное и само собой разумеющееся. То есть речь идет о необходимости рассматривать армию как единую и целостную структуру, выступающую мощным стабилизирующим фактором. Боеспособная армия де-факто служит убедительной демонстрацией силы государства. Наличие такой армии и разумной оборонной политики более эффективно для обеспечения энергетической безопасности, нежели латание дыр в пожарном порядке, когда государство и армия ослаблены, оборона и безопасность подорваны.

Другая сторона проблемы связана с использованием специфических возможностей Вооруженных Сил в интересах реализации энергетической политики.

Например, планируя развитие и применение ВМФ, следует учитывать необходимость присутствия сил флота в нестабильных районах Мирового океана. России предстоит развивать и систему портов, через которые пойдет транзит углеводородов, значительно увеличив их пропускную способность. Не за горами включение в грузопоток энергоресурсов Северного морского пути и освоение шельфа. В обеспечении безопасности нуждается и 1200-километровый Северо-Европейский газопровод²⁴. То есть интересы реализации государственной энергетической политики могут привести к резкому увеличению объема задач ВМФ России. Должны быть проанализированы и возможности специальных войск (войск радиационной, химической и биологической защиты, инженерных и железнодорожных).

²³ Энергетическая стратегия России на период до 2020 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 августа 2003 г. № 1234-р.

²⁴ Институт военных исследований в Стокгольме опасается, что для его защиты от террористов руководство России может потребовать, чтобы ее ВМФ нес патрульную службу вдоль трассы. Шведские эксперты утверждают также, что 70-метровая морская платформа с компрессорной станцией является «прекрасной целью для террористов» (см.: Северный поток российского газа и его противники // Аналитические записки. – 2007. – № 22. – С. 49–50).

В целом же речь может идти о следующих действиях, касающихся обеспечения бесперебойного функционирования объектов ТЭК:

а) дислокация и развертывание воинских формирований, в том числе сил флота, с учетом возможности привлечения к решению указанных задач;

б) постановка войскам (силам) задач по ведению разведки, контролю морской акватории, воздушного пространства, прикрытию объектов и коммуникаций и т.д.;

в) создание формирований, специально подготовленных к действиям, связанных с обеспечением безопасности добычи сырья, его транспортировки по нефте- и газопроводам, а также морским путем;

г) создание специальных органов управления – временных и на постоянной основе – для руководства этой деятельностью и координации усилий разнородных сил.

Все это потребует корректировки планов применения войск, дополнительного их оснащения, организации подготовки согласно новым задачам. Вместе с тем такая деятельность будет строиться не на пустом месте. Во-первых, наша армия уже имеет опыт решения подобных задач, в том числе в экстремальных и боевых условиях. Во-вторых, предприятия отечественного ОПК оперативно реагируют на перспективные задачи армии и демонстрируют возможности адаптации своей продукции под нужды обеспечения энергетической безопасности²⁵. В-третьих, в Вооруженных Силах России есть и специфические воинские формирования, деятельность которых связана с доставкой нефтепродуктов и ее защитой.

Военными трубопроводчиками еще в годы Великой Отечественной войны был проложен трубопровод по дну Ладожского озера к осажденному Ленинграду, функционировавший в течение 20 месяцев и обеспечивший подачу около 30% горючего от общей потребности фронта и города²⁶. После войны в СССР были созданы не имеющие мировых аналогов полевые магистральные трубопроводы (ПМТ), машины для их монтажа и подвижные средства перекачки. Войска в состоянии развертывать временные магистрали протяженностью 600 км и более для подачи светлых нефтепродуктов. Скорость развертывания ПМТ на неподготовленной местности в самых разнообразных климатических условиях с применением трубомонтажных машин достигает ста и более километров в сутки. Трубопроводные части неоднократно использовались для ликвидации последствий стихийных бедствий и техногенных катастроф, в частности, в Чернобыле и Спитаке.

²⁵ Так, 30 января и 1 февраля 2007 г. в Москве проходила выставка с характерным названием «Беспилотные многоцелевые комплексы в интересах топливно-энергетического комплекса». См.: Щербаков В. «Беспилотники» потянулись на запах нефти // Национальная оборона. – 2007. – № 2. – С. 90–100.

²⁶ См.: Трубопроводным войскам 50 лет. Исторический очерк. К.Г.Шеин, В.В.Середа, И.Г.Данильченко / Под общей редакцией Г.Н.Очеретина. – М.: Воентехлит, 2002. – С. 43–49.

Особый опыт был получен при обеспечении горючим советских войск в Афганистане. Там были развернуты ПМТ, общая протяженность которых составила 1150 км. За 9 лет боевых действий с их помощью было подано 5,4 млн. т горючего, что составило более 80% общего объема подачи. Армейские трубопроводы преодолевали свою нравную Амударью и перевал Саланг высотой 3,8 тыс. м (впервые в мировой практике!).

В Афганистане моджахеды обстреливали и минировали насосные станции и наземные участки трубопроводов, прилегающую местность, поджигали вытекающее горючее. Несмотря на все трудности, были выработаны достаточно эффективные подходы к решению проблемы. К охране привлекались мотострелковые, танковые, воздушно-десантные подразделения и специально созданный батальон охраны. До начала 1984 г. обеспечение безопасности ПМТ являлось основной задачей двух отрядов спецназа. К охране привлекались отряды местных племен²⁷. Кстати, использование вооруженных племенных отрядов для обеспечения безопасности энергетических коммуникаций практикуется и в Азии, Африке и Латинской Америке. Временная американская администрация в Ираке и сами иракские власти пытались привлечь местные племена (в основном курдские) для охраны трубопровода, связывающего нефтяные промыслы Мосула и Киркука с турецким Джейханом.

Сегодня в Российской армии в постоянной эксплуатации находятся сотни линий ПМТ общей протяженностью более 2,9 тыс. км. Применяются они и в интересах экономики, особенно в Сибири, на Крайнем Севере, в частности, для прикрытия в случае аварии магистральных нефтепродуктопроводов. Оправдывает себя их применение в районах со слабой транспортной инфраструктурой. Кстати, авария, происшедшая в мае 2007 г. на магистральном газопроводе в Киевской области, привела к постановке вопроса о надежности функционирования трубопроводов на Украине. Между тем ранее с этой задачей успешно справлялись недавно расформированные трубопроводные войска.

В России первые после распада СССР учения трубопроводных войск были проведены в 2000 г. Практика показывает, что ПМТ, армейская система хранилищ горючего, трубопроводные войска и аналогичные невоенные структуры удачно дополняют друг друга.

В последние годы сотрудничество армии и бизнес-структур в сфере обеспечения энергетической безопасности успешно развивается, от чего страна только выигрывает. В 2005 г. в Новосибирской области прошли совместные учения компании «Транснефтепродукт» и Российской армии. В ходе их структуры тыла Вооруженных Сил, войска

²⁷ См.: *Бырихин А.* Нефть. Трубы. Антитеррор // Нефтяные ведомости. – 2006. – 30 июня.

Сибирского военного округа и Железнодорожные войска на практике отрабатывали вопросы организации получения горючего из хранилищ и магистральных нефтепродуктопроводов компании. Руководили учением начальник тыла Вооруженных Сил Владимир Исаков и президент «Транснефтепродукта» Сергей Маслов. К учениям было привлечено более 20 соединений, воинских частей и подразделений специальных войск тыла, свыше 3,5 тыс. военнослужащих и гражданских специалистов²⁸. Учения показали, что армия сможет получать горючее на наливных пунктах компании и даже в любой точке системы магистральных продуктопроводов. Предыдущие учения прошли в 2003 г.

Чтобы понять интерес компании, следует учесть, что «Транснефтепродукт», помимо коммерческого, имеет еще и важнейшее оборонное значение, поскольку нефтепродуктопроводная система страны создавалась изначально в немалой степени и для военных нужд. В СССР была создана система магистральных трубопроводов протяженностью более 19 тыс. км, которая связала нефтеперерабатывающие заводы с районами дислокации армейских соединений и потребителями в народном хозяйстве, а также обеспечила экспорт нефтепродуктов. Такое «двойное» предназначение обладает рядом преимуществ. Экономичность и надежность трубопроводов сочетается с возможностью скрытно поставлять большие объемы горючего, в том числе Вооруженным Силам. В настоящее время компания отвечает за транспортировку нефтепродуктов по трубопроводам протяженностью 19,3 тыс. км²⁹, и бизнес-сообщество осознает, что в случае террористической атаки или вооруженного конфликта экономика страны должна незамедлительно перейти на военные рельсы.

Очевидно, что в связи с обострением борьбы за энергоресурсы вероятность силовых сценариев разрешения возникающих конфликтов возрастает. Следовательно, надо учитывать возможность привлечения Вооруженных Сил России к решению задач, связанных с обеспечением энергетической безопасности. В заявлении Владимира Путина о возобновлении постоянных полетов стратегической авиации, озвученном в августе 2007 г., примечательно указание на то, что начавшееся «патрулирование будет осуществляться, прежде всего, в зонах активного судорохводства и экономической деятельности Российской Федерации».

Это заявление следует расценить и как готовность руководства страны к активному и гибкому использованию военной силы для защиты национальных интересов, в том числе в сфере обеспечения энергетической безопасности.

²⁸ См.: Тишинский И. Трубопроводное оружие // Профиль. – 2005. – 29 августа. – С. 90–91.

²⁹ См.: Скворцова А. Они тянулись к линии фронта. Военно-хозяйственное предназначение трубопроводного транспорта // Российская газета. – 2005. – 28 апреля.

ТЕМА НОМЕРА:

КАКИМ ДОЛЖНО БЫТЬ РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ЯДЕРНОГО КОНТРОЛЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ?

«После окончания «холодной войны» в разряд наиболее актуальных вопросов международной безопасности выдвинулась угроза распространения ядерного оружия. Режим нераспространения находится под угрозой. Некоторые государства в интересах снятия с себя обязательств, предусмотренных Договором о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), выходят из него или грозят выходом. Похоже, что мир приближается к такой точке, после которой размывание режима ядерного нераспространения может стать необратимым, приводящим к лавинообразному распространению ядерного оружия».

*Этой цитатой из статьи Павла Золотарева, собственно, и очерчивается круг вопросов, обсуждаемых в тематическом блоке материалов, представленных авторами – **Эдвардом Иффт**ом, бывшим сотрудником Государственного департамента США, в настоящее время адъюнкт-профессором в программе исследований в сфере безопасности, осуществляемой Школой внешнеполитической службы Джорджтаунского университета, **Гарольдом Смит**ом, профессором Калифорнийского университета в Беркли, работавшим помощником министра обороны в администрации Клинтона по программам ядерного, химического и биологического оружия, **Майклом Крепоном** и **Алексом Столаром**, исследователями из американского Фонда Генри Стимсона, **Павлом Золотаревым**, генерал-майором, заместителем директора ИСК-РАН, кандидатом технических наук, профессором Академии военных наук.*

Эдвард ИФФТ (США)¹

КАК ПОНИМАТЬ ПРИНЦИП ЯДЕРНОГО СДЕРЖИВАНИЯ

В международных отношениях слово «сдерживание»² в большом ходу. Даже несистемное осмысление его употребления показывает, что общего понимания того, что оно означает и как действует сам принцип, нет. Все государства – обладатели ядерного оружия утверждают, что главным, а возможно, и единственным предназначением их ядерных вооружений является сдержи-

¹ В номере публикуется его выступление на международной конференции «Ядерные стратегии и доктрины: национальная политика и международная безопасность» 15–16 октября 2007 г. Взгляды, изложенные в статье, принадлежат самому автору и не обязательно отражают политику правительства США или Джорджтаунского университета.

² Энциклопедия «Британника» дает такое определение этому термину: «Сдерживание – военная стратегия, при которой одна сила использует угрозу ответного удара, чтобы помешать атаке сил противника. С открытием ядерного оружия термин «сдерживание» начал применяться в большей степени к основной стратегии ядерных государств и главных военных альянсов. Суть этой стратегии заключается в том, что каждое ядерное государство сохраняет высокий уровень немедленной и подавляющей разрушительной возможности против любой агрессии... Сущест-

вание. Индия и Пакистан убеждают, что их ядерные программы предназначены для осуществления сдерживания. Министр иностранных дел Северной Кореи заявил, что «ядерные вооружения послужат надежным средством сдерживания войны для защиты высших интересов государства и безопасности корейского народа от угрозы агрессии США». Если Иран решит обзавестись ядерным оружием, то можно с уверенностью сказать, что оправдываться это будет на основе сдерживания. К тому же там еще заявят, что основной причиной бедственной войны Ирана с Ираком было отсутствие надежного сдерживания. Более того, даже в пределах одной страны принцип сдерживания не пребывает в статическом состоянии. Мы в США прошли путь от массированного возмездия к гарантированному уничтожению, от него к гибкому реагированию, потом к рассчитанному сдерживанию, а попутно – и через иные вариации. Сходные изменения произошли и в других странах.

Почти любая предлагаемая новая значительная система стратегических вооружений будет как поддерживаться, так и отвергаться, исходя из ее предполагаемого воздействия на сдерживание. Разительный недавний пример тому – система ПРО, предназначенная для Польши и Чешской Республики. США уверены, что она усилит сдерживание, тогда как Российская Федерация уверена, что она ее ослабит. Кто-то один явно запутался! Возможно, самым откровенным объяснением этой путаницы является нежелание задать-ся вопросом: «Сдерживать кого от каких действий?»

Данная тема обширна и сложна, предоставленное для сообщения время ограничено, эрудированность аудитории нашего семинара высока, исходя из всего этого, я бы предпочел использовать формат, включающий в себя восемь основополагающих вопросов по сдерживанию, и попытаться набросать ответы, которые не могут не быть упрощенными. Мне остается надеяться, что это прольет некоторый свет на весьма важную тему или, во всяком случае, стимулирует то или иное полезное обсуждение. По-видимому, мы можем руководствоваться замечанием Джеймса Тербера о том, что лучше понимать некоторые вопросы, чем знать все ответы.

1. Что такое сдерживание?

С точки зрения самых основ сдерживание (а в английском языке данный термин образован от латинского глагола *deterre* – испугать) – это убеждение лица, группы лиц или государства в том, что ответная реакция на задуманный курс действий приведет к степени боли или наказания, которое превысит предполагаемую выгоду таких действий. Если взглянуть в самом общем плане, сдерживание является очевидной основой правоохранительной деятельности или воспитания детей. И еще: сдерживание используется не для предотвращения какого-либо действия, а для того, чтобы поощрить к нему или принудить к отказу от чего-то. Это могло бы быть названо также «принуждением» и даже «насилием», хотя последнее несет в себе эмоциональное бремя, которое сильно затрудняет разумное обсуждение.

важным элементом в успешном сдерживании является уровень неуверенности предполагаемого агрессора, в состоянии ли атакованная им страна, несмотря на атаку и разрушения, нанести удар возмездия, – даже подвергаясь риску разрушения в ответной атаке. Таким образом, стратегия ядерного сдерживания базируется на двух основных условиях – уверенности в способности нанести удар возмездия после неожиданной атаки и уверенности в том, что этот удар возмездия должен существовать лишь как возможность устрашения». – *Прим. пер.*

Мы с вами, разумеется, говорим здесь о ядерном сдерживании, хотя данный принцип, несомненно, важен при обсуждениях других видов оружия массового уничтожения или обычных вооружений. Позволю себе попутно заметить, что слово «сдерживание», которое в русском языке чаще всего используется для обозначения понятия, содержит, на мой взгляд, несколько иной смысл, нежели соответствующий термин в английском языке (*deterrence*).

2. Оказалось ли ядерное сдерживание действенным?

Да и нет. Большинство ученых уверено, что в течение 60 лет ядерное сдерживание не позволяло крупным державам пойти войной друг на друга. Не вижу оснований оспаривать данное суждение, тем более, что доказать его нельзя, а история не являет нам своих альтернатив. С другой стороны, немало действий, подвергшихся едва ли не всеобщему осуждению международного сообщества, так и не удалось предотвратить. В ряде случаев это почти наверняка произошло потому, что международное сообщество на деле не пыталось применить надежное и действенное сдерживание. В других случаях сдерживание, возможно, попросту не сработало. Поучительным примером может служить первая война в Персидском заливе. Многие считают, что Саддам Хусейн не пошел на применение химического оружия, поскольку его сдерживали серьезные предостережения со стороны США. При этом, однако, зачастую упускается из виду, что Хусейна самым серьезным образом предупреждали и не поджигать кувейтские нефтяные месторождения, однако он все равно это сделал. Вдобавок он подверг Израиль атакам баллистических ракет, невзирая на израильский ядерный потенциал.

В любом случае, не вдаваясь в рассмотрение конкретики каждой из ситуаций, можно было бы заметить, что имелись примеры того, когда удача или здравые решения горстки личностей спасали нас от катастрофы больше, чем воздействие абстрактной теории. Кубинский ракетный кризис может служить одним из таких примеров.

3. Как соотносятся сдерживание и гарантированное уничтожение?

Здесь уместно припомнить знаменательную фразу Черчилля: «Безопасность станет крепышом-ребенком страха, а выживание – братом-близнецом полного уничтожения». Он верно предвидел последствия взаимного сдерживания между могущественными и враждебными державами, обладавшими ядерным оружием. Тщательно разработанные теории ядерного сдерживания создавались в стремлении вогнать в некоторый интеллектуальный озноб запутанную и сложную ситуацию. Стремления эти были сильны по части математики, как умело пользоваться которой мы знали, зато слабы по части психологии и политики. Продуманное компьютерное моделирование проводилось в попытке предсказать, как будет разворачиваться ядерная война и как можно обеспечить сдерживание по ходу войны. Впрочем, почти всегда модели разрушались после обмена первыми же ядерными ударами. В действительном мире итогом, достигнутым во имя сдерживания, стали абсурдные уровни ядерных вооружений как в США, так и в Советском Союзе.

Стремясь найти ответ на вопрос: «Сколько же надо, чтобы хватило?» и взять под контроль «безумную инерцию гонки вооружений», министр оборо-

ны Роберт Макнамара предпринял попытку количественно определить, какие пороги уничтожения окажутся достаточными, чтобы удержать Советский Союз от действий, могущих представить угрозу жизненным интересам США и их союзников. Различные соображения привели к выводу, что уничтожение 30% населения и трех четвертей промышленности Советского Союза окажется достаточно. О духе тех времен говорит еще и тот факт, что в конце 1960-х, когда мы вели подготовку к началу переговоров по ОСВ, нас убеждали: поскольку Советский Союз «примирился» с 20000000 смертей во Второй мировой войне, для действенного сдерживания необходимы гораздо большие пороги уничтожения. Мне и тогда это казалось абсурдом, сегодня же считать так оснований, разумеется, еще больше.

Можно предположить, что подобные вычисления делались и другими государствами – обладателями ядерного оружия. Мы, на Западе, благожелательно относились к политике государств с меньшими ядерными арсеналами, таких, как Британия и Франция, считая ее «сдерживанием сильных слабыми». Ныне в этом выражении гораздо больше отрицательного подтекста в связи с асимметричностью методов ведения войны. США, в конце концов, приложили усилия представить сдерживание менее устрашающим, делая акцент на том, что предполагаемой целью ответного удара являются военные и хозяйственные объекты, а не население *per se* (само по себе). Однако исчисление подлинных разрушительных последствий в результате обмена ядерными ударами убеждало, что любые чувства морального превосходства от подобной смены акцентов трудно считать оправданными. Во все времена данный принцип следовало бы именовать взаимным гарантированным сдерживанием, притом, что скрытая за терминологией безумная суть ничуть не изменилась бы в сравнении с взаимным гарантированным уничтожением.

Разумеется, были и сейчас есть различия в представлениях отдельных государств о роли, которую призваны играть ядерные вооружения и сдерживание. На этом семинаре присутствуют эксперты из всех государств – обладателей ядерного оружия, которые могли бы авторитетно представить взгляды и политику своих стран [2]. Что касается НАТО, то прежде там к ядерным вооружениям относились как к «оружию последнего средства спасения», а к возможности его применения как к «крайне отдаленной». Нынешняя стратегическая концепция НАТО, действующая с 1999 года, провозглашает, что ядерное оружие вносит «исключительный вклад» и называет его «необходимым для сохранения мира» [3].

4. Обладаем ли мы и сегодня возможностью гарантированного уничтожения?

Ответом должно быть сдержанное «да». Разумеется, у нас имеются достижения в результате отказа от нацеливания, и отношения значительно улучшились, в том числе и в смысле большей открытости и сотрудничества между государствами НАТО, бывшего Варшавского Договора и Китаем. Можно было бы утверждать, что «политики» гарантированного уничтожения больше нет. Однако утверждать, как делают некоторые, что возможности гарантированного уничтожения больше не существует, значит впасть в опасную иллюзию. Более реалистичен взгляд, при котором возможность гарантированного уничтожения расценивается больше как реальный факт, нежели как

политика. Единственно благоразумное предположение состоит в том, что, если ставкой становится выживание государства, обладающего ядерным оружием, и особенно, если против него применено ядерное оружие, то оно ответит на удар ядерными средствами – и, вероятно, широкомасштабно. Сам по себе факт прост: до тех пор, пока ядерные вооружения существуют в больших количествах, над всеми нами висит угроза гарантированного уничтожения. Давая показания в Конгрессе, бывший государственный секретарь Колин Пауэлл заявил: «Вы не в силах покончить с тем, что уже в привычку вошло называть взаимным гарантированным уничтожением» [4].

Существуют четкие моральные возражения против такой политики, вероятно, есть также и правовые, вытекающие из Консультативного заключения Международного Суда от 1986 года. Вместе с тем трудно сказать, было (и остается) ли ошибочным наращивание вероятной угрозы причинить неприемлемый урон какому-либо агрессору. Ошибочной, на мой взгляд, была неспособность признать, что уровни ядерных вооружений, накопленных двумя сверхдержавами, чрезвычайно превосходили то, что необходимо для нанесения такого ущерба. Порождено это было отсутствием доверия, отсутствием связи, до крайности частым использованием наихудших вариантов развития событий и отсутствием соглашения о контроле над вооружениями для упорядочивания состязательности. Нездоровую состязательность, в конце концов, удалось обуздать договоренностями в рамках ОСВ, переговоров по ракетам средней дальности, СНВ-2 и Московского договора (СНВ-1), однако тысячи единиц ядерного оружия по-прежнему остаются, как развернутые, так и неразвернутые.

Еще одним результатом процесса контроля над вооружениями 1980-х и 1990-х годов явилось осознание, что не только размер, но и структура стратегических сил существенно воздействует на стабильность и сдерживание. В то время как «свобода перемешивания» признавалась существенной для учета различий в геополитическом положении, наряду с историческими факторами, более изощренный анализ показывал, что определенные виды ядерных сил сдерживания оказываются более стабилизирующими или, по крайней мере, менее дестабилизирующими, чем другие. Так, США пришли к выводу, что возлагать относительно бóльшие надежды на более живучие системы, такие, как БРПЛ (баллистические ракеты, размещенные на подводных лодках), мобильные МБР (межконтинентальные баллистические ракеты) и бомбардировщики, было бы лучше для стабильности, нежели полагаться на привязанные к одному месту МБР, в особенности те, что снабжены разделяющимися боеголовками индивидуального наведения (РБИН). Точно так же медленно летящие (а следовательно, предоставляющие больше времени для оповещения) системы, такие, как бомбардировщики и крылатые ракеты, являются менее дестабилизирующими, чем баллистические ракеты с их очень непродолжительным подлетным временем.

США приложили немало усилий на переговорах по СНВ, пытаясь убедить своих советских партнеров в мудрости данного взгляда на сдерживание – с некоторым, хотя и неполным, успехом. Наверное, величайшим достижением такой философии сдерживания явилось соглашение о полном запрещении МБР с разделяющимися боеголовками в договоре СНВ-2. К сожалению, этот договор так и не вступил в силу. Тем не менее направления структуризации стратегических сил за последние 15 лет как в США, так и в России на самом деле отвечают данному взгляду на сдерживание и стабильность.

5. Кто имеет право на ядерное сдерживание?

Этот неуклюжий вопрос почти никогда не задается, но именно он является средоточием проблемы ядерного нераспространения. Один очевидный ответ мог бы быть таков: пять государств, обладающих ядерными вооружениями, — как определено Договором о нераспространении ядерного оружия. Однако единодушия тут ждать не приходится. Хотя каждое государство из пятёрки, разумеется, станет отстаивать свое право на ядерное сдерживание, далеко не ясно, согласится ли любое из пяти с тем, что остальные имеют право сдерживать его при помощи ядерного оружия. Загвоздка в том, что обсуждения ядерного сдерживания в любой стране неизменно вращаются вокруг того, каким образом сдерживание работает в пользу этой страны, а не вокруг того, каким образом использовать его, чтобы сдерживать ее. Во время переговоров по СНВ я порой слышал от своих коллег по американской делегации такое утверждение: «Мы же не ведем дело к тому, чтобы сдерживать самих себя!»

Очевидно, что общественные и политические деятели трактуют эту тему разноречиво. Весьма легко добиться согласия с предложением сохранить сдерживание. И совсем иное дело — добиться принятия идеи, что другим странам следует позволить поддерживать на должном уровне потенциал нашего уничтожения. Парадокс в том, что попросту существуют два способа задать один и тот же вопрос. Если сдерживание законно и способствует стабилизации, то из этого следует, что странам следует воздерживаться от попыток избавиться от сдерживания других стран — обладательниц ядерного оружия. Такое предложение — явно из весьма трудных. Оно лежало в основе договора по ПРО, которого у нас больше нет. Вместе с тем даже договор по ПРО всегда вызывал ощущение, будто им попросту признается основной факт военной ситуации между США и СССР и невозможности создания действенной системы обороны ПРО в масштабах всей страны. Кое-где всегда наличествовал взгляд, что от такого равновесия можно и следует избавиться, как только позволит развитие техники. Конечно же именно на таком взгляде, по крайней мере, частично, основывалась стратегическая оборонная инициатива (СОИ) президента Рейгана.

Здесь мы сталкиваемся с противоречием между необходимостью поддерживать потенциал сдерживания и основополагающим правом на самооборону с основным инстинктом самосохранения. Проблему эту мы, по сути дела, так и не решили.

Положение становится еще более щекотливым, если мы рассмотрим ситуацию с Индией, Пакистаном и Израилем. Разумеется, тот факт, что Индия, Пакистан и Израиль никогда не присоединялись к Договору о нераспространении, ставит их в иную категорию, нежели Северную Корею и Иран, хотя фундаментальный вопрос о том, у кого есть право на сдерживание, остается. И это приводит нас к следующему вопросу.

6. В чем разница между ядерным сдерживанием и ядерным шантажом?

По большей части, обсуждения опасностей расползания ядерного оружия, похоже, кристаллизуются вокруг понятия «ядерный шантаж». Лучшим способом понять суть ядерного шантажа является выяснение того, что это просто — на просто ядерное сдерживание в негодных руках. Само выражение неожиданно

данно сделалось расхожим в последние годы, особенно сразу после первой войны в Персидском заливе. Выступая в 2001 году с важной речью в вашингтонском Университете национальной обороны, президент Буш заявил: «Международное сообщество столкнулось бы с совершенно иной ситуацией, будь у Хусейна возможность прибегнуть к шантажу ядерным оружием» [5]. И Путин, и Ширак, и Блэр – все они прибегали к использованию данного выражения. В том контексте, в котором понятие используется, оно, в основном, служит выражением озабоченности, что свобода действий государств, обладающих ядерными вооружениями, будет урезана, если другие страны обретут ядерное оружие или, возможно, другие виды оружия массового уничтожения. Сценарий, который часто упоминается, таков: государство, обладающее ядерным оружием, не сможет вмешаться в региональный конфликт, если одна из его противоборствующих сторон располагает ядерным оружием.

Обеспокоенность, разумеется, оправданная, и вместе с тем не надо чересчур ломать голову, чтобы прийти к выводу: довод о том, что ядерное распространение порочно, поскольку ограничивает возможности государств – обладателей ядерного оружия напасть на другие государства, вряд ли покажется хоть как-то убедительным неядерным государствам. Устраивать дискуссию по распространению в рамках сосредоточенности на том, смогут ли отдельные государства безо всякого риска вмешиваться в конфликты в отдаленных регионах, значит явно обрекать ее на провал. Если же что и получится, то подобные доводы просто подтвердят полезность ядерного оружия и послужат еще большим стимулом для государств-изгоев обрести его. К тому же подобные доводы склонны подрывать доверие к гарантиям безопасности и широкому сдерживанию, которые так важны для нераспространения [6]. Более того, они подразумевают, что мы не защитим наши жизненные интересы и тем самым ослабим самое сдерживание. Для нас было бы лучше прекратить разговоры о ядерном шантаже и вернуться к традиционным доводам, использованным в контексте Договора о нераспространении, для утверждения того, что в интересах всех государств занять твердую позицию в отношении ядерного распространения.

7. Можно ли сдерживать террористов?

Вопрос о том, можно или нет сдерживать террористов, обсуждается в последнее время столь широко, что мало что можно сказать нового. Общим местом уже стало утверждение, что сдерживать террористов нельзя, а потому их надо отслеживать и уничтожать в зародыше. К сожалению, в этом много истины. Идея наказания как сдерживания трудно применима к тем, кто рвется к мученичеству, или к безумным фанатикам, верящим, что теракты приближают конец света. В то же время террористам приходится откуда-то появляться, и государства, а в особенности их руководители, должны нести ответственность за учебные лагеря и другие средства подготовки к терроризму, располагающиеся на их территории. То же справедливо и в отношении тех, кто сознательно способствует террористической деятельности. После обретенного в Афганистане опыта, независимо от того, что получается в Ираке, трудно поверить, что государства с легкостью станут приветствовать и укрывать террористов. Разумеется, в том, что касается несостоятельных государств или государств, неспособных контролировать собственную территорию, кое-какие действия со стороны международного сообщества могут понадобиться.

Следует также признать, что запрет также может служить действенным противодействием, хотя и не обязательно сдерживанием, в отношении террористов. Осуществить это возможно, используя сотрудничество в области разведки, ракетной обороны, совершенства правил перемещения орудий терроризма, эффективную систему избавления от последствий терактов и т.д. Весьма полезно было бы провести больше исследований в области ядерной судебной экспертизы, с тем, чтобы надежно определять источник ядерных материалов, использованных в ходе нападения. Что же касается международного права, то резолюция 1540 Совета Безопасности ООН и Международная конвенция против терроризма с использованием оружия массового уничтожения дают надежную основу, пользуясь которой можно разработать дополнительные меры [7].

8. Можем ли мы ускользнуть от ядерного сдерживания и гарантированного уничтожения?

Это один из ключевых вопросов нашего времени. По-настоящему ускользнуть из-под дамоклова меча, судя по всему, не весьма реально до тех пор, пока в мире существуют ядерные вооружения в больших количествах. Однако может оказаться вполне возможным задвинуть угрозу куда подальше с помощью более основательных сокращений и более просвещенной политики. Более 20 лет назад президенты Рейган и Горбачев выдвинули соперничавшие одно с другим представления о мире, свободном от ядерного оружия. В те годы многие, в том числе и я сам, сочли их предложения довольно нереалистичными и, возможно, даже стоящими на пути более практических мер, в каких была отчаянная нужда. Вместе с тем о намерении полностью избавить мир от ядерного оружия вновь заговорили в весьма ответственных кругах. В статье в *Wall Street Journal* (4 января 2007 г.) Джордж Шульц, Уильям Перри, Генри Киссинджер и Сэм Нанн, люди, разумеется, не непопытные или не-практичные, отстаивали именно такой курс [8]. В июне 2007 г. Маргарет Беккетт, в то время министр иностранных дел и по делам Содружества Соединенного Королевства, выступая с важной речью в Вашингтоне, заявила, что почти никто не верит, будто ядерные боеголовки в нынешнем их количестве необходимы, и призвала к дальнейшей работе с целью определить необходимые параметры по ликвидации в конечном счете всех ядерных вооружений [9]. Ганс Бликс не так давно писал: «Мыслимого применения ядерного оружия нет, а его сдерживающий эффект становится все менее и менее эффективным. В тех районах, где ядерное оружие, возможно, действительно составляет основу безопасности, иные меры, такие как интеграция в ткань международного сообщества, скорее всего, оказались бы более действенными» [10].

В краткосрочном плане ключевой вопрос касается того, какого рода режим придет на смену Договору СНВ-2, срок действия которого истекает в декабре 2009 года. Московский договор 2002 года, который весьма кстати существенно понизил уровни СНВ, явно не является ответом в долгосрочном плане по причинам, которые хорошо известны. Практическим путем к очень низким уровням ядерных вооружений может стать постепенное преобразование развернутых ядерных сил в «виртуальные» ядерные силы. В соответствии с такой концепцией ядерные боеголовки будут отделяться от средств доставки (ракет и бомбардировщиков), наряду с другими мерами по сокращению не-

отвратимой угрозы и уменьшению возможности несчастного случая или просчета. Проведение инспекции на местах и другие меры транспарентности создали бы условия, при которых эти меры осуществлялись бы в соответствии с соглашением. Обратное преобразование было бы возможно, дабы создать сеть защиты на тот маловероятный случай, когда это понадобится. В последнее время данная концепция нашла отклик у уважаемых ученых как в США, так и в Российской Федерации [11].

По-видимому, можно представить себе последовательный процесс, включающий пять компонентов:

- заявления/обмен данными;
- снятие с нацеливания;
- снятие уведомления об опасности;
- деактивация;
- разборка/демонтаж.

Разумеется, все время следует быть внимательными и не упускать из виду самый важный компонент — сдерживание. Наша цель конечно же не в том, чтобы сделать мир защищенным для возможности вести войну с помощью обычных вооружений.

Хотя в действительности мы все еще не знаем, как безопасно ликвидировать все ядерные вооружения целиком, уже необходимо тщательно продумать то, каким образом сдерживание способно действовать на уровнях, близких к нулю. Рано или поздно мы окажемся в реальности «минимального сдерживания». Это неопределенное понятие уже много лет как вошло в обиход и обычно обозначает минимальный уровень ядерных вооружений, по-прежнему способных сдерживать. Ясно, что то, каким может быть такой уровень, зависит от особенности сценариев, психологии и намерений тех, кого сдерживают, однако очевидно, что он гораздо ниже существующих уровней и даже тех, что определены Московским договором.

Всякий, кто соглашался с направлением рассуждений в предыдущей части данной статьи, возразит, что всегда были недостойные люди, незаконные государства и группировки, отказывавшиеся следовать международным нормам, и их как-то необходимо сдерживать. Государства послабее будут особенно требовать, чтобы их защитили от государств посильнее, если суждено им отказаться от ядерных притязаний. Для достижения этого можно представить себе систему положительных и отрицательных гарантий безопасности, поддерживаемую коллективным сдерживанием обычными средствами. Хотя обычные виды вооружений обходятся дороже ядерных вооружений в пересчете на сопоставимый уровень ущерба, группы стран могут наносить неприемлемый ущерб, не прибегая к ядерному оружию. На память приходят такие региональные организации, как НАТО, ЕС и Атлантическое Соглашение. Самым же всеобщим органом, который мог бы угрожать нанесением неприемлемого ущерба, является, разумеется, сама Организация Объединенных Наций.

Обычное сдерживание на коллективной основе более надежно, нежели ядерное сдерживание, поскольку последнее совершенно правильно ограничено очень высокими порогами и табу. Вдобавок, в той мере, в какой сохраняется вера в шантаж, незаконному государству будет намного труднее шантажировать большую группу государств, чем отдельную страну.

Многие примеры последних лет наглядно выявили последствия неудачи в употреблении надежного сдерживания или неумения среагировать быстро и

сильно на вопиющие нарушения международных норм. Хотя доктрина упреждающей/превентивной войны, используемая администрацией Буша, и не встретила мощного противодействия, становится все яснее, что международному сообществу нет нужды быстрее и решительнее реагировать на подобные проявления произвола.

Заключение

Ядерное сдерживание было основополагающим фактором в международных отношениях на протяжении всей жизни большинства из присутствующих в этой аудитории людей. В последние годы на принцип ядерного сдерживания обрушились нападки. Утверждается, что ядерное сдерживание:

- больше не существует;
- больше не действенно;
- больше не является необходимым;
- опасно;
- безнравственно;
- не согласуется с нашими целями нераспространения;
- поощряет безответственные государства и организации на обретение

ядерного оружия.

В каждом из этих критических замечаний есть доля истины, и все же, на мой взгляд, они слишком упрощенны, во всяком случае, пока ядерные вооружения существуют в больших количествах. В ретроспективе легко увидеть, что поиски безопасности привели к сдерживанию, которое привело к ядерному сдерживанию. Ядерное сдерживание требовало возможности нанести неприемлемый ущерб, что лишь на иной терминологический лад подразумевало гарантированное уничтожение. С распространением ядерного оружия это стало взаимным гарантированным уничтожением. К сожалению, такой путь привел к уровням и политике, которые намного выходили за пределы необходимого и не соответствовали Статье VI Договора о нераспространении ядерных вооружений. Хотя самое продвижение по этому пути и достигло самой главной своей цели: предотвращения ядерной войны, — нам повезло, что мы выжили, следуя им.

Ныне наша задача в том, чтобы сократить ядерные вооружения до очень низких уровней, все больше уповая для сдерживания на коллективные обычные силы, постепенно задвигая ядерное сдерживание куда подальше в качестве последнего средства спасения.

Если это звучит описанием нового мирового порядка, то, наверное, так оно и есть. Если это звучит наивно, то, наверное, и такой недостаток тоже присутствует. Тем не менее звучит это куда предпочтительнее для мира, в котором мы живем последние 60 лет [12].

Примечания

1. Washington Post, 4 октября 2006 г., с. 18.
2. Материалы недавних обсуждений политики сдерживания всех пяти ядерных государств можно найти в: Debating 21st Century Nuclear Issues, ред. Оуэн К. У. Прайс и Дженифер Маккби, Вашингтон: Center for Strategic and International Studies, 2007.
3. См.: «The Alliance's Strategic Concept», Публичная дипломатия НАТО, документ SC99ENG0604, раздел 46, Брюссель: НАТО.

4. Свидетельские показания Государственного секретаря Колина Пауэлла в Комитете Сената США по международным отношениям, 20 июня 2001 г.
5. Выступление президента США перед студентами и преподавателями Университета национальной обороны, Вашингтон, 1 мая 2001 г.
6. Недавние аналитические материалы по расширенному сдерживанию в период после «холодной войны» содержатся в: Lewis A. Dunn, «Deterrence Today: Roles, Challenges and Responses». IFRI Proliferation Paper No. 19, Security Studies Center of the French Institute of International Studies, лето 2007 г.
7. Материалы последующих недавних обсуждений сдерживания террористов см. в: Daniel Buman, «US Counter-terrorism Options: A Taxonomy», Survival, Vol. 49, No. 3, pp. 121-150. См. также: M. Elaine Bunn, «Can Deterrence Be Tailored?» Strategic Forum No. 225, Institute for National Strategic Studies, National Defense University, январь 2007. См. также: Dunn, op. cit.
8. George P. Shultz, William J. Perry, Henry A. Kissinger and Sam Nunn, «A World Free of Nuclear Weapons», Wall Street Journal, 4 января 2007 г.
9. Margaret Beckett, Address to the Carnegie International Nonproliferation Conference, Вашингтон, 25 июня 2007 г.
10. Hans Blix, «CTBT: Going the Last Mile to Banish Nuclear Testing», CTBTO Spectrum, Comprehensive Test Ban Treaty Organization (Vienna), июль 2007 г.
11. См., например: Sidney D. Drell and James E. Goodby, What are Nuclear Weapons For? Recommendations for Restructuring U.S. Nuclear Forces, Вашингтон: Arms Control Association, апрель 2005 г. (переработано в октябре 2007 г.). См. также: Алексей Арбатов и Владимир Дворкин Beyond Nuclear Deterrence: Transforming the U.S.-Russian Equation, Вашингтон: Carnegie Endowment for International Peace, 2006.
12. Более подробно тема ядерного сдерживания раскрывается в: Edward Ifft, «Deterrence, Blackmail, Friendly Persuasion», Defense & Security Analysis, Vol. 23, No. 3, pp. 237-256, Лондон: Routledge, сентябрь 2007 г.

Гарольд СМИТ (США)

СРАВНЕНИЕ ПОЛИТИКИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ И РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ПАРТИЙ США ПО ВОПРОСУ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ¹

В подвижную цель трудно попасть

Вряд ли что-либо другое, кроме долгой кампании по выборам президента США, особенно когда завершается весьма противоречивый восьмилетний срок пребывания у власти нынешней администрации, может продемонстрировать правоту слов Вуди Алена: будущее будет не таким, каким его представляли². После событий 11 сентября администрация Буша взяла на вооружение силовой, жестко контролируемый, односторонний подход к решению многих вопросов, в том числе проблемы нераспространения. Однако в течение нескольких лет подход с позиции силы постепенно трансформировался в дипломатические шаги с привлечением других сторон для обсуждения интересующих проблем.

Например, несколько лет назад Северная Корея с «тираном» во главе была причислена к «оси зла». Однако в прошлом году в газете «Нью-Йорк

¹ Некоторые положения из этой статьи были представлены на Международной конференции «Ядерные стратегии и доктрины: национальная политика и международная безопасность» 15–16 октября, 2007 г.

² Приписывается ему.

таймс» от 8 октября Шэптон, которого трудно заподозрить в приверженности к политике Буша, в заголовке «Северокорейское испытание — от попыток обвалить режим до начала многосторонних переговоров» кратко изложил новую позицию по Северной Корее. А другой журналист из этой же газеты в номере от 7 октября начал свою статью следующей фразой: «Буш, для президентства которого был характерен чванливый и индивидуалистический стиль, сделал резкий поворот в сторону Китая...».

Более того, в опубликованной недавно оценке американских разведывательных служб утверждается, что Иран, также причисляемый к «оси зла», в 2003 году свернул свою ядерную программу. Таким образом, получается, что Иран более не относится к странам, стремящимся обрести ядерное оружие, что представляет собой серьезное изменение в американской политике, касающейся нераспространения. Утверждается также, что очень трудно вырабатывать политику в отношении нераспространения в «такое бурное и непостоянное время»³.

Если нелегко определить меняющуюся позицию нынешней администрации, то насколько труднее прогнозировать политику десятков претендентов на пост президента, которые практически все пытаются избежать заранее озвучивать свою позицию в ходе нынешней кампании. Несмотря на существующую разногласию, ответ дать не так уже и трудно, несмотря на кажущийся сложным вопрос. Кандидаты, прежде всего, сосредоточили все свое внимание на местных проблемах, интересующих избирателей в ходе предвыборной кампании в каждом отдельном штате, каковым в момент написания этой статьи является Айова. Дебаты по вопросам внешней политики, включая вопросы нераспространения, ограничиваются войной в Ираке, решением палестинской проблемы или (якобы уже не актуальной) иранской ядерной программой. Но все они блекнут на фоне проблем здравоохранения, иммиграции, торгового баланса или политики в отношении фермерства, что более всего интересует Айову, где этанол, а отнюдь не ядерное оружие, является проблемой выбора. Можно с большой долей уверенности утверждать, что и сами кандидаты, вне зависимости от своей партийной принадлежности, вряд ли будут говорить о своем подходе к решению проблемы нераспространения ядерного оружия.

Роль советников в определении политики нераспространения ядерного оружия

Если кандидаты пытаются уходить от высказываний по этим вопросам, то советники делают обратное. Нет ничего необычного для вновь избранного президента обратиться за услугами к уважаемому, опытному, известному по своим высказываниям в СМИ советнику в переходный и начальный период своего пребывания у власти. Можно легко предположить, что, например, Буш в формировании своей собственной внешней политики полагался на (нынешнего) госсекретаря Райс. Это же самое можно утверждать и относительно большинства, если не всех, последних президентов. Если кому-то захочется оценить политику любой партии по такому сложному вопросу, как нераспространение ядерного оружия, то лучше всего обратиться к опубликованным в печати заявлениям доверенных советников, чем к высказываниям претендентов в ходе предвыборной кампании.

³ У.Шекспир. «Двенадцатая ночь».

И не стоит оглядываться очень далеко назад. Как только претенденты начали свою предвыборную кампанию в начале 2007 года, газета «Уолл стрит джорнэл» выступила в редакционной колонке с материалами, содержащими самые весомые, отражающие позиции обеих партий заявления по вопросу нераспространения ядерного оружия, которые только можно себе представить. Д.Шульц, У.Перри, Г.Киссинджер и С.Нанн, уважаемые, опытные и заслуживающие доверия советники, опубликовали статью под заголовком «Мир, свободный от ядерного оружия»⁴. Будет очень трудно найти еще четверых столь квалифицированных экспертов по этой проблеме. В совокупности они представляют обе партии и имеют опыт работы, по меньшей мере, со времен администрации Картера, на постах государственного секретаря, министра финансов и обороны, а также главы сенатского комитета по вооруженным силам.

Если задаться вопросом, является ли их позиция отражением реальной политики или надежды, по аналогии с Джоном Дейчем⁵ и Гарольдом Брауном⁶, то их рекомендации относительно движения к миру без ядерного оружия можно назвать смелыми заявлениями по вопросам политики нераспространения, которые, вполне возможно, будут приемлемы для следующей республиканской или демократической администрации. Более того, можно сказать, что многие, хотя и не все, их рекомендации были приняты администрацией Буша, за исключением ратификации широко известного Договора по запрещению испытаний ядерного оружия и уничтожению «ядерного оружия ближнего радиуса действия и передового базирования»⁷. Вместе с тем в их рекомендациях отсутствуют следующие важные аспекты: в частности, стоит ли пойти на развертывание американской программы по созданию ядерных боеголовок нового типа RRW (Reliable Replacement Warhead) или внести изменения в Договор о нераспространении ядерного оружия перед угрозой его обретения, кроме пяти держав, новыми государствами, или готовности США предоставить ядерную технологию Индии⁸.

Короче говоря, до тех пор, пока у вновь избранного президента будет желание следовать советам столь высокопоставленных советников, в позициях обеих партий будет достаточно много общего, хотя и не по всем вопросам. Фанатичная политика, как гласит старая поговорка, на краю не остановится⁹. В этом отношении программа RRW являет собой интересный контраст между двумя партиями.

⁴ Шульц Д., Перри У., Киссинджер Г., Нанн С. Мир, свободный от ядерного оружия // Уолл стрит джорнэл. 4 января 2007 г.

⁵ Дейч Д., Браун Г. Фантазии на тему ядерного разоружения // Уолл стрит джорнэл. 10 ноября 2007 г. Оба автора являются уважаемыми и высокопрофессиональными советниками, которые особенно блестяще проявили себя в этом качестве в основном в период президентства Картера.

⁶ Браун Г. Новые ядерные реальности // Вашингтон квартал. Зима 2007/08. Браун (бывший министр обороны) является одним из самых непримиримых противников Д.Шульца, позиции которых сильно различаются. «Мир и порядок на планете является условием для запрещения ядерного оружия», а не наоборот.

⁷ Д.Шульц: «Если бы цитируемое положение было выполнено, то находящееся под контролем НАТО американское ядерное оружие в Европе было бы уничтожено. Это положение в течение десятиков лет было запретной темой в американской внешней политике, несмотря на наличие возражений со стороны России после ликвидации Варшавского Договора и возврата вооружений назад в Россию».

⁸ Гуди Д. Отсутствующее звено в нераспространении ядерного оружия // Брукингс Институт, вопросы глобальной политики. Декабрь 2006 г. <http://www.brookings.edu/views/op-ed/goodby/20061201.htm>.

⁹ По мнению Дэвида Нолберстрама, эта поговорка не более чем миф: «Самая холодная зима. Америка и война в Корее», стр. 171, издание «Nupurion», 2007 г.

Программа RRW как оселок

Администрация Буша, безусловно, набрала себе дополнительные очки, использовав беспристрастную оценку имеющегося у США ядерного арсенала для аргументированного обоснования необходимости конструирования, разработки и развертывания нового вида ядерного боеприпаса – RRW. Представители демократической партии в Конгрессе и их советники не выступают против такой оценки... Они также не подвергают сомнению техническое обоснование концепции развертывания RRW. Но они решительно против ее развертывания в настоящее время. Аргументация «за» и «против» этой программы может стать предвестником разногласий, которые разведут позиции партий относительно проблем нераспространения после инаугурации нового президента в январе 2009 года. Ее отсутствие в вышеупомянутой публикации, отражающей позиции обеих партий, подчеркивает Шульц, означает возможность появления серьезных разногласий между ними по вопросу нераспространения.

Технические аргументы или факты

Аргументация технического характера в пользу развертывания RRW, которая не подвергается сомнению, весьма похожа на рассуждения на бытовом уровне относительно необходимости приобретения нового автомобиля, когда старый еще вполне на ходу. Здесь возможны серьезные коррективы в сторону улучшения, многие из которых, в свою очередь, коснутся нераспространения (или улучшат техническое состояние эксплуатируемого автомобиля):

- может быть повышена надежность, что может привести к сокращению арсеналов;
- может быть повышена безопасность нового оружия, что снизит вероятность его использования, в случае его попадания к террористам;
- новое оружие будет сертифицировано без тестирования. Это, безусловно, станет предметом обсуждения через некоторое время, но не сейчас;
- можно предположить, хотя есть и сомнения на этот счет, что старое вооружение, так называемый наследственный ядерный арсенал, в последующем будет нуждаться в проведении испытаний;
- тактико-технические данные оружия не улучшатся. Нынешняя Администрация много сделала для того, чтобы это доказать. Боеприпас RRW – это чистая замена. Он не улучшает характеристики ядерного оружия и в этой связи не может рассматриваться как распространение;
- хотя это и не относится к распространению, для завершения картины следует отметить, что повысится безопасность и упростится его производство. Это в перспективе понизит его стоимость.

Хотя есть основания для разногласий по этим вопросам, они не повлияют на результат обсуждений по развертыванию боеприпасов. Они только откроют возможности для дебатов, которые будут происходить так же, как это делают юристы, пытающиеся установить «факты в деле» с помощью таких начинающихся очередной абзац выражений, как «принимая во внимание» и т.д.

Позиция Буша и возможная позиция будущего президента-республиканца

Нынешняя позиция Администрации республиканцев основывается не только на аргументах технического характера. Она утверждает, что развертывание боеголовок не повлияет на позицию по нераспространению других заинтересованных ядерных держав — США, России, Великобритании, Франции и Китая. Эта группа стран, так называемая «П-5», рассматривает свою приверженность ядерному сдерживанию как фактору, на который не оказывают влияния ни модернизация, ни ее отсутствие в американском ядерном арсенале.

Это же самое можно сказать и о новых членах ядерного клуба, которые вышли на авансцену после подписания в 1967 году Договора по нераспространению. К ним относятся Израиль, Индия и Пакистан.

Даже такие «пороговые» страны, как Северная Корея и Иран, которые, возможно, скоро будет необходимо признать ядерными, не будут учитывать в своих действиях, модернизируют или нет свой ядерный потенциал США.

Более важным представляется то, что не страны-игроки, а террористы, которым, в отличие от государств, нечего терять для достижения своих целей, вероятнее всего взорвут ядерный боеприпас. И модернизация ядерного оружия ядерными державами в этом их не остановит.

Короче говоря, нынешняя позиция республиканцев заключается в том, что никто из ядерных стран, с которыми надо считаться, не беспокоится о том, модернизируют или нет США свой ядерный потенциал. Таким образом, принятие решений по этому вопросу должно быть ограничено только техническими и экономическими преимуществами этого для США. Выражаясь простым языком, международное сообщество не является в этом отношении фактором, с которым надо считаться. США просто должны продолжить движение в этом направлении.

Вероятная позиция президента-демократа по вопросу о RRW

За исключением выше приведенных выводов, большинство советников Демократической партии соглашаются с аргументацией республиканцев. Различие заключается только в том, что демократы считают необходимым считаться с мнением большего числа стран, следящих за тем, будут ли развертываться новые ядерные вооружения. Демократы также полагают, что, за исключением стран — членов ядерного клуба и террористов, гораздо большее число неядерных государств должно следовать основным положениям Договора о нераспространении. Одни страны решили отказаться от разработки ядерного оружия, другие даже пошли дальше, закрыв свои ядерные программы, а если взять случай с Белоруссией, Казахстаном и Украиной, то они вернули свои ядерные арсеналы стране-производителю.

Демократы аргументируют свою приверженность более широкому числу участников в этом процессе целым рядом причин, не последней из которых является утверждение о том, что США и другие страны «П-5» будут действовать в соответствии со статьей 6 Договора о нераспространении ядерного оружия. Она заключается в том, что они в перспективе пойдут по пути сокращения, а затем и уничтожения ядерных вооружений. Развертывание же RRW будет оцениваться странами, соблюдающими Договор, совсем иначе. Соглас-

по мнению советников Демократической партии, они придут к выводу о том, что США в разрез с положениями Договора намереваются сохранить свой ядерный потенциал на неопределенное время. То есть дорога к будущему широкомасштабному ядерному разоружению не более как мираж, поэтому США следует пересмотреть свои обязательства в рамках Договора. За этим, вероятнее всего, продолжится распространение ядерного оружия.

Кроме того, имеются и такие практические соображения, как время и деньги, которые необходимо будет учесть в дополнение к такому более деликатному фактору, как психологический настрой международного сообщества. При этом всегда следует учитывать и такой практический вопрос, как денежные затраты. Это, по утверждению демократов, особенно актуально в период огромного, постоянно растущего бюджетного дефицита, когда контролируемый демократами Конгресс не может найти возможностей увеличения налогов. Это подтверждается и его неспособностью закрыть брешь, возникшую в связи с изменением альтернативного минимального налога. В результате этого многие программы будущим правительством будут либо отложены, либо урезаны.

Откладывание развертывания RRW станет главной целью, что, таким образом, позволит избежать возникновения более спорных вопросов, связанных с распространением ядерного оружия.

В этом случае соображения финансовой экономии можно будет снять простым вопросом: почему сейчас? По всем финансовым расчетам, программа по поддержанию ядерного арсенала хотя и является дорогой, однако не настолько по сравнению с первыми годами производства боеприпаса, и развивается она на удовлетворительном уровне. Руководители ядерных лабораторий в Лос-Аламосе, Ливерморе и Сандии продолжают утверждать, что имеющийся ядерный арсенал безопасен, защищен и надежен. Более того, они не видят необходимости проведения в настоящее время испытаний ядерного оружия. В этом они опираются на мнение таких престижных высокопрофессиональных консультативных органов, как Совет военных научных исследований и ДЖЕЙСОНС.

Даже природа, кажется, с этим согласна: интенсивное изучение старения плутония – основного компонента американского оружия, доказало наличие у него свойства быстро восстанавливать свои первоначальные физические характеристики. Короче говоря, в настоящее время нет оснований для принятия решения о развертывании ядерного оружия.

В этой связи советники Демократической партии совершенно четко заявляют о необходимости его отложить

Выводы

Обсуждение проблем нераспространения советниками обеих партий в спокойной обстановке, вдали от страстей предвыборной борьбы, а также недавнее заявление Администрации Буша о своем желании заключить международные соглашения на основе многосторонних переговоров предполагает, что различия по вопросу о нераспространении между обеими партиями будут весьма незначительными.

В разработке своей политики демократы будут учитывать позиции большего числа стран-участниц процесса, в то время как республиканцы намерены больше полагаться на сохранение сильной единоличной позиции, но раз-

личия будут все же минимальными, особенно если сравнить их с первыми годами правления Буша.

Развертывание RRW будет своего рода оселком для этого предположения. По вопросу нераспространения (предположительно контролируемому демократами) Конгресс будет стремиться оценить влияние развертывания на позиции большего числа стран-подписантов Договора о нераспространении ядерного оружия, чем только на отношение к нему традиционных обладателей ядерного оружия или террористов. Они сделают ставку на перенос развертывания по срокам.

Президент-республиканец, возможно, изберет более узкий подход и выступит за развертывание. Но в этом случае трудно будет представить, как ему удастся убедить Конгресс в выделении необходимого финансирования. Но в любом варианте принятие решения по вопросу нераспространения отойдет на второй план: верх возьмет нормальный бюрократический процесс; отсутствие срочности и финансовые реалии поведут по более легкому пути откладывания решения о развертывании.

Случится ли ядерное 11 сентября или возникнет реальная, требующая экстренной реакции его угроза, трудно сказать, во что это выльется.

Майкл КРЕПОН, Алекс СТОЛАР (США)

ПЕРСПЕКТИВА ЯДЕРНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ В ЮЖНОЙ АЗИИ

Существует много причин для нарастания беспокойства относительно распространения (ядерного оружия. – *Прим. ред.*). Иранская и северокорейская ядерные программы, если их не приостановят или не демонтируют имеющиеся в распоряжении сторон средства «ядерного производства», скорее всего, сильно ударят по Договору о нераспространении ядерного оружия и ускорят выработку соседними государствами «страховочных стратегий», что еще больше подорвет глобальную систему нераспространения.

Когда озабоченность относительно распространения нарастает на многих направлениях, прогресс в сфере «ядерной стабилизации» в любой части мира вдвойне отраден, особенно если он происходит в регионе, чья история изобилует жесточайшими кризисами и войнами. За минувшие три года Индия с Пакистаном существенно продвинулись к мирному урегулированию спора вокруг Кашмира и к ядерной стабилизации.

История такого успеха нуждается в пояснении. Возвраты к прошлому возможны, внутренняя политика в Пакистане изменчива, не удивят и перемены в правительстве Индии с ее «суровой демократией». Тем не менее анализ, сделанный в этой статье, дает основания полагать, что прогресс, достигнутый между Индией и Пакистаном, больше основан на стратегическом расчете, нежели на тактическом маневре.

Новые государства, обретя ядерное оружие, испытывают на себе то, что политологи называют парадоксом стабильности-нестабильности. У них есть много причин для озабоченности на ранних стадиях соперничества: организация системы командования и контроля, а также механизмы физической

защиты и безопасности примитивны и не отлажены. Оттого, что цели ядерных программ невняты, соперники лишены уверенности в своем положении и испытывают тревогу, как бы им намного не отстать.

Как только страна скрытно обретает ядерное оружие или открыто его демонстрирует, парадокс стабильности-нестабильности начинает действовать. Обладание ядерным оружием может послужить стимулом для одной или нескольких стран развязать пограничные конфликты, оказать поддержку воюющим сторонам в регионе или начать партизанскую войну против обладающего ядерным оружием соперника.

Действие парадокса стабильности-нестабильности проявилось в нескольких случаях. Во время «холодной войны» Советский Союз поддерживал действия против Соединенных Штатов во Вьетнаме, а Соединенные Штаты ответили тем же в Афганистане. Вскоре после демонстрации своих возможностей в ядерном вооружении Китайская Народная Республика ввязалась в пограничные стычки с Советским Союзом. В Южной Азии та же схема была повторена: между Пакистаном и Индией велась ограниченная война на кашмирской границы в 1999 г. — год спустя после того, как оба государства провели испытания ядерного оружия.

Впрочем, парадокс стабильности-нестабильности не обрекает имеющих ядерное оружие соперников на бесконечные кризисы. Со временем ядерные вооружения могут способствовать созданию уверенности, необходимой для улучшения конфликтных двусторонних отношений. Ядерное будущее Южной Азии во многом зависит от того, смогут ли Пакистан с Индией благополучно преодолеть спор из-за Кашмира. Однако ядерное будущее Южной Азии подвержено влиянию и множества других факторов, в том числе и ряда таких, которые являются внешними для всего субконтинента.

Преобладающие тенденции

Мы квалифицируем преобладающие тенденции как фактор, оказывающий существенное воздействие на формирование безопасности на субконтиненте. Преобладающие тенденции, с нашей точки зрения, не являются необратимыми, но изменить их вектор на обратный трудно.

Во-первых, мы ожидаем, что и Пакистан, и Индия будут по-прежнему рассматривать экономический рост как насущную необходимость для государственного процветания, внутреннего единства и национальной безопасности. Мы ожидаем, следовательно, дальнейшего роста торговли между Пакистаном и Индией. Приоритетность экономического роста, возможно, не обеспечит мирных отношений между Пакистаном и Индией, но следование этой цели, скорее всего, еще больше снизит враждебность между обеими странами.

Во-вторых, с точки зрения первичности экономики в расчетах национальной безопасности Пакистана и Индии, мы убеждены, что руководство обеих стран в ближайшие годы будет стараться избегать крупных кризисов и пограничных стычек. Заинтересованность Пакистана в невраждебных отношениях с Индией, очевидно, будет подкрепляться продолжающимися осложнениями вдоль его границ с Афганистаном. Цели руководства на поддержание мира на границе между Пакистаном и Индией могут, однако, мешать крупным террористическим актам. Тем не менее мы убеждены, что сейчас имеется больше резервов противостояния эскалации, порождаемой крупными терактами, чем в прежние годы.

Мы считаем, что третьей преобладающей тенденцией является стремление пакистанских и индийских руководителей избегать гонки вооружений. С окончанием «холодной войны» и распадом Советского Союза на смену гонке вооружений пришла асимметричная война. Государственные руководители Пакистана, Индии и Китая неоднократно заявляли о своем намерении следовать требованиям гарантированного минимального сдерживания.

Требования гарантированного минимального сдерживания, разумеется, скорее относительны, нежели определены. При том, что Пакистан признает неравенство обычных военных возможностей с Индией, это неравенство, как представляется, еще и подкрепляет намерение Пакистана соперничать с Индией в возможностях ядерных вооружений и систем доставки. Как правило, страны, обретающие все больше и больше ядерных вооружений и более совершенные способы их доставки, в результате не ощущают себя более защищенными. Напротив, у них возрастает обеспокоенность из-за больших ядерных возможностей какого-нибудь потенциального противника. Данная преобладающая тенденция будет препятствовать ядерной стабилизации на субконтиненте.

Четвертую из определенных нами преобладающих тенденций составляют заботы о внутренней безопасности, которые по-прежнему останутся первостепенными как для Пакистана, так и для Индии. Внутреннее единство Пакистана остается под вопросом. Трения между провинциями и центром далеко не поверхностны. Руководство Пакистана вынуждено серьезно противодействовать центробежным тенденциям провинций.

Индии тоже необходимо сосредоточиться на растущих заботах о внутренней безопасности на северо-востоке и в Кашмире. Внимания требуют и выступления против государства, предпринимаемые частью мусульманского населения. Налицо редкое совпадение, когда заботы о внутренней безопасности превышают заботы о внешней безопасности как в Пакистане, так и в Индии. Двусторонние отношения и ядерная стабильность укрепятся, если обе страны сосредоточатся на решении внутренних проблем, — если только пакистанские власти не примутся ошибочно добиваться национального единства на основе воскрешения страхов перед индийской угрозой.

Пятой преобладающей тенденцией, как мы ее представляем, является то, что Соединенные Штаты будут стараться сохранять прочные связи как с Индией, так и с Пакистаном. Администрация Буша предприняла согласованные усилия для укрепления связей с обеими странами, а трагические события 11 сентября 2001 г. вылились в еще большее упрочение связей и с Пакистаном, и с Индией.

Нынешние связи США с Индией небывало прочны и, скорее всего, продолжат развиваться в позитивном направлении. Учитывая важность Пакистана, Вашингтон будет по-прежнему стараться крепить отношения и с этой страной, невзирая на затяжные проблемы соперничества и усиливающуюся там внутреннюю напряженность. В настоящее время самое большое препятствие для развития американо-пакистанских отношений представляет возрождение «Талибана» и убежденность разведывательного сообщества США, что это движение и «Аль-Каида» создали убежища на пакистанской земле вдоль афганской границы, откуда и осуществляют трансграничные военные операции. Если Соединенные Штаты станут по-прежнему поддерживать налаженные связи как с Индией, так и с Пакистаном, это позитивно скажется на ядерной стабильности на субконтиненте.

Влиятельные факторы

Влиятельные факторы мы определяем как способные усиливать позитивные или негативные тенденции на субконтиненте, но неспособные их резко обострить или повернуть их развитие вспять. В качестве влиятельных факторов мы рассматриваем соглашение о сотрудничестве между Индией и Соединенными Штатами в ядерной области, испытание Китаем противоспутникового оружия, испытание и стремление Индии создать систему противоракетной обороны театра военных действий. Смена руководства как в Индии, так и в Пакистане, тоже может стать влиятельным фактором.

Индо-американское соглашение о сотрудничестве в ядерной области – это значительная инициатива, могущая повлечь за собой негативные последствия для глобальной системы нераспространения, однако мы не убеждены, что оно явным образом воздействует на ядерный баланс на субконтиненте. Даже если предположить, что внутренние и международные преграды будут преодолены в ходе реализации этого соглашения, строительство ядерных объектов – процесс длительный.

Если все эти препятствия будут преодолены, принятие индийской и американской сторонами соглашения о сотрудничестве в ядерной области еще больше упрочит положение Индии как привилегированного государства и обострит чувство обиды у пакистанского руководства. Однако, с учетом имеющихся в Индии мощных бюрократических и политических препятствий на пути строительства ядерных энергоустановок, вытекающие из ядерного соглашения значительные энергетические выгоды вряд ли реализуются в течение следующего десятилетия, а то и больше. Это касается и развития гражданской ядерной инфраструктуры, которая могла бы быть переключена на военные ядерные программы Индии. Не ожидаем мы и того, что эта ядерная сделка приведет к совмещению индо-американских стратегических целей. Удастся ядерная сделка или нет – Нью-Дели все равно будет стараться развивать связи как с Пекином, так и с Вашингтоном. И с ядерной сделкой или без нее Нью-Дели все равно будет стремиться удовлетворять растущие потребности в поставках энергии, в том числе и из Ирана.

Успешное испытание Китаем в январе 2007 г. противоспутникового оружия, как и индо-американское соглашение о сотрудничестве в ядерной области, является значительным достижением. Оно, впрочем, не меняет основополагающих схем безопасности на субконтиненте или где бы то ни было еще.

Продemonстрированные Китаем противоспутниковые возможности можно обратить против Индии, равно как и против Соединенных Штатов. А потому не будет ничего удивительного в том, что военно-космический сектор Индии тоже заинтересуется подобными возможностями. Пакистан меньше полагается на спутники, чем Индия, но военные возможности ни одной из этих стран, по-видимому, несильно зависят от спутников для ведения военных действий.

Военные планы Пакистана должны учитывать заинтересованность Индии в баллистических ракетах театра военных действий, равно как и возможности Нью-Дели вложить значительные ресурсы в создание и размещение таких систем. Интерес, проявленный Индией к системам противоракетной обороны театра военных действий, значительно превысил проявленную ею заинтересованность в средствах ведения космической войны. Индийским официаль-

ным лицам, очевидно, хорошо известно о скрытых издержках вложения средств в противоракетную оборону, которые могут оказаться неэффективными в сравнении, скажем, с ассигнованиями на совершенствование военных наступательных возможностей, эффективность которых уже опробована.

Таким образом, если Пакистан и присматривается с осторожностью к заинтересованности Индии в противоракетной обороне, первостепенная забота Равалпинди, возможно, скорее связана с приобретением Нью-Дели многоцелевых военных технологий, нежели с возможным развертыванием индийской ракетной обороны.

В последующем десятилетии Индия с Пакистаном усовершенствуют и расширяют свои возможности в обычных вооружениях за счет внутренних и зарубежных поставок. Эти программы, несомненно, усугубят растущее неравенство в возможностях демонстрации силы между Индией и Пакистаном. Преимущества Индии в обычных вооружениях над Пакистаном будут расти в любом случае, поскольку они связаны с преимуществами в инфраструктуре, покупательной способности, с большим набором военных поставщиков и усилением китайских военных возможностей.

В ближайшие десять лет Пакистан, надо полагать, будет держаться наравне с Индией в том, что касается программ ядерной модернизации. Мы ожидаем, что обе страны, как и Китай, испытают и примут на вооружение более эффективные баллистические и крылатые ракеты. В последующие десять лет все три страны, вероятно, обзаведутся усовершенствованными морскими носителями ядерных боеприпасов.

Последний возможный влиятельный фактор, могущий обострить негативные тенденции, связан с переменами в руководстве обеих стран. В прошлом с переменами в руководстве было связано замедление усилий по нормализации — то же самое может произойти и вновь.

Возможные перемены в системе государственного управления Пакистана означают возникновение более значительных неопределенностей, однако мы не придерживаемся мнения, высказанного в некоторых кругах, что после ухода Мушаррафа события пойдут по сценарию, позволяющему религиозным экстремистам завладеть рычагами власти. В истории Пакистана нет ничего, что достоверно подкрепляло бы вероятность подобного исхода. Если, как мы надеемся, изменение позиции Мушаррафа по Кашмиру основывается на экономических и геополитических расчетах, равно как и в заботах о внутренней безопасности, тогда эти факторы, вероятно, будут влиять и на его преемников.

Непредсказуемое и меняющее ситуацию развитие событий

Мы определяем как непредсказуемое и меняющее ситуацию такое развитие событий, которое в случае осуществления оказало бы сильное воздействие на политическую, национальную и региональную безопасность на субконтиненте. Эти события способны существенно усилить или изменить выявленные нами преобладающие тенденции.

Одним из возможных событий, которое оказало бы сильное воздействие на ситуацию, стал бы случай ядерного терроризма на субконтиненте. Действительно, в ближайшее десятилетие опасения по поводу ядерного терроризма способны затмить опасения по поводу индо-пакистанского ядерного равновесия. Сценарии ведения широкомасштабной войны, как и намеренная эскалация обычных конфликтов за пределы ядерного порога, по всей види-

мости, вряд ли реализуются в обозримом будущем, хотя полностью исключить их нельзя. Новые кризисы все еще могут развернуться, и о возможности применения ядерного оружия – будь то по случайности, из-за сбоя в механизме командования и контроля или по нерадивости – забывать не стоит. Одним из возможных побуждающих факторов нежелательных кризисов и эскалации может стать акт ядерного терроризма, предпринятый экстремистами либо в Индии, либо в Пакистане. Последствия любого акта ядерного терроризма было бы особенно трудно обуздать, если бы он был осуществлен в контексте реального ухудшения пакистано-индийских отношений.

Применение радиологического рассеивающего устройства, или «грязной бомбы», более правдоподобно, чем подрыв ядерного боеприпаса, который был бы похищен или изготовлен из высокообогащенного урана. И в Индии, и в Пакистане, как и в других странах, материалы, применимые для изготовления «грязных бомб», широко доступны и плохо охраняются в гражданском секторе.

Вторым непредсказуемым или меняющим ситуацию на субконтиненте сценарием мог бы стать кризис в отношениях между Соединенными Штатами и Ираном, если Вашингтон применит против Тегерана вооруженную силу для приостановки ядерных программ Ирана или в ответ на угрозу американским интересам в регионе, или на предпринятые при содействии Ирана атаки против вооруженных сил США. Если в таких сценариях Исламабадом и Нью-Дели не будет оказана поддержка Вашингтону, то исполнительная и/или законодательная власти США, возможно, подвергнут переоценке текущие двусторонние усилия по сотрудничеству, особенно в сфере военной помощи, а применительно к Индии – сотрудничеству в ядерной гражданской сфере.

Столкновение между Соединенными Штатами и Ираном, скорее всего, породит немало проблем как в американо-пакистанских, так и в американо-индийских отношениях. Внутри обеих стран следовало бы ожидать отрицательную реакцию на действия Соединенных Штатов.

Третьим непредсказуемым и потенциально меняющим ситуацию сценарием мог бы стать разрыв связей между США и Пакистаном из-за возрождения там «Талибана» и «Аль-Каиды» и использования ими пакистанской территории для осуществления нападений на войска США и НАТО, действующие в Афганистане. Возрождение движения «Талибан», предполагаемое местонахождение лидеров «Талибана» и «Аль-Каиды» на пакистанской земле, а также беспокойная обстановка среди пакистанских племен вдоль афганской границы представляют большую угрозу для американо-пакистанских связей и пакистанских властей. Если исполнительная и/или законодательная власти Соединенных Штатов придут к выводу, что Пакистан не желает или не в силах держать под контролем «Талибан» и «Аль-Каиду», двусторонние связи серьезно пострадают.

Четвертым потенциально непредсказуемым и меняющим ситуацию сценарием стало бы столкновение между США и Китаем из-за Тайваня. Очередной тайваньский кризис также стал бы испытанием для связей США как с Исламабадом, так и с Нью-Дели. Индия стремится к развитию отношений с Пекином, как и с Вашингтоном, и будет стараться избегать вражды и с той, и с другой столицей. В тяжелом положении окажется и Пакистан в случае возможного столкновения между двумя его самыми важными патронами. В зависимости от того, как будет разыгрываться американо-китайское противоборство из-за Тайваня, Пакистан и Индия, возможно, примут разные стороны.

Не все непредсказуемые и меняющие ситуацию события носят негативный характер. Пакистано-индийское соглашение по ключевым элементам урегулирования кашмирского спора стало бы значительным достижением, даже если бы переговоры по деталям такого соглашения заняли бы много времени. Соглашение по ключевым моментам кашмирского урегулирования, возможно, привело бы к экстремистским выступлениям, но, одновременно, обеспечило бы защиту двусторонних пакистано-индийских связей от спада. Это способствовало бы экономическому росту, развитию трансграничной и региональной торговли, обеспечив основу для большего внутреннего спокойствия в обеих странах, послужило бы противодействием отрицательным и непредсказуемым сценариям, о которых шла речь выше.

Заключение

Парадокс стабильности-нестабильности вызвал вереницу кризисов и одну ограниченную приграничную войну без того, чтобы оказался перейденным ядерный порог. В последние годы, однако, в пакистано-индийских отношениях господствовали преимущественно положительные тенденции. При наличии стабильного руководства в обеих странах процесс нормализации может продолжиться. Принципиальное согласие по ключевым элементам кашмирского урегулирования уже не является чем-то невообразимым. По сути, ныне помехой такого согласия в обеих странах является главным образом внутренняя политика, а не споры из-за территории, религии, суверенитета или исторического наследия. Для обеих стран главными угрозами ныне являются не столько внешние, сколько внутренние. Проявления внутреннего насилия способны, однако, привести к возрождению старых обид. Развитие внешних событий, в том числе происходящее в Иране, Афганистане и Китае, по-прежнему могло бы иметь существенные последствия для субконтинента.

Улучшившиеся за минувшие три года двусторонние отношения между Индией и Пакистаном складываются в картину значительных достижений. Были обсуждены и реализованы меры по стабилизации в ядерной сфере – такие, как модернизация «горячей линии», установление дополнительных линий связи, введение процедуры предварительного уведомления об испытательных полетах баллистических ракет.

Самые важные меры стабилизации ситуации в ядерной сфере, впрочем, относятся к Кашмиру. Перестрелки из артиллерийских орудий, минометов и стрелкового оружия через контрольную линию, разделяющую Кашмир, стали явлением редким. В последние годы сократилось проникновение через границу экстремистов. Индия с Пакистаном согласились позволить разделенным семьям встречаться по любую сторону кашмирского раздела. Оба правительства приняли меры для развития торговли внутри Кашмира, и через международные границы началось движение грузовиков, железнодорожного транспорта и автобусов.

Макроэкономические и геополитические факторы, а также забота о внутренней безопасности, позволили Индии и Пакистану отойти от практики опасной конфронтации и периодических кризисов. Несмотря на то, что рецидивы вполне возможны, и то, что политические неопределенности сохраняются, в настоящее время, в гораздо большей степени, чем это было раньше, субконтинент защищен от угроз, связанных с ядерным оружием.

Павел ЗОЛОТАРЕВ

О НЕКОТОРЫХ ПОДХОДАХ К СНИЖЕНИЮ РИСКОВ ЯДЕРНОЙ МНОГОПОЛЯРНОСТИ

После окончания «холодной войны» в разряд наиболее актуальных вопросов международной безопасности выдвинулась угроза распространения ядерного оружия. Режим нераспространения находится под угрозой. Некоторые государства в интересах снятия с себя обязательств, предусмотренных Договором о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), выходят из него или грозят выходом. Похоже, что мир приближается к такой точке, после которой размывание режима ядерного нераспространения может стать необратимым, приводящим к лавинообразному распространению ядерного оружия.

Не отрицая в целом существующую на сегодня систему контроля над ядерными вооружениями, следует отметить, что возникла необходимость ее дополнения новыми элементами, учитывающими происшедшие в мире изменения. Многие эксперты отмечают необходимость разработки новой концепции ядерного контроля в целом.

Среди работ последнего времени нельзя не отметить публикацию Фонда Карнеги «Всеобщее соблюдение: стратегия ядерной безопасности» (март 2005 года, авторы Дж.Перкович, Дж.Е.Метьюз, Дж.Сириксоне, Р. Готтемюллер, Дж.Уолфстал). Ценность работы заключается не только в конкретных практических рекомендациях, но и в выдвинутом авторами принципиальном положении о невозможности решения проблемы силами одних Соединенных Штатов. Действительно, на данном этапе можно рассчитывать на эффективность ядерного контроля лишь при условии многостороннего характера этой системы, объединяющей скоординированные международные усилия.

Справедливо отметить, что США всегда выступали главными инициаторами противодействия распространению ядерного оружия. Но цели их инициатив всегда исходили из приоритета собственных интересов США, а не самой проблемы распространения. Так, став обладателем ядерного оружия, Вашингтон нацелил свою ядерную политику на сохранение своей атомной монополии. В июле 1946 г. Конгресс США принял Закон Макмагона (Закон США об атомной энергии), который запретил передачу атомных технологий другим странам, включая даже Великобританию, ученые которой внесли весомый вклад в реализацию американцами Манхэттенского проекта создания атомной бомбы. Поправки в этот закон, разблокировавшие запрет на сотрудничество США в ядерной области с союзниками по НАТО, были внесены лишь в середине 1950-х годов.

Когда же Советский Союз произвел свое первое ядерное испытание (29 августа 1949 г.) и эпоха американской атомной монополии закончилась, ядерная политика США сконцентрировалась на удержании превосходства над СССР. Противостояние двух систем наложило свой отпечаток и на политику в области нераспространения, проявляясь в двойных стандартах (к сожалению, с обеих сторон) и попустительстве к ядерным амбициям третьих стран, когда это способствовало целям ядерного соперничества.

В целом же сложившаяся в этот период система противодействия распространению ядерного оружия оказалась достаточно эффективной. Хотя в пе-

риод «холодной войны» собственный потенциал ядерного сдерживания создали Англия, Франция и Китай, но они не только не могли, но и не пытались сравняться с СССР и США по количеству и номенклатуре ядерных вооружений, ограничившись обеспечением относительной автономии в рамках биполярной системы международных отношений. Остальные государства чувствовали себя в относительной безопасности под прикрытием «ядерного зонтика» одной из противостоящих сторон.

Завершение «холодной войны» не упростило задачу противодействия распространению ядерного оружия. Более того, возникли новые проблемы. Часть стратегического ядерного потенциала СССР оказалась на территории вновь возникших государств (Белоруссия, Казахстан и Украина), и не все из них выражали готовность отказаться от перспективы получения статуса ядерного государства. Одновременно некоторые государства в новой ситуации сочли возможным в интересах решения проблем регионального лидерства использовать потенциал ядерного оружия, став не признанными юридически, но по существу ядерными государствами (Индия и Пакистан). После примеров грубого применения военной силы со стороны оставшейся единственной сверхдержавы, некоторые страны задумались о целесообразности использования ядерного оружия в качестве гарантии своей безопасности. Ядерные амбиции были и у Ирака, сложная ситуация складывается ныне вокруг ядерных программ Ирана и КНДР.

США в рамках программы Совместного уменьшения угрозы (программа Нанна-Лугара) внесли весомый вклад в обеспечение безопасных и надежных перевозок, хранения и уничтожения советского ядерного оружия, в предотвращение распространения этого оружия после распада СССР. Помощь США предотвратила «расползание» советского ядерного оружия, обеспечила его сохранность и безопасное уничтожение излишествующих ядерных арсеналов. В итоге Белоруссия, Казахстан и, в конечном счете, Украина отказались от ядерного оружия, которое они унаследовали от Советского Союза, и присоединились к ДНЯО в качестве неядерных государств.

Новые подходы начали вырабатываться при решении проблем вокруг ядерных программ Ирана и КНДР. В каждом случае сформировалась группа государств, в состав которой вошли Россия и США, региональные ядерные государства (в одной группе Великобритания и Франция, в другой – Китай) и авторитетные региональные государства (Германия в первой группе, Япония – во второй). Но продуктивность такого формата проявилась лишь тогда, когда США стали руководствоваться не идеологическими целями (смена правящих режимов), а именно задачей предотвращения распространения ядерного оружия.

Несмотря на процессы некоторой адаптации системы контроля над ядерными вооружениями к новым условиям, угроза дальнейшего распространения ядерного оружия сохраняется. Более того, реальна перспектива многосторонней гонки ядерных вооружений.

Сегодня мы уже находимся в ситуации ядерной многополярности. Она характеризуется тем, что существует несколько групп государств:

- *официально признанные ядерные государства* – США, Россия, Великобритания, Франция и Китай;
- *непризнанные ядерные государства*, открыто заявившие о наличии ядерного оружия, – Индия и Пакистан;
- *не признающиеся в обладании ядерным оружием государство* – Израиль;

- *имеющие мотивацию к обладанию ядерным оружием и необходимый для этого научно-технологический потенциал государства* – КНДР, Иран;
- *воздерживающиеся от ядерного статуса («латентные») государства* – способные создать ядерное оружие, но в силу политической и военной нецелесообразности воздерживающиеся от этого – Аргентина, Бразилия, Республика Корея и другие.

Ядерная многополярность несет в себе следующие основные вызовы и угрозы:

- *сохранение мотивации обладания ядерным оружием;*
- *возможность реализации намерений приобретения ядерного оружия;*
- *риск применения ядерного оружия.*

Представляется, что в современных условиях обеспечение международной безопасности требует создания всеобъемлющей системы контроля над ядерным оружием и предотвращения его распространения.

При решении проблемы снижения рисков ядерной многополярности можно выделить несколько основных целей:

1. *Снижение мотивации обладания ядерным оружием для неядерных государств.*

2. *Предотвращение работ по созданию либо приобретению оружейных ядерных технологий государствами, официально объявившими своей целью обладание ядерным оружием или тайно стремящимися к этому.*

3. *Снижение вероятности применения ядерного оружия государствами, обладающими ядерным оружием.*

Сложившаяся к настоящему времени система контроля ядерных вооружений преимущественно нацелена на достижение лишь одной из перечисленных целей – предотвращение работ по созданию ядерного оружия неядерными государствами или недопущение приобретения ядерного оружия. Именно на эту цель направлен ДНЯО, поэтому вполне естественно, что большинство предложений по совершенствованию системы ядерного контроля остается в целевых рамках этого Договора.

Некоторые соображения по достижению двух других выделенных целей уменьшения рисков ядерной многополярности – снижение мотивации обладания ядерным оружием и предотвращение предпосылок к его применению – можно высказать, отталкиваясь от некоторых реально вырисовывающихся аспектов современной ситуации в сфере противодействия распространению ядерного оружия.

Для определения путей достижения поставленных целей можно попытаться выделить те задачи, которые способствуют достижению каждой из них.

Для снижения мотивации к обладанию ядерным оружием, по всей видимости, необходимо решить две основные задачи:

– *дать гарантии безопасности неядерным государствам от возможных силовых акций со стороны государств, обладающих подавляющим превосходством в военной мощи;*

– *найти такие пути разрешения противоречий и конфликтов регионального масштаба, которые бы исключали потребность в обладании ядерным оружием.*

Действия по решению каждой из этих задач могут быть ограничены политико-дипломатической областью либо дополняться комплексом военно-технических мероприятий.

Если рассматривать два актуальных примера из текущей ситуации, то можно предположить, что вероятны варианты, при которых военно-технические меры могут быть и не востребованы.

Так, например, КНДР прибегает к шантажу своими ядерными программами с одной главной целью, а именно — для максимального продления правящего режима в ходе постепенного преобразования своей социально-политической системы и при одновременной экономической помощи других стран. Претензий ни на мировое, ни на региональное лидерство КНДР не имеет, агрессивные намерения, требующие обладания ядерным оружием, у страны отсутствуют. Судя по всему, гарантий от силовых методов изменения режима (по аналогии с Ираком) в сочетании с экономической помощью будет достаточно для снятия мотивации к обладанию ядерным оружием. Основанием для таких предположений служит заметное положительное продвижение позиции КНДР с середины 2006 г. Как только США, возможно, с учетом уроков Ирака, прекратили риторику о необходимости смены правящего режима Северной Кореи, оставив на первом плане вопросы нераспространения ядерного оружия, сразу изменилась и позиция КНДР. Переговорные вопросы в решающей степени стали зависеть от условий и хода выполнения обязательств по оказанию экономической помощи. Как представляется, реальная политика в отношении КНДР может оставаться в политико-дипломатической области без подкрепления мерами военно-технического характера.

Иная ситуация может складываться, когда ядерные намерения государства связаны со стремлением либо закрепить свое лидерство в регионе, либо восстановить баланс сил с недружественным государством в регионе, обладающем ядерным оружием, либо с тем и другим одновременно. При такой мотивации не исключены попытки любыми путями, в обход всех ограничений международного права, контроля МАГАТЭ, международных санкций и т.д., приобрести ядерное оружие. Цель может быть и скромнее — подойти к такому уровню развития собственной ядерной энергетики и технологий ядерного топливного цикла, который позволил бы в определенной политической ситуации быстро наладить производство ядерного оружия (перейти в разряд «латентных» государств). Применительно к такой ситуации не исключена потребность в принятии мер военно-технического характера, направленных на снижение мотивации в ядерном оружии.

Очевидно, что перечень военно-технических мер, в том числе превентивного характера, в каждом конкретном случае может быть свой. Но некое «меню» таких мер и правовые условия их применения целесообразно было бы разработать заранее.

Для определения конкретных военно-технических мер необходимо определить их направленность. Так, например, если в регионе есть ядерное государство, то любое государство в регионе, не относящееся к разряду союзников или партнеров ядерного государства, для своей безопасности должно в идеале:

- иметь исчерпывающую информацию о ядерном потенциале этого государства и доктринальных взглядах на условия его применения;
- в случае конфликта обладать оперативной информацией о подготовке противником ядерного оружия к применению;
- иметь возможность превентивного удара обычным оружием по ядерным средствам противника;
- быть способным отразить удар с применением ядерного оружия.

Понятно, что таких потенциальных возможностей отдельно взятому государству самостоятельно достичь проблематично. Относительно реально можно говорить лишь о помощи других стран в предоставлении соответствующей помощи. Отсюда напрашивается вывод о том, что военно-технические меры не только должны дополнять политические, но и о необходимости подкрепления военно-технических мер политическими.

На первый взгляд, приведенные рассуждения далеки от реальности. Поэтому есть смысл рассмотреть возможный вариант их реализации применительно к конкретной ситуации.

Так, в настоящее время просматривается перспектива формирования системы региональных систем ПРО, в частности, в Европе. Ее контуры, несмотря на отсутствие официальных договоренностей, угадываются. Но, прежде всего, необходимо отметить ряд особенностей:

- тенденция увеличения количества «латентных» государств сохраняется. Ракетные технологии становятся доступными для многих государств. В зависимости от изменения политической обстановки источники ракетно-ядерной опасности могут возникнуть в разных географических районах;

- система ПРО может быть эффективной лишь при условии обеспечения возможности поражения цели на различных участках траектории полета ракеты и боевых блоков головных частей (активный участок, пассивный и конечный);

- эффективная система ПРО не может быть создана в рамках национальной территории из-за неопределенности ракетоопасных направлений и необходимости поражения целей на различных участках ее траектории полета;

- рассредоточение средств ПРО за пределами национальной территории неизбежно будет вызывать опасения государств, обладающих ракетным потенциалом и попадающих в зону действия этих средств;

- опасения от размещенных вблизи национальной территории средств ПРО могут быть сняты в случае участия в процессе управления этими средствами;

- оптимальной с точки зрения затрат может быть система ПРО, использующая национальные средства ПРО государств, расположенных вблизи ракетоопасных направлений;

- оптимальная ПРО должна быть совместной (коллективной) по построению, и ее система управления должна позволять совместно использовать национальные информационные и огневые средства, а также участвовать в управлении боевыми расчетами от государств-партнеров.

Применительно к существующим средствам и системам можно предположить, что в состав совместной (коллективной) системы ПРО должны входить:

- национальные средства систем предупреждения о ракетном нападении (СПРН);

- национальные огневые комплексы систем ПРО для поражения ракет на активном участке траектории (типа С-400, «Патриот», «Иджис»);

- наземные противоракетные комплексы, включая радиолокационные средства, для поражения боевых блоков ракет на пассивном участке полета;

- средства и пункты управления, позволяющие в комплексе, как единую систему, использовать национальные информационные и огневые средства ПРО.

В последующем в составе системы ПРО могут появиться космические средства поражения боевых блоков на пассивном участке их полета.

Средства ПРО для поражения боевых блоков ракет на конечном участке траектории, вероятнее всего, нет смысла включать в состав совместной системы ПРО, но информационное сопряжение национальной и совместной систем ПРО будут необходимы. Лишь зная результаты действия совместной системы ПРО, можно эффективно решать задачу уничтожения сохранившихся боевых блоков.

К сожалению, предметом дискуссий и официальных консультаций (судя по реакции СМИ) остаются в основном радиолокационные средства в Чехии, Габале и Армавире, а также противоракеты в Польше. Реально же ключевое значение имеют предложения президента России об открытии в Москве и Брюсселе Центров обмена информацией от национальных систем предупреждения о ракетном нападении.

Если брать за основу принятый более 10 лет назад российско-американский Меморандум об открытии в Москве совместного Центра обмена данными (ЦОД), то необходимо выделить несколько важных позиций, предусмотренных этим Меморандумом.

Во-первых, ЦОД предполагается создавать открытым для участия в его работе представителей других стран.

Во-вторых, участники ЦОД обязаны предоставлять заблаговременные уведомления о предстоящих пусках ракет (испытательных, учебно-боевых, научных, для запуска космических аппаратов и т.д.).

В-третьих, на первом этапе ЦОД должен оснащаться национальными техническими средствами отображения информации от СПРН, но в последующем предусматривается их электрическое сопряжение.

В силу технических особенностей огневые средства систем ПРО эффективны лишь в автоматическом режиме функционирования. Дефицит времени не позволяет в автоматизированном режиме (при участии человека) сопровождать цели, распределять средства для их поражения, осуществлять их запуск и наведение на цель. С учетом этого на пункт управления системы ПРО в регионе, вероятнее всего, должны возлагаться функции:

- *сбора и отслеживания информации о состоянии национальных огневых комплексов, предоставленных для использования в составе объединенной системы региональной ПРО;*
- *перевод огневых комплексов в то или иное состояние готовности с учетом получаемой информации из различных источников, в том числе от национальных СПРН;*
- *сбор и анализ информации о ходе выполнения задач по поражению целей на различных участках траектории (для оптимального использования всех имеющихся в распоряжении средств).*

Сами огневые комплексы, при условии их заблаговременного перевода в необходимую степень готовности, будут действовать в автоматическом режиме.

В целом, реализация предложений российского президента об открытии ЦОД в Москве и Брюсселе открывает перспективу создания совместных пунктов управления европейской системой ПРО.

Как декларируется, создание европейского фрагмента системы ПРО направлено на противодействие возможной ракетно-ядерной угрозе со стороны Ирана. Судя по всему, решающими факторами в политике Ирана являются стремление к региональному лидерству и наличие ядерного оружия у Израи-

ля. Тот факт, что Израиль официально не признается в обладании ядерным оружием, неизбежно влечет за собой отсутствие с его стороны негативных гарантий неядерным государствам, что лишь создает дополнительный стимул к обладанию ядерным оружием.

Учитывая активную деятельность ведущих стран мира по предотвращению создания Ираном ядерного оружия, ядерная программа этой страны, вероятнее всего, нацелена на превращение в «латентное» государство. Трудно предсказать, чем закончатся усилия по предотвращению овладения Ираном технологиями производства ядерного оружия. Не исключены и попытки силового решения. Как показывает история, такой вариант может быть эффективным. Достаточно вспомнить удар Израиля по ядерному объекту в Багдаде, затормозивший на многие годы работы по созданию Ираком ядерного оружия. Однако применительно к Ирану подобные действия чреваты тяжелыми последствиями не только для США, но и для безопасности как на региональном, так и на глобальном уровнях. Представляется, что силовые варианты желательно предотвратить.

В целом, применительно к Ирану, возможны такие меры военно-технического характера, как, например:

- *поставки в страну современных комплексов противовоздушной и противоракетной обороны;*
- *предложение представителям страны принять участие в работе одного из ЦОД (в Брюсселе или в Москве).*

Эффект от помощи Ирану в построении эффективной системы противовоздушной и противоракетной обороны очевиден. Сама перспектива больших потерь у страны, планирующей силовую акцию, способна удержать его от осуществления таких действий. Но очевидно и другое. Помощь в построении системы противовоздушной и противоракетной обороны не должна быть безусловной. Она должна быть привязана к конкретным обязательствам в области нераспространения. Кроме того, при взятии на себя определенной доли ответственности за безопасность страны, мировое сообщество вправе считать, что и мотивация в обладании ядерным оружием будет снижена.

Что касается возможного участия Ирана в работе ЦОД, то это даст ему возможность получения полной информации о ракетной обстановке в рамках возможностей существующих СПРН и оговоренных процедур оповещения о предстоящих пусках ракет различного назначения. Но, кроме того, участие в работе ЦОД обяжет и Иран предоставлять информацию о планируемых пусках своих ракет.

Одним из направлений дальнейшего развития возможностей ЦОД просматривается предоставление каждым из ядерных государств информации об основных показателях состояния своего ракетно-ядерного потенциала. В сочетании с перспективой реализации на базе ЦОД пунктов управления европейской ПРО, для всех, кто будет участвовать в работе ЦОД, возникнет ситуация предсказуемости обстановки. Адекватность оценки обстановки, в свою очередь, дает определенные гарантии от неадекватных реакций.

Каждое государство конечно же должно обладать правом выхода из состава участников ЦОД. Но в данном случае все его последующие действия неизбежно будут под усиленным вниманием, а само оно будет лишено той информации, которой могло обладать в рамках ЦОД.

В то же время таких действий нельзя исключать в случае обострения конфликта между двумя ядерными государствами из-за их нежелания пре-

доставлять информацию о состоянии своего ракетно-ядерного потенциала. Но для подобных случаев должен уже существовать комплекс мер для предотвращения применения ядерного оружия конфликтующими ядерными государствами.

Меры, направленные на предотвращение применения ядерного оружия, должны учитывать некоторые особенности:

- сдерживающая роль ядерного оружия тем выше, чем неопределенней условия его применения;

- для предотвращения эскалации конфликта на этапе обострения кризиса или в ходе войны обычным оружием военно-политическое руководство должно демонстрировать свою решимость применить ядерное оружие, но непосредственную подготовку к применению ядерного оружия необходимо осуществлять скрытно;

- для предотвращения упреждающего удара противника применение ядерного оружия должно быть внезапным, а возможность противника по отражению ядерного удара сведена к минимуму.

Если ядерное государство лишит возможности создать подобные условия, то тем самым будет значительно снижена вероятность применения ядерного оружия.

Очевидно, что ситуация обострения кризиса между государствами, из которых хотя бы одно имеет ядерное оружие, будет под пристальным вниманием разведок многих государств. Получаемая информация может быть использована для своевременного оповещения государства, против которого готовится ядерный удар, а также государства, готовящего удар, о том, что внезапный удар уже невозможен. Одновременно вокруг зоны конфликта могут быть сконцентрированы средства ПВО и ПРО других государств для срыва попыток любой стороны нанести удары с применением ядерного оружия.

Перечисленные меры могут быть достаточно эффективными, но при условии, что заранее создана правовая база (соглашения, договоренности и т.д.) и соответствующие структуры для реализации этих мер. Такими структурами, как представляется, должны быть:

- Центр по сбору, обобщению и анализу разведывательной информации от государств, участвующих в решении задачи предотвращения применения ядерного оружия. Этому Центру необходимо предоставление полномочий по информированию конфликтующих сторон в интересах срыва замыслов одной из них по нанесению упреждающего (внезапного) ядерного удара;

- система противоракетной и противовоздушной обороны, построенная на принципах комплексирования национальных средств и систем противовоздушной и противоракетной обороны государств, участвующих в задаче предотвращения применения ядерного оружия конфликтующими сторонами;

- пункты управления для комплексного применения всех имеющихся средств уничтожения носителей ядерного оружия и боевых блоков ракет в случае начала их применения.

Таким образом, получается, что реализация военно-технических мер, направленных на решение задач снижения мотивации обладания ядерным оружием и предотвращения применения ядерного оружия, требует практически сходных структур управления и боевых средств. Отсюда следует, что в ходе взаимных консультаций России, США и НАТО по вопросу создания ев-

ропейской системы ПРО необходим акцент не на проблеме нейтрализации возможных угроз для России от американских систем, а на построении системы под приоритетные задачи противодействия распространению ядерного оружия и предотвращения его применения.

Соединенные Штаты традиционно не склонны делить с кем-либо «рычаги» управления, в том числе создаваемой европейской системы ПРО. Однако примеры, когда США в интересах задачи противодействия распространению ядерного оружия проявляли инициативу и настойчивость, отодвигая на второй план иные интересы, позволяют надеяться на возможность полноценного сотрудничества во имя конечной цели.

Как отмечалось, проблема ядерного контроля в современном мире не может ограничиваться рамками ДНЯО и, как бы ни стремились США решать проблему нераспространения ядерного оружия лишь по своим правилам, иного подхода, кроме многостороннего, объединяющего усилия многих государств, быть не может. Не устраняя причин, подталкивающих другие государства к ядерному оружию, и не предпринимая мер, препятствующих его применению, нельзя добиться состояния ядерной безопасности.

Рассмотренные подходы не претендуют на законченность, но, как представляется, могут быть интересны для более глубокой проработки и выработки конкретных предложений и рекомендаций, которые могут составить предмет консультаций и переговоров.

Валентин ВАЛЮКОВ, Алексей ЕРМАКОВ, Борис СИДОРОВ

1. О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В РОССИИ

Проблема национальной экономической безопасности Российской Федерации имеет свои особенности, диктуемые ее федеративным устройством.

Анализ современных тенденций в области регионального развития со всей очевидностью свидетельствует о необходимости создания в ближайшей перспективе действенного и общепонятного механизма регулирования межрегиональной экономической дифференциации. Этот механизм должен учитывать особенности российской модели федеративных отношений и способствовать поддержанию стратегической конкурентоспособности отечественной экономики в условиях глобализации. Внедрение его в практику является одной из ключевых предпосылок возрождения российской экономики на принципах социально ориентированного рыночного хозяйства.

В России в настоящий период основная цель поддержки регионов заключается в преодолении тенденции углубления межрегиональной дифференциации при обеспечении минимальных социальных гарантий всему населению страны.

Глубокая дифференциация субъектов РФ по уровню развития и текущему социально-экономическому положению обуславливает необходимость как возможно более справедливого, так и максимально эффективного территориального перераспределения финансовых ресурсов с учетом региональных и общероссийских интересов.

Такой подход в большей степени отвечает задачам экономического роста и стимулирует собственные усилия региональных и местных властей по интенсификации экономического развития на своей территории.

Однако достичь поставленных задач, как с точки зрения выравнивания бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федера-

ции, так и создания стимулов и условий устойчивого экономического развития регионов за счет собственных ресурсов, в полной мере не удалось.

Первостепенную роль здесь сыграли 2 группы факторов. Во-первых, вследствие либерализации торговли многие регионы переориентировали свои экономические связи с межрегиональных внутри России на внешнеэкономические. В значительной мере этому способствовали структурные особенности экспорта-импорта. В экспорте преобладают сырье и топливо, т.е. экспортные потоки не проходят через технологические процессы производства и экспортируется сырой продукт. Структура импорта также не увеличивает обработку: мы не пропускаем импортный поток через отрасли отечественного производства.

Второй фактор, из-за которого существенно пострадали межрегиональные экономические связи, – это опережающий рост транспортных тарифов по сравнению с динамикой цен на производимую продукцию. Вследствие этого многие межрегиональные экономические связи, особенно между отдаленными регионами, стали экономически неэффективными. По оценкам специалистов, по внутренней связанности экономического пространства Россия в 2 раза уступает Европейскому Союзу. Общий объем межрегиональных экономических связей за 1990-е гг. упал приблизительно в 4 раза при падении объемов производства примерно в 2 раза.

В последние годы на помощь территориям были направлены сотни миллиардов рублей, но ряд регионов не только не догнал средний уровень, но еще больше отстал от него.

Отсутствие четких правил и действенного механизма такого перераспределения неизбежно влечет за собой необоснованное изъятие значительной части народнохозяйственных ресурсов из сферы производства наиболее конкурентоспособной на мировом рынке продукции и других жизненно важных сфер экономики. Причем ресурсы эти направляются на решение текущих задач, зачастую не связанных с проблемой нормализации социально-экономической ситуации в проблемных регионах и возобновления в них устойчивого экономического роста.

Результатом этого является как существенное снижение конкурентоспособности и общей эффективности функционирования народнохозяйственного комплекса страны в целом, так и закрепление и даже дальнейшее углубление межрегиональной экономической дифференциации, поскольку выделяемая регионам федеральная помощь фактически не используется на цели структурной перестройки экономики и развития общественного производства.

Следует подчеркнуть, что нерешенность отмеченной проблемы оказывает крайне деструктивное воздействие на процессы формирования системы федеративных отношений. Резко сокращаются возможности регионов-доноров по проведению эффективной самостоятельной экономической политики, что, в конечном итоге, стимулирует усиление дезинтеграционных тенденций и, по сути, иждивенческие настроения в регионах-получателях экономической помощи закрепляются, что резко снижает, если не исключает, возможность эффективного использования в них федеральных финансовых ресурсов.

Например, за последние 4 года объем финансовой помощи, направляемой на юг России, вырос почти в 3,5 раза, а разрыв по макроэкономическим показателям в расчете на душу населения между регионами Северного Кавказа и страной практически не уменьшился.

С одной стороны, предоставление регионам и муниципальным образованиям в последнее время большей самостоятельности в распоряжении своими ресурсами создало предпосылки для повышения эффективности экономического развития территорий, с другой – ослабление роли центра в управлении экономикой привело к усилению дифференциации экономических показателей развития.

Сохраняется высокий уровень межрегиональных различий по душевым показателям ВРП, доходам населения, по бюджетной обеспеченности, объемам инвестиций в основной капитал. Недостаточна активность на региональном уровне структурных и институциональных преобразований в экономике. Усиливается концентрация капитала в экономически развитых регионах, что создает предпосылки для последующего увеличения дифференциации регионов по уровню социально-экономического развития.

Различия в уровне социально-экономического развития регионов не только количественные, но и качественные. Если в одних регионах уровень развития инфраструктуры, особенно производственной, находится на удовлетворительном уровне, то в других регионах такая инфраструктура практически отсутствует. Регионы различаются по имеющейся ресурсной базе, научно-техническому потенциалу, сложившимся институтам.

Все эти различия порой становятся весьма заметными и масштабными и представляют существенную угрозу позитивным процессам общегосударственной и общехозяйственной интеграции страны.

Дальнейшее увеличение диспропорции уровня социально-экономического развития регионов и, следовательно, уровня материального самочувствия граждан увеличивает возможности так называемой стихийной миграции, о которой мы так много говорим, следовательно, увеличивается опасность возникновения межнациональных конфлик-

тов, возникновения очагов социальной напряженности в отдельных регионах. Поэтому необходимо на федеральном уровне, понимая всю важность сохранения и обеспечения макроэкономических показателей экономического развития страны в целом, самое пристальное внимание уделять и региональным аспектам федеральной экономической политики.

Концентрация экономического потенциала страны сохраняется в высокоразвитых регионах. Более половины объема валового регионального продукта (ВРП) производится в 11 субъектах Российской Федерации. Прежде всего, это крупные финансовые центры (такие, как Москва – 18%, Санкт-Петербург – 3%) и богатые сырьевые регионы. В этих же регионах сосредоточились основные инвестиции и другие ресурсы экономики.

Наиболее высокие темпы производства ВРП в последние 2 года были в регионах, входящих в состав Уральского и Сибирского федеральных округов.

Анализ структуры промышленного производства в субъектах Российской Федерации, проведенный Минэкономразвития России, показал сохранение высоких рисков экономической деятельности в связи с моноотраслевым характером экономики в 47 субъектах Российской Федерации (в ряде регионов доля 2–3 отраслей составляет до 70%). Основным донором их бюджетов выступают крупные вертикально-интегрированные структуры (корпорации).

Число высокодотационных регионов (более 50% федеральной финансовой помощи в объеме консолидированного бюджета) возросло с 10 до 14 (2000–2006 гг.).

Расходы федерального правительства на межбюджетное регулирование составляют в последние годы порядка 14–12% расходов федерального бюджета, что ставит эту статью на третье место по значимости среди расходов федерального бюджета после взносов в Пенсионный фонд и расходов на национальную оборону. Финансовая помощь – это, кроме того, быстро растущая статья расходов федерального бюджета. Ее рост намного опережает и рост расходов федерального бюджета в целом, и региональных бюджетов, и ВВП.

Несмотря на значительное увеличение в 2006 году выделенных субъектам Российской Федерации федеральных инвестиций для улучшения конкурентоспособности территорий, с точки зрения социального выравнивания, проводимая политика не является эффективной.

Получателями финансовой помощи ежегодно оказывается подавляющее большинство регионов. Только 8 субъектов из 88 – Республика Башкортостан, Липецкая область, Свердловская область, Республика Татарстан, Самарская область, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа и г. Москва – за период с 1999 по 2006

год ни разу не получили трансфертов на выравнивание бюджетной обеспеченности (дотаций), но и эти регионы начиная с 2001 года, являются реципиентами субвенции из федерального бюджета (фонда компенсаций).

Расчеты регионов показывают, что потери, возникшие в результате изменения налогового законодательства, не компенсируются принимаемыми на федеральном уровне мерами.

По данным Федеральной налоговой службы, в 2006 году в консолидированный бюджет Российской Федерации поступило налоговых и других доходов 5432,4 млрд. рублей. Состав группы регионов, в основном формирующих налоговые доходы консолидированного бюджета Российской Федерации, остается неизменным – гг. Москва и Санкт-Петербург, Московская, Самарская и Свердловская области, Республики Башкортостан и Татарстан, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа. В 2006 году в этих субъектах собрано 60% всех налогов и сборов. Доля же налоговых и неналоговых доходов в расходах консолидированных бюджетов (уровень бюджетной обеспеченности) в среднем по Российской Федерации составляла 88%. Диапазон между наименее и наиболее обеспеченными субъектами Российской Федерации составляет 11 раз.

Низкие показатели доли налоговых и неналоговых доходов в расходах консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации наблюдаются в следующих субъектах Российской Федерации: Республика Алтай (27,5%), Усть-Ордынский Бурятский автономный округ (25,3%), Республика Дагестан (23,8%), Республика Тыва (23,4%), Коми-Пермяцкий автономный округ (22,6%), Корякский автономный округ (19,7%), Чеченская Республика (12,9%), Республика Ингушетия (10,8%). Как правило, эти регионы зависят от финансовой помощи из федерального бюджета, что подтверждают данные по дотационности региональных бюджетов.

Доля безвозмездных перечислений из федерального бюджета в расходах бюджетов субъектов Российской Федерации в среднем по Российской Федерации составляет 15,9%.

По уровню дотационности региональных бюджетов в 2006 году лидируют Чеченская Республика (102,6%), Корякский автономный округ (93,9%), Республика Ингушетия (88,9%), Республика Дагестан (78,2%), Коми-Пермяцкий автономный округ (78%), Усть-Ордынский Бурятский автономный округ (77,8%), Республика Тыва (76%), Республика Алтай (73,6%).

Объем вовлекаемых инвестиционных ресурсов в экономику региона является одним из важнейших аспектов федеральной инвестиционной политики. Экономическая безопасность региона напрямую связана с объемами реального инвестирования, обновлением основного капита-

ла, оживлением инвестиционной активности, повышением эффективности инвестиционных процессов.

Однако в этой сфере накопилось достаточно много проблем, сдерживающих привлечение инвестиций на региональный уровень, которые являются тормозом для привлечения внебюджетных частных инвесторов на большую часть территории страны и для большей части населения нашей страны.

Дифференциация инвестиций в основной капитал на душу населения в 2004 году составляла 158 раз среди регионов, в 2005 году – 234, а в 2006-м – 250 раз. Наибольший объем инвестиций в 2007 году приходился на Москву, Санкт-Петербург, Тюменскую, Ленинградскую, Свердловскую, Московскую, Сахалинскую области, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, Республики Татарстан и Башкортостан, Краснодарский край. Доля этих субъектов Российской Федерации составила 50% от общего объема инвестиций в основной капитал страны.

Аналогичная картина складывается и в сфере распределения иностранных инвестиций. Наибольший их объем приходился на Москву (43,5% от общего объема иностранных инвестиций в Российской Федерации), Санкт-Петербург, Сахалинскую, Московскую, Самарскую, Челябинскую, Тюменскую, Свердловскую области. Доля этих 8 субъектов составляет 82,3% от общего объема иностранных инвестиций в Российской Федерации.

Необходимо также отметить, что в силу объективных причин большое число субъектов не имеет достаточного потенциала роста из-за малой инвестиционной привлекательности, определяемой отсутствием минерально-сырьевых ресурсов, диверсифицированного производства, наличием изношенного производственного аппарата и т.д.

Эффективность инвестиционной политики может значительно повыситься, если регионы будут ясно видеть перспективы реализации своего потенциала, координировать свои действия в рамках общенациональной стратегии социально-экономического развития. Отчасти именно этот фактор сдерживает формирование региональных схем территориального планирования, работа над которыми должна быть завершена к началу 2008 года.

Сложившаяся система государственного регулирования инвестиционной деятельности, соответствующая нормативно-правовая база не полностью отвечают кардинальному ускорению социально-экономического развития. Сложность многоступенчатой системы отбора и согласования проектов во многом сдерживает интенсивность инвестиционных процессов в регионах.

В этой связи требуются новые подходы в предоставлении инвестиционных ресурсов из федерального бюджета. Традиционно они распре-

деляются по программно-целевому принципу, независимо от масштабов проекта. Финансовые средства распыляются на большое количество объектов, что не позволяет эффективно использовать бюджетные вложения. Принцип распределения значительной части ресурсов, на наш взгляд, целесообразно изменить, передав соответствующие полномочия на региональный уровень. Речь идет о том, чтобы оказывать инвестиционную поддержку из федерального бюджета в форме межбюджетных трансфертов на условиях обязательного софинансирования проектов из региональных бюджетов.

Одним из важных системных факторов межрегиональной дифференциации являются пространственные дисбалансы между развитием регионов и транспортной инфраструктуры, которые состоят в следующем:

- наметившееся отставание темпов развития транспортной и энергетической инфраструктуры в крупнейших городских агломерациях от темпов роста самих агломераций;
- появление дефицита генерирующих электроэнергетических мощностей, прежде всего в быстро развивающихся регионах;
- слабое развитие транспортной инфраструктуры в восточной части страны, в том числе связывающей восточные регионы между собой, отсутствие выхода в опорную транспортную сеть страны;
- недостаточная пропускная способность и невысокое качество автомобильных дорог.

Одним из важнейших факторов потенциального обострения угроз безопасности экономики регионов являются неравные условия конкуренции в большинстве отраслей, особенно тех, которые определяют позиционирование экономики регионов на экономическом пространстве страны. Скоротечный процесс рыночных преобразований практически обогнал процесс адаптации к ним большинства российских предприятий, а появление фактора «конкурентоспособности» усугубило критическое состояние многих предприятий, мощности и технико-технологический уровень которых практически не обеспечивают нормальных возможностей их участия в конкурентном процессе.

Неравенство условий конкуренции, связанное с региональными особенностями, имеет разные формы, в частности, налогообложение предприятий (с помощью региональных властей); неравные условия распределения земли и госзаказов; неравенство тарифов на энергоресурсы; неравенство административных требований к разным компаниям; неравные условия доступа к инфраструктуре, контролируемой государством.

Неравенство условий конкуренции в отдельных отраслях оказывает отрицательное влияние не только на отдельные компании, но и на регионы. Негативные факторы, формирующие рост в отдельных секто-

рах экономики, замедляют развитие остальных отраслей, способствуя экономической нестабильности.

В последние годы закрепились положительная динамика основных показателей уровня жизни населения, выраженная в росте доходов и заработной платы в реальном выражении, замедлении темпов инфляции, высоком темпе роста потребительского спроса. Вместе с тем характерной тенденцией социально-трудовой сферы Российской Федерации является также рост региональной дифференциации уровня жизни населения.

Так, по данным Федеральной службы государственной статистики, на долю 10% наиболее обеспеченных россиян приходится 30,2% общей суммы денежных доходов, а на долю 10% наименее обеспеченного населения – лишь 2%. При этом по итогам 2007 года среднедушевые доходы 10% наиболее обеспеченных могут превысить доходы 10% наименее обеспеченных граждан в 15,6 раза (в 2000 году – 14 раз).

В течение последних пяти лет уровень бедности (доля лиц с доходами ниже прожиточного минимума) в России снизился с 27,5% в 2001 г. до 16% от всего населения в 2006 г., но региональные различия при этом остаются очень высокими. Минимальной доля бедных была в 2006 году в нефтегазоэкспортных автономных округах Тюменской области: Ханты-Мансийском – 7,2% и Ямало-Ненецком – 8,4%). Наиболее высокий уровень бедности сохраняется в республиках Ингушетия (68%), Калмыкия (50%), Тыва (37%), Адыгея (33%), Алтай (36%), Бурятия (30%), Чеченской Республике (42%), Усть-Ордынском (73%) и Корякском (52%) автономных округах.

Значительно превышают среднероссийский уровень показатели бедности в ряде областей Центральной России – Владимирской (27%), Ивановской (35%), Ульяновской (26,5%) и Орловской (23,5%).

Дифференциация между субъектами Российской Федерации за 2006 год по показателю среднедушевые денежные доходы населения составила 9,9 раза, при этом минимальное значение показателя зафиксировано в Республике Ингушетия – 2979,2 руб., максимальное – в г. Москве – 29689,2 руб. (среднее значение по России – 9947,3 руб.).

Основная доля дохода, получаемого большинством занятого населения, приходится на заработную плату, которая по-прежнему находится на относительно низком уровне. Соотношение между средней заработной платой работников отраслей бюджетной сферы и прожиточного минимума трудоспособного населения не превышает 1,5 раза.

Дифференциация между субъектами Российской Федерации в 2006 году по показателю среднемесячная номинальная начисленная заработная плата составила 6,7 раза. Максимальные значения среднемесячной заработной платы были в «сырьевых» регионах: в Ямало-Ненецком (32929,6 руб.), в Ненецком (28277,2 руб.), в Ханты-Мансий-

ком (26936,8 руб.) автономных округах, а минимальные значения – в республиках Дагестан (4884,4 руб.), Северная Осетия-Алания (5893,8 руб.), Калмыкия (5626,6 руб.).

В организациях государственной службы занятости в конце декабря в качестве безработных было зарегистрировано более 1,7 млн. человек, в том числе 322,0 тыс. человек (18,9%) – в Чеченской Республике. Практически без изменений сохраняется группа регионов-«аутсайдеров».

Высокие показатели уровня зарегистрированной безработицы по данным выборочных обследований населения по проблемам занятости по-прежнему фиксируются в Чеченской Республике – 70% от экономически активного населения, Республике Ингушетия – 35%, Корякском автономном округе – 10,8%, Республике Тыва – 7,9%, Кабардино-Балкарской Республике – 7,4%, Алтайском крае – 5,8%, Республике Алтай – 5,3%, Магаданской области – 5%, Республике Адыгея – 4,7%, Республике Дагестан – 4,6%, Республике Калмыкия – 3,9%.

В то же время рынок труда в регионах Северного Кавказа характеризуется наличием масштабного неформального сектора (каждый пятый занятый относится к неформальному сектору, тогда как в целом по Российской Федерации – каждый седьмой), трудовой миграции в центральные регионы страны, что приводит к искажению реальной картины располагаемых населением денежных доходов.

Системным фактором социально-экономической дифференциации регионов России становится демографический фактор, прежде всего изменение численности и качественного состава населения.

Так, в 2006 г. положительный естественный прирост был лишь в 20 субъектах Российской Федерации. Группу с наибольшим положительным естественным приростом возглавляют Чеченская Республика, Республика Ингушетия, Республика Дагестан, Ямало-Ненецкий автономный округ, Ханты-Мансийский автономный округ, Республика Тыва, Агинский Бурятский автономный округ, Таймырский (Долгано-Ненецкий) автономный округ, Республика Саха (Якутия), Тюменская область – более 3,9 человека на 1000 человек населения.

Наибольшая естественная убыль населения в 2006 г. наблюдалась в Псковской, Тульской, Тверской, Смоленской, Новгородской, Ленинградской, Ивановской, Рязанской, Тамбовской и Курской областях – коэффициент естественной убыли составил 10 и более на 1000 человек.

В среднесрочной перспективе только 6–7% регионов сохранят естественный прирост населения.

Дальнейшее отставание ряда регионов по уровню социально-экономического развития будет приводить к росту социальной напряженности, увеличению дотационности региональных бюджетов и, как

следствие, перераспределению средств между благополучными и проблемными регионами в пользу последних.

Существующий инструментарий в виде федеральных целевых программ, региональных программ и стратегий, в частности реализация основных положений Федеральной целевой программы «Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации (2002– 2010 годы и до 2015 года)», оказался способен лишь частично смягчить сложившиеся диспропорции хозяйственного развития.

Необходимо отметить, что разработанная Минрегионом России и одобренная Правительством РФ «Концепция Стратегии социально-экономического развития регионов» рассчитана на краткосрочный период и по своему характеру дает лишь первичные подходы к решению рассматриваемой проблемы.

По ряду показателей разрыв не только не сокращается, а, наоборот, возрастает, что представляет собой реальную угрозу экономической безопасности страны. В 2006 году разрыв между субъектами Российской Федерации по уровню производства валового регионального продукта на душу населения составлял 43 раза (Тюменская область и Республика Ингушетия) против 29 раз в 2000 году. По объемам производства промышленной продукции на душу населения различия возросли за этот период с 64 до 281 раза, налоговых и неналоговых доходов консолидированных бюджетов – с 50 до 194 раз, инвестиций в основной капитал – с 30 до 44 раз, уровня зарегистрированной безработицы – с 29 до 33 раз.

Несмотря на некоторые позитивные сдвиги, на невысоком уровне остаются и показатели уровня жизни населения регионов страны: оборот розничной торговли на душу населения различается в 27 раз, денежных доходов – в 9 раз.

Оценка сложившейся ситуации позволяет сделать вывод, что динамика процессов социально-экономического развития субъектов Федерации не способствует укреплению экономической безопасности России, стимулирует негативные по своей направленности процессы внутренней миграции населения, формированию весьма ограниченного и нерационального размещения «полюсов» экономического роста. В результате идет неконтролируемая концентрация воспроизводственных ресурсов, нарастают территориальные диспропорции социально-экономического развития, расширяются зоны стагнации производства.

В сложившейся ситуации необходимо определить основные цели и задачи государственного регулирования межрегиональной экономической дифференциации. К наиболее общим целям такого регулирования могут быть отнесены:

- максимальное использование специфических внутренних факторов экономического развития каждой территории в целях обеспечения ее эффективной специализации на общероссийском и международных рынках;

- минимизация экономических потерь народного хозяйства от деструктивного воздействия последствий чрезмерной дифференциации социально-экономического развития регионов.

Реализация этих целей позволит не только существенно повысить общую конкурентоспособность российской экономики в системе мирового хозяйства, но и создать необходимую основу для укрепления федеративных отношений. Для их достижения, на наш взгляд, необходимо решить следующие важнейшие задачи:

- создание стимулов для максимально эффективного и рационального использования существующего экономического потенциала регионов и финансовых ресурсов в целях решения текущих и долгосрочных задач территориального развития;

- совершенствование методики распределения финансовой помощи субъектам Российской Федерации и регулирования системы межбюджетных отношений таким образом, чтобы она стимулировала регионы к развитию собственной доходной базы и выравниванию бюджетной обеспеченности;

- обеспечение равных конкурентных условий экономической деятельности, свободного перемещения товаров, капиталов, услуг и рабочей силы по всей территории Российской Федерации;

- обеспечение стабильного развития межрегиональных экономических связей и существенное повышение на рыночной основе уровня интеграции экономики субъектов РФ.

Одним из содержательных направлений планирования развития депрессивных регионов может стать содействие формированию так называемых кластеров будущего экономического подъема. Это направление развития согласуется с теорией формирования территориально-производственных комплексов, которая была в свое время разработана ведущими экономистами.

Однако, как показал анализ, формирование кластеров экономического подъема в депрессивных регионах крайне затруднительно. Если они даже располагают объективными предпосылками для развития какой-либо своей базовой отрасли, то отрасли, поддерживающие развитие кластера и во многом определяющие его инновационное содержание, либо отсутствуют, либо находятся в упадке.

Уже одно это обстоятельство предопределяет ключевую роль межрегиональной экономической интеграции в подъеме экономики депрессивных регионов.

Отрасли, способные дать импульс их социально-экономическому развитию, должны рассматриваться не как основа для формирования кластера, а как элемент более мощного кластера, формирующегося на межрегиональной основе.

В этом смысле целесообразно ввести в оборот понятие «отрасли, аффилированные с кластером». Под ними подразумеваются те приоритетные отрасли экономики депрессивных регионов, которые при помощи научно обоснованного инструментария регулирования регионального развития могут быть интегрированы в межрегиональный кластер, обладающий типичными для кластеров преимуществами.

В целях преодоления дифференциации промышленного развития субъектов Российской Федерации, препятствующей функционированию индустриального комплекса страны как единого целого, должна стать активная государственная селективная поддержка отдельных регионов.

В качестве целеполагающих критериев такой поддержки могут выступать: создание условий для формирования потенциальных «точек роста» федерального значения в промышленном развитии региона; содержание на территории региона промышленных объектов и отраслей федерального значения; особое экономическое и геополитическое значение региона.

Другим важнейшим фактором экономического роста того или иного региона выступает высокоразвитая региональная инфраструктура (уровень развития транспортных коммуникаций, информационных сетей и средств связи, энергетической и строительной баз, складского хозяйства и др.).

В настоящее время абсолютное большинство российских регионов нуждается в существенной модернизации сложившейся инфраструктуры, а практически все экономически слаборазвитые регионы – в ее скорейшем формировании в соответствии с задачами становления и укрепления их экономических связей в рамках общероссийского и мирового товарных рынков.

Наряду с вышеуказанными факторами, необходимым условием стабильного экономического роста региона является относительно высокий уровень развития сектора малых и средних предприятий, прежде всего, в товаропроизводящей сфере. Он может не только обеспечить необходимыми товарами и услугами потребительский рынок соответствующего региона, а также в определенной степени удовлетворить производственные потребности отраслей его народнохозяйственной специализации, но и создать значительное число дополнительных рабочих мест, повысить реальные доходы населения, существенно увеличить поступления в территориальный бюджет.

Наиболее действенной и эффективной является двухуровневая система территориального регулирования экономики.

Первый уровень этой системы составляют два блока, включающие соответственно систему регулирования собственно межрегиональной экономической дифференциации (основанную на механизмах территориального перераспределения финансовых ресурсов в зависимости от сравнительных параметров территориального развития), а также систему регулирования развития регионов Крайнего Севера и приравненных к ним территорий. В рамках этих выделенных блоков рекомендуется использовать специально разработанные универсальные принципы и критерии территориального распределения федеральных финансовых ресурсов.

Второй уровень составляет система регулирования социально-экономического развития конкретных проблемных регионов. Эта система включает в себя преимущественно разработку и реализацию территориально-ориентированных целевых федеральных программ. Целесообразность использования механизма господдержки данного уровня определяется характером и глубиной кризисных процессов в отдельных субъектах РФ, невозможностью нормализации ситуации и преодоления деструктивных тенденций только в рамках методов территориального регулирования первого уровня.

Такая двухуровневая система территориального регулирования экономики позволяет использовать для каждого проблемного региона наиболее адекватный комплекс мер господдержки экономического развития, сделав одно-временно ее наиболее результативной в части достижения поставленных целей.

В то же время ресурсы будут в этом случае расходоваться значительно более рационально, так как принятие возможных решений о разработке целевых федеральных программ для отдельных регионов должно быть взаимоувязано с комплексом мер, стимулирующих региональное развитие на основе активного привлечения частного капитала к реализации конкурентоспособных инвестиционных проектов. Этот комплекс стимулирующих мер и должен составить главное направление государственного регулирования межрегиональной экономической дифференциации.

При этом первый из указанных блоков включает как механизмы федеральных трансфертов в региональные бюджеты на цели текущего потребления, так и механизмы территориального распределения федеральных инвестиционных ресурсов.

Формирование действенной системы государственного регулирования межрегиональной экономической дифференциации предполагает решение целого комплекса вопросов, связанных с выбором стратегии, методов и механизмов федеральной поддержки слаборазвитых, депрессивных и других проблемных регионов.

Прежде всего, общим исходным принципом должно стать применение единообразных подходов для всех субъектов РФ по вопросам: определения перечня регионов, требующих федеральной поддержки; определения конкретных размеров предоставляемой регионам федеральной помощи.

Для проведения указанных системных преобразований необходимо безотлагательно разработать Стратегию социально-экономического развития регионов Российской Федерации на долгосрочный период. При этом предусмотреть необходимый методический, аналитический инструментарий, позволяющий в конкретных параметрах осуществлять мониторинг происходящих изменений, оценивать в количественном и качественном измерении эффективность реализуемых мероприятий, обоснованно и однозначно устанавливать целевые «пороги» социального, экономического, этнокультурного развития субъектов Федерации.

В целом эффективная стратегия регионального развития должна включать три вектора: политику выравнивания, направленную на поддержку минимального уровня жизни в депрессивных районах; активную региональную политику, стимулирующую рост и развитие конкретных территорий; и наконец, обеспечивающую мобильность и рациональное территориальное распределение рабочей силы.

2. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ КАДРОВЫМИ РЕСУРСАМИ

Экономический рост России требует перехода на новое качество. Это потребует не только дополнительных инвестиций в оборудование и технологии, но и кадрового потенциала, соответствующего поставленным задачам. Именно нынешнее состояние кадрового потенциала является одной из внутренних угроз перспективам экономического роста в России.

На протяжении долгих лет экономика России функционировала в условиях растущей численности трудоспособного населения. Этот благоприятный период завершился. В течение следующих десятилетий в России численность населения будет сокращаться.

Рабочая сила, ее качество в ближайшие десятилетия, становится решающим нематериальным фактором конкурентоспособности российской экономики, общественного благополучия.

Состояние трудового потенциала оценивается как неадекватное возможностям долгосрочного экономического развития России. Качество первичного профессионального образования и структура выпуска ква-

лифицированных рабочих и специалистов, как правило, расходятся с текущими и перспективными потребностями экономики. Во всех развитых странах квалифицированные кадры – основа экономики. Если в США квалифицированные рабочие составляют примерно 50% работающего населения, в Германии – 45%, то у нас, по некоторым оценкам, – всего лишь 5%.

В результате динамика профессионально-квалификационной структуры работников инерционна и воспроизводит устаревшие представления о кадровых запросах реального сектора экономики. Дефицит квалифицированных кадров стал реальностью. Конкуренция за профессиональные кадры нарастает. Предприятия вкладывают значительные средства в переобучение выпускников профессиональной школы, создают альтернативы государственному первоначальному профессиональному обучению.

Сам рынок труда организован недостаточно эффективно. Высока доля стихийных «холостых» трудовых перемещений. Экономика несет дополнительные потери, связанные с поиском, наймом и дообучением работников. Потери ресурсов труда в предстоящие десятилетия, вызванные «демографическим кризисом», обостряют дополнительные риски для бизнеса и страны в целом.

В тоже время технологическая модернизация экономики, повышение конкурентоспособности отечественных предприятий, развитие крупных корпораций в различных секторах экономики и укрепление позиций России на мировом рынке возможны лишь при наращивании трудовых ресурсов, повышении качества и мобильности рабочей силы, развитии гибкого рынка труда и эффективных трудовых отношений.

Основным условием решения этих задач должно явиться замещение неквалифицированных и низкооплачиваемых рабочих мест на эффективные и конкурентоспособные рабочие места на основе реальной интеграции экономической, инвестиционной, образовательной политики и политики на рынке труда. Государственная политика на рынке труда должна играть направляющую, стимулирующую роль в обеспечении экономического роста и эффективной занятости населения.

Вместе с тем до настоящего времени на рынке труда не удалось преодолеть действие ряда негативных факторов, которые ставят под угрозу реализацию социально-экономической политики государства.

Это, прежде всего, возрастающий дисбаланс спроса и предложения рабочей силы, который проявляется в чрезмерно низких или слишком высоких значениях напряженности на рынке труда.

В целом по России напряженность на рынке рабочей силы в 2007 году составила 1,3 человека. Наибольшее беспокойство вызывает серьезная дифференциация регионов по уровню напряженности на рынке

труда. В составе России есть регионы как со значительным относительным избытком, так и со значительным относительным дефицитом трудовых ресурсов. При этом крайне высокие значения данного показателя (как, например, в Республике Ингушетия и Республике Дагестан, соответственно 7025 и 996 человек на 10 вакансий) усиливают социальную напряженность в регионах. В свою очередь, высокая социальная напряженность может также провоцировать политическую нестабильность и препятствовать приходу в регионы потенциальных инвесторов.

Динамичное развитие негосударственных профессиональных образовательных учреждений высшей школы без учета тенденций в демографических процессах и развитии рынка труда, развал системы профессионального обучения высококвалифицированных рабочих кадров привели к значительному дисбалансу между тем, кто готовится, и тем, кого требует практика.

Существующая в Российской Федерации система профессионального образования не в полной мере удовлетворяет потребности экономики в профессиональных кадрах. Она не имеет устойчивой связи с рынком труда и не способствует устранению дисбаланса спроса и предложения рабочей силы.

Профессиональное образование неоправданно смещено в сторону высшей школы. Так, за 2000–2006 годы выпуск специалистов с высшим профессиональным образованием возрос почти в 2 раза (с 635 до 1255 тыс. человек), а выпуск квалифицированных рабочих с начальным профессиональным образованием сократился почти в 1,1 раза (с 763 до 708 тыс. человек), а со средним профессиональным образованием увеличился крайне незначительно.

Объемы и профили подготовки рабочих и специалистов в учреждениях профессионального образования не в полной мере соответствуют потребностям работодателей (перепроизводство специалистов гуманитарных профессий, недостаточные объемы подготовки рабочих кадров и т.д.).

Несоответствие структуры профессионального образования актуальным и перспективным потребностям рынка труда по квалификационному уровню и по профессиональной структуре ставит под угрозу динамичное развитие производственного и инновационного потенциала Российской Федерации, и, как следствие, снижает конкурентоспособность отечественной продукции.

Низкая территориальная мобильность рабочих кадров в сочетании с сокращением численности населения в трудоспособном возрасте (особенно в отдельных регионах России) усугубляют кадровый дефицит, сдерживают ускорение темпов роста в отдельных отраслях промышленности, регионах и экономике России в целом.

Начальное и среднее профессиональное образование, отнесенное к компетенции субъектов Российской Федерации, должно было позволить гибко ориентировать образовательные структуры на потребности рынка труда. Однако работа по их реформированию ведется в регионах крайне слабо, поэтому спрос на квалифицированных рабочих не может быть полностью удовлетворен.

Ощущается острый дефицит высококвалифицированных кадров рабочих и специалистов. На сегодняшний момент промышленность потеряла более половины производственного персонала. В результате на предприятиях отрасли сконцентрировалась рабочая сила с достаточно низкими профессионально-квалификационными характеристиками, тогда как рабочие более высокой квалификации переходили в растущие сектора экономики, параллельно меняя профессию. При этом многими работниками утеряна квалификация, которая нарабатывалась годами, и вернуть этих специалистов практически невозможно. Медленными темпами идет обновление кадров предприятий, значительная часть работников – это люди преимущественно предпенсионного и пенсионного возраста, а приток молодежи в промышленность крайне незначителен.

На фоне роста возрастных диспропорций (за 1996–2005 годы доля занятых в экономике в возрасте 24–39 лет сократилась с 43 до 37%, а в возрасте с 50 до 72 лет возросла с 17 до 23%) от 30 до 50% предприятий в различных отраслях экономики испытывают нехватку кадровых ресурсов. Особенно остро эта проблема обстоит с рабочими профессиями.

Так, например, на предприятиях и в организациях, подведомственных Роспрому, средний возраст работников – 47,7 лет (в судостроительной промышленности – 50,1 года, промышленности боеприпасов – 54 года), подведомственных Роскосмосу – 46,2 года, подведомственных Росатому – 48,1 лет. При этом средний возраст работников НИИ и КБ по оборонным отраслям промышленности составляет от 50 до 56 лет.

В промышленности наблюдается острая нехватка специалистов «среднего» возраста (30–45 лет). Производству требуются мастера, технологи, начальники смен. Большинство техникумов и ПТУ резко сократили свою профильную деятельность для промышленности. Большинство их, в отличие от прошлого периода, выпускает специалистов для сферы услуг. В стране крайне слабо функционирует система профессиональной подготовки квалифицированных рабочих.

В настоящее время существующие экономические и правовые механизмы не оказывают действенного влияния на закрепление молодых специалистов в организациях оборонно-промышленного комп-

лекса. Необходима разработка новых законодательных и нормативных актов, определяющих государственные меры, стимулирующие процесс профессионального образования и его использования по назначению.

Требуют дальнейшего развития связи между наукой и производством, что даст возможность российской экономике эффективно конкурировать в высокотехнологичных отраслях, существенно повысить обеспеченность высокотехнологичных производств квалифицированными специалистами. Существующий профессионально-квалификационный уровень работников российских организаций не соответствует требованиям международных стандартов.

Четко прослеживается неготовность работодателей платить конкурентную (рыночную) заработную плату. Заработная плата не исполняет роль ограничителя дифференциации в оплате труда (разница в оплате труда, по данным Всемирного Банка, в Российской Федерации в 2006 году превышала 11 раз). Высокое представительство работающих граждан (до 50%) в числе бедных определяется, прежде всего, низким уровнем оплаты труда. Вместе с тем низкий уровень минимальной оплаты труда (около 10% от величины средней заработной платы и около 30% от величины прожиточного минимума) позволяет работодателям сохранять общий низкий уровень оплаты труда, сохранять низкооплачиваемые неэффективные рабочие места, что само по себе способствует консервации дифференциации в оплате труда.

Низким уровнем характеризуется почасовая заработная плата. Так, например, по экспертным оценкам, в промышленности России она приближается к двум долларам, тогда как в Германии – 24, Японии – 23, США – около 20 долларов.

Низкое качество жизни предопределяет преобладание у населения забот о выживании, активного поиска дополнительного заработка, подчас нелегального. Получила широкое распространение теневая и вторичная занятость. Происходит перемещение приоритетов в социуме с удовлетворения духовных устремлений к простому удовлетворению физических потребностей.

Отрицательные экономические последствия низкой цены труда – пониженный спрос на товары и услуги, дефицит реальных доходов по сравнению с потребностями населения, упадок трудовой мотивации.

Недостаточные темпы развития малых форм хозяйствования в ряде отраслей сдерживают рост новых рабочих мест и развитие кадрового потенциала. За 2000–2006 гг. число малых предприятий в России возросло незначительно – на 18% и составило на начало 2007 года 1 млн. 37 предприятий, которые предоставляют 9,5 млн. рабочих мест. В России только 19% занятого населения работает в сфере малого бизнеса, а в Европе около 70%. Сейчас объем продукции, производимой малыми

предприятиями, составляет в ВВП России – 15–17%, что в 3–3,5 раза меньше, чем в экономически развитых странах.

Остается ряд серьезных административных, экономических и социальных барьеров, которые мешают развитию малого бизнеса: искусственные бюро-кратические препоны, недостаточная финансово-кредитная поддержка, высокое налоговое бремя, низкая мобильность рабочей силы, сохраняющаяся избыточная неэффективная занятость, низкая привлекательность рабочих мест.

Практически отсутствует современная национальная система профориентации. Общеобразовательная школа в настоящее время практически перестала выполнять функцию профессиональной ориентации выпускников на выбор профессий и специальностей с учетом их реальных потребностей на рынке труда. Опрос старшеклассников показывает, что только 3,6% из них ориентированы на получение рабочих профессий (в 5–8 раз ниже показателей 20-летней давности).

Указанные факторы свидетельствуют о недопустимости ухода государства от разработки экономических, правовых, организационных мер, которые позволят настраивать механизмы взаимосвязи между структурой кадрового потенциала трудовых ресурсов и структурой потребностей в нем.

В сложившихся условиях необходима разработка комплекса мер по развитию в Российской Федерации сбалансированной системы подготовки квалифицированных кадров рабочих и специалистов, обеспечению их эффективной занятости и мобильности.

Особенно важно разработать прогноз перспективных потребностей в кадрах в каждой отрасли и каждом субъекте Российской Федерации. Учитывая 3–5-летний цикл подготовки квалифицированных рабочих, именно прогнозная компонента, а не текущая потребность должна определять алгоритм формирования структуры и объема подготовки кадров.

Задача повышения качества рабочей силы в среднесрочной и долгосрочной перспективе должна быть ориентирована на переход к реализации принципа непрерывного профессионального образования на основе реформирования системы профессионального образования всех уровней в рамках приоритетного Национального проекта «Образование».

Необходимо последовательное повышение минимальной заработной платы и реформирование всей системы оплаты труда. Задача повышения заработной платы во всех отраслях экономики должна рассматриваться как рычаг повышения эффективности производства российских предприятий.

Одним из путей, который позволит реально наполнить трудовой потенциал людскими ресурсами, является целенаправленная и постоян-

ная работа по улучшению условий труда, сокращению профессиональных заболеваний и производственного травматизма, а также обеспечению эффективного функционирования рынка труда иностранной рабочей силы.

Требуется последовательная работа по профессиональной ориентации молодежи, которая бы тесно увязывала свободный выбор профессии молодым человеком с потребностями рынка труда, возможностями трудоустройства и развития карьеры. В этом направлении весьма важным представляется воссоздание мощной системы пропаганды рабочего труда, необходимых и полезных экономике профессий, движения наставничества кадровых рабочих над молодой сменой.

В целях обеспечения растущих потребностей экономики квалифицированными кадрами необходимо осуществить комплекс мер, направленных на развитие системы их подготовки в увязке с приоритетами социально-экономического развития Российской Федерации, предусматривая:

- уточнение функций федеральных органов исполнительной власти, касающихся комплексной увязки профессионального образования всех уровней с обеспечением эффективной занятости и мобильности рабочей силы;
- организацию регулярного мониторинга текущих и прогнозирования перспективных потребностей рынка труда в квалифицированных рабочих и специалистах;
- организационные и правовые меры по регулированию численности, профессионально-квалификационной структуры и качества подготовки специалистов всех уровней;
- повышение эффективности функционирования рынка труда иностранной рабочей силы;
- развитие системы стимулирования для молодых людей, пожелавших получить одну из приоритетных рабочих специальностей (для системы среднего и профессионального образования);
- разработку механизма многоканального финансирования учреждений профессионального образования;
- систему информационно-пропагандистских мероприятий в целях информирования общества о ситуации на рынке труда и о перспективных потребностях экономики в кадрах, а также в целях профессиональной ориентации молодежи.

ДЕБЮТ

Редакция продолжает публикацию работ молодых исследователей в рубрике «Дебют», знакомой нашим читателям по номерам прошлых лет.

*На этот раз в ней представлены статьи студентки 5-го курса факультета мировой политики МГУ им. М.В.Ломоносова **Марии Бочковой** и студента 5-го курса Международного института энергетической политики и дипломатии (МИЭП) МГИМО (У) МИД России **Эльдара Касаева**.*

Мария БОЧКОВА

РОССИЯ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕРЕС И ЕГО ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ¹

В сегодняшней России тема национального интереса является весьма актуальной, она широко обсуждается в средствах массовой информации, в научных кругах, при проведении политических мероприятий. О существующих национальных интересах говорят политические деятели, ученые-международники, политологи, журналисты, представители неправительственных организаций, бизнесмены, деятели культуры и др. И каждый из них рассматривает национальный интерес в особом аспекте. Церковные иерархи как национальный интерес выделяют мирное сосуществование представителей различных конфессий в мультиэтнической России; политики, придерживающиеся либеральных взглядов, в национальном интересе подчеркивают приоритетность соблюдения прав и свобод человека и других универсальных демократических принципов; ученые-экономисты главным образом рассматривают в качестве национального интереса вступление России во Всемирную торговую организацию и пр.

Объяснение такой ситуации достаточно просто – в постсоветской России содержание понятия «национальный интерес» строго не определено. Более того, имеет место терминологическая путаница.

Каждый из выступающих на тему национального интереса прав. Однако представляется не совсем верным выделять лишь одну приоритетную позицию в таком многоаспектном понятии, каким является национальный интерес.

Концепт интереса используется при анализе международных отношений с древности². Так, в V в. до н.э. древнегреческий историк Фукидид, которого принято считать родоначальником теории реализма, считал интерес основой отношений между Афинами, Спартой и их союзниками.

Формирование политического реализма как законченной теории относится к 40-м годам XX века, огромный вклад в это был внесен американским ис-

¹ В расширенном виде работа получила премию первого Открытого конкурса научных студенческих работ Фонда подготовки кадрового резерва «Государственный клуб».

² Подробнее см.: Цыганков П.А. Теория международных отношений. – М.: «Гардарики», 2004. С. 288–317.

следователем Г.Моргентау. Одним из 6 принципов политического реализма, определенных им в работе «Politics among Nations. The Struggle for Power and Peace» (1948 г.), было понятие интереса, сформулированного в терминах власти. Он подчеркивал, что понятие интереса – объективная категория, ключевая в политическом реализме, хотя сам интерес может меняться. «Понятие интереса раскрывает суть политики и не зависит от конкретных обстоятельств места и времени», – писал Моргентау и приводил высказывания Фукидида: «Общность интересов является наиболее прочным связующим звеном как между государствами, так и между индивидами», а также лорда Солсбери, по мнению которого «единственная прочная связь» между государствами заключается «в отсутствии конфликта интересов»³.

Поскольку, согласно классической теории реализма, национальный интерес – это объективная реальность, то она определяется, во-первых, особенностями государства (его географическим положением, экономическим, политическим, культурным развитием), во-вторых, особенностями человеческой природы.

Другой приверженец теории реализма – Р.Арон – считал национальный интерес субъективной категорией, поскольку положение лидеров создает впечатление, что их субъективное мнение о ситуации и интересе принадлежит всей нации⁴.

Тема национальных интересов обсуждается и в либеральных кругах. Для представителей этого направления, например, для премьер-министра Великобритании Э.Блэра, содержание данной категории заключается в моральных принципах, правах человека и глобальных проблемах, с которыми сталкивается современный мир⁵.

Для конструктивистов мотивом действий участников международных отношений является национальный интерес, основанный на национальной идентичности и национальной идее.

Современные российские ученые определяют национальные интересы как «одно из основных понятий в (нео)реализме. Эти интересы определяются государством, и для их достижения используется внешняя политика»⁶.

Историк В.А.Кременюк считает, что национальные интересы формулируются не сверху, в отличие от государственных, а «снизу, от политических партий, отражающих чаяния и надежды разных слоев и групп населения. С помощью экспертов они излагают в партийных программах свое видение национальных интересов и их приоритеты. Создается набор идей, из которых правительство может черпать мысли и идеи для подготовки государственных документов»⁷.

В Концепции национальной безопасности Российской Федерации национальные интересы России определены как «совокупность сбалансированных

³ Моргентау Г. Политические отношения между нациями: борьба за власть и мир // Теория международных отношений. Хрестоматия. Научный редактор П.А.Цыганков. – М.: «Гардарики», 2003. С.74, 77.

⁴ Подробнее см.: Aron R. Paix et Guerre entre les naions. – Paris, 1984. P.97–103.

⁵ Подробнее см.: Цыганков П.А. Теория международных отношений. – М.: «Гардарики», 2004. С. 293.

⁶ Лебедева М.М. Мировая политика. – М.: «Аспект Пресс», 2004. С.343.

⁷ Кременюк В.А. Выступление в декабре 1995 г. на «круглом столе» в рамках исследовательского проекта «Проблемы безопасности России» // Концепция национальных интересов: общие параметры и российская специфика. Журнал «Международная экономика и международные отношения». № 7, 1996. С. 62–63.

интересов личности, общества и государства в экономической, внутриполитической, социальной, международной, информационной, военной, пограничной, экологической и других сферах»⁸. Они носят долгосрочный характер и определяют основные цели, стратегические и текущие задачи внутренней и внешней политики государства.

Таким образом, в Концепции нашел отражение принцип, основанный на синтезе двух подходов к рассмотрению национального интереса как вырабатываемого государством, так и социальными группами.

Национальный интерес – это калькированное выражение с английского «national interest». Следует отметить, что в английском языке прилагательное national означает государственный и этимологически восходит к nation-state – национальному государству. Поэтому при переводе существительного nation на русский язык следует помнить, что это, прежде всего, – государство и лишь потом – нация. В советское время было принято употреблять словосочетание «государственный интерес», что являлось точным эквивалентом английского «national interest». В период распада Советского Союза трансформация понятия из государственного интереса в национальный была обусловлена не только и не столько нестрогим переводом (хотя это тоже следует учитывать), сколько стремлением бывших союзных республик к отделению.

Введение в политический лексикон термина «национальный интерес» подчеркнуло деление на национальные образования, и, как следствие, необходимость учета интересов различных наций, которые прежде находились в рамках единого политического образования. В тот исторический момент нации стали рассматривать отделение от Союза как собственный приоритетный национальный интерес.

Однако вместе с образованием независимых государств понятие национального интереса не пережило обратную трансформацию в интерес государственный, а, наоборот, укрепилось и приобрело большую актуальность.

Безусловно, в современном мире велико значение наций как сил, определяющих важность создания единого мирового общества, основанного на защите прав человека, основных свобод и демократических принципов, призванных продемонстрировать приоритетность защиты интересов индивида в мировой политике. Но такой ход рассуждения влечет вывод о том, что национальный интерес может рассматриваться как синоним понятия общественный интерес. А это не совсем верно.

В то время как на постсоветском пространстве активно использовалось понятие национального интереса, в западных странах продолжали оперировать термином «national interest» как основой для проведения государственной политики.

Как верно отметил в середине 1990-х годов проф. А.А.Галкин, распространенные аналитические ошибки происходят из-за преувеличенного внимания к семантической оболочке понятия «национальный интерес». Главная из ошибок – отсутствие строгой дефиниции термина «национальный». В русском языке под национальностью понимается некая культурно-этническая общность, отличающаяся от других общностей данного государства. Поэтому национальный интерес может трактоваться как интерес одной нации или этнической группы. И тем самым проблема интереса растворяется в системе межэтнических отношений.

⁸ Концепция национальной безопасности РФ в редакции Президента РФ от 10 января 2000 г. Эл. версия: www.kremlin.ru. Дата просмотра 4.02.2008 г.

Иногда предлагают говорить о государственном интересе, чтобы избежать подмены. Однако государственный интерес нередко воспринимается как интерес государства, который не обязательно идентичен интересу других структур данной общности⁹.

Представляется наиболее верным при употреблении понятия национального интереса подразумевать под ним национально-государственный интерес.

Во-первых, это строже определит ту роль, которую государство играет в современном мире.

Во-вторых, будет проще найти взаимопонимание между Россией и Западом; легче будет согласовывать позиции в отношении мировых вопросов.

В-третьих, наличие в толковании национального интереса темы государственности позволит акцентировать внимание на единстве государства, а не только на интересе нации, который может быть использован в целях дестабилизации сепаратистскими националистическими организациями, к сожалению, существующими в любом государстве (и Россия не является исключением).

Вопрос о нации хорошо исследован. Соотношение понятий этноса и нации является предметом изучения многих наук – философии, конфликтологии, ее особого раздела – этнополитической конфликтологии, социологии, психологии, демографии, политологии и др. Рассмотрением нации с точки зрения единого языка, следовательно, единой ментальности и единой картины мира, занимается лингвистика.

Несмотря на всестороннее изучение концепта нации множеством гуманитарных наук этот термин по-прежнему весьма дискуссионен, им можно спекулировать в политических интересах.

Легко использовать понятия нации и этноса в политических целях еще и в связи с тем, что в зависимости от научной парадигмы – примордиалистской, инструменталистской, конструктивистской¹⁰ – они могут интерпретироваться различно.

Несмотря на классическое определение, согласно которому нация – это политически организованный этнос, разнообразные теоретические парадигмы оперируют собственными подходами.

Так, биологический примордиализм выделяет значение природных и биологических факторов в определении этноса, социоисторический примордиализм указывает на важность социальных феноменов и решающую роль в процессе возникновения нации отводит социально-экономическим интересам. Яркий представитель историко-культурологического примордиализма А.Смит пишет, что этническая группа «представляет собой объединение, которое заявляет об общем для всех ее членов происхождении и общей истории и которое, в силу традиции, имеет общие черты культуры и общую территорию, а также характеризуется чувством солидарности между членами группы»¹¹.

Инструменталисты рассматривают вопрос о нации и этничности как средство достижения интересов определенных этнических групп.

⁹ Галкин А.А. Выступление в декабре 1995 г. на «круглом столе» в рамках исследовательского проекта «Проблемы безопасности России» // Концепция национальных интересов: общие параметры и российская специфика. Журнал «Международная экономика и международные отношения». № 8, 1996. С. 78.

¹⁰ Подробнее о теоретических подходах см.: Тамунц С.А. Этносоциология. – М.: МАЛП, 1999. С. 18–39.

¹¹ Smith A. The diffusion of nationalism: some historical and sociological perspectives // British journal of sociology. London. 1978. Vol. 2. No. 2. Page 245.

Конструктивистская парадигма исходит из того, что и нация, и этнос – это сконструированные и придуманные общности. Конструктивист Б.Андерсон считает, что «нация оказалась изобретением», созданным в период революционных потрясений, а при ее создании центральное значение имел язык печатной продукции¹².

Несмотря на теоретический плюрализм, все же представляется наиболее верным определение немецкого исследователя К.Дейча, который писал: «Нация – это народ, обладающий государством»¹³. Этноты, объединенные общей исторической судьбой, проживающие на единой территории, формируют народ, который, в свою очередь, вырабатывает единый язык и единый культурный стандарт. Это позволяет консолидировать разрозненные этноты и составлять нацию, которая обретает политическую форму в государстве.

В современном мире почти нет моноэтнических государств. Даже такие восточные страны, исторически противостоящие ассимиляции, как Япония или Республика Корея, все же имеют небольшой процент этнически чуждого населения. Тем не менее большинство государств сегодня представляют собой единую нацию. И интересом любой нации является сохранение собственного единства.

А сохранение целостности является еще и главной целью любого государства. Как писал Ш.Монтескье, «у всех государств есть одна общая им цель, заключающаяся в охране своего существования»¹⁴.

Следовательно, интерес нации совпадает с интересом государства. Значит, употребляя словосочетание «национальный интерес», мы подразумеваем интерес национально-государственный.

Таким образом, устранив терминологическое заблуждение, можно рассматривать структуру национально-государственных (национальных) интересов России в наступившем столетии.

У национально-государственного интереса есть две составляющие: теоретическая и прикладная. Теоретической основой национального интереса можно считать идеологию государства, направленную на поддержание единства народа, который и образует нацию.

Прикладным компонентом национального интереса является реализация политики, направленной на сохранение независимости государственного образования и на поддержание его физической целостности.

Если рассмотреть национальный интерес России, то двумя его составляющими будут:

- теоретическая основа – концепция «суверенной демократии»;
- прикладная основа – проведение политики реального суверенитета.

При рассмотрении национального интереса России, прежде всего, актуализируется сфера «суверенитета», который предстает как высшая цель и в стратегическом, и в тактическом отношении. Каждое решение законодательной власти государства и конкретные действия по его реализации исполнительной властью должны быть направлены на удержание и укрепление реального суверенитета. В то же время главной целью России является построение суверенной демократии. Такой подход к национальному интересу характерен для современной России.

¹² См.: Anderson B. Imagined Communities. Reflection on the Origin and Sread of Nationalism. – London: Verso. 1983. Page 89.

¹³ Deutsh, Karl W. Nationenbildung-Nationalstaat-Integration. – Dusseldorf, 1979. Seite. 202.

¹⁴ Монтескье Ш. О духе законов. – М., 1999. С. 137.

В начале XX века концепт суверенитета понимался как «верховенство, совокупность верховных прав, принадлежащих государству или его главе»¹⁵; в конце века его трактовка немного изменилась: «верховенство и независимость власти, совокупность политического полноправия государства, нации, народа и человека»¹⁶. Таким образом, прослеживается усиление роли нации при формулировании национально-государственного интереса. И все же не следует забывать, что суверенитет предполагает не только суверенитет национальный, т.е. «полновластие нации, ее политическая свобода, обладание реальной возможностью определять характер своей национальной жизни»¹⁷, но и суверенитет государственный, т.е. «политическую независимость и самостоятельность государства от других государств в его внутренних делах и внешних отношениях, не допускающую иностранного вмешательства»¹⁸.

Концепция реального суверенитета, выработанная акад. А.А.Кокошиным, согласно классическому определению, предполагает «способность государства на деле (а не декларативно) самостоятельно проводить свою внутреннюю, внешнюю и оборонную политику, заключать и расторгать договоры, вступать или не вступать в отношения стратегического партнерства и т.п.»¹⁹. Все эти составляющие являются основой для выработки национальных интересов России. При этом самостоятельность проведения политического курса может быть обеспечена тремя базовыми элементами: военной мощью, территориальной целостностью и стабильностью конституционного строя РФ. Эти же элементы являются основой безопасности – жизненно важного национального интереса.

Избранный путь развития России, формулируемый как суверенная демократия, представляет собой «образ политической жизни общества, при котором власти, их органы и действия выбираются, формируются и направляются исключительно российской нацией во всем ее многообразии и целостности ради достижения материального благосостояния, свободы и справедливости всеми гражданами, социальными группами и народами, ее образующими»²⁰. Однако идеалы свободы, справедливости и материального благосостояния могут быть достигнуты только в государстве, население которого обладает высоким уровнем культуры и образования. Только культурный и образованный человек понимает значение и важность человеческой жизни, стремится учитывать мнение и меньшинства, такой человек всегда задумывается о последствиях своих действий для окружающих, дабы не нарушить права и личную свободу других людей. Кроме того, чтобы демократия функционировала успешно, необходимо национальное единство внутри мультиэтнической России, поэтому образование должно быть национально ориентированным и воспитывать толерантность и истинный патриотизм – в этом заключается второй жизненно важный интерес.

¹⁵ Энциклопедический словарь Брокгауза Ф.А. и Ефрона И.А. (1890–1907 гг.). Эл. версия: encp.mail.ru. Дата просмотра: 10.02.2007 г.

¹⁶ Политологический словарь / Под ред. Халипова В.Ф. – М.: «Высшая школа», 1995. С. 149.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Кокошин А.А. Реальный суверенитет. – М.: Европа, 2006. С.49.

²⁰ Сурков В.Ю. Национализация будущего. Параграфы про суверенную демократию // Журнал «Эксперт», № 20–26, ноябрь 2006, № 43 (537). С. 102.

Итак, национальный интерес – одно из ключевых понятий классической политической науки – для современной России является интересом национально-государственным с выраженным сбалансированным характером. С одной стороны, национальный интерес направлен на стабилизацию развития государства как независимой политической единицы, с другой – на улучшение жизни граждан, на упрочение их демократических свобод.

В структуре национального интереса России можно выделить теоретическую и прикладную составляющие.

Практическая реализация национального интереса состоит в проведении государственной политики реального суверенитета: в укреплении независимости, территориальной целостности России и стабильности ее конституционного строя.

Теоретическим обоснованием национального интереса является концепция суверенной демократии, построение которой возможно лишь при осознании российской нацией своего единства. В процессе сплочения нации ключевую роль играют национально ориентированное образование и высокий культурный уровень граждан России.

Обе составляющие национального интереса взаимосвязаны, взаимосвязаны и взаимообусловлены. Их реализация требует комплексного и системного подхода, поскольку, во-первых, является весьма сложным механизмом укрепления государства, во-вторых, определяет сплоченность нации, в-третьих, оказывает существенное влияние на международные отношения.

Эльдар КАСАЕВ

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ СОВРЕМЕННОЙ СИТУАЦИИ В ИРАКЕ

Одним из государств, которому в последнее время пришлось сполна испить горькую чашу постоянных кровавых междоусобиц и яростных противоборств, является Республика Ирак. До вторжения на территорию суверенного Ирака американо-британских вооруженных сил предполагалось, что столь богатая нефтью страна обречена на успешное развитие экономики. Логика была следующей: Ирак обладает ресурсами, широко востребованными на мировом рынке, а также инфраструктурой для их добычи и транспортировки. Однако ситуация оказалась намного более сложной и неоднозначной.

О вооруженных силах

В 2003 году Ирак не имел собственной армии. Спустя год его вооруженные силы насчитывали уже порядка 100 тысяч военнослужащих. К концу 2006 года этот показатель составил 300 тысяч человек¹. В соответствии со ст. 9 Конституции Ирака, «иракские вооруженные силы и органы безопасности состоят из представителей различных групп иракского народа с учетом равноправия и равного представительства без какой-либо дискриминации и иск-

¹ Роберт Блэкуилл. Эволюция успеха // Россия в глобальной политике. – 2006. Том 4. № 1. – С. 160.

лючительности». Кроме того, конституция запрещает формирование военных подразделений вне рамок вооруженных сил².

Иракские вооруженные силы состоят из регулярной армии, военно-морского флота и военно-воздушных сил. В армию принимаются только добровольцы. В настоящий момент иракское правительство создает новые вооруженные силы, действующие на профессиональной основе, состоящие из мужчин в возрасте от 18 до 40 лет в целях защиты страны от внутренней и внешней угрозы.

Списочная численность силовых структур Ирака, по данным Института Ближнего Востока, в течение минувшего года возросла с 318 до 359,7 тыс. человек, в том числе вооруженные силы увеличились со 119 тыс. человек до 165,5 тыс. человек, а структуры МВД сократились со 199 тыс. человек до 194,2 тыс. человек³. Вместе с тем, как считают западные военные эксперты, реальная численность иракских силовиков значительно меньше по причине дезертирства и постоянного отсутствия на службе многих военнослужащих и полицейских. Иракское правительство постоянно требует от США увеличения поставок оружия и снаряжения для национальной армии и полиции. Прежде всего, речь идет о стрелковом оружии, ручных гранатометах, бронемашинах. При этом подчеркивается, что оружие необходимо лишь для борьбы с террористами.

Стоит заметить, что наше государство, по заявлению официального представителя МИД России, с учетом непрекращающегося в Ираке конфликта, не сотрудничает с Ираком в военно-технической сфере.

В целом иракские вооруженные силы, отмечает российский востоковед В.П.Юрченко, на сегодняшний день по своему общему состоянию, качеству подготовки и технической оснащенности все еще далеки от уровня, позволяющего им самостоятельно решать задачи по обеспечению безопасности в стране и, тем более, по защите Ирака от внешнего нападения. Иракская армия продолжает полностью или в значительной степени зависеть от американцев и их союзников в деле авиационной и огневой поддержки действий наземных сил, разведки, эвакуации раненых с поля боя, тыловом обеспечении и по множеству других вопросов. В докладе американского разведсообщества утверждается, что, несмотря на перемены к лучшему в деле укрепления сил безопасности, конфессиональный раскол разрушает надежность частей, во многих из них – нехватка личного состава и вооружения, немало подразделений иракской армии отказываются служить за пределами тех районов, где они формируются. В итоге речь идет о неизживаемой слабости сил безопасности Ирака, преодоление которой требует очень больших усилий, средств и времени.

С целью улучшения положения дел с офицерскими кадрами в вооруженных силах в рамках линии на национальное примирение премьер-министр Ирака Н.Малики заявил о готовности принять на службу офицеров бывшей саддамовской армии, чьи руки не запятнаны кровью иракского народа. При этом речь идет не только о младших офицерах, но и старшем и высшем офицерском составе.

Важно отметить, что большую помощь Ираку в обучении и техническом оснащении армии продолжают оказывать США и другие страны блока НАТО. Связано это, помимо прочего, с тем, что в недавно принятом Госдепом США

² Сапронова М.А. Иракская Конституция в прошлом и настоящем (из истории конституционного развития Ирака). – М., 2006. – С. 139.

³ Юрченко В.П. Ирак: некоторые итоги 2007 года. <http://www.iimes.ru>

Стратегическом плане осуществления внешней политики на 2007–2012 гг. содержится положение о том, что «приоритетным направлением развития политики США в Ираке является помощь его гражданам в налаживании стабильной экономической и политической обстановки в государстве»⁴. Более того, США и Ирак имеют перспективный план модернизации иракских вооруженных сил на период с 2008 по 2012 год. По утверждению американских военных, в случае его реализации иракские войска смогут в полном объеме самостоятельно решать задачи по обеспечению внутренней безопасности и даже быть способными противостоять внешним угрозам.

Начиная с 2008 года, предусматривается значительное наращивание боевой мощи и улучшение технической оснащенности иракских ВС. В действительности речь пока идет лишь о поставках Ираку вооружения и техники не для защиты страны от внешних угроз, а для решения все тех же задач по обеспечению внутренней безопасности.

Командование вооруженных сил США планировало летом 2007 года завершить передачу под иракское командование всех соединений и частей иракской армии. Однако в настоящее время 7 из 10 иракских дивизий находятся в подчинении американцев, которые намерены усилить деятельность по подготовке иракской армии, с тем, чтобы она как можно скорее играла лидирующую роль в вопросах обеспечения безопасности в стране, а военные силы США постепенно смогли бы перейти к выполнению функций «поддерживающей силы». Количество подготовленных и вооруженных армейских подразделений зачастую является показателем прогресса Ирака с момента начала американо-британских оккупационных действий. К октябрю 2006 года американцами было подготовлено и вооружено 308 тысяч человек для иракских вооруженных сил. Эти действия являются необходимыми для реализации стратегии ухода США из Ирака.

К осени 2006 года на борьбу с повстанцами было задействовано 88 батальонов иракской армии. Они контролируют, таким образом, более 60% территории страны, включая наиболее густонаселенные области. Ожидается, что весной 2007 года армия Ирака пополнится девятью моторизованными транспортными полками.

Не следует оставлять без внимания тот факт, что солдаты, военные летчики и моряки коалиционных сил выступают в 8-й иракской дивизии лишь в качестве советников. Это, по мнению американской администрации, свидетельствует о том, что иракская военно-управленческая структура вооруженных сил все же готова к тому, чтобы частично взять на себя ответственность за ведение операций, направленных на подавление повстанческих действий на всей территории государства.

Командование в Ираке осуществляется на нескольких уровнях: главнокомандующий – министерство обороны – объединенные штабы – командование наземными войсками – штабы дивизий.

В своем докладе Конгрессу США Пентагон заявил, что его план стабилизации обстановки в Ираке состоит из четырех стадий:

- налаживание партнерства с иракскими вооруженными силами;
- постепенный отход от управления иракской армией;
- осуществление местными правительствами в Ираке контроля за своими районами и провинциями;
- способность Ирака самостоятельно обеспечивать свою безопасность.

⁴ Текст документа доступен на <http://www.state.gov>

Первая фаза была завершена в мае 2006 года, вторая – находится в процессе осуществления. Командующий вооруженными силами Ген Кейси отмечает, что вторая стадия завершена почти на 75%. Мутханна стала первой провинцией, переданной под контроль Ираку в июле 2006 года. Провинция Дхи-Кар подошла к третьей стадии в сентябре 2006 года.

Следует особо подчеркнуть, что начало третьей стадии находится в большой зависимости от готовности правительств иракских районов и провинций. Группы по реконструкции провинций, состоящие из сотрудников Государственного департамента США, Министерства юстиции США и коалиционных сил, действуют в провинциях Нинава, Бабил, Ат-Тамим, Багдад, Аль-Анбар, Салах-ад-Дин, Дияла, Басра и Дхи-Кар.

Более того, Иракское правительство и коалиционные силы сформировали совместный Комитет по передаче ответственности за безопасность, который будет решать, когда станет возможна передача полномочий иракским вооруженным силам. Этот комитет дает оценку четырем важнейшим областям:

- текущему положению с безопасностью;
- готовности иракских вооруженных сил;
- готовности правительств иракских районов и провинций;
- состоянию отношений иракских вооруженных сил с командованием многонациональных сил.

Об информационном поле

Юридические рамки регулирования правового режима информации в Ираке задает новая конституция. Свобода средств связи и обмена почтовыми, телеграфными, телефонными, электронными посланиями и другими средствами информации гарантируется. Они не подлежат контролю или прослушиванию, а их содержание не может быть предано огласке иначе, как по соображениям правового характера и безопасности и на основании судебного решения⁵.

В настоящее время внутривнутриполитическая обстановка в Ираке и внешнеполитическая ситуация вокруг него освещается достаточно широко как местными СМИ, так и неиракскими агентствами новостей, электронными информационными ресурсами и иными новостными организациями. Среди основных местных печатных изданий можно назвать, к примеру, такие газеты и журналы, как «Iraq daily», «Iraq digest», выходящие на английском языке; «Голос Ирака», «Всеиракская газета», «Новый Ирак», «Ирак завтра» и другие, выходящие на арабском языке. Общеарабские издания, такие, как «Аль-Хаят», «Аль-Ахрам», также принимают участие в освещении событий внутри страны с известной долей объективности. И, конечно, целый ряд западных – европейских и американских – печатных изданий: «The New York Times», «The Tribune», «Berliner Zeitung», «Der Spiegel», «Le monde», «Le Figaro» и другие.

Электронные СМИ также вносят свой существенный вклад в освещение обстановки в стране. Это радио- и телекомпании: «Радио свободного Ирака», «Телевидение Евфрата», «Kurdistan TV». Общеарабские электронные СМИ: «Аль-Джазира», ANN «Arabic News Network» (телевизионная новостная компания, вещающая из Лондона), «Аль-Арабийя», «Аль-Манар», «Radio Middle East», «Radio Sawa». Крупнейшие западные и российские телекомпании и агентства: BBC, CNN, EuroNews, Deutsche Welle, Reuters, РИА «Новости» в

⁵ Сапронова М.А. Указ. соч. – С. 147.

ежедневных сводках новостей предоставляют зрителям детализированную фактологическую и аналитическую информацию о ситуации в Ираке.

Следует отметить, что в то время, как одни агентства подают материал объективно, без ярко выраженной оценочной окраски, другие, в основном американские, напротив, освещают ситуацию в идеологизированном ключе вследствие давления со стороны администрации президента США. Так, например, после поражения частей иракской армии, сражавшихся на стороне Саддама Хусейна, по экранам прошел видеоролик, изображающий торжественное шествие «победителей» (войска коалиции) по улицам иракского города, встречающих полную поддержку и благодарность местного населения. Это действительно имело место, но только в одном южном городке. Однако в материале зрителям (прежде всего, американским) настойчиво внушалась мысль о том, что подобное наблюдается по всей стране, что все мирное население Ирака безоговорочно поддерживает своих «спасителей», освободивших его от тиранического гнета «ненавистного» Саддама. В итоге смещенные акценты и намеренная дезинформация создали у массового зрителя искаженную картину, которая не позволяет трезво проанализировать поступающую информацию. Арабские же СМИ в подавляющем большинстве своем при подаче материала делают акцент в большей степени на изображении всех негативных событий, фактов, явлений, последовавших за американским вторжением и свержением режима Хусейна. В новостных сводках арабских теле- и радиокompаний мы чаще видим и слышим о ежедневных терактах с массовыми человеческими жертвами, о гибели американских солдат и военнослужащих из других стран коалиции.

Таким образом, налицо определенная двойственность и идеологизированность информационного поля в Ираке, которая, безусловно, негативно влияет на качество подаваемого материала в выпусках новостей о текущем состоянии дел на территории страны.

В ожидании «лучших времен»

В минувшем году был опубликован доклад о ситуации в Ираке, подготовленный американскими экспертами для Вашингтонской администрации. Документ критикует иракское правительство, которое не достигло убедительных успехов в проведении, прежде всего, экономических реформ. Каков же достигнутый на сегодня прогресс в названной области?

Улучшение положения дел в вопросах обеспечения безопасности в конце 2007 года позитивно отразилось и на состоянии экономики Ирака. В частности, по итогам 2007 года отмечено снижение уровня инфляции (по официальным данным, с 66 до 20%) и безработицы (с 70 до 20%). Причем наибольшие успехи достигнуты в головной отрасли национальной экономики – нефтяной. В декабре 2007 года, по подсчетам специалистов, объем добычи нефти в стране впервые превысил довоенный уровень. Сейчас в Ираке ежедневно добывается 2,3 млн. баррелей нефти. Вместе с тем условия повседневной жизни большинства иракцев остаются очень тяжелыми: продолжаются регулярные отключения подачи электричества и воды, сохраняются перебои в снабжении населения топливом. Не в лучшем состоянии находится национальная система образования, особенно высшая школа, здравоохранение, социальное обеспечение.

С учетом сложившейся обстановки в Ираке можно построить приблизительный прогноз развития событий в средне- и долгосрочной перспективе. При этом основным фактором станет вероятность полного или частичного вы-

вода коалиционных сил с территории Ирака. Итак, представляются возможными следующие варианты.

1. Американское военное присутствие продлится в Ираке еще как минимум 3–5 лет. По мере улучшения внутренней ситуации в стране и формирования иракских вооруженных сил, США пойдут по пути постепенного сокращения своего воинского контингента, сохранив необходимый его минимум, который занимал бы несколько военных баз и обеспечивал безопасность стратегических объектов⁶. Такое развитие событий представляется наиболее вероятным в связи с тем, что:

- присутствие американских войск в регионе представляет для США стратегическое значение: контроль над энергоресурсами региона, обеспечение плацдарма для возможной силовой акции в отношении Ирана;

- вывод американских войск выглядел бы проявлением слабости, особенно в условиях, когда не удалось добиться реальных успехов в обеспечении порядка в стране и восстановлении Ирака;

- в условиях все большей дестабилизации обстановки в Ираке и в регионе в целом вывод оккупационных сил может привести к еще более негативным последствиям для США⁷.

2. Одноразовый вывод оккупационных сил из Ирака в близкой перспективе. Этот вариант теоретически не исключен в силу возможности возникновения ряда обстоятельств, неприемлемых для США:

- выход из-под контроля оккупационных сил ситуации в Ираке;

- резкое увеличение числа американских потерь;

- усиление недовольства американского общества действиями США в Ираке⁸;

- усиление давления со стороны международного сообщества (ООН, ЕС).

Стоит предположить, что подобный вариант развития событий все же маловероятен. Несмотря на все трудности, войска США, очевидно, останутся в Ираке до тех пор, пока не решится иранская проблема⁹. Плюс ко всему, в настоящий момент иракские власти не готовы к самостоятельному управлению страной.

3. Поэтапный вывод коалиционных войск из Ирака и замена их на воинский контингент из арабских стран. Возможно, США будут заинтересованы в замене большей части своих вооруженных сил миротворческими подразделениями. Не исключено, что такие силы могут состоять и из подразделений мусульманских государств.

Наше государство считает, что вывод коалиционных войск из Ирака должен непременно быть связан с «урегулированием внутренних проблем этой страны, становлением иракской национальной армии, органов государственной власти, достижением национального согласия»¹⁰. Вместе с тем должны быть обозначены перспективы постепенного сокращения иностранного военного присутствия в Ираке.

⁶ Обстановка в Ираке: перспективы развития. Ситуационный анализ под руководством академика Е.М.Примакова // Россия в глобальной политике. – 2006. т.4. №3. – С.154.

⁷ Там же.

⁸ По данным компании Си-би-эс, политику Белого дома в отношении Ирака поддерживает лишь около 20% американцев.

⁹ См. об этом подробнее: *Примаков Е.М.* Санкции США: путь в никуда // Московские новости. Печатная версия. № 43 (2.11 – 8.11. 2007). <http://www.mn.ru>

¹⁰ <http://www.mid.ru>

В начале этого года я разговаривал с академиком Е.М.Примаковым, который высказал следующее предположение. К концу 2009 года Ирак станет «суверенным», имея на своей территории несколько американских военных баз и около 60 тыс. воинского контингента. Есть над чем задуматься...

Очевидно, что если нынешний режим будет вести себя пассивно, то американское военное присутствие в Ираке продлится, а новой власти в Ираке грозят серьезные трудности, связанные не только с отсутствием безопасности, но и с тяжелым экономическим положением в стране. Тотальная коррупция, отсутствие рабочих мест, проблема распределения нефтедолларов в соответствии с принципами экономического федерализма¹¹ – вот с чем сегодня вплотную столкнулись иракцы.

Основной же вывод состоит в том, что на данный момент, в силу вышеизложенных причин, Ирак не является в полной мере суверенным государством, способным выступать в качестве полноценного самостоятельного субъекта международного права и международных отношений.

Каковы перспективы участия России в решении затяжного иракского конфликта? После того, как перестал существовать СССР, роль его преемницы на Ближнем Востоке немного ослабла, но события последних лет указывают на нацеленность официальной Москвы помогать этому региону в решении многочисленных проблем. Российская сторона готова участвовать в восстановлении Ирака, включая деловое сотрудничество, особенно в тех отраслях экономики, где работали советские, а затем российские специалисты.

10 марта 2007 года в Багдаде состоялась международная конференция по Ираку, в которой приняли участие представители пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН, стран-соседей Ирака, Бахрейна, Египта, Лиги арабских государств и Организации Исламская конференция. Впервые за последние годы за одним столом переговоров оказались делегации США, Ирана и Сирии. В своем выступлении на форуме глава иракского правительства Н.Малики потребовал прекращения иностранного вмешательства в дела его страны. Премьер-министр также подчеркнул, что другие страны не должны превращать Ирак «в арену для разрешения противоречий между собой»¹².

Выступая в Нью-Йорке на 62-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 29 сентября 2007 года, министр иностранных дел России Сергей Лавров назвал Ирак «источником общерегиональной дестабилизации» и заявил, что «обеспечение безопасности в этой стране требует новой стратегии действий с акцентом на достижение подлинного национального примирения при участии всех соседей Ирака и при поддержке мирового сообщества»¹³.

В пользу этого высказались и участники недавних многосторонних встреч по Ираку. С этой точки зрения можно ожидать от нашего государства активного посреднического участия в урегулировании затяжной и многогранной иракской проблемы.

¹¹ См. об этом подробнее: *Касаев Э.О.* Уровень коррупции в постсаддамовском Ираке. <http://www.iimes.ru>

¹² <http://www.iimes.ru>

¹³ *Лавров С.В.* Сегодня никто не может в одиночку справиться с глобальными проблемами // *Международная жизнь.* – 2007. № 10. – С. 158.

ПРИВАТИЗАЦИЯ: КТО ВИНОВАТ И ЧТО ДЕЛАТЬ?

*Дискуссия о возможности преодоления
перекосов нашей приватизации*

*Участники дискуссии: политический обозреватель «Литературной газеты», член редакционного совета журнала «Вестник аналитики» **Александр Ципко**, директор Института проблем рынка, академик **Николай Петраков**, директор Института международных экономических и политических исследований РАН, профессор **Руслан Гринберг**, заместитель директора Института экономики РАН **Дмитрий Сорокин** и президент Фонда «Институт стратегического развития ТЭЖ» **Леонид Григорьев**.*

I. Головоотяпство с выгодой для себя

А.Ципко. Предметом нашего сегодняшнего исследования является самое драматическое, самое глубинное противоречие современной российской действительности. С одной стороны, у всех на слуху изъяны, деформации или «перекосы» наших обвальных реформ и, прежде всего, нашей обвальной приватизации. Но, с другой стороны, образованная и сознательная Россия понимает, что попытки нахрапом исправить нахрапистую приватизацию могут обернуться новой бедой.

Но вначале о причине, о природе наших перекосов в приватизации. Анализ этих причин нужен не для того, чтобы в очередной раз заклеить позором наших приватизаторов, а для того, чтобы лучше понять себя, понять природу той болезни, которую мы пытаемся лечить. Как точно подметил еще в 1991 году, в момент начала реформ, сидящий за нашим столом Николай Яковлевич Петраков, наши реформы на самом деле были актом реставрации самого оголтелого большевизма. Тут было и изначальное пренебрежение к человеческому материалу, и желание сделать сказку былью, и мышление по принципу «все или ничего». Сегодня уже существует много работ, в частности, работы Светланы Глинкиной, Леонида Григорьева, где глубоко и всесторонне проанализированы дефекты мышления и пристрастия, лежащие за нашей все же уродливой и по форме, и по своим последствиям приватизации. Когда я говорю об уродливых последствиях приватизации, то имею в виду, прежде всего, сложившуюся в результате опасную поляризацию России на несколько тысяч сверхбогатых собственников и десятки миллионов люмпенов, не имеющих никаких накоплений, думающих каждый день о хлебе насущном. Как точно подметила в своем исследовании Светлана Глинкина, в странах Восточной Ев-

ропы создавали капитализм миллионов собственников, а в России – капитализм миллиардных состояний. Отсюда до сих пор сохранившееся отношение к приватизации как к прихватизации, как к «воровству всенародного состояния», отсюда и нежелание или неспособность подавляющей части населения, бывших советских людей, примириться, прежде всего, с результатами приватизации топливно-энергетического комплекса, когда-то успешных советских крупных предприятий. Приватизация у нас не просто воспроизвела, но усугубила дореволюционное российское отношение к крупным состояниям как к результатам грабежа. В такой ситуации, когда меньшинство имеет запредельное все, а подавляющее большинство – ничего, когда крупные состояния воспринимаются как нечто дарованное или украденное, трудно воссоздать трудовую этику и вообще уважение к труду, трудно противостоять тотальной коррупции. Надо понимать, что вся западная цивилизация держится на уважении к частной собственности, на сознании того, как писал Гоголь, что частная собственность – это «поле, орошенное потом крестьянина».

И тут попутно возникает вопрос, который редко кто обсуждает, но который буквально вопиет о себе. Почему при всех наших российских разговорах о справедливости, которые и породили нашу ваучерную приватизацию, именно россияне провели самую несправедливую приватизацию, создали общество тотальной коррупции?

А все начиналось с характерной для российского интеллигентского сознания идеологизации чисто экономических процессов. Приватизация у нас рассматривалась, прежде всего, как политическая мера, как средство борьбы за власть, «как необходимая практическая мера... для того, чтобы уйти от «коммунистического прошлого» и гарантировать необходимость политических преобразований» (Л.Григорьев). В нашей приватизации, как я уже сказал, проявились все негативные черты нашего интеллигентского, а иногда и национального мышления: и традиционный радикализм, а отсюда и желание приватизировать «сразу все», отсюда и российский интеллигентский популизм, и идея всем все раздать поровну, и наш традиционный реформаторский аморализм. В своем исследовании «Приватизация. Концепции. Реализация. Эффективность» (Наука, 2006 г.) Светлана Глинкина обращает внимание на то, что российские приватизаторы позволяли себе то, что не позволяли себе приватизаторы в Восточной Европе: и зашкаливающую за все нормы приличия неэквивалентность в процессе самой приватизации, и нарочито слабый контроль со стороны государства над финансовой сферой. Наши приватизаторы не хотели делать то, что нужно было делать на их месте: не занимались необходимой переоценкой государственного имущества, в условиях галопирующей инфляции давали банкам государственные кредиты под фиксированную смешную ставку и т.д. Только у нас в России, как показывает Светлана Глинкина, «доступ к распределению и перераспределению средств государственного бюджета обеспечивал значительно большие экономические выгоды субъектам хозяйствования, чем любая хозяйственная деятельность в современной России» (с. 104). Ельцин и его команда рассматривали коррупцию в верхах как способ удержания лояльности политического класса. До такого не смог додуматься никто в Восточной Европе.

К сожалению, у нас нет возможности сегодня заняться исследованием менталитета, культурных предпосылок деформации и экономики и распределения собственности, которые возникли в результате нашей приватизации. Сегодня более актуально не прошлое, а настоящее, сегодня важно найти разум-

ные, безопасные пути нейтрализации всех этих, как принято говорить, «перекосов» нашей приватизации.

Тут необходимо считаться с целым рядом тревожных явлений. Восприятие крупных состояний, прежде всего наших олигархов, как присвоенной, незаработанной собственности, переходит от старших поколений к новому, молодому поколению. Надежды наших реформаторов на то, что все утрясется само собой, что вместе с уходом в мир иной советских поколений исчезнут и претензии к крупным состояниям и они начнут восприниматься как чистая, честно заработанная собственность, не оправдываются. Именно по инициативе молодых русских консерваторов сторонники такой влиятельной организации, как Народный собор, в своем «Наказе», в обращении к президенту требуют «законодательно признать нелегитимной проведенную в стране приватизацию крупной общенациональной собственности и продажу по заведомо заниженной цене в собственность больших участков земли, и принять меры к восстановлению справедливости в этом вопросе». Сам тот факт, что среди православной общественности, объединенной вокруг Народного собора, сохраняется такое же негативное отношение к «приватизации крупной общественной собственности», как и среди электората КПРФ, говорит о том, что значительная часть населения страны не примирилась с результатами приватизации целого ряда отраслей. Отсюда никак не следует, что завтра же нас ожидает бунт и черный передел. Но сам тот факт, что крупная частная собственность не укоренена в сознании большинства, говорит о слабости современной России. Негативное отношение подавляющей части нашего населения к результатам приватизации создает уникальную почву для популизма.

Существуют еще и экономические причины, требующие серьезного отношения к перекосам нашей приватизации. Светлана Глинкина в своем исследовании обращает внимание, что наша российская практика, когда перераспределение средств государственного бюджета обеспечивало куда большие экономические выгоды, чем любая хозяйственная деятельность, привела к укоренению «особой нерыночной мотивации у новых собственников, что привело к разрастанию теневой экономики и усилению коррупции» (с. 233). Короче, приватизация не привела к созданию у нас рыночной экономики. Приватизация не стимулировала новую, более высокую, чем при социализме, эффективность. И тут необходимо что-то срочно делать. Программа преодоления перекосов нашей приватизации и является предметом нашего сегодняшнего КС.

Н.Петраков. Лично я исхожу из того, что процесс массовой деприватизации невозможен. Любая попытка ее осуществления приведет к хаосу и еще большим злоупотреблениям со стороны коррумпированных чиновников. Кроме того, без идеальной правовой базы (создать которую в рамках действующей законодательной системы абсолютно нереально) итоги деприватизации будут выглядеть не менее сомнительными, чем юридическое основание нынешних отношений собственности.

Таким образом, российское общество и его властные структуры оказались перед сложнейшей дилеммой: приватизация, проведенная по принятой в стране схеме, стала тормозом экономического развития, но возврат в исходную точку с целью использования более эффективных приватизационных моделей является утопией.

Выход из этого тупика лежит в выработке целенаправленной политики, суть которой можно сформулировать достаточно афористично: трансформировать, не разрушая.

Трансформация отношений собственности должна преследовать цель постепенного (но не размытого во времени) нахождения консенсуса между обществом (государством), собственником и менеджментом.

Реализация этой цели предполагает скоординированное развязывание нескольких проблемных узлов.

Во-первых, независимо от первоначальной приватизационной оценки должна быть проведена единовременная инвентаризация имущества всех хозяйственных субъектов (переоценка основных производственных фондов) по фактической рыночной цене, т.е. по цене воспроизводства этих производственных фондов за вычетом накопленной амортизации. Государство не должно интересоваться, по какой цене и схеме была осуществлена приватизация. Его также не должно интересовать, сколько раз и по каким ценам приватизированное имущество переходило из рук в руки. В этом и состоит содержательный смысл тезиса об отказе от пересмотра итогов приватизации.

Однако общество в лице государства не только имеет право, но и обязано знать реальную стоимость производственного потенциала хозяйственных объектов независимо от формы собственности. Именно с этой целью и должна быть осуществлена инвентаризация имущества участников экономического процесса.

Исходя из итогов инвентаризации производственных фондов и расчетов предельной (минимальной) нормы эффективности капитала в реальном секторе экономики (методики расчета этого показателя давно разработаны мировой и российской наукой и широко используются в практике высокоразвитых стран), государство законодательно вводит налог на имущество. Этот налог имеет существенно иной экономический смысл, чем налог на прибыль или налог на добавленную стоимость (НДС). Два последних лояльны к собственникам, эксплуатирующим с низкой эффективностью принадлежащие им производственные ресурсы. Налог на производственные фонды и иные хозяйственные ресурсы ставит границу минимально допустимой эффективности использования приватизированного имущества. Тот, кто не в состоянии заплатить налог на имущество, попадает в разряд неэффективных собственников и объективно становится банкротом. Таким образом, механизм банкротства и смены собственника приобретает четкую и прочную экономическую базу.

Во-вторых, необходимо законодательно решить проблему интеллектуальной собственности, которая в современном российском праве присутствует в самом зачаточном состоянии. Это приводит к серьезным искажениям экономической оценки капиталов компаний, занимающихся разработкой и выпуском высокотехнологичной, наукоемкой продукции. Кроме того, оказываются размытыми юридические основы создания механизмов приватизации «интеллектуального капитала». В сфере высоких технологий, по сути дела, складывается ситуация, аналогичная той, что мы имеем в добывающей промышленности по поводу природной ренты. При приватизации материально-технической базы НИОКР походка происходит и приватизация интеллектуальной ренты. Это в конечном счете лишает всякой объективной правовой основы процессы финансирования и самофинансирования фундаментальной и прикладной науки, а также подготовки научных кадров.

В-третьих, признание незыблемости прав частной собственности должно быть распространено и на личные сбережения граждан. В противном случае приватизация в России теряет свою легитимность. В дореформенный период единственной допускаемой советской властью формой частной собственности

являлись личные сбережения населения. В последние десять-двенадцать лет была осуществлена гигантская по масштабам экономическая, социальная и идеологическая переориентация общества в области отношений собственности. В основу новых социально-экономических отношений заложен институт частной собственности. Общественное осознание этого факта, естественно, рождает вопрос: может ли принцип незыблемости частной собственности носить избирательный характер и иметь прочную правовую основу, если вновь возникшая частная собственность приобреталась одновременно с экспроприацией частной собственности, находящейся в распоряжении миллионов граждан России? Ответ на этот вопрос очевиден.

Конфискация личных сбережений населения проводилась с ведома и под эгидой правительства, осуществлявшего рыночные реформы и массовую приватизацию. В 1992–1995 гг. политика либерализации цен и искусственного сжатия денежной массы привела к галопирующей инфляции и повышенному спросу на деньги, что вызвало неконтролируемый рост рыночных процентных ставок. В то же время государство заморозило проценты по вкладам «до востребования» и срочным вкладам населения на уровне дореформенных 2–3% годовых. Государство индексировало денежные сбережения населения только для себя путем резкого увеличения ставок по кредитам, выдаваемым из средств вкладчиков. Сами же вклады граждан фиксировались на их счетах фактически по номиналу. Если государство не признает этот передел собственности незаконным, то тем самым своими руками заложит возможность для новых переделов в будущем.

Существует целый комплекс неинфляционных схем восстановления изъятой собственности граждан. В основе этих схем лежит принцип: индексация вкладов по их реальной стоимости не влечет за собой обязательств по немедленному погашению их в денежной форме. Условия реализации индексированных вкладов могут быть специально оговорены и юридически зафиксированы. Могут быть предложены варианты перевода вкладов в государственные ценные бумаги, приобретение земельных наделов, недвижимости, страховых полисов и т.д.

И, наконец, в-четвертых, необходимо решить проблему репатриации капиталов, покинувших Россию в годы реформ.

Практика показывает, что насильственные методы возврата капитала неэффективны. В то же время имеется целый ряд прецедентов, когда под вывеской иностранных фирм эмигрировавший российский капитал инвестируется в экономику России. Этот феномен в значительной мере объясняется тем, что Запад испытывает определенный избыток инвестиционных ресурсов и жестко ограничивает приток российских «беглых» капиталов в реальный сектор своей экономики.

Такая ситуация наводит на мысль о целесообразности создания Российско-го зарубежного инвестиционного консорциума, который под гарантию перwokлассных западных банков и на условиях анонимности мог бы предложить владельцам вывезенных капиталов размещать их в трастовое управление консорциума с последующим инвестированием в российскую экономику. Естественно, что размещенные таким образом денежные ресурсы следовало бы полностью освободить от юридических санкций со стороны российских правоохранительных органов, а их владельцам дать возможность сохранить полную свободу в использовании вычисленных процентов.

Р.Гринберг. Мне кажется необходимым обратить внимание в первую очередь на обстоятельство, вызывающее самую большую тревогу. Согласен с ведущим: приватизация у нас не привела к созданию полноценной рыночной экономики. Ключевыми здесь мне представляются четыре проблемы. Во-первых, продолжается то, что, мне кажется, точнее всего обозначить как «примитивизация» экономики: мы все больше зависим от продажи сырья. Во-вторых, так и не обновляется вконец обветшавшая инфраструктура – дороги, трубопроводы, жилой фонд и прочее. В-третьих, сумасшедший нефтедолларовый поток распределяется в стране по ухудшенному латиноамериканскому варианту. Наконец, самое плохое и самое тревожное: общая эффективность экономики у нас ниже, чем в советское время.

А теперь давайте вспомним, зачем мы начинали перестройку и реформы: мы хотели повысить производительность труда, экономичность, сделать товары качественнее, разнообразнее и дешевле и в результате благодаря всему этому поднять общий уровень жизни. И что получилось? Вместо посредственных готовых изделий в прошлом – почти никаких сегодня, фондоотдача падает, энергоемкость растет, инновационная активность почти на нуле... В страхе нам, кто хотел перемен, такое не могло привидеться.

И все же, я думаю, начинать анализ приватизации и ее итогов нужно с теории. Надо признать очевидное. Деятельность государства и частная инициатива в современной экономике дополняют, а не отрицают друг друга, не конфликтуют одна с другой. Да, возникают проблемы разделения зон ответственности. Но противопоставлять частную активность государственной, правительственной так же нелепо, как интересоваться у ребенка: а кого ты больше любишь – маму или папу? А ведь именно этим и занялись наши реформаторы в 1990-е годы: они взяли на вооружение ложное представление о концепции «экономической свободы» и за десять лет рыночных преобразований допустили стремительное обнищание подавляющего большинства населения страны и деградацию ее науки, культуры, образования и здравоохранения.

Тогда, если вы помните, уверенно утверждалось даже, что в период рыночных реформ государство в хозяйственной жизни должно присутствовать еще меньше, чем при достижении его, так сказать, «рыночной спелости». Говорилось это, в частности, и с легкой руки западных советников. Советники потом покаялись. А Россия оказалась едва ли не лучшей их ученицей, исполнительницей этого порочного рецепта, и в результате ей теперь приходится платить особенно высокую цену за переход к благосостоянию и свободе.

Встречи с реформаторами и с людьми, близкими к проведению реформ, привели меня к мысли, что для них важными были два посыла приватизации. Первый – это, я согласен с Александром Сергеевичем, посыл идеологический: иллюзия, что приватизация настолько важна для создаваемого строя, что неизбежные издержки, какими бы они ни были, особого значения не имеют; иными словами, внушалось, что приватизация – душа рынка. Но мне и теория, и рыночная практика всегда говорили, что душа рынка – конкуренция, и последовательность иерархическая такова: сначала конкуренция, потом – приватизация. Реформаторы считали по-другому. А потом, в процессе политической смуты, произошла переориентация не совсем экономического характера. Стал актуальным гайдаровский клич, главными адресатами которого стали «красные директора»: «У нас власть, а у вас – собственность», и, следовательно, если вы хотите быстрее получить эту собственность, вы должны нас поддержать». Оправданием, либо деланно-лицемерным, либо рожденным

искренним заблуждением, служило соображение, что такой передел собственности исключит возможность реванша коммунистических сил.

Вот на этом, мне кажется, и основывалась сама идея российской приватизации. Все присутствующие здесь, по-моему, считали такой посыл приватизаторов неправильным. Мне кажется, был другой, реальный и более плодотворный путь: новая власть берет под контроль все положение в стране, начинает прорабатывать идею «малой приватизации», меняет начальников в нефтяных компаниях, но ничего не распродает. Я всегда был за это: почему надо приватизировать нефтяные компании, которые несут золотые яйца? Сейчас нам говорят, что яйца эти не были золотыми, потому что они тогда ничего не стоили – цена нефти была 10 долларов за баррель. Смешное утверждение. Яйца все равно были золотыми, потому что других-то, более дорогостоящих, не было, пусть они и стоили в 10 раз меньше, чем сегодня, но, между прочим, и тогда за них велись войны. И как раз эти яйца, если бы государство смогло рационально их использовать, были способны облегчить нам последствия перехода к рынку. Мы сегодня ругаем наших приватизаторов за то, что они этого не сделали, а при этом было бы полезно время от времени смотреть и на опыт центрально-европейских стран. Мы их часто хвалим, а у них между тем тоже все проходило болезненно...

А.Ципко. Руслан, я тебя перебую. Все-таки, если, к примеру, исходить из сравнительного исследования приватизации в России и странах ЦВЕ, проведенного Глинкиной, то по всем параметрам наши приватизаторы выглядят более неряшливыми, я бы сказал, более отвязными. Ее анализ показывает, что наши реформаторы как бы потворствовали воровству из государственного бюджета, абсолютно не считались с интересами населения и т.д. По крайней мере, идея приватизировать сразу все принадлежит им.

Р.Гринберг. Это верно. Но здесь важно понимать вот что: она, наша приватизация, действительно была обусловлена идеей сохранения власти. И хотелось бы уразуметь: а может, в чем-то реформаторы и были правы?

На госпредприятия я всю шла разруха – в других странах ее не было. Так, может быть, в такой ситуации вот эта приватизация за три копейки – и вправду, единственный способ был хоть как-то наладить, организовать жизнь? Вот такая мысль кажется логичной: ты получишь собственность, – но взамен налаживай производство, чтобы народ работал и получал деньги. Нам сейчас, может быть, легко говорить о «цене реформ», об их сокрушительных социальных последствиях, но, может, эта цена и такие последствия объективно были предопределены оказаться для России такими?

А.Ципко. Но почему именно в России так?

Р.Гринберг. А это другой вопрос. Я думаю, несравнимость с событиями в Восточной Европе можно объяснить так: государственная машина в восточно-европейских странах не была разрушена, а в России – была. Отсюда и такие катастрофические для нас последствия. И, мне кажется, надо в любом случае думать, как выйти из этого неприятного положения, сложившегося с приватизацией. Мы в Институте экономики как раз сейчас подготовили работу, где, в частности, говорится и о том, что с этой приватизацией делать, – несколько идей из этой работы изложил в своем выступлении Николай Яковлевич.

Но сейчас меня очень волнует еще одна проблема, которую поставил ведущий нашего КС. Настроения пересмотра результатов приватизации сильны не только у молодых политиков, у молодых консерваторов, о которых говорил Александр Сергеевич; самое страшное – эти настроения сильны и среди чи-

новников, среди тех, кто якобы оберегает нашу стабильность. Это какая-то дикость! И дело даже не в возможности каких-то новых конфликтов, даже кровопролития – это дикость просто с точки зрения экономики. Ведь после такого пересмотра никто ничего не станет умножать, совершенствовать, следить за эффективностью. Иные наши начальники, депутаты, просто светятся от того, что могут теперь помыкать иными богатеями, как еще недавно те помыкали этими начальниками. Складывается такая ситуация, когда собственник не уверен, что эта его собственность ему принадлежит, и для нашей новой номенклатуры эта ситуация – большое счастье.

Я считаю, что ребята, которые проводили у нас приватизацию, принадлежали к особой породе людей, и чего в их поведении было больше – идиотизма или злонамеренности – я не знаю. Но, я думаю, важно понять, что в отличие от них наше поколение «шестидесятников» было воспитано оттепелью, у нас сформировалось особое, совсем не безнадежное представление о социализме, мы о чем-то хорошем мечтали, о каком-то новом строе, который нам же и предстояло строить, и в этих мечтаниях мы были честными и порядочными. Они же, реформаторы, с детского сада жили двойной жизнью, двойными представлениями об окружающем, и другого – «унитарных» представлений об окружающей жизни – они не знали. Для них Запад стал единственным светом в окошке. Но когда их личный интерес сошелся с общественно-перестроечным, сочетание получилось потрясающее. Произошло фантастическое: девиз «думай прежде о Родине, а потом о себе» сменился девизом «думай о себе, и Родине будет хорошо». Но ведь и первый девиз, и второй – одинаковая нелепость!

В какой мере поступками наших ребят-реформаторов руководил инфантильный либерализм, а в какой они просто хотели себе побольше добра – этого я не знаю. Запад мы воспринимаем на уровне эмоций, чаще всего – в форме обожания, а не конкретных знаний. В этом наше отличие от стран Центральной и Восточной Европы – там о западной жизни известны и какие-то полотнона. И вот чего я боюсь: не сыграло ли самую существенную роль во всей истории с российскими реформами, и прежде всего с приватизацией, это сочетание нашего «магического» мышления – смеси мифов и ожиданий – с проявлением «нормального» шкурного интереса?

А.Ципко. То есть за такого типа приватизацией – ускоренной, резкой – стояла особенность психологии и воспитания этих людей, для которых характерна романтизация Запада, довольно слабое представление о собственной стране и о реальной экономике, но, если быть честным, они все-таки отражали типичный большевистский менталитет. Или все, или ничего, решить быстро. Корнаи еще в 1990 году написал: «Упаси бог использовать ускоренную приватизацию на раздачу собственности. Отдавайте не всем, отдавайте только тем, кто будет хозяйствовать».

Д.Сорокин. А кто будет определять, кто будет хозяйствовать, а кто не будет?

Р.Гринберг. А Милтон Фридман что сказал? Был совет, вернее, три совета: приватизируйте, приватизируйте и приватизируйте.

Н.Петраков. Я уже сказал, что можно сделать для устранения перекосов нашей приватизации. А теперь – по поводу нашей дискуссии. Вы забыли, что в ходе приватизации была спущена в унитаз идея долгосрочной ренты с правом выкупа. Если ты, скажем, открыл пекарню, бери долгосрочную аренду. Если ты имеешь хорошую прибыль, платишь все налоги, то ты выкупаешь

предприятие, ты начинаешь становиться эффективным собственником. Ничего этого не было, а была раздача монопольной собственности. Вообще говоря, наша экономика базируется на естественных монополиях и на научно-техническом потенциале. И в этом нет ничего страшного, но монопольные объекты должны приватизироваться в последнюю очередь.

Р.Гринберг. А говорят, что у них мотивация всегда будет хуже.

А.Ципко. Это проблема спорная. Вернемся к нашей теме. Значит, как я понял из выступления Николая Петракова, нам не нужна реприватизация. Но реально же реприватизация идет, и проведена Путиным во всех отраслях производства, связанных с нефтянкой. Абрамович отдал «Сибнефть» Роснефти, которая является государственной компанией. ЮКОС тоже перешел частично в Роснефть, частично – в Газпром. О чем это говорит? О том, что наши разговоры о том, что реприватизация не нужна, нужно скорректировать. Путин практически все последние 7 лет ведет реприватизацию в тех секторах экономики, которые он считает стратегически важными.

Н.Петраков. Здесь есть некоторые особенности в том, что возможно на самом деле. Это одна из форм передела собственности.

А.Ципко. Нет, одно дело, когда частная компания, а другое дело – когда 52 процента капитала государственного. Это все-таки концентрация собственности в руках власти.

Р.Гринберг. Я думаю, что этот процесс неконструктивен. Тут движет людьми страх. Вот, например, почему надо что-то забирать у Алекперова?

А.Ципко. Но ведь существуют угрозы для национальной безопасности, которые нес с собой ЮКОС. Это хорошо, когда контрольный пакет акций находится у резидентов, а что делать, когда у собственников появляется желание продать компанию, которая имеет стратегическое значение для экономики или для государственной безопасности, иностранному бизнесу?

Р.Гринберг. Я думаю, что в действиях Ходорковского была эта угроза. А, с другой стороны, разве не возмущает нормального человека, что некий господин Х теперь «Арсенал» хочет приобрести?

Н.Петраков. Тут большая разница. Если государство платит управляющим зарплату, пусть даже миллион долларов, они все-таки сидят на зарплате.

А.Ципко. Да, государство может убрать, в конце концов, какого-то управляющего или поменять ему зарплату. А у ЮКОСа ты ничего не заберешишь, он все перевел на Сейшелы, и все ушло.

Н.Петраков. Есть и другое преимущество. Собственник тот, у кого прибыль, и не надо ничего национализировать, тут налоги будут инструментом.

Р.Гринберг. Я думаю, что общественная ситуация не способствует достижению консенсуса путем прямых налогов на саму собственность. Элита не хочет, а кто тогда хочет? Я больше скажу. Теперешняя власть имеет очень много денег. Она не знает, что делать с этими деньгами, которые сейчас есть. И что же вдруг начинать думать о том, чтобы получить еще у этих собственников? Зачем, почему? У государства нет ни планов, ни приоритетов. Зачем они нужны, эти деньги? Хотя я согласен, священное право частной собственности будет восстановлено, если один раз объяснить народу: вот эти ребята должны принести и сдать столько-то денег, а со вторника они будут нормальными и честными людьми.

Л.Григорьев. А как вы определите размер этой собственности? Не существует никакой возможности исчисления главного – финансовых ресурсов, не

существует никакого принципа исчисления, портфели активов как фирм, так и граждан, разделены на внутренний рискованный и внешний низкодоходный. Так что ничего, кроме обмера участков на Рублевке, и то с вертолета, потому что вблизи могут зашибить, нет. Попытка прямого вычисления вызовет столько же сопротивления.

Р.Гринберг. А ты что предлагаешь? Мы пытаемся выяснить, что надо делать, как преодолеть нелегитимность приватизации. Николай Яковлевич предложил ряд способов, есть другие способы, есть у Явлинского, есть еще у кого-то.

Приватизация нелегитимна не только в глазах народа, которому ничего не досталось, но и в глазах так называемых собственников. Нелегитимна в силу того, что они нормальные советские люди, и то, что за три копейки получено – сами понимаете, в такой ситуации трудно преумножать и эффективно использовать собственность. Что делать, если она не совсем легитимна даже в их собственных глазах? Или такой проблемы нет? А я все же хочу понять, есть такая проблема или нет. Если можно доказать, что на самом деле такой проблемы нет, то тогда надо только силовые органы усиливать еще больше, и все.

2. Все рассосется само собой?

Л.Григорьев. Наверное, на самом деле мы хотим решить проблему эффективного накопления. Поэтому, если мы обсуждаем проблему социально-политической угрозы при нелегитимности крупной собственности – это одно. Если мы обсуждаем проблему эффективного хозяйствования, проблему накопления, чтобы люди работали за эти деньги, видели перспективу и вкалывали, – это другое. Если мы хотим восстановить какую бы то ни было справедливость – это совсем третье.

Народ, состоятельные слои, потребляет так, что только треск стоит за ушами. Бедность запрятана в стране, она у бомжей, у стариков, а по международным понятиям у нас бедности почти нет. Это наша проблема, что у нас есть бедные, это не международная проблема. Бедный человек в Англии, получающий пособие от государства, не может есть дома серебряной ложкой. У него не должно быть ничего – «целевую помощь по бедности», ее получает человек, который бедный. У нас есть такие бедные, но за 8 лет подъема по 10–11 процентов роста в крупных городах все более-менее рассосалось. У нас есть очень бедные регионы, и одна из проблем, про которую я в последнее время писал, – это конфликт между бедными в развитых районах и бедными в бедных регионах. Это классический мировой конфликт, но поскольку наша страна настолько большая и сложная, то это видно внутри. Второе. У нас остановилась вертикальная миграция, т.е. мы из квазиэлитарного общества рванули в латиноамериканское. Формальные показатели неравенства у нас чисто совпадают с американскими и английскими, по доходу видимому, а с поправкой на невидимое потребление и плюс распределение собственности, то мы, конечно, в Латинской Америке. Вопрос заключается в том, что если мы хотим двигаться к Европе, то мы из Латинской Америки для начала должны зацепиться за англосаксонские параметры. Для этого должна быть вертикальная миграция. Высокое неравенство можно вынести при вертикальной миграции, когда у тебя есть шанс выскочить из зоны бедности. Вы показываете человеку шанс, тем самым формируете в его сознании несколько образов жизни. Самые богатые совершают различные интересные поступки, которые описываются в

журналах. Потом есть более-менее состоятельные люди, которые живут себе тихо, потом есть средние, есть бедные и есть мигранты. Каждый должен иметь какой-то свой образ жизни.

А.Ципко. Но проблема серьезная, вы от нее никуда не уйдете. Я сидел на съезде «Единой России», где Путин во вступительном слове сказал, что мы покончили с олигархическим, воровским капиталом. Понятно, что это предвыборная речь, но, на мой взгляд, президент чувствует настроения. Тем более, что ему как руководителю государства не к лицу обозначать эти конфликты. Но он прекрасно понимает, что, идя на выборы, он должен видеть и обозначать эту реальность, факт существования массовой бедности.

Л.Григорьев. Но ты же сам говоришь, что это предвыборная речь.

А.Ципко. Да, но не надо делать вид, что этой реальности нет. Социально-психологическая реальность тоже реальность. Поэтому и стоит проблема болезненных итогов приватизации, проблема поиска путей, морально-психологической нейтрализации этих огромных различий, этого страшного расслоения общества, – что, разве нет этой реальности? Понятно, что ее решить чисто экономическими методами нельзя. Николай Яковлевич предложил разумный план.

Л.Григорьев. Я не понял, а как вы будете зарубежную собственность оценивать, идентифицировать, раздавать?

А.Ципко. Вот любые разговоры о раздаче опасны. Раздачи надо избежать.

Л.Григорьев. Если не раздавать, то зачем это все? Чтобы увеличить стабфонд, золотые резервы Центробанка? Что вы с ними собираетесь делать?

Н.Петраков. Вкладывать в инвестиции.

Л.Григорьев. Инвестиции должны делать частные фирмы, немного (2–4% ВВП, как в большинстве стран мира) – государство. Немного губернаторам, и они построят дороги?

А.Ципко. Россия до 1917 года была в десятки раз устойчивей, чем нынешняя.

Л.Григорьев. Я все же не понимаю задачи, над которой мы работаем. Это поиски справедливости? Мы не знаем, что такое справедливость, мы полагаем, что население всерьез волнует неравенство с соседом, неравенство с Прохоровым, неравенство со звездами? Но где серьезный анализ проблемы?

А.Ципко. Население ощущает, что в результате нашей российской приватизации общественной собственности, вследствие уймы объективных причин, которых люди не знают, сложилась такая ситуация, когда в один день, как кажется человеку, он стал миллиардером, а я – никем. И возникла жуткая проблема: сколько бы я ни работал, я никогда не смогу заработать на квартиру. Поговори с молодым поколением. И создалась уникальная ситуация: когда мой труд в течение всей жизни – ничто. Я часто слышу примерно одно и то же от разных людей: «Я живу в страшном обществе, где я буду всю жизнь работать и не смогу купить даже два квадратных метра элитного жилья, потому что они, другие, все захватили». Это массовое сознание. И вопрос заключается в том, чтобы найти какие-то механизмы, которые не были бы революционными, не предлагали бы «все забрать и поделить», и одновременно снимали бы напряжение. Проблема стоит перед Россией. Чубайс на «круглом столе» у Познера как-то сказал, что через 20 лет все эти настроения рассосутся. Какая гарантия, что за два года ничего не произойдет?

Л.Григорьев. Должно было бы уже рассосаться, если бы они, в том числе Чубайс, иначе делали.

А.Ципко. Но опасная реальность уже сложилась. И никто ничего не делает!

Л.Григорьев. Есть одна точка, где мы, Саша, с тобой расходимся. Я, в отличие от тебя, не считаю, что история шла единственным путем! Эта форма приватизации не была предопределена исторически и морально-психологически.

А.Ципко. Но тем не менее сработал именно этот код проведения, какой у нас работал. Но это первый вопрос. В Восточной Европе все было по-другому. А у нас все пошло так, как пошло. Сразу все приватизировать, и наплевать на последствия. Никто в Восточной Европе не смог индексировать вклады населения на 2–3% при инфляции в сотни процентов!

Л.Григорьев. Конечно, это определенная историческая случайность, что именно так, а не иначе. Я ни в какой генетический код не верю, частная собственность тут ни при чем, я замечательно себя чувствую без частной собственности. Мне с 1991 года говорили, что народ не любит иностранцев – полная ерунда! Все замечательно работают у иностранцев, своих детей туда стараются отправить. Частная собственность на землю, например. Никто не любит частную собственность на землю у другого, но все хотят частную собственность себе. Дома разобрали, машины разобрали, нет ни малейших проблем с частной собственностью у населения. Вот крупные куски – полученные даром – конечно, многих раздражают.

А.Ципко. Свою признают, но вот ту, чужую, собственность не признают. Это же есть.

Л.Григорьев. Это лирика – борьба за собственность есть, но непризнания частной собственности сколько-нибудь активными методами нет. Подумаешь, через 15 лет после неудачной приватизации нашлись три молодых консерватора, которые хотят предложить дележку. Тоже мне проблема, ну и черт с ними, даже неинтересно про них. Выросло поколение, те, кто кончили школу в 1990 году, сейчас им по 35. Что, среди них можно найти сколько-нибудь серьезный поток борцов с частной собственностью за пределами идеологических лидеров? Во всем мире есть какой-от политический край – у нас он де-факто меньше, чем в ЕС.

А.Ципко. Это не борцы с частной собственностью, они за нее, но та форма реализации частной собственности, которая произошла, противоречит всем цивилизационным основам: честному труду, честно заработанной собственности. Они говорят об этом. Поэтому есть задача нейтрализации негативных морально-психологических последствий нашей российской приватизации.

Л.Григорьев. Нет задачи нейтрализации самочувствия – не до этого. У нас задача неэффективного корпоративного контроля и прочее – вот это проблема!

А.Ципко. «Рассосется само собой», да?

Л.Григорьев. Медленно, с излишними потерями, ползем к нормализации там, где многие страны решили проблемы за первое десятилетие реформ. Конечно, среди тех, кто был обделен при раздаче ресурсов, поздно пришел на праздник, есть два варианта: если общество статично и закрылись каналы вертикальной мобильности, они будут бурчать. Если им всерьез перекрыть путь вверх, то накопится взрывной материал. Не будьте социальными снобами, обеспечьте шанс движения вверх. Куда делся протестный электорат «Яблока»? Приспособились.

А.Ципко. Но это была интеллигенция...

Л.Григорьев. Но они приспособились, частью эмигрировали. Дорога открыта. Мы имеем американский вариант. Не надо, думаю, рассказывать, по-

чему расформировались левые партии в Штатах. И мы имеем этот вариант: не образуется протестный устойчивый слой, потому что человек думает, что ни к чему этим заниматься, он сел и поехал. Страна теряет человеческий капитал, а устойчивость поддерживается, клапан – вот он: ты умный, ты мобильный – ты везде нужен. Конечно, те, кто думает, что туда ехать нельзя, потому что там не говорят по-русски, – у них проблемы.

А.Ципко. Значит, твоя логика такая: ничего делать не надо, недовольные должны уехать, а те, кто останется, в конце концов, приспособятся к тому, что есть.

Л.Григорьев. Не совсем так – делать надо в сфере эффективности, использования собственности, а по распределению – больше шансов для энергичного. Я утверждаю, что у меня есть сомнения в исходных пунктах нашего обсуждения. Приватизация такого рода не была неизбежна, не связана ни с какой психологией, ошибочна в целом ряде аспектов, о которых я говорил тогда и продолжаю говорить сейчас. Но попытки обсуждать ее несправедливость теперь, считая, что она была предопределена тогда, бессмысленны. Значит, дайте лидерам голодных по куску хлеба, завербуйте их в полицию. Я утверждаю, что тогда было неправильно сделано сверху, есть работы, это показывающие. Есть замечательная работа под названием «Макиавеллевская приватизация», где рассматриваются шесть приватизаций в мире 80-х – начала 90-х годов. Российской там нет, потому что макиавеллевские приватизации проводились с макиавеллевскими целями, с целью захвата и удержания власти и собственности. Российская туда не попадает, поскольку она проведена против логики Макиавелли, она не такая хитрая, чтобы что-то сделать и власть удержать, она просто дурная. Она сделана против интересов того класса, который рвался к власти, она подорвала и затянула выход из кризиса, мы этим заплатили за приватизацию. Помните, мы говорили про политически активное большинство к 1917 году? У нас большой процент населения приспособился. Я ни секунды не верю, что жадные, мелкие люди представляют собой проблему для олигархии. Не представляют собой проблему люди, требующие передела. Передел был уже в 2004 году, когда вдруг возникли клубы провинциальных бизнесменов, которые поставили вопрос о переделе крупной собственности. Это вопрос передела крупной собственности и допуска новых групп бизнесменов к каким-то государственным и прочим пирогам финансового капитала. А те, кто не получил, будут бурчать. А в какой стране таксисты довольны? Найдите мне кого-нибудь, кто хочет платить налоги, тем более в стране с таким неравенством, с таким потоком мигрантов. Есть миллион проблем, по поводу которых можно бурчать. Жизнь состоит из того, что одни бурчат, а другие катаются на яхте и время от времени спрашивают: «Как там у вас, бурчат?»

Нелегитимность нашей приватизации создала проблему – и ее, конечно же, можно решать, обсуждать. Она состоит в очень простой вещи. Нелегитимность приватизации, в том числе учитывая политические конфликты, привела к тому, что все экономические объекты, начиная с интеллигенции, имеющих какие-то контракты, чаще всего и за рубежом, фирмы вплоть до мелких, а тем более крупные компании, активизируют свой портфель как смесь зарубежных и внутренних, своих активов, особенно страховочных. Это делает весь мир, у нас просто это особенно заметно. Мы – страна с повальной зарубежной собственностью. Вся крупная частная собственность оказалась собственностью зарубежной, потому что она, действительно, номинально собственность на зарубежных счетах. Я даже ввел понятие, которое почти

прижилось, под названием «квазискрытый собственник». Потому что он здесь, как вы знаете, из крупной компании, где реальным собственником является иногда советник президента, а на собрание акционеров приходит юрист с доверенностью, и у него 75 процентов, и они выбирают этого президента. Но собственность вся на зарубежных счетах, поэтому он не поддается никакому учету. По большей части компании принадлежат зарубежным номинальным счетам, и вы ничего с этим сделать не можете, эти счета под защитой всего мирового права. У нас отлично защищена крупная собственность, потому что она иностранная.

Д.Сорокин. Ходорковский просто не успел ее сделать зарубежной?

Л.Григорьев. Нет, он сделал.

Д.Сорокин. Но если она отлично защищена, как же ее отобрали?

Л.Григорьев. Это уникальный случай, когда вся государственная машина, нарушив массу всяких договоренностей, набросилась на одного олигарха. И удивительно, что это заняло несколько лет.

А.Ципко. Тем не менее Запад прекрасно все знал.

Л.Григорьев. То, что государство в состоянии раздавить крупного индивида, известно всегда. Была масса случаев в истории, когда крупные бизнесмены или политики противопоставляли себя государству, и их обычно «сносили» – Фуке в XVII веке. Значит, одного снести можно, но это заняло весь аппарат, дало кучу проблем и потребовало три года работы. И именно тяжесть того, как это оказалось сложно, блокировала массу других вещей, которые могли бы произойти, т.е. последствия дела гораздо больше в том, насколько оно оказалось тяжелым, чем в том, что оно было сделано. Дело Ходорковского как раз привело к быстрой и формальной легитимизации ряда видов собственности.

Поэтому проблема перераспределения собственности между какими-то государственными кланами, между частными – это другая история, и она совсем не имеет отношения ни к справедливости, ни к возмездиям народа на нее. Я думаю, что у нас возникнут серьезные социальные проблемы, когда темпы роста потребления у нас упадут с 10 до 3%, когда при среднем росте 3–4%, при нормальном распределении появится группа с отрицательным ростом. И тогда проблема несправедливости возникнет, особенно если активный элемент не будет иметь такой отдушины, как вертикальная мобильность.

И последнее – о том, как фирмы и люди страхуют собственность. Покопайте по знакомым, не спрашивая адреса, даты и суммы, и вам расскажут, что все делают примерно одно и то же. Портфель, который находится в России, – высокорискованный и высокодоходный: 40% прибыли и миллион процентов риска. Вы держите за границей сына, дочку, брата, компанию, и там у вас 5% доходности и ноль риска. Причем, это уже не бумаги и не счета, это уже у всех компании. Так что средний риск и доходность по портфелю понятны. А из этого следует абсолютная безнадежность изъятия из российской части портфеля. Они его уводят туда и уходят сами.

Д.Сорокин. Насчет того, насколько у нас сегодня устойчиво. В 2005 году был опубликован в результате целого ряда конференций, которые прошли по всему миру, документ, который опубликовал Национальный разведывательный совет США, обобщив все материалы этих конференций. Это был прогноз, который назывался так: «Контур мирового будущего». России там посвящено всего четыре строчки. Цитирую: «Если России не удастся всесторонне развить свою экономику, она сполна испытает на собственной шкуре, что такое нефтя-

ное государство с его несбалансированным экономическим развитием, гигантским неравенством доходов, оттоком капиталов и нарастающими социальными проблемами». Это – по поводу нашей сегодняшней устойчивости и перспективы.

А.Ципко. Итак, все разговоры о пересмотре итогов приватизации непродуктивны и опасны. Это общая точка зрения. Это первый основной вывод. Вопрос о путях нейтрализации морально-политических деформаций, связанных с результатами приватизации, остается спорным. Есть изложенная здесь концепция Николая Петракова о том, что нужно что-то делать. Леонид Григорьев, как я понял, склоняется к тому, что при сложившейся ситуации, когда каждый собственник занят собой, все разговоры об антисобственнических настроениях несерьезны.

Л.Григорьев. Я бы сказал, что разговоры, конечно, серьезные, но они точно не имеют под собой политической мощи.

А.Ципко. Теперь о том, почему у нас нет реальных левых партий. На то у нас совершенно другие, чем в США, причины. У нас после распада СССР по этническому признаку этнические проблемы во многих отношениях заслонили социальные. Поэтому в 1990-е у нас исчезли классы и вместе с ними традиционное классовое сознание. У нас на самом деле КППРФ куда более правая, консервативная партия, чем СПС. Но опасность состоит в том, что может вернуться сознание «я – рабочий, меня эксплуатируют, на моем труде наживаются» и т.д. И сам факт, что нет серьезных левых партий, не означает, что они не могут появиться.

Л.Григорьев. Я думаю, что у нас левая традиция вненациональная. И, кстати, в 1991 году широкие партийные массы спокойно разошлись, включая райкомы, которые не оказали вообще никакого сопротивления, партбилет за ночь стал ничем.

А.Ципко. Да я о другом, о том, почему погибло классовое самоощущение, которое всегда было.

Л.Григорьев. Десятилетняя бедность раздавила.

А.Ципко. Вот именно. Поэтому проблема состоит только в различном понимании ситуации. Есть ли в этой ситуации риски или нет? Если рисков нет, тогда можно надеяться на процесс самораспада, самоустройства. Я, как человек идеологизированный, стою на той точке зрения, что риски сохраняются. Но это предмет для спора, который мы выносим для читателей.

Афранд ДАШДАМИРОВ

КАРАБАХСКИЙ КОНФЛИКТ В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕСТРОЙКИ: В ПРЕДДВЕРИИ РАСПАДА¹

Обострение межнациональных противоречий, проявившееся в СССР уже на второй год перестройки, в ряде регионов стало перерастать в межэтнические столкновения и открытые вызовы центральной власти. К январю 1990 года, по крайней мере, в шести из пятнадцати союзных республик, «этноопозиционные» настроения приобрели форму массово-политических центробежных движений.

В прибалтийских республиках шла открытая политическая работа, нацеленная на выход из состава СССР. В Грузии после кровопролития в 1989 году центробежные настроения становятся преобладающей политической тенденцией; местная компартия практически утратила властные ресурсы. Заметно усилились центробежные тенденции и в Украине, особенно в ее западных областях.

Что касается Армении, то взаимоотношения с центральной властью здесь изначально выстраивались на основе ирредентистской стратегии по карабахскому вопросу. Первые публичные акции по выдвижению территориальных требований в 1988 году сопровождались перестроечной риторикой, лозунгами типа «Ленин! Партия! Горбачев!». Однако, по мере того как ожидаемое (обещанное?) проармянское решение территориального спора затягивалось, основной вектор политических процессов в Армении стал приобретать явно антисоветский характер. Начиная со второй половины 1988 года (после известного решения Президиума Верховного Совета СССР)² и в течение 1989 года республика практически вышла из-под политического и идеологического контроля ЦК КПСС.

Аннексионистские решения и агрессивные действия Армении по отношению к Азербайджану, происходившие в течение 1989 – начала 1990 годов – прямой результат возраставшей политической активности и влияния Армянского общенационального движения (АОД), других неформальных объединений и организаций, возникших на волне движения за присоединение Нагорного Карабаха. Под лозунгами этого движения в массовое сознание армян настойчиво внедрялась идея неизбежности решения карабахской проблемы вооруженным путем. Все это время в Армении шла активная работа по созданию неформальных военизированных объединений, полуполикарных вооруженных групп, с участием которых готовились и осуществлялись многочисленные террористические акции на территории Азербайджана.

¹ Продолжение. См.: Вестник аналитики, № 2–4, 2005; № 2–4, 2007.

² См. «Вестник аналитики», №3, 2005.

Многие промышленные предприятия и кооперативы в Армении занимались полулегальным производством различных видов огнестрельного оружия, вплоть до минометов, взрывных устройств и т.п. С ведома партийно-советского руководства Армянской республики многие учреждения и предприятия снабжали незаконные военизированные формирования военным снаряжением, средствами связи, транспортом, в том числе вертолетным. Заготавливалось топливо и продовольствие для так называемых «групп самообороны», которые систематически засылались на территорию Азербайджана. Создавались опорные базы террористической деятельности в армянских селах НКАО, некоторых приграничных сельских населенных пунктах Азербайджана за пределами НКАО. Судя по всему, ситуация, в которой действовали оппозиционные республиканским властям Армении политические силы, определялась фактическим согласием между ними по карабахскому вопросу. Официальное руководство Армении шло навстречу требованиям оппозиции во всем, что касалось армяно-азербайджанского конфликта, проводя согласованную линию на противостояние с Азербайджаном.

Весь декабрь проходил в обстановке роста террористических акций армянских боевиков, их нападений на мирные азербайджанские села. В ежедневных сводках МВД республики постоянно сообщалось о ранениях, гибели жителей приграничных с Арменией сел, об эпизодах «каменной войны» на горных дорогах Карабаха, вооруженных атаках на населенные пункты с вертолетов, прилетавших из Армении.

В МВД Азербайджанской ССР: «7–8 декабря резко обострилась обстановка в приграничных районах с Арменией – Кубатлинском и Лачинском. Имели место взаимные перестрелки. ...из отдельных сел Кубатлинского района были временно эвакуированы жители для обеспечения их безопасности, усилена охрана этих населенных пунктов.

Для пресечения противоправных и противозаконных действий экстремистов в Лачине и Горисе (Армянская ССР) созданы оперативные штабы специального назначения, в которые входят представители внутренних войск, группа сотрудников МВД СССР, Азербайджана и Армении. Руководителями штабов назначены заместители министров внутренних дел обеих республик»³.

В этой обстановке общественность Азербайджана все более настойчиво выдвигает требование об организованном противодействии вооруженным нападениям с армянской стороны, о пресечении террористических актов. На многочисленных митингах в Баку они звучали в качестве одной из главных претензий к руководству республики.

При этом «особую тревогу вызывал тот факт, что Армения не пускала к себе ни одного [азербайджанского] беженца и отказывалась выплачивать, несмотря на решение Совета Министров СССР, компенсацию за их имущество, что провоцировало постоянное давление на азербайджанское руководство со стороны азербайджанцев – беженцев из Армении, требовавших выселения армян из Баку, Кировабада, вообще с территории Азербайджана. Есть основание считать, что, несмотря на крайне тяжелую обстановку, в тот момент не сработал центр»⁴.

Все эти обстоятельства в их совокупности, в том числе и то, что «не сработал центр», собственно и провоцировали антиармянские настроения и действия, которые в этой обстановке стали приобретать все более агрессивный характер.

³ «Бакинский рабочий». 10 декабря 1989 г.

⁴ Евгений Примаков. Годы в большой политике. – М., 1999. С. 399.

В БК КП Азербайджана: «За последнее время в столице республики участились противоправные действия экстремистски настроенных лиц и групп, которые запугивают людей, принуждают к увольнению с работы по национальному признаку. Есть случаи грабежей и избиений. Некоторые хозяйственные руководители, секретари партийных организаций не дают должного отпора этим противоправным действиям. С подобными фактами мирятся административные органы.

Бюро горкома партии признало неудовлетворительной работу первичных парторганизаций, руководителей предприятий и учреждений, обязало их принять незамедлительные меры по пресечению противоправных действий, предотвращению любых проявлений межнациональной розни (Азеринформ)»⁵.

Многотысячные митинги и собрания в Баку, других городах и районах республики, забастовки многих трудовых коллективов сопровождалась призывами к гражданскому неповиновению. Стали раздаваться угрозы в адрес отдельных руководящих кадров республики; лейтмотивом массовых выступлений становятся требования об отставке первого секретаря ЦК АКП А.Х.Везирова, безоговорочного восстановления суверенитета республики.

Между тем дело в Армении со всей очевидностью шло к мирному переходу государственной власти к антисоветской политической оппозиции – АОД, инициировавшей карабахский конфликт. Гораздо менее драматичный (по сравнению с Азербайджаном) характер внутривластного противостояния в Армении объяснялся практически полным совпадением стратегии и тактики власти и оппозиции в процессах эскалации, обострения карабахского конфликта. При этом обращает на себя внимание достаточно «странное» индифферентное отношение горбачевского руководства к тому, что организованная оппозиция в Армении открыто и успешно добивалась милитаризации армяно-азербайджанского конфликта, одновременно захватывая власть в республике. По сути, своим бездействием союзный центр прямо потворствовал тому, что оппозиционные структуры толкали Армянскую республику на все новые шаги, направленные на аннексию НКАО.

В начале января было обнародовано заявление лидеров АОД о том, что Армянское общенациональное движение не признает правительство Армянской ССР, создает комитет национальной обороны и требует от всех органов власти республики подчинения. В Азербайджане это заявление было воспринято как реальный вызов, означавший возрастание вооруженного давления на азербайджанское население, активизацию террористических акций в городах, селах и на дорогах республики. На фоне беспомощного поведения партийно-советского руководства Азербайджана эта ситуация провоцировала усиление влияния радикального крыла НФА, давая ему в руки мощные эмоционально-пропагандистские аргументы этнополитической мобилизации населения Азербайджана. Речь шла о защите границ республики, о безопасности жителей приграничных населенных пунктов, о судьбе азербайджанского населения Нагорного Карабаха, оказавшегося в окружении агрессивного большинства. Адекватно этому усиливались антиармянские проявления.

Массовые выступления оппозиции все чаще выплескивались за пределы правопорядка, что во многом объяснялось внутренними изменениями в самом НФА. Из его руководства практически полностью вытесняются демократически настроенные интеллектуалы, инициировавшие создание НФА, создавшие демократическую программу и устав организации, пропагандировавшие

⁵ «Бакинский рабочий». 8 декабря 1989 г.

в обществе национально-либеральные ценности. Реальная власть в самой влиятельной, массовой оппозиционной организации Азербайджана оказывается в руках радикально настроенных людей. Их энергия и напористость, умение мобилизовывать толпу были равнозначны их политической безответственности и склонности к авантюризму. В итоге это обернулось массовыми беспорядками на местах, нападениями на местные органы власти – райкомы, милицию и т.д.

На массовых митингах, происходивших в январе, выдвигались требования:

- Верховному Совету республики объявить военное положение на всей ее территории; подчинить военкоматы и органы КГБ Совету национальной обороны НФА или распустить их;

- безоговорочная отставка Везирова и всего руководства республики, «виновного в предательском бездействии перед лицом вооруженной агрессии Армении»;

- вывести части Советской Армии из НКАО; разместить беженцев из Армении в освобожденных квартирах, домах в Баку; усилить борьбу с мафией, организованной преступностью, коррупцией, злоупотреблениями должностных лиц;

- отменить цензуру в прессе; демонтировать памятник Кирову и монумент XI Красной Армии в Баку, символизировавших советскую власть.

Чтобы обезопасить себя от вмешательства правоохранительных органов, силовых структур в ситуацию в столице республики, были заблокированы места дислокации войсковых частей гарнизона, подступы к городу.

Митинговая стихия захлестнула большинство городов и районов республики. На местах приступают к реализации «озвученных» требований. В ряде районов республики толпами митингующих захватываются здания, в которых размещались местные органы власти. 12 января организуются антиармянские шествия и антиправительственные митинги в Баку, Мингечауре, Нахичеване, Али-Байрамлах, других районных центрах республики. Всего с 1 по 19 января в республике было проведено 186 митингов с участием более 2,5 млн. человек, в том числе в Баку – более полутора миллиона человек. Вошло в практику многолюдное пикетирование зданий МВД, Прокуратуры, КГБ с требованиями об освобождении всех задержанных во время несанкционированных митингов и шествий, беспорядков; наряду с этим – требования об увольнении с работы и выдворении всех живущих в Баку армян.

«12 января по просьбе правительства Азербайджана в Баку была направлена 5-тысячная группировка внутренних войск. Просьба МВД о введении чрезвычайного положения принята не была»⁶.

Внимательно отслеживая события, происходившие в республике, союзное руководство избрало в данном случае выжидательную тактику. Описание ситуации в Азербайджане, содержащееся в мемуарах В.Бакатина, в полной мере отражает отношение центра к происходившим в республике событиям:

«Партийные, советские правоохранительные органы заигрывали с экстремистами. Все это происходило в условиях автомобильной и железнодорожной блокады Армении и НКАО, актов диверсий, саботажа, забастовок, захватов заложников и вооружения. Оружие захватывалось по негласному указанию республиканских чинов при попустительстве министров (?) внутренних дел... Руководство Азербайджана, пораженное национа-

⁶ Вадим Бакатин. Дорога в прошедшем времени. С.167.

лизмом, не могло выступать против экстремистских сил и поэтому делало вид, что оно не желает введения чрезвычайного положения в Баку. В то же время конституционная власть была бессильна и не могла предпринять каких-либо мер для восстановления порядка. Она уже не была властью, ее загнали в комендантский час»⁷.

Вот именно загнали.

Местная власть была в тупике изначально. Я имею в виду то, что властные полномочия республиканских органов власти большей частью представляли собой «бумажные тигры», пустую декорацию, за которой едва скрывали механизмы жестко централизованной вертикали советского государства. У республиканских правоохранительных органов не было реальных сил, средств и возможностей защитить республику от вооруженной агрессии со стороны Армении, предотвратить массовые беспорядки и бесчинства толпы в условиях затянувшегося политического кризиса и деморализованного персонала МВД. У республиканского руководства не только не было реальных сил и полномочий, чтобы самостоятельно навести конституционный порядок в мятежной области, защитить республику от подстрекательского вмешательства Армении в ее внутренние дела, но и восстановить права, защитить достоинство беженцев-азербайджанцев. Пока сохранялись иллюзии относительно обязанностей союзного центра защищать конституционные права и интересы Азербайджанской ССР, обеспечить безопасность ее населения, в республике еще удавалось как-то поддерживать элементарный правопорядок собственными силами. И армяне продолжали жить в Баку и других районах Азербайджана, несмотря на то, что азербайджанцы были полностью изгнаны из Армении и продолжали выдавливались из НКАО.

Но атмосфера острого армяно-азербайджанского противостояния неизбежно стимулировала рост антиармянских настроений и как следствие – массовая миграция армянского населения из республики. Осень 1989-го окончательно развеяла остатки иллюзий населения Азербайджана относительно готовности центра обеспечить конституционный порядок. В свою очередь, республиканская власть предстала перед обществом полностью обезличенной, слабой. А главное, она оказалась неспособной открыто занять решительную патриотическую позицию, которая могла бы, в какой-то мере, консолидировать общество.

Бакатин, очевидно, не вполне разобрался в азербайджанской ситуации. Руководству республики как раз и не хватило национализма, чтобы не потерять влияния среди наэлектризованных масс. Но этого не произошло, и никакие запоздалые заигрывания власти с оппозицией к этому времени уже не могли спасти положение: у местной власти не осталось морально-политических ресурсов влияния на общество. В результате общество оказалось заложником радикальных настроений, в условиях которых стал возможным выход на авансцену политической жизни разъяренной толпы, возглавляемой подстрекателями. Говорить в этом контексте о национализме руководства Азербайджана – значит проявить полное непонимание сути происходившего. Более того, очень многие иерархи союзного масштаба не желали признавать вторичный характер националистических, национал-экстремистских проявлений в общественно-политической жизни Азербайджана конца 1980-х – на-

⁷ Вадим Бакатин. Дорога в прошедшем времени. С. 167–169.

чала 1990-х годов. Москва упорно проводила линию на уравнивание позиций инициаторов межнационального конфликта и их жертв, тех, кто провоцировал насилие с теми, кто оказался перед лицом неспровоцированной агрессии. Это и толкало жертвы территориальных притязаний на самосуд, что неизбежно вело к дальнейшему обострению конфликта.

По мере того как НФА становился доминирующей политической силой, Азербайджан все больше выходил из-под власти союзного центра. Наиболее чувствительным средством давления на союзный центр явилась блокада железнодорожных и шоссейных магистралей, ведущих в Армению, Нагорный Карабах и к советско-иранской границе. Это вынуждало союзное правительство в какой-то мере считаться с требованиями азербайджанской оппозиции и идти на какие-то временные уступки, что вызывало в «верхах» особое раздражение. К чему это могло привести, можно было догадываться.

Среди населения началась кампания по сбору средств для снаряжения народного ополчения, приобретения оружия, медикаментов и т.п. в помощь с приграничными с Арменией районами республики. Народным Фронтом велась работа по вовлечению молодежи в группы добровольцев, различными способами, в том числе и путем нападений на армейские склады, по опыту и примеру прошлых лет (1989 г.) событий в Армении. Так добывалось огнестрельное оружие. Шла чрезвычайно запоздавшая, самостоятельная подготовка к отражению армянской агрессии. Это движение имело всенародную поддержку, тысячи людей участвовали в пожертвованиях, и тем самым укреплялся политический вес НФА. Опираясь на него, лидеры фронта при помощи массово-политических акций, захвата власти на местах наращивали давление на руководство республики, требуя его немедленной отставки.

Между тем вооруженное давление Армении на республику не прекращалось. Едва ли не каждый январский день приносил сообщения о нападениях террористов на азербайджанские села, об армяно-азербайджанских столкновениях на дорогах и населенных пунктах НКАО, на границе Нахичеваньской автономной республики с Арменией. Опираясь на поддержку населения, работники местных правоохранительных органов старались организовывать отпор группам боевиков из соседней республики. Иногда удавалось получить помощь и поддержку со стороны частей внутренних войск МВД СССР. Но такая помощь не носила постоянного характера.

В обстановке стремительно нараставшего политического кризиса республиканское руководство безуспешно пыталось найти выход из создавшегося положения. Две основные причины делали бесплодными попытки нормализовать ситуацию мирным путем. Первая и основная состояла в том, что продолжалось нагнетаться вооруженное давление армянской стороны на азербайджанское население. Вторая в том, что после образования по примеру Армянского освободительного движения Совета национальной обороны Народного Фронта добиваться с оппозицией какого-либо компромисса стало практически невозможно: оппозицией был взят курс на овладение властью любым путем. Последние два года бурных политических событий настолько радикально изменили политическую обстановку в республике, что вернуть ее под власть КПСС уже было невозможно. Оставалось лишь вооруженное насилие этой власти над республикой. Чтобы избежать этой перспективы, руководство республики пыталось договориться с НФА как реальной общественно-политической силой. Однако и в этой острой, почти безвыходной ситуации власть

и оппозиция не сумели шагнуть навстречу друг другу во имя безопасности населения. Радикализм оппозиции в январские дни и дистрофия местной власти все больше загоняли ситуацию в тупик.

Многие сбитые с толку люди в какой-то момент поверили НФА, его лозунгам и обещаниям справедливости и свободы, продолжая в то же время ожидать от республиканских властей хоть какой-то дееспособности в защите безопасности, жизни населения от принимавших массовые масштабы террористических акций армянских вооруженных формирований. Но с каждым сожженным боевиками домом, с каждым раненым, погибшим азербайджанцем эти надежды катастрофически таяли. Адекватно росло отчуждение, ненависть к власти предрезающим, мстительные чувства по отношению к продолжавшим жить по соседству армянам.

А на другом полюсе общественно-политической жизни – вконец утратившее всякую опору руководство республики, которое к тому же быстро теряло поддержку и со стороны союзного центра. Нервозностью, непоследовательностью, шараханьем из одной крайности в другую отмечены лихорадочные взаимоотношения первого секретаря ЦК КПА с лидерами НФА. Все это сказывалось на политической обстановке, усиливая ее нестабильность. Возможно, что именно этой кризисной обстановкой, растерянностью, бессилием перед актами вооруженной агрессии с армянской стороны и отсутствием реальной помощи со стороны союзного правительства – с другой, объясняется неожиданное заявление Везирова о необходимости организации вооруженного сопротивления армянским боевикам. Однако это заявление было запоздалым, союзный центр оставил незащищенное население приграничных районов Азербайджана на произвол судьбы.

К этому времени, как нами отмечалось, в Армении активно действовали самочинные вооруженные формирования. *«В Армении, – говорится в воспоминаниях В. Бакатина, – как теперь выяснилось, с санкции руководства республики, осуществлялось целенаправленное вооружение «Армянской национальной Армии». Армянская милиция этому помогала»⁸*. В отличие от Армении, в Азербайджане, действуя ответно, только приступали к созданию вооруженных групп. Они были малочисленны, плохо вооружены (преимущественно охотничьими ружьями и бутылками с самодельной зажигательной смесью), а главное – не спешили отправляться на границу с Арменией или в НКАО.

«НЕ СПАДАЕТ НАПРЯЖЕННОСТЬ».

Степанакерт, 8 января (ТАСС – Азеринформ). Не спадает напряженность в Нагорном Карабахе. В ряде населенных пунктов области, в том числе и на окраинах Степанакерта, продолжаются ночные перестрелки. Забрасываются камнями и обстреливаются одиночные автомашины на дорогах. Участились случаи захвата заложников.

Резко возросло число диверсий на коммуникационных сооружениях, народнохозяйственных объектах. 4 января был взорван железобетонный мост на автомобильной дороге между соседним с НКАО городом Агдамом и азербайджано-населенным Аскераном, что в автономной области. А 7 января 2 раза в течение суток обстреливалась из автоматического оружия охрана железнодорожного моста близ азербайджано-населенного городка Ходжаллы Аскеранского района НКАО... В этот же день прозвучал мощный взрыв на другом железнодорожном мосту в 5 километрах от Агдама. Повреждены полотна железной дороги, опоры моста. Движение грузовых составов с народнохозяйственными грузами в автономную область прекратилось.

⁸ Вадим Бакатин. Дорога в прошедшем времени. С.166.

...предпринимают необходимые меры по снабжению области с помощью военной и гражданской авиации продуктами питания, медикаментами, товарами первой необходимости»⁹.

9 января Верховный Совет Армении принял очередное противоправное решение «О включении в государственный план экономического и социального развития Армянской ССР на 1990 год плана социально-экономического развития НКАО на 1990 год». Эта подстрекательская акция была воспринята в Азербайджане как еще один шаг на пути к аннексии Нагорного Карабаха и, соответственно, вызвало новую митинговую волну.

На митингах звучали призывы к привлечению руководителей республики к ответственности по «румынскому образцу», к захвату здания ЦК КПА. Одновременно обострились антиармянские проявления.

Из дневниковых записей бывшего председателя КГБ Азербайджанской ССР В.А.Гусейнова¹⁰: «13 января. Утро. По сообщениям из районов республики на митинг в Баку стекается множество народа. Как всегда, основная сила – молодежь. Отмечается большой поток автомашин, направляющихся в Баку со всех районов. Везиров, Муталлибов [председатель Совмина. – А.Д.], Зейналов, Оруджев, Гасанов [секретари ЦК КПА. – А.Д.] звонят мне по телефону. Всех интересует обстановка – когда начнется митинг? Сколько будет участников? Докладываю о положении в республике, в том числе в НКАО, в районах, граничащих с Арменией. Сообщаю о нападении армянских боевиков на село Гушчу Ханларского района. Их встретили сотрудники милиции и КГБ, местные жители, вооруженные охотничьим оружием. Есть убитые и раненые... Информировую Везирова о том, что на митинге ожидается объявление состава Комитета национальной обороны НФА. Не исключено, что будет сказано, что Комитет создан с согласия Везирова. Везиров возмущенно отрицает это.

К 13 часам поступает информация об оживлении вокруг кварталов, где проживают армяне. Митинг. Ощущение возросшей агрессивности участников. Объявляется о создании Совета национальной обороны. Требуют ввести в республике военное положение. Поступают сигналы о нападениях на армянские квартиры; действуют организованные группы погромщиков со списками адресов в руках от 200 до 1500 человек. Бросается в глаза большое количество беженцев из Армении. Работники милиции, пытающиеся остановить погромщиков, подвергаются избиениям.

На совещании у Везирова все в мрачном настроении. Заместитель министра внутренних дел СССР Лисаускас: мы располагаем контингентом внутренних войск МВД, численностью не более 3 тыс. С таким числом беспорядки в таком большом городе остановить невозможно. Толпа погромщиков в высшей степени агрессивна, возбуждена. При пресечении преступных акций правоохрнительными силами и с той и с другой стороны неизбежны потери, раненые. Но главное в том, что должно быть принято решение правительства об использовании силы. Пока такого решения не будет, ВВ МВД СССР с места не сдвинется. Эту проблему решайте с руководством страны. В заключение Лисаускас сказал, что в течение дня он несколько раз разговаривал с министром Бакатиным. Из этого следовало, что высказана позиция руководства МВД СССР.

Везиров и Гиренко [секретарь ЦК КПСС] обратились с вопросом к Мамедову [министр внутренних дел Азербайджанской ССР] и ко мне: «будут ли продолжаться беспорядки и 14 января?» Мы ответили: «К сожалению, ход дел показывает, что беспорядки

⁹ «Бакинский рабочий». 9 января 1990 г.

¹⁰ Эти записи содержатся в неизданной книге В.Гусейнова, которая так и называется «Январский дневник» (на азербайджанском языке). В январе 1994 года она готовилась к изданию и была уже в наборе. Но затем изъята из производства. Тем не менее я счел возможным использовать фрагменты из неопубликованной книги, полагая, что она дает конкретные представления о событиях тех дней, проливает свет на некоторые из них.

будут продолжены». Чувствовалось, что все участники совещания недовольны позицией МВД СССР, некоторые высказывают это вслух. Ответ замминистра краток – решайте вопрос с Москвой. Совещание продолжалось более 3-х часов, все выступают, предложений много, но какого-либо решения не принимается. Все понимают, что, несмотря на позднее время, необходимо связаться с руководством страны и решить вопрос об использовании внутренних войск для пресечения беспорядков в городе. Но никто инициативу и ответственность брать на себя не хочет. Сказывается тбилисский синдром. Наконец, принимают решение о срочной встрече с лидерами НФА».

Свидетельствует В. Бакатин: *«В эти дни я как министр каждый день требовал введения чрезвычайного положения в Баку. Внутренние войска, направленные в этот город, не имели правовой базы. Но решение откладывалось. До сих пор не знаю, почему. Нерешительность М.Горбачева и А.Лукиянова поражала. Кто на них влиял? Может быть, у них были какие-то более высокие мотивы»¹¹.*

Складывается впечатление, однако, что дело было не в отсутствии решительности у руководства СССР, а в том, что Горбачев и Лукьянов добивались обращения Везирова с просьбой о введении ЧП в Баку, на что тот не мог и не хотел пойти. Таким образом, союзное руководство было озабочено не столько судьбой армянского населения Баку, сколько судьбой протестного движения в Азербайджане, вернее, тем, как его подавить. Для «высокой» политики это был, очевидно, более актуальный вопрос.

Председатель Совета Союза Верховного Совета СССР, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС Е.М.Примаков: «В Баку в середине января 1990 года произошли армянские погромы. В центре города на многотысячном митинге выступал один из руководителей НФА, а в сотне метров заживо сгорел в контейнере человек, и никто даже не призвал броситься спасти несчастного. 14 января встречали Горбачева, прилетевшего из Литвы. На аэродроме Крючков доложил ему о ситуации в Баку. «Нужно направить на место заместителя Председателя Совмина, – сказал Горбачев. Потом задумался и – я как чувствовал, – уточнил: – Пусть поедут трое: Примаков, секретарь ЦК КПСС Гиренко¹² и заместитель предсовмина Догужиев». Вылетели в Баку рано утром 15 января в воскресенье, чтобы уже на следующий день вернуться и доложить обстановку на Политбюро. Но пробыли вместе с Гиренко в Баку две недели. Организовывали эвакуацию армян, главным образом по Каспию до Красноводска, вели переговоры с НФА.

Должен сказать, что М.Горбачев ориентировал нас на мирные переговоры с Народным Фронтом. Встречались несколько раз с А.Алиевым (будущим президентом Эльчибе-ем), И.Мамедовым¹³, И.Гамбаровым, Н.Панаховым. Все уговоры разблокировать советские воинские части, отказаться от насилия ни к чему не приводили»¹⁴.

Погромы и бесчинства продолжались 14,15 и 16 января. А в ЦК КПА шли совещания, теперь уже с участием Примакова и Шаталина – командующего внутренними войсками МВД СССР. Последний прямо заявил о том, что «нам достаточно того, что было в Тбилиси – решения принимают политики, а отвечать приходится нам» (из «Январского дневника» В. Гусейнова). И опять все сходится на том, что необходимо достигнуть согласия АКП и НФА. В связи с чем Примаковым было сказано: «Вчера мы вновь взвешивали все за и против, и после обсуждения пришли к выводу – силовые методы не использовать и для выхода из положения применять политические средства» (из «Январс-

¹¹ Вадим Бакатин. Дорога в прошедшем времени. С. 168.

¹² Гиренко в это время уже находился в Баку.

¹³ Видимо, ошибка – имеется в виду Э.Мамедов.

¹⁴ Евгений Примаков. Годы в большой политике. – М., 1999. С. 400–401.

кого дневника» В.Гусейнова). В этом подчеркнутом предпочтении политических методов урегулирования ситуации была, как мне теперь представляется, скрыта изрядная доля лукавства: какие бы препятствия ни чинились Народным фронтом передвижению внутренних войск МВД ССР, они не могут ни объяснить, ни, тем более, оправдать полного бездействия последних. Скорее всего, действия НФА служили поводом для этого демонстративного бездействия.

Обращение Бакинского горкома партии¹⁶

Дорогие бакинцы! Братья и сестры!

Кровопрлитие – не наш путь, мы должны продолжать борьбу мирным путем ... Сохраняйте спокойствие, не допускайте негативных действий в городе, защищайте доброе имя, единство нашего народа, сохранить чистое имя Баку зависит от каждого из нас.

«К ОБСТАНОВКЕ В БАКУ. Бюро ЦК Компартии Азербайджана рассмотрело неотложные меры по нормализации обстановки в Баку.

В принятом решении отмечено, что преступные силы, ведущие дело к дестабилизации обстановки в республике, открыто перешли к практической реализации своих замыслов. Воспользовавшись резким ухудшением ситуации в НКАО и приграничных с ней районах, они накопили страсти в Баку, толкнули часть людей, беженцев из Армении, на противоправные действия. В ходе беспорядков и бесчинств, спровоцированных в Баку 13 января, произошли трагические события. От рук преступников погибли люди, главным образом армяне, имеются десятки раненых. Совершены погромы жилищ. Правоохранительными органами задержаны лица, подозреваемые в совершении актов насилия. Ведется расследование. Отмечалось, что в сложной ситуации горком, райкомы партии с опозданием подняли партийный актив, трудовые коллективы на пресечение бесчинств. Потребовались экстренные, чрезвычайные меры, подключение для пресечения беспорядков подразделений внутренних войск МВД СССР.

ЦК КП Азербайджана решительно осуждает преступные действия, акты насилия, приведшие к человеческим жертвам. Посягательство на честь, достоинство и жизнь не может быть ничем оправдано, несовместимо с моралью, гуманистическими традициями азербайджанского народа...

Прокуратурой и МВД республики выявляются виновные в бесчинствах и насилиях. (Азеринформ)»¹⁷.

С 13 по 16 января было разгромлено более 800 квартир, погибло 59 человек, 156 получили телесные повреждения (из них 48 тяжкие). В числе погибших: 42 армянина, 2 азербайджанца, 1 русский, национальность 14 не установлена; 30 человек из них – в возрасте старше 60 лет, 21 женщина. Многие погромы и насилия совершались с особой жестокостью. По факту массовых беспорядков прокуратурой и КГБ Азербайджана было возбуждено уголовное дело и проводилось расследование. По подозрению в совершении этих преступлений было установлено более 200 человек, из которых более 70 – беженцы из Армении. Еще в дни событий было арестовано 53 человека, среди них 21 – безработные, 18 – рабочие, 3 – учащиеся ПТУ.

В этой обстановке республиканскими и военными властями при содействии множества рядовых членов НФА, активно участвовавших в спасении сотен людей от погромщиков, был организован массовый выезд армян за пределы республики. В те дни из Азербайджана, в основном из Баку, было вывезено несколько десятков тысяч человек – одних эвакуировали на паромках по морю, других – воз-

¹⁶ «Бакинский рабочий». 16 января 1990 г.

¹⁷ Там же.

душным путем. Таким образом, спустя год и два месяца после того, как в Армении завершилась многолетняя этническая чистка азербайджанцев, сопровождавшаяся гибелью женщин, детей, людей различного, в том числе пожилого, возраста, и в Азербайджане (за исключением НКАО) почти не осталось армян.

Такова, в итоге, трагическая цена спровоцированного политическими силами Армении и зарубежной армянской диаспоры территориального спора, цена территориальных притязаний, самопровозглашенной сецессии армян Нагорного Карабаха – около сорока тысяч азербайджанцев, изгнанных из автономной области; 190 тысяч азербайджанцев и курдов-мусульман, спасая свои жизни, покинули Армению, превратились в беженцев; более 300 тысяч армян, также спасаясь от насилия и погромов, покинули Азербайджан, выехали в Армению и Россию. А в скором будущем, как мы теперь знаем, эта цена – человеческие жизни и судьбы – еще больше возросла в ходе военных действий 1992–1994 гг. А какой мерой измерить исковерканные людские судьбы, разделенные семьи, моральные травмы и страдания тысяч людей, огромные материальные потери, утраченные ценности культуры, отравленное на долгие годы ядом этнофобии массовое сознание. И это далеко не полная цена территориальных притязаний, оплаченная азербайджанским и армянским народами столь непомерными жертвами.

Зло и насилие рождает цепную реакцию ответного насилия и зла, где жертвами становятся невинные люди. Возникает какой-то замкнутый круг самовоспроизводящейся агрессии, насилия, ненависти и мести. Разумеется, насилию над мирными и беззащитными людьми нет и не может быть оправданий. Но никак нельзя согласиться с претензией глашатаев присоединения Нагорного Карабаха к Армении на роль единственных страдальцев и жертв межнационального конфликта, от которого на самом деле жестоко пострадали оба народа. Убийцы, грабители, насильники, участвовавшие в армянских погромах в январе 1990-го, – это выродки, независимо от их этнического происхождения. Но такие же выродки и те, кто убивал, творил насилие над азербайджанцами, грабил и жег их жилища в 1988, 1989, в том же 1990 годах.

Публикации многих армянских авторов свидетельствуют, к сожалению, об их нежелании увидеть, представить события конфликта в их взаимосвязи и взаимозависимости. Между тем нельзя не признать ту, теперь уже очевидную, истину, что только постановка территориального вопроса подвергла угрозе благополучие большого многонационального региона, а попытка насильственным путем отторгнуть Нагорный Карабах от Азербайджана вызвала настоящую гуманитарную катастрофу. Когда-то сказанное по другому поводу «ничего не поняли, ничему не научились» можно отнести и к тем, кто и сегодня, двадцать лет спустя, продолжает сеять ненависть, фальсифицировать события, твердить о несовместимости азербайджанцев и армян, о невозможности их сосуществования¹⁸.

¹⁸ Достаточно ознакомиться с одной только статьей З.Балаяна, посвященной десятой годовщине трагических событий 13–16 января 1990 года в Баку, чтобы было ясно, о чем идет речь. Призывая азербайджанцев к покаянию, он ни словом не обмолвился в своей статье о бесчинствах и насилии, творившихся армянскими боевиками над мирным азербайджанским населением в Армении, Нагорном Карабахе, в приграничных с Арменией азербайджанских населенных пунктах. Разумеется, не вспомнил и о Ходжалы, чей пепел стучит в наших сердцах. Как обычно, и в этой публикации все азербайджанцы представлены в одном злодейском облике (см. *Зорий Балаян. Незжитая трагедия* // Независимая газета, 13 января 2000 г.).

К 15 января численность внутренних войск МВД СССР была доведена до 6,8 тысячи человек. Они размещались на стадионах, в спортивных школах, домах культуры, клубах, профилакториях почти всех районов Баку. Активисты НФА стремились воспрепятствовать передвижению воинских подразделений, создавая завалы, преграды из грузовиков и автобусов, живые заслоны из людей. Блокировалось прибытие транспортных средств и боевой техники по железной дороге. Привлекавшиеся для перевозок военнослужащих водители автобусов под влиянием НФА уклонялись от работы.

Это было еще одним проявлением глубокой противоречивости возникшей в городе ситуации – одни члены НФА старались спасать армян, укрывать в своих помещениях, помогать вывозить за пределы республики, другие – стремились помешать военным, т.к. в руководстве НФА не без основания утвердилось убеждение: военные силы будут использованы для разгрома политической оппозиции в Азербайджане. Военные же, судя по всему, и не собирались спасать армян, они ждали приказа из Москвы, которая, в свою очередь, ждала официального обращения руководителей республики с просьбой о введении чрезвычайного положения в Баку. Так или иначе, именно на тех, кто организовал, вдохновлял и исполнял преступления 13–16 января, не только кровь ни в чем не повинных армян, но и тех невинных азербайджанцев, что были убиты через несколько дней в ночь с 19 на 20 января введенными в город по указанию Горбачева войсками. Таким образом, благодаря погромам армян был получен «законный» повод убивать мирных горожан. Вопрос в том, кто создал такой повод и оказал центру эту услугу, так и остался без ответа.

Впрочем, главный источник провоцирования насилия, как уже отмечалось, очевиден – события в Армении и Нагорном Карабахе, горькая судьба азербайджанцев, вынужденных покинуть родные места в Армении.

Противостояние обостряется

Политическая атмосфера январских дней была пронизана ощущением неотвратимо надвигающейся катастрофы. Ускоряется бег времени, уплотняется драматическими событиями каждый январский день. Протестные акции приобретают все более острый характер – блокада железных и шоссежных дорог, беспрецедентные беспорядки на границе с Ираном, в ряде сельских районов происходят столкновения толпы с милицией, продолжаются этнические столкновения в НКАО, кровопролитные акции террористов из Армении. Все новые жертвы среди населения. Стремительно меняются ситуации, обстоятельства, лица, не давая времени населению осмыслить, разобраться в происходящем.

Налицо все признаки достигшего крайней черты общественно-политического кризиса, когда власть окончательно потеряла контроль над ситуацией, а руководители оппозиции сами становятся заложниками ими же пробужденного массового, стихийного потока направленной энергии экстремизма. На какое-то время у многих она подавляет и соображения целесообразности, и инстинкт самосохранения. В этой обстановке всеобщего мельтешения основные политические фигуранты, так или иначе причастные к событиям, перестают ориентироваться в обстановке. Сохранявшаяся вплоть до последнего момента возможность избежать катастрофы остается нереализованной, трагедия становится неотвратимой.

18 января в Баку и одиннадцати сельских районах Азербайджана состоялись многотысячные митинги, на которых было объявлено о начале всеобщей забастовки в республике. Вновь было выдвинуто требование положить конец территориальным притязаниям соседней республики, отвести войска, сосредоточившиеся вокруг Баку, и направить их в Нагорный Карабах и приграничные с Арменией районы. Раздавались предупреждения о том, что введение комендантского часа повлечет за собой непредсказуемые последствия. Митингующими было окружено и блокировано здание ЦК Компартии Азербайджана.

Между тем начиная с 16 января на подступах к Баку была создана крупная оперативная группировка численностью более 50 тысяч военнослужащих. В ее составе – мотострелковая дивизия, воздушно-десантная дивизия, несколько полков внутренних войск, отдельный учебный центр 1-го управления КГБ, разведывательный батальон морской пехоты Черноморского флота. Еще раньше в столице Азербайджана активные мероприятия начала проводить группа «Альфа» 7-го управления КГБ СССР, были задействованы нелегалы, в том числе из соседних регионов.

Из «Январского дневника» В. Гусейнова. Поздним вечером 18 января в кабинете первого секретаря ЦК КПА: «Везиров сообщил об очередной встрече с членами правления НФА и отдельно с Э.Мамедовым. Они продолжали настаивать на своих требованиях, считая, что только отставка Везирова может преодолеть кризис. Я спросил у него: «если вы подадите в отставку, они прекратят массовые акции, ведущие к беспорядкам и анархии?» Подумав, он ответил: «Во всяком случае, они старались в этом убедить». Везиров добавил, что пришел к окончательному решению подать в отставку и в принципе час назад этот вопрос обговорил с Горбачевым. На мой вопрос, «как дальше будут происходить события?», он ответил, что Москва приняла решение ввести чрезвычайное положение. Я спросил, как будет вводиться чрезвычайное положение, будет ли по этому вопросу приниматься решение Президиума Верховного Совета, Совета Министров? Везиров ответил, что теперь всеми вопросами занимается Примаков. В кабинете находился Е.М.Примаков, и на мой вопрос он ответил, что эта проблема еще не проработана, вопрос времени и механизма введения чрезвычайного положения также еще не решен. Мы завтра соберемся и посоветуемся. Вероятно, это будет оформлено решением Верховного Совета республики или Правительства. Потом добавил, что завтра должны прилететь Язов и Бакатин, они получили от Горбачева все полномочия».

Е.М.Примаков: «В Баку находился один из руководителей союзного КГБ Ф.Д. Бобков. Человек с большим опытом, он понимал, что любыми путями следует избежать кровопролития. Но напряженность росла не по дням, а по часам. 19 января с секретарем ЦК Компартии Азербайджана Везировым я был у него в кабинете, когда позвонил Горбачев. Он сообщил, что состоялось решение Президиума Верховного Совета СССР и в Баку будут введены войска. Я сказал Михаилу Сергеевичу, что военными действиями руководить не могу. Последовал ответ: через час в Баку вылетят министр обороны Язов и министр внутренних дел Бакатин»¹⁹.

В.В.Бакатин: «В эти дни в Москве каждый день заседала кризисная группа, где участвовали министр обороны, министр внутренних дел, председатель КГБ, А.И. Лукьянов. Утром 19 января нас собрали в комнате президиума в Большом Кремлевском дворце. Там шло какое-то Всесоюзное совещание. Меня, Язова, Крючкова попросили доложить членам Политбюро о ситуации. Дмитрий Тимофеевич разложил карту. Доложили, что наращиваем силы, что армянские погромы прекращены, что будем стараться предотвратить незаконный захват власти. Мы уже собрались уходить, как вдруг раздался телефонный звонок. Нас с Язовым вернули. Михаил Сергеевич сообщил, что в Баку

¹⁹ Евгений Примаков. Годы в большой политике. С. 402.

совершено нападение на ЦК, захватывают власть, перегороджены все улицы, «Народный фронт» объявил комендантский час. Надо срочно лететь туда. Я сказал, что войскам там нечего делать, если не будет правовой основы, если опять (в который уже раз!) в Баку не будет введено чрезвычайное положение. Лукьянов сказал: «Хорошо, летите, будет решение о введении чрезвычайного положения». И мы с Язовым полетели в Баку. Потом на вертолете облетели город. Улицы забаррикадированы груженными машинами, троллейбусами, толпы людей...»²⁰.

Независимо от того, был ли на самом деле упомянутый Бакатиным телефонный звонок, нападения на здание ЦК, вокруг которого плотно толпились сотни митингующих, отмечено не было. Что же касается захвата власти, то она попросту с какого-то момента январских событий перестала функционировать. Деморализованные чиновники партийных и государственных органов, в том числе аппарата ЦК Компартии, в своем большинстве отсиживались по домам, а сотрудники правоохранительных органов фактически под давлением НФА самоустранились от исполнения своих служебных обязанностей. Активисты НФА теперь не нападали на партийные комитеты, милицию, другие государственные учреждения, как это было в декабре и начале января. Контроль над ситуацией в республике и столице де-факто перешел в руки Совета национальной обороны НФА.

Как видно из приведенных фрагментов воспоминаний Примакова и Бакатина, Горбачев и его соратники, не добившись обращения из Баку по поводу введения ЧП, решили, вопреки установленным Конституцией СССР процедурам, взять ответственность на себя.

Удивительная история. На фоне бурной конфронтации НФА с республиканскими властями события в течение осени 1989 и января 1990 годов происходили столь стремительно, что ни в «верхах», ни в «низах» не было осознано, что в какой-то момент азербайджанская оппозиция вступила в непосредственное противостояние с кремлевским руководством. Ситуация была такова, что лидеры НФА не могли безоговорочно подчиняться требованиям центра, не потеряв своего лица. Представители же центра не желали обсуждать требования оппозиции, поскольку не собирались их выполнять. Даже приняв отставку Везирова, Горбачев не обнародовал это решение до ввода войск в Баку, чтобы оно не выглядело как уступка местной оппозиции. Напротив, решено было ее разгромить, чтобы полностью восстановить контроль союзного центра в Азербайджане. Но как показало дальнейшее развитие событий, это был еще один тяжелейший просчет Горбачева. В этой целеустановке советского руководства объяснения того, почему центральная власть в условиях дистрофии местной власти не защитила армянское население Баку. И лишь после завершения эвакуации армян члены Политбюро ЦК решаются на введение чрезвычайного положения в городе, не оповестив его население о вводе войск.

О некоторых политико-правовых обстоятельствах введения чрезвычайного положения в Баку

Как видно из «Январского дневника» В.Гусейнова, Министерство внутренних дел СССР решительно отклоняло устные обращения руководства Азербайджана об использовании внутренних войск МВД СССР для прекращения беспорядков и погромов в столице. Находившиеся в Баку высокие чины МВД

²⁰ Вадим Бакатин. Дорога в прошедшем времени. С. 169.

СССР, в том числе руководители внутренних войск МВД, ссылались при этом на «тбилисский синдром». Они подчеркивали, что для наведения порядка требуется прежде политическое решение, указ Президиума Верховного Совета СССР о введении чрезвычайного положения. Именно в вопросе принятия центром решения о ЧП и состоит главная интрига. Согласно советскому законодательству, подобное решение должно было приниматься на основе соответствующего обращения Президиума Верховного Совета союзной республики. В статье 119 Конституции СССР, определявшей компетенцию Президиума Верховного Совета СССР, в пункте 14 было установлено, что он полномочен в интересах защиты СССР и безопасности его граждан объявлять военное либо чрезвычайное положение по всей стране, а также в отдельных местностях – **при обязательном рассмотрении данного вопроса с Президиумом Верховного Совета соответствующей союзной республики.** Однако члены бюро ЦК Компартии Азербайджана не поддержали предложение первого секретаря ЦК А. Везирова о введении ЧП в Баку.

Возник политико-правовой тупик на фоне неуправляемой ситуации в столице республики. С одной стороны, республиканская власть была самостоятельно не способна стабилизировать положение в столице и регионе в целом, с другой – не хотела официально обращаться за помощью к союзному центру. Останавливало небезосновательное опасение непредсказуемых последствий ввода войск, страх прослыть предателями нации.

Что же касается центра, то М.Горбачев в течение первой половины января пытался обеспечить легитимность экстраординарным решениям. Именно этим было продиктовано принятие Президиумом Верховного Совета СССР 15 января Указа «Об объявлении чрезвычайного положения в Нагорно-Карабахской автономной области и некоторых других районах»:

«...обстановка в Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР и вокруг нее не только не нормализуется, но и продолжает ухудшаться. Значительно активизировались действия различных националистических и сепаратистских объединений, которые ведут подстрекательскую работу, втягивая в противоборство все более широкие слои населения. Экстремистски настроенные группировки организуют массовые беспорядки, провоцируют забастовки, разжигают национальную рознь и вражду. Ими осуществляются дерзкие преступные акции, минируются дороги и мосты, проводятся обстрелы населенных пунктов, захват заложников. В мирное время растет число беженцев, лишенных нормальных условий жизни и работы, имеются человеческие жертвы. Это вызывает тревогу и глубокое возмущение советских людей, всего нашего народа».

Впервые в директивном документе высшего государственного органа власти СССР были даны столь жесткие и адекватные оценки ситуации в НКАО. И хотя в документе не указывается, что речь идет о действиях армянских сепаратистских организаций и вооруженных группировках, было ясно, о чем идет речь. Далее в Указе отмечается:

«...В результате продолжается эскалация напряженности на почве межнациональных отношений. Этому способствовали не соответствующие Конституции СССР акты по Нагорному Карабаху, принятые Верховным Советом Армянской ССР.

В настоящее время особенно обострилась обстановка в городах Баку, Гяндже и ряде других населенных пунктов. Дело доходит до убийств, грабежей, попыток вооруженного свержения Советской власти, насильственного изменения закрепленного Конституцией СССР государственного и общественного строя.

В связи с изложенным и учитывая обращение Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР, руководствуясь пунктом 14 статьи 119 Конституции СССР, Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Объявить чрезвычайное положение на территории Нагорно-Карабахской автономной области, прилегающих к ней районов Азербайджанской ССР, Горисского района Армянской ССР, а также в пограничной зоне вдоль Государственной границы СССР на территории Азербайджанской ССР.

2. Предоставить органам государственной власти и управления, иным уполномоченным на то государственным органам и должностным лицам в названных в статье 1 настоящего Указа местностях право применять следующие меры:

запрещать проведение собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций, а также театрально-зрелищных, спортивных и других массовых мероприятий, контролировать средства массовой информации;

приостанавливать противоречащую закону деятельность организаций и самостоятельных объединений граждан или распускать их;

привлекать граждан для работы на предприятиях, в учреждениях и организациях, а также для ликвидации последствий чрезвычайных обстоятельств;

запрещать забастовки;

вводить комендантский час...

4. Для ликвидации последствий чрезвычайных обстоятельств, защиты прав граждан, охраны общественного порядка и безопасности, объектов жизнедеятельности населения привлекаются в соответствии с законом внутренние войска Министерства внутренних дел СССР. Для защиты граждан, охраны объектов жизнедеятельности населения привлекаются также воинские части Советской Армии, Военно-Морского Флота и Комитета государственной безопасности СССР. Внутренние войска МВД СССР и привлеченные воинские части Советской Армии, Военно-Морского Флота и Комитета государственной безопасности СССР действуют на основе Конституции СССР...

7. Предложить Президиуму Верховного Совета Азербайджанской ССР принять все необходимые меры, включая введение комендантского часа в городах Баку, Гяндже и других населенных пунктах, для обеспечения безопасности населения, предприятий, учреждений и организаций, для привлечения к ответственности лиц, виновных в нарушении требований действующего законодательства...

Потребовать от Президиума Верховного Совета Армянской ССР предпринять самые решительные шаги по пресечению подстрекательских действий с территории этой республики, разжигающих межнациональные страсти и национальную вражду между двумя народами...

8. Статьи 1–7 настоящего Указа вступают в силу с 23 часов местного времени 15 января 1990 года и действуют до отмены чрезвычайного положения.

9. Министерству иностранных дел СССР продолжить и завершить в ближайшее время переговоры по режиму Государственной границы и связанными с этим вопросами отношений между СССР и Ираном, а также информировать о настоящем Указе соответствующие сопредельные государства и международные организации...

Председатель Верховного Совета СССР М. ГОРБАЧЕВ.
Москва, Кремль, 15 января 1990 г.»²¹

Многие и сегодня задают вопрос: как же так, в Баку происходят армянские погромы, а чрезвычайное положение вводится в Нагорном Карабахе и прилегающих районах Азербайджана и Армении? Многие задаются подобным вопросом от незнания того, что на самом деле происходило в регионе, а некоторые – от лукавства. Как уже говорилось, все события в Нагорном Карабахе и вокруг него, подобно системе сообщающихся сосудов, вызывали бурную реакцию

²¹ «Бакинский рабочий». 17 января 1990 г.

населения столицы республики. Еще в 1988-м было очевидно, что ситуация в Баку напрямую отражала все то, что происходило в Армении и НКАО. С осени 1989 года ситуация в Карабахе резко обостряется. В приведенном выше Указе говорилось об активизации действий армянских националистических и сепаратистских объединений, ведущих подстрекательскую работу, организуемых массовые беспорядки, разжигающих национальную вражду; отмечались «дерзкие преступные акции, минирование дорог и мостов, обстрелы населенных пунктов, захваты заложников; призналось, наконец, наличие беженцев из НКАО. Впервые в Указе высказывалось требование к Армянской ССР «предпринять самые решительные шаги по пресечению подстрекательских действий с территории этой республики, разжигающих межнациональные страсти и национальную вражду между двумя народами». Речь-то, кстати, должна была идти не просто о подстрекательских действиях, а о проведении с территории Армении боевых, террористических операций среди мирного населения Азербайджана.

Так или иначе, главная беда этого документа состояла в том, что он безнадежно опоздал, как минимум, на 6–7 месяцев. Несмотря на настойчивые обращения и требования руководства Азербайджанской Республики о необходимости экстренного наведения порядка, пресечения насилия с армянской стороны с лета 1989 года, чрезвычайное положение было введено только в одном Горисском районе Армении, тогда как систематические набеги на азербайджанские села совершались из Иджеванского, Ноемберянского, Красносельского районов, а в Мегринском и Кафанском районах происходили постоянные диверсии на железной дороге и нападения на поезда, шедшие из Баку в Нахчыван.

Ясно, что наведению «порядка» в Баку должны были предшествовать какие-то меры, направленные на нормализацию ситуации вокруг НКАО²². Таким решением, собственно, и явился Указ об объявлении чрезвычайного положения в НКАО и прилегающих районах, принятый, как отмечалось в преамбуле документа, с учетом обращения Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР.

Это конституционное требование, по крайней мере, формально, было соблюдено – Указу ПВС СССР от 15 января 1990 года предшествовало заседание Президиума ВС Азербайджанской ССР, рассмотревшего в промежутке между 10–14 января 1990 года вопрос «О неотложных задачах по нормализации обстановки в НКАО Азербайджанской ССР». Исходя из сложившейся в НКАО опасной ситуации, участвовавших вооруженных акций с территории Армянской ССР и дестабилизации обстановки в ряде районов республики... Президиум ВС Азербайджанской ССР принял на этом заседании постановление, состоявшее из 4 пунктов:

«1. Ввести чрезвычайное положение в НКАО, а при необходимости в прилегающих к НКАО районах и вдоль Государственной границы СССР. По данному вопросу обратиться в Президиум Верховного Совета СССР...»

3. Просить Министерство обороны, правоохранительные и другие исполнительные органы СССР оказать Азербайджанской ССР всю необходимую помощь в соответствии со статьей 81 Конституции СССР.

²² По одной из версий, во время обсуждения в горбачевском окружении мер по овладению ситуацией в Баку, предлагалось одновременное введение чрезвычайного положения в столицах Азербайджана и Армении, но сторонники этого предложения не получили поддержки.

4. *Ходатайствовать перед Советом Министров СССР о решении совместно с правительством Азербайджанской ССР и Армянской ССР социально-экономических проблем беженцев в кратчайшие сроки».*

Позднее, на основании изучения связанных с этим постановлением протокольных документов, сообщений причастных к его принятию лиц, Комиссия ВС Азербайджанской Республики по расследованию обстоятельств и причин трагических событий, связанных с вводом войск в г. Баку 19–20 января 1990 года, пришла к выводу, что:

«Президиум был созван в этот день незаконно, что Председатель Президиума Э.Кафарова указана в числе участников, в то время как она не участвовала на заседании, что не было никакого обсуждения, что... выступал только А. Везиров, что участники не знали о том, каково название и содержание принимаемого документа, что данный документ не был направлен непосредственному исполнителю – Совету Министров Азербайджанской ССР и что документы под этим номером были направлены 19 января 1990 года (в 16 час. 16 мин.) только в адрес Президиума Верховного Совета СССР». Исходя из всего этого, «комиссия полагает, что все эти действия сфальсифицированы, обнаруживают специальный умысел»²³.

Трагикомический факт: документ, вокруг которого разгорелся сыр-бор, был направлен в Президиум Верховного Совета СССР уже после того, как состоялось решение от 15 января.

В постановлении Национального собрания Азербайджанской Республики, два года спустя вновь рассмотревшего трагические события в Баку 20 января 1990 года, также отмечается, что:

«было проведено незаконное заседание Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР, принявшее под давлением первого секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Азербайджана Абдурахмана Везирова решение, в котором давалось согласие на введение чрезвычайного положения в Азербайджане. Это еще раз подтверждает, что трагедия 20 января была заранее спланированным преступным актом»²⁴.

Национальным собранием делаются слишком упрощенные выводы: в обсуждаемом постановлении ПВС Азербайджанской ССР содержится не согласие на введение ЧП в Азербайджане, а принимается решение о введении чрезвычайного положения, прежде всего, на той части территории республики, которая фактически не контролировалась конституционными органами власти Азербайджана, т.е. НКАО, и это решение вносилось на рассмотрение ПВС СССР. Кроме того, в постановлении ставились перед союзными органами власти и другие важные вопросы, в том числе о решении социально-экономических проблем беженцев.

Другое дело, как принималось это постановление и какие на то были причины. Комиссия Верховного Совета была ближе к истине, усмотрев «специальный умысел» в том, что процедуры принятия постановления были явно нарушены. Умысел, по всей вероятности, состоял в том, что возникла срочная необходимость в оформлении решения о введении ЧП в ряде территорий Азербайджана и Армении в качестве пролога к введению ЧП в Баку. Не располагая ма-

²³ «Вышка». 21 января 1992 г.

²⁴ «Бакинский рабочий». 8 апреля 1994 г.

териалами и документами, подтверждающими мои соображения, но исходя из логики стремительно развивавшегося в те дни политического кризиса, я все же считаю: есть основания предполагать, что внезапность и поспешность, с которой проводилось заседание Президиума ВС Азербайджана, грубые процедурные нарушения, допущенные при оформлении постановления, были вызваны, скорее всего, командой, поступившей из Москвы, санкционировавшей это решение. Возможно, имело место что-то похожее на торг – в обмен на введение ЧП в НКАО и некоторых районах Армении принятие мер по разоружению армянских боевиков, роспуск сепаратистских объединений и т.п. ПВС Азербайджана, опираясь на Указ ПВС СССР от 15 января, примет самостоятельное решение о вводе ЧП в столице республики. Тем самым создавались легитимные условия для использования союзным центром вооруженных сил для восстановления правопорядка в городе, путем осуществления репрессивных задач в отношении массовой политической оппозиции. Возможно, был расчет и на то, что Указ от 15 января произведет в Азербайджане – хоть на какую-то часть общества – благоприятное впечатление, поскольку центром чуть ли не впервые признавались основные претензии Азербайджана к союзным властям по поводу игнорирования или агрессивных действий армянской стороны. И тем самым поможет республиканским властям овладеть ситуацией.

Однако всего этого не произошло, слишком запоздалым и слишком двусмысленным было содержание Указа ПВС СССР от 15 января. В конечном счете, ни этот Указ, ни соответствующее постановление ПВС республики повлиять на реальный ход январских событий уже не могли и законность ввода советских войск в Баку, безусловно, не обеспечили. При этом данный Указ был, по сути, проигнорирован в Азербайджане. Руководители массового протестного движения решили не реагировать на этот почти ультимативный документ. Возможно, центр как раз и рассчитывал на такую реакцию. Такое же отношение лидеры НФА проявили к предупреждениям и уговорам должностных лиц из союзного центра о необходимости разблокировать воинские части, административные здания республиканских органов власти. Напротив, после опубликования данного Указа ПВС СССР ситуация в Баку еще больше обострилась.

«18 января в Баку и одиннадцати других районах Азербайджана состоялись многотысячные митинги, на которых было объявлено о начале всеобщей забастовки. Было выдвинуто требование положить конец территориальным притязаниям соседней республики, отвести войска, сосредоточившиеся вокруг Баку, и направить их в Нагорный Карабах и приграничные с Арменией районы. Раздавались предупреждения о том, что введение комендантского часа повлечет за собой непредсказуемые последствия. Митингующими было окружено здание ЦК Компартии Азербайджана»²⁵.

В течение нескольких дней, предшествовавших введению чрезвычайного положения, «находившиеся в Баку представители союзного руководства (председатель Совета Союза Верховного Совета СССР Е.Примаков, секретарь ЦК КПСС А. Гиренко, заместитель заведующего отделом ЦК КПСС В.Михайлов) на встречах с жителями города и представителями общественности, а также через средства массовой информации заверяли их в отсутствии намерения объявить чрезвычайное положение и установить комендантский час в г. Баку. Основываясь на этих заверениях и выполняя поручение, первый секретарь ЦК КП Азербайджана М.Мамедов и зав.отделом ЦК КП Азербайджана А.Дашидамиров сделали публичные заявления о том, что комендантский час вводится не будет»²⁶.

²⁵ Заключение Комиссии ВС АР по расследованию обстоятельств и причин трагических событий, связанных с вводом войск в г. Баку 19–20 января 1990 года. – «Вышка». 21 января 1992 г.

²⁶ Там же.

Вопрос о введении населения Баку в заблуждение относительно установления чрезвычайного положения стал одним из самых противоречивых и болезненных в последующих политических дискуссиях. Реальная суть этого вопроса состояла в фактическом сокрытии центральными властями решения о введении войсковых подразделений в Баку с целью осуществления боевой операции, в том, что население не было заблаговременно оповещено об этом роковом решении. Это, в свою очередь, стало непосредственной причиной последовавшей трагедии. Что же касается публичных заявлений Дашдамирова, то здесь имела место несколько иная история, сопряженная с конкретной ситуацией, сложившейся в течение 18 января, когда казалось, что чаша весов, на которые положено решение о ЧП, еще колебалась.

К этому моменту одним из главных требований оппозиции становилось – не допускать в Баку введения чрезвычайного положения и использования его главного инструмента – войск, т.к. теперь подвергалась непосредственной угрозе сосредоточенная в руках СНО НФА реальная власть. Содержавшееся в пункте 7-м подписанного Горбачевым Указа от 15 января предложение (которое расценивалось как требование) ВС Азербайджана ввести в Баку и других районах республики комендантский час еще больше взвинтило обстановку.

В комментарии ТАСС к этому Указу, опубликованному в Баку только 18 января, говорилось: *«Во исполнение Указа органы государственной власти и управления приступили к практическим действиям. Для обеспечения общественного порядка и безопасности граждан сегодня в районы республики дополнительно переброшены более 6 тысяч военнослужащих внутренних войск. В помощь войскам МВД направлены воинские части Советской Армии общей численностью свыше 5 тысяч. Сформированы и направлены следственно-оперативные группы МВД и Прокуратуры СССР. Создаются комендатуры и комендантские участки. Задержано 49 подстрекателей и погромщиков. Решительные действия профессиональных нарядов правопорядка позволили спасти жизнь многих людей. Берутся под охрану важнейшие объекты жизнеобеспечения – транспорт, предприятия, аэропорты. Принимаются меры по изъятию похищенного оружия и установлению лиц, совершавших противоправные действия. В связи с острой ситуацией в Баку, имевшими место погромы, человеческими жертвами, местные силы правопорядка подкреплены войсками МВД и Советской Армии. Усилена охрана Государственной границы СССР.*

Вместе с тем обстановка остается крайне напряженной. В сложившейся ситуации многие жители требуют от властей принятия дальнейших решительных мер»²⁷.

Сакраментальная формула советской пропаганды о требовании народа «о принятии решительных мер» явно указывала, что вопрос об «осуществлении этих мер» практически предрешен. Но между союзным центром, его представителями, находившимися в Баку, и руководителями республики все еще не было согласованности в оценке возможности выхода из критической ситуации, не прибегая к радикальным мерам. Было очевидно, что если войска будут приведены в движение – произойдет катастрофа. И в то же время многочисленные встречи и переговоры московской группы с членами совета национальной обороны НФА оставались безрезультатными. Руководители НФА, видимо, не в состоянии были отступить, отозвать народ с улиц города, если не будет удовлетворена хотя бы какая-то часть продекларированных требований (в конечном счете они сводились в тот момент к отставке Везирова, как самому выполнимому требованию). Центр, судя по всему, не желал идти и на эту

²⁷ «Бакинский рабочий». 18 января 1990 г.

уступку, хотя и этот «кадровый» вопрос был практически решен, но не обнародован. Требовалось безоговорочно расчистить завалы, убрать пикеты, освободить дорогу для продвижения войск. Что же касается республиканского руководства, то оно уже ничего не решало. Единственное, что могло бюро ЦК Компартии в качестве коллегиального органа – это не принимать решения в поддержку введения чрезвычайного положения, что и стало его официальной позицией, которую требовалось «озвучить», чтобы смягчить обстановку в столице, а может быть, и в других целях, о чем можно лишь догадываться.

...Поздно вечером 18 января я был приглашен к первому секретарю ЦК КПА А.Х.Везирову. У него в кабинете находились Е.М.Примаков, некоторые секретари, члены бюро ЦК КПА. Обратившись ко мне, Везиров сказал, что необходимо вместе с В.А.Михайловым²⁸ выступить по республиканскому телевидению. Поручалось разъяснить ситуацию в НКАО и вокруг межнационального конфликта, осветить возможности нормализации ситуации в республике, постановления суверенитета Азербайджана в Нагорном Карабахе, которые заложены в постановлении ВС СССР от 15 января 1990 года. И, наконец, Везировым и другими секретарями ЦК, мне и Михайлову ставилась задача выразить несогласие с 7-м пунктом Указа ПВС от 15 января, предлагавшего рассмотреть вопрос о введении чрезвычайного положения в Баку и Гяндже, подчеркнув при этом, что «комендантского часа не будет». (?)!

Поручение я воспринял со смешанным чувством. С одной стороны, было очевидно, что в Баку идет концентрация армейских частей и внутренних войск МВД СССР, что могло означать только одно – подготовку к введению в городе чрезвычайного положения. С другой, непрекращающиеся переговоры официальных представителей центральных и республиканских властей с лидерами оппозиции все еще сохраняли какую-то надежду на то, что будет найден компромиссный выход из критической ситуации. Во всяком случае, именно так хотелось думать. Вместе с тем я исходил из того, что, согласно конституционным нормам, без соответствующего решения Президиума ВС республики союзный центр не имел права вводить чрезвычайное положение в Баку и, тем самым, не имел законных оснований использовать военную силу «для наведения порядка».

...Немногим более года назад, осенью 1988-го, руководство республики еще было в состоянии взять на себя ответственность и объявить комендантский час в Баку и других регионах, подготовить к этому население и, опираясь на силовые структуры, восстановить правопорядок, сбить волну протестного движения. Тогда еще был какой-то авторитет и административный ресурс, используя который, республиканские власти смогли на какое-то время стабилизировать обстановку, вернуть жизнь населения – по крайней мере, внешне – в спокойное русло. Справедливости ради надо сказать, что тогда и национал-радикалы в НФА еще не обладали такой силой влияния на массовое движение, как в январе 1990 года, и само массовое движение еще не было в плену экстремистских настроений и действий...

Находясь, как и многие, под впечатлением «тбилисского синдрома»²⁹, я полагал, что в столь сложной ситуации, когда на карту поставлена безопасность жителей двухмиллионного города, руководители советского государства просто обречены на поиск приемлемого решения и не допустят неосторожного движения, не решатся брать на себя ответственность и односторонне вводить ЧП без согласия республиканских органов государственной власти. Однако вызывало недоумение, почему телевизионное выступление поручается мне, заведующему отделом ЦК, а не кому-либо из его руководителей. Мне объяснили, что предполагалось выступление по телевидению Е.М.Примакова. Но во время его выступления на многотысячном митинге, происходившем перед зданием ЦК Компартии, толпа повела себя агрессивно, и он расстроился и передумал выступать по телевидению.

²⁸ В.А.Михайлов в тот момент – первый заместитель заведующего отделом межнациональных отношений ЦК КПСС, позднее, в 1990-е годы являлся министром РФ по делам национальностей и федеративных отношений.

²⁹ В данном случае имеется в виду политический скандал в Верховном Совете СССР, вызванный тем, что применение силы против массовых демонстраций в Тбилиси, приведший к кровопролитию, человеческим жертвам, не было узаконено решением высшего органа государственной власти. Внешне эти события выглядели как произвольные действия военного руководства.

Вот как этот эпизод описывается самим Примаковым: «Страсти нагнетались. У здания ЦК, где мы находились, шли ежедневные митинги. Подстрекатели призывали к насилью. Во время одного из митингов притащили несколько виселиц. Группа митингующих прорвалась и стала раскачивать железные ворота, пытаюсь ворваться во двор здания. Митинги шли и на центральной площади Баку. Ко мне в здание ЦК пришла делегация женщин-врачей с просьбой выйти и выступить. Меня отговаривали, но я согласился... Слушали внимательно. Я подчеркнул, что, если будет снята блокада с казарм и аэродромов, никакой эскалации со стороны властей не будет. Именно в этот момент, очевидно опасаясь, что устанавливается связь между выступавшим и слушавшими, Казиев³⁰ прокричал в мой микрофон: «перед вами выступает член мафии!» После этого не без труда я прорвался в здание. Милые, хорошие азербайджанские женщины были обескуражены, и нам их пришлось успокаивать»³¹.

Это, как я понимал, была попытка обратиться с разъяснениями по поводу ситуации непосредственно к массам, рядовым членам НФА, минуя посредничество их лидеров. Но она была сорвана. Между тем именно такого прямого диалога республиканского руководства с собственным народом не велось, а его-то больше всего и не хватало. Отсюда, видимо, и возникла идея телевизионного выступления, от которого, судя по всему, отказались, уступились секретари и члены бюро ЦК компартии по причинам, ведомым им самим.

Телевизионная передача проходила в форме беседы с журналистом. В основном разговор шел об армяно-азербайджанском конфликте, его последствиях и путях его справедливого разрешения, о том, что следует воспользоваться Указом ПВС СССР от 15 января и восстановить в НКАО присутствие Азербайджанской ССР. Популярный телеведущий Рафик Гусейнов задавал непростые вопросы, преимущественно обращенные к моему московскому собеседнику – всех беспокоила позиция центра в карабахском вопросе, она и в самом деле нуждалась в разъяснениях. Однако больше всего в тот момент людей тревожила ситуация в самом Баку. Телеведущий задал этот вопрос, будет ли в Баку объявлен комендантский час, есть ли решение по этому вопросу. Нет, отвечал я, ссылаясь на позицию бюро ЦК компартии по этому вопросу, у руководства республики нет намерений вводить комендантский час в столице, комендантского часа не будет. Поэтому, продолжал я, следует прекратить митинги и пикеты вокруг административных зданий, блокирование мест расположения воинских частей, не мешать их передислокации в Карабахском направлении. Видимо, мои слова прозвучали излишне категорично, и В.А.Михайлов своевременно и четко их скорректировал, подчеркнув, что в этом вопросе многое зависит от дальнейшего развития ситуации, от того, как будет складываться обстановка в городе в ближайшие дни. Позднее В.А.Михайлов мне рассказал, что перед тем, как мы отправились на телестудию, он еще раз обратился к Примакову с вопросом, подтверждает ли Евгений Максимович информацию о том, что ЧП не будет вводиться в Баку, и получил от него утвердительный ответ. Однако, несмотря на полученное от Примакова однозначное заверение, он все же решил проявить осмотрительность и оказался прав.

Это была телевизионная передача в форме беседы с журналистом. Разумеется, она никак не повлияла, да и не могла повлиять на реальную обстановку. На следующий день, т.е. 19 января, отряды НФА усилили контроль над дорогами, ведущими в столицу республики, в самом городе все более или менее значимые административные здания блокировались пикетирующими. Части военного гарнизона и вновь прибывшие войсковые группы были также заблокированы. Члены совета национальной обороны НФА, выступая на многочисленных митингах, проходивших в этот день в различных районах столицы, призывали население к формированию отрядов народного ополчения. И это несмотря на то, что они уже были информированы о том, что решение уже принято. Продолжались забастовки, полностью парализовавшие хозяйственную, экономическую деятельность, весь городской транспорт, за исключением метро.

С самого утра 19-го здание ЦК было окружено еще более плотным кольцом митингующих. Многие работники аппарата ЦК не смогли попасть в окруженное здание, иные и не пытались сделать это. Ни первого секретаря ЦК Везирова, по поручению которого делалось со-

³⁰ «Позднее стал военным министром в правительстве Народного фронта. При Г.А.Алиеве был арестован и осужден за преступление» (примечание Примакова). С. 401.

³¹ Евгений Примаков. Годы в большой политике. С. 401.

общение о том, что «комендантского часа не будет», ни многих других руководителей на своих рабочих местах не было. Лишь второй секретарь ЦК КПА В.П.Поляничко продолжал в течение этого дня предпринимать отчаянные попытки убедить членов СНО НФА увести людей с улиц, предупреждал их об уже принятом решении о вводе войск (о чем, кстати, никому из нас, работников аппарата ЦК, известно не было – мы могли лишь гадать об этом), о том, что их движение остановить уже невозможно. Одновременно, в остром телефонном разговоре с М.С.Горбачевым Поляничко пытался его убедить отказаться от рокового решения...

На фоне драматических событий упомянутый телевизионный эпизод, может быть, и не заслуживает своего упоминания. Но многие телезрители, смотревшие в тот вечер эту передачу, восприняли ее как обещание того, что трагедии не случится и, естественно, были горько разочарованы. Так же горько был разочарован и я сам. Однако в послеянварский период, когда настал час выяснения, как произошедшее могло случиться, многие стали напрямую связывать злополучную телепередачу с трагическими событиями 20 января. Это была, как ни странно, довольно успешная интрига, направленная на то, чтобы отвлечь от себя ответственность за произошедшую трагедию. Опровергать инсинуации бесполезно, объяснять, что ни я, ни Михайлов не брали на себя ответственность за возможные решения со стороны Президиума Верховного Совета СССР, Политбюро ЦК КПСС. Было очевидно, что эксплуатация этой темы – один из способов сведения политических и личных счетов. Со временем ежегодное упоминание о злополучной телевизионной передаче в числе главных причин январской трагедии стало для азербайджанской прессы и пропагандистской риторики чем-то вроде ритуала, напоминающего иной раз действо китайских хунвейбинов с их дубинками и печально знаменитыми дацзыбао.

Основываясь на приведенных выше текстах, можно предположить, что, направляя нас с Михайловым на телестудию, Везиров еще не знал о том, что решение о ЧП принято. Но, узнав, через пару часов, почему он его не обнародовал? Если он принял решение об отставке, почему не заявил об этом публично? Какими бы мотивами он ни руководствовался, вопреки всем обстоятельствам, Везиров был обязан обратиться к населению с сообщением о своей отставке, о решении Москвы ввести чрезвычайное положение в Баку. Это был его долг. Так же как и других секретарей ЦК, которые не могли не знать о принятых решениях.

Чем больше ситуация в Азербайджане выходила из-под контроля, тем большее раздражение это вызывало у кремлевского руководства. Судя по всему, намерение «умиротворить» Азербайджан вынашивалось еще до собственных январских событий. Еще в конце декабря 1989-го председатель Совета Министров СССР Н.И.Рыжков в интервью французскому телевидению отметил, что советское руководство, возможно, будет вынуждено использовать армию в целях «нормализации» ситуации в Азербайджане.

К осуществлению карательной акции в Баку советское руководство подталкивали не только вызывающие акции неповиновения властям со стороны Народного фронта. Одним из самых болезненных проявлений политического поражения союзного центра в Азербайджане явилось то, что в обстановке острого политического кризиса из-под его власти все более явно стала выходить республиканская номенклатура, особенно ее низовые звенья. Росло сочувствие к оппозиции и ее политическим требованиям в среде работников большинства исполнительных органов власти, хозяйственных структур, министерств и ведомств, не говоря уже о занятых в социально-культурной сфере. Дальнейшее развитие этой тенденции на фоне армяно-азербайджанского конфликта и противоречивой позиции центра в этом конфликте неотвратимо создавало в Азербайджане перспективу, подобную той, что уже сложилась к этому времени в балтийских республиках. Имеется в виду легитимно оформленное, цивилизованно осуществляемое, все более ускоряющееся движение выхода из состава Союза СССР. Нетрудно представить, как в дальнейшем могли протекать этнополитические процессы в Азербайджане, его взаимоотношения с союзным

центром, если бы не радикализация протестного оппозиционного движения в главе с экстремально настроенными лидерами НФА.

Эти тенденции, сильно заявившие о себе уже во второй половине 1989 года и резко проявившиеся к январю 1990-го, создавали для горбачевского руководства, по сути, ту же проблему, что и процессы, происходившие в балтийских республиках, в соседних Армении и Грузии. Вынужденный считаться с общественным мнением западного мира, поддерживавшего борьбу Латвии, Литвы и Эстонии за выход из состава СССР, Горбачев тем не менее пытался оказать политическое давление на эти республики, общественное мнение их народов. Но попытки эти оказались, как известно, безуспешными. Его попытка повлиять на ситуацию в Прибалтике в январе 1990 года явно провалилась. К этому моменту начали усиливаться центробежные тенденции и в других союзных республиках. Общая ситуация в СССР, таким образом, вынуждала ее государственное руководство лихорадочно искать выход в силовом давлении на республики.

Эта ситуация не могла не отразиться на отношении союзного центра к происходившим в Азербайджане событиям: она вызывала у Горбачева и его ближайшего окружения соблазн воспользоваться дошедшим до крайней черты политическим кризисом в республике и отыгаться в Азербайджане за свое унизительное поражение в Прибалтике, бесповоротно решившей покинуть Союз Советских Республик. Немаловажную роль в устремлениях союзного руководства, наверняка, сыграло и то, что президент СССР оказался под огнем уничтожающей критики как со стороны консервативных сил в партийно-государственном руководстве, так и со стороны своей же демократической опоры и либеральной оппозиции, обвинявших генерального секретаря в слабости, мягкотелости, непоследовательности и т.п. В этой ситуации Горбачев остро нуждался в восстановлении своего авторитета ценой демонстрации жесткой политики, политики с позиций силы. Требовались именно такие акции, которые могли продемонстрировать миру и собственному окружению твердость и решимость Горбачева не допустить развала СССР, его способность навести в стране «порядок» и сделать это с применением силы.

Поощряемый ведущими политиками и прессой западных стран, Горбачев стремился продемонстрировать свой новый имидж сильного, твердого, авторитетного руководителя «на примере» Азербайджана. При этом ни на демократическом Западе, ни в окружении генсека никого, видимо, не смущало двуличие, бесчестность позиции, занятой союзным центром по отношению к Азербайджану: в прибалтийских республиках, в соседней Армении совершенно открыто шли к власти оппозиционные, антикоммунистические политические силы, и это полагалось допустимым, демократичным, в Азербайджане же аналогичный процесс признавался недопустимым, рассматривался как антиконституционный, что должно было оправдывать применение силы³².

«Любым попыткам создать исламское государство в Азербайджане будет противопоставлена сила. Мы будем действовать ответственно, но решительно», – сказал иностранным журналистам в дни январской трагедии М.С. Гор-

³² В книге Бакатина это было названо пресечением «бунта против власти и насилия, против людей», подавлением «антисоветского мятежа» (Дорога в прошедшем времени. С. 174). Те, кто оценивал события в Азербайджане подобным образом, сознательно обходили вопрос о том, в силу каких причин политические процессы в республике стали приобретать столь острые формы, обходят прямую ответственность политического руководства СССР за радикализацию протестного движения, ибо именно политика союзного центра в Азербайджане во многом провоцировала кризисную ситуацию в 1989-м – начале 1990 годов.

бачев. На деле решительность выразилась в противозаконной акции, грубом насилии, ничем не оправданной жестокости, которые засвидетельствовали не ответственность, а безответственность главы государства перед Конституцией, народом, историей. Что же касается «создания исламского государства» в Азербайджане, то эта постыдная, лживая спекуляция на религиозных чувствах народа стала уже тогда фактом политического саморазоблачения карательной акции, осуществленной в Баку. Не было ни исламских фундаменталистов, не было сколько-нибудь серьезного вооруженного сопротивления вводившимся в город войскам, как не было реальных вооруженных сил, которые, преодолевая (?) сопротивление, свергали бы законную власть. Была, на самом деле, дистрофия, паралич этой власти, утратившей в глазах народа (не без помощи того же центра) свою легитимность и «народность».

Было и другое: бесконечные политические провокации Армении, все более обострявшие межнациональный конфликт, и как следствие – дестабилизация обстановки в республике, бесчисленные террористические акции армянских боевиков, взрывы в метро, автобусах, «каменная война» на дорогах, блокады дорог, столкновения на этнической почве, десятки тысяч беженцев, неуправляемые ситуации, массовое ожесточение, этнофобия, истерия толпы, погромы, избиения незащищенных людей, происходившие на фоне попустительства центральных властей и беспомощности властей местных.

Вводить чрезвычайное положение, осуществлять войсковую операцию с применением огнестрельного оружия в двухмиллионном городе, объяснив все это необходимостью подавить национальное движение, запретить призывы и требования о национальном суверенитете было нельзя – не вписывалось в провозглашенную демократизацию и гласность. Но проделать то же самое, мотивируя необходимостью наведения порядка, защиты граждан, их безопасности, вполне укладывалось в привычный стандарт («идя навстречу пожеланиям трудящихся...»). Нельзя не заметить: кремлевскому руководству нужен был убедительный повод, чтобы ввести в Баку войска, разгромить массовое национальное движение, «структуры власти», установленные Народным фронтом во всех учреждениях и предприятиях», как скажет потом министр обороны СССР Д.П.Язов, когда «дело» будет сделано. И такой повод, разумеется, был создан – беспорядки на государственной границе, забастовки и блокада дорог, митинги, переходящие в бесчинства, погромы в Баку, гибель десятков армян...

Тем не менее и 19-го числа чаша весов, как мне тогда казалось, еще колебалась: если нельзя было избежать введения чрезвычайного положения, если не было собственных сил и разума восстановить в городе элементарный порядок, то все еще можно было избежать прямого столкновения безоружных людей с войсками, не допустить жертв и кровопролития.

Из «Январского дневника» В. Гусейнова: «19 января 8.30 часов. Встреча с Абульфазом Алиевым (председателем НФА). Мною было сказано (А.Алиеву), что руководители НФА сознательно нагнетают напряженность в республике и довели людей до такого состояния, что сами же управлять процессом не могут. И это неминуемо приведет к трагическим результатам. Мы не раз предупреждали вас, что политический процесс должен протекать в конституционных рамках. Несмотря на это, после своей конференции (6–7 января) НФА, его правление и председатель перешли исключительно к радикальным действиям.

А. Алиев отвечал, что он и его товарищи готовы на все – и на арест, и на гибель. Что касается возникшего положения, то оно результат бездарной политики Везирова и его окружения. Эта политика отвечает интересам центра, армянского лобби в Москве, под влиянием которого находится Горбачев, интересам сепаратистов НКАО. Что касается

возможной трагедии, то она сплотит народ и поможет прогнать разоблачивших себя руководителей из республики. Вместе с тем А.Алиев согласился, что невинные люди не должны становиться жертвами. Он дал обещание оказать влияние на Э.Мамедова, Н.Панахова, Р.Казиева, М.Гатами, других лидеров, не допустить, чтобы люди оставались на улицах. В заключение он отметил, что при существующем положении Центральный Комитет Компартии должен убедить Везирова уйти в отставку. Мы договорились созвониться и еще раз встретиться в 16.00 часов. ...В 17.00 часов я вновь разговариваю по телефону с А.Алиевым. Он сообщает, что Э.Мамедов и Н.Панахов категорически отказались его слушать, и он ничего не может сделать».

Вышеприведенный текст не нуждается в комментариях, он говорит сам за себя. И все же хотелось бы обратить внимание на то, что само согласие А.Алиева оказать влияние на горячие головы из своего окружения – свидетельство о его понимании опасности происходящего. Но это не подвигло его на энергичные меры, чтобы избежать столкновения людей на улицах с надвигавшимися войсками. Пассивность лидера официального, сомкнувшись с бездеятельностью неформального лидера, ускорило трагический исход стремительно развивавшегося политического кризиса.

19-го же состоялось обещанное Примаковым накануне совещание, но уже у министра обороны Язова, на которое были приглашены председатель КГБ, министр внутренних дел и прокурор Азербайджанской ССР. В этом совещании участвовали Примаков, Гиренко, Агеев (заместитель председателя КГБ СССР), ответственные работники ЦК КПСС, а также руководители правоохранительных органов республики.

Из «Январского дневника»: Язов спросил у них: «В какое время лучше осуществить введение чрезвычайного положения?» Последовал ответный вопрос: «Принят ли указ по этому вопросу?» Язов сказал, что он будет принят сегодня-завтра. Мы (пишет В. Гусейнов) сказали, что для исполнения Указа о чрезвычайном положении необходимо подготовиться и, прежде всего, оповестить об этом население города. Язов и Бакатин были проинформированы председателем КГБ и министром внутренних дел республики о ситуации в городе и, в свою очередь, заверили, что без объявления о чрезвычайном положении войска не придут в движение».

Поведение руководителей карательной акции накануне событий ясно указывает на то, что население республики сознательно, намеренно не было оповещено об установлении чрезвычайного положения. Не случайно в воспоминаниях некоторых из них обнаруживаются очевидные расхождения в дате принятия Горбачевым злополучного решения, тогда как другие просто обходят эту тему. Немаловажным звеном подготовки военной операции стал осуществленный прибывшим из Москвы спецназом вечером 19 января взрыв энергетического блока Азербайджанского телевидения. Телевизионное вещание было полностью прекращено. Если это делалось с целью не допустить, чтобы представители НФА воспользовались республиканским телевидением, то не проще ли было взять объект под контроль? Стало быть, и в том случае преследовалась цель – лишить людей информации вообще. После ввода войск на следующий день на некоторое время был к тому же приостановлен выход всех газет. Таким образом, в критические дни своей истории народ республики оказался лишенным доступа к информации. Участвовавшие в массовых акциях тысячи людей не имели представления о готовящейся карательной акции, грозящей им смертельной опасности, хотя лидеры оппозиции об этом были хорошо осведомлены.

(Продолжение следует)

В ОБЩЕСТВЕ «РОССИЯ–ГЕРМАНИЯ»

Президентом международной общественной организации – Общества «Россия–Германия» избран первый заместитель мэра Москвы Юрий Росляк. Такое решение было принято на расширенном заседании Правления этой организации, действующей уже 35 лет (раньше она называлась Общество «СССР–ФРГ»).

Юрий Росляк родился в Москве в 1954 г., инженер-строитель, с 1986 г. в системе органов исполнительной власти, в настоящее время первый заместитель мэра Москвы в правительстве Москвы, руководитель Комплекса экономической политики и развития города, сопредседатель совместной комиссии Москва–Бавария, несколько лет – член президиума Общества «Россия–Германия».

Прежний глава общества дружбы академик Юрий Осипьян избран почетным президентом Общества.

Ю. Росляк вручил академику Осипьяну почетную грамоту правительства Москвы, которой мэр столицы Юрий Лужков отметил большой личный вклад награжденного в развитие и укрепление связей между Россией и Германией.

Полномочный министр, постоянный заместитель посла Германии в России Детлеф Лингеман дал высокую оценку нынешним отношениям между обоими государствами.

Председатель правления Российско-Германской Внешнеторговой палаты Йорг Хетч выразил готовность поддерживать Общество в реализации вопросов экономического сотрудничества между обеими странами. Член правления германской фирмы ВВJ Карин Остер отметила важную роль контактов между Москвой и Берлином, их опыта сотрудничества, высказалась за расширение молодежного обмена и работу по профессиональному обучению молодежи.

Претерпели некоторые изменения и руководящие органы Общества:

Вице-президентами недавно избраны профессор Московского авиационного института Надежда Балановская, заместитель директора Института Европы РАН, доктор экономических наук Валентин Федоров.

В президиум введены летчик-космонавт, Герой России Александр Калери, послы Владислав Терехов и Андрей Степанов, глава группы немецких компаний МАВИ Алексей Ерин (руководитель Группы по экономическому сотрудничеству).

В Правление кооптированы новые люди, в частности, директор Института стратегических оценок и анализа, главный редактор журнала «Вестник аналитики» Вагиф Гусейнов, генеральный директор и генеральный конструктор «ОКБ Вымпел», доктор технических наук Дмитрий Драгун, первый заместитель главного редактора газеты «Тверская, 13» Наталья Черненко, академик Академии медицинских наук Сергей Колесников, председатель правления германо-российского общества «Музей истории пребывания советско-российских войск в Германии 1945–1994 гг.», президент историко-культурного центра «Содействие XXI век» Александр Фурс, председатель правления Немецкого общества дружбы «Запад–Восток» в земле Шлезвиг-Гольштейн и германо-российского общества Киль (Германия, Киль) Ханс-Фридрих Меллер, руководитель

Исполнительного комитета Экономического клуба «Восток–Запад» (Бавария) Херманн Пениш (они, а также Вольфганг Грабовски из Берлина, являются уполномоченными представителями нашего Общества на территории Германии), руководитель Ассоциации обществ германо-русской дружбы (Дюссельдорф) Альфред Биттер и др.

Среди известных общественных организаций, имеющих статус участников Общества, – Институт Европы РАН, Московский политехнический музей, «Общество Знание России», Компания делового сотрудничества с ФРГ (РАТМИР) и другие.

Александр УРБАН,
первый вице-президент Общества «Россия–Германия»

СПРАВОЧНО

Международная общественная организация Общество «Россия–Германия»

Создано на базе Общества «СССР–ФРГ» (действовало с ноября 1972 г.) и зарегистрировано в Министерстве юстиции Российской Федерации (1992 г.) как Международная общественная организация. Самоуправляемое и самофинансируемое некоммерческое объединение. Использует формы и методы работы, отвечающие современным реалиям социально-экономической, правовой и культурной жизни России и Германии.

Основные цели и задачи: содействие утверждению духа дружбы и сотрудничества, установление и поддержание широкого диалога между народами обеих стран, развитие контактов в области культуры, науки, экономики, торговли, образования, спорта, молодежного обмена и т.д.

Проводит конференции, встречи, коллоквиумы, «круглые столы», выставки, презентации и т.д., помогает установлению деловых контактов и связей, содействует изучению немецкого и русского языков. Объединяет вокруг себя тех, кто заинтересован в установлении, развитии и сохранении дружественных отношений между гражданами обеих стран.

Общество взаимодействует с Российским центром международного научного и культурного сотрудничества при Министерстве иностранных дел Российской Федерации.

В Общество входят известные ученые, парламентарии, политологи, дипломаты, преподаватели высших учебных заведений, переводчики, экономисты, предприниматели, социологи, журналисты, деятели науки, культуры, искусства, студенты и гимназисты, работники государственных, общественных и коммерческих структур, бывшие военнослужащие. В его деятельности участвуют общественные объединения, высшие учебные заведения, научно-исследовательские институты, предприятия, фирмы, финансовые организации, гимназии, школы. *Членами Общества являются граждане России, Германии и других стран (физические лица, им выдаются персональные удостоверения) и общественные объединения (юридические лица).*

Немецкие партнеры: дружественные общества по связям с Россией в Баварии, Шлезвиг-Гольштейне, Берлине, Бремене, Гамбурге, Нижней Саксонии, Северном Рейне-Вестфалии, магистраты ряда городов и общин, образовательные центры, творческие союзы, политические и общественные фонды, фирмы. На взаимной основе Общество является участником Германского общества дружбы Запад-Восток в Шлезвиг-Гольштейне (Киль), а это немецкое общество – участником Общества «Россия-Германия», аналогичным образом оформлены отношения с Экономическим клубом Восток-Запад в Баварии (Мюнхен).

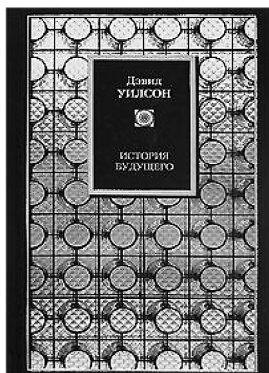
Высший руководящий орган – Конференция. Между конференциями работает Правление (соблюдается принцип систематического обновления его состава). Постоянно действующий руководящий орган – Президиум Правления. *В руководстве – бывшие послы В.Фалин, В.Терехов, П.Лядов, А.Степанов, Л.Замятин, ученые В.Федоров, В.Шенаев, В.Рыкин, космонавт А.Калери, депутат Государственной Думы О.Морозов, профессор Н.Балановская, член Академии космонавтики И.Габелко, художник А.Ш.Маринков, руководитель Группы общества по экономическому сотрудничеству А.Ерин и др.*

Президент Общества – Юрий Росляк, первый заместитель мэра Москвы в правительстве Москвы, руководитель Комплекса экономической политики и развития города Москвы, сопредседатель совместной комиссии Москва–Бавария. Первые вице-президенты: директор Института Европы Российской Академии наук Н.П.Шмелев и журналист-международник А.А.Урбан.

Почетные президенты Общества «Россия–Германия» – Л.М.Замятин, Ю.А.Осипьян.

Отделения в других городах: *Балтийское* в г. Калининграде (председатель правления Татьяна Лукичева) и *Московское региональное* (председатель правления Вадим Данилин).

Уполномоченные представители в Германии: *Вольфганг Грабовски* (г.Берлин), *Ханс-Фридрих Меллер* (г.Киль), *Херман Пениш* (г.Мюнхен).

АПОСТОЛЫ МЕРЦАЮЩЕГО БУДУЩЕГО Уилсон Дэвид. История будущего. М., 2007

Люди всегда хотели распознать будущее. Мистики разных эпох с помощью эзотерической техники рассчитывали разомкнуть узы времени. Древние пророки провозглашали волю Бога. Искушая судьбу, смертные пытались изменить собственный жребий. Человеческий род издавна соприкасался с некоей тайной, которую античные греки называли роком или фатумом, христиане – предопределением, буддисты – кармой, а марксисты – закономерностями исторического развития.

Древние провозвестия, однако, далеко не всегда западали в сознание людей. На протяжении многих столетий и тысячелетий они не воспринимались всерьез. Глубинно провидческое в них оценивалось как невнятное предостережение. Библейская символика постепенно размывалась в толще веков. Забывался язык Божьих возвещений. Может быть, теперь, в начале нового тысячелетия, мы вдруг осознали, что каждое слово вековечных предсказаний исполнено поразительной мощи и точности.

Автор книги проделал гигантскую работу, воссоздав историю утопического мышления. В этом смысл и названия работы – люди так страстно и давно мечтали о будущем, что теперь можно даже восстановить летопись этой грезы.

В прошлом нас всегда завораживало будущее. *«Независимо от того, как было предугадано будущее, его власть приковывать и занимать воображение было постоянной особенностью человеческого состояния... К восемнадцатому столетию будущее все больше рассматривалось в терминах прогресса, триумфа технологии и разума над природой и страстью; этому представлению в конце концов бросят вызов те, кто пришел к признанию огромного разрушительного потенциала, заключенного в технологических переменах»* (с. 10).

Д. Уилсон сравнивает возможности историка и провидца. Первый неизбежно должен иметь дело с источниками и принимать трудные решения – как выбрать, систематизировать и оценить доступные факты. Написание истории становится диалогом между прошлым и настоящим, в котором каждый информирует другого и влияет на него. Иное дело провидец. Проблема фактов просто исчезает, и вакуум может быть заполнен согласно собственным интересам и потребностям каждого поколения. Пророчества работают лучше всего, когда они неопределенны, неясны и ретроспективны. Пророки всех времен были убеждены, что почва, на которой они стояли, была самым важным местом в мире и что их собственная эпоха была главным периодом в истории человечества.

Эти соображения, подкрепленные множеством различных фактов, естественно, подрывают веру в пророчества. Однако нельзя отказать автору в убедительности. *«Везде, в широком разнообразии культур и широком диапазоне времен, люди пламенно верили, что Бог избрал их для специальной миссии и что судьба человечества зависит от их личных деяний»* (с. 25).

Не только библейские пророки, но и величайшие мистики, от Гермеса Трисмегиста до Нострадамуса, обладали тончайшим даром дальновидения. Сквозь покров времени они называли даты, имена, события, исторические катаклизмы. Но если фатум неотвратим, в чем же тогда предназначение прорицания? Устрашить, вразумить, вселить в душу покорность року.... Однако все человеческое естество протестует против такой участи. Сизиф, вздымающий камень на вершину утеса, согрет надеждой, что его усилия не напрасны. Прометей, провозжая взглядом орла, надеется, что его терзания кончатся. Орфей тщится вызвать свою подругу из подземного царства. Нельзя ли, вообще говоря, освободиться от роковых установлений?

Нам известен персонаж из греческой мифологии – фиванский царь Эдип, который вознамерился избежать предначинанной участи. Но получилось именно так, как возвестил оракул. Греховная связь оказалась неизбежной. Свершилось и убийство... В современной прогностике возникло даже своеобразное понятие – «эффект Эдипа». Оказывается, любое прорицание, стоит его произнести, может войти в сознание человека. И тот непроизвольно, безотчетно станет воплощать то, к чему приговорил его изреченный прогноз. Попытка уйти от рока обернется очередной кошмарной очевидностью. Вот она, цена прорицания...

Д.Уилсон рассматривает не только библейские, но и светские предсказания. Он показывает, как часто в истории предельные надежды верующих на пришествие Христа, на неизбежный апокалипсис оборачивались обыкновенной авантюрой, жертвой фанатического ума того или иного пророка. Будущее, которого еще нет, влияет на настоящее больше, чем прошлое, которого уже нет... *«Столь же очевидно, что надежды и ожидания, связанные с будущим, оказали огромное влияние на широкое многообразие реформистских и революционных движений»* (с. 36). Наступление нового мирового порядка, основанного на принципах свободы, равенства и братства, часто оказывалось столь нормальным, естественным и неизбежным, как смена времен года.

В различных предсказаниях, показывает автор, всегда присутствует некий трагический привкус. Пропаганда революции, линейное представление истории, ощущение неограниченного прогресса и мечты о тысячелетнем царстве Христовом были не только различными проявлениями поиска смысла в ходе сбивающих с толку и катастрофических времен, но также и отражением глубочайших человеческих желаний лучшего мира.

Д.Уилсон особенно предостерегает против такого противопоставления реальности идеалу, которое предполагает революционный или апокалипсический прыжок в другое историческое измерение. Всесторонне анализируется в книге судьба утопии. Первоначально она не была связана с будущим. Скорее она была частью более обширной попытки судить о поведении современников в свете общепринятых стандартов. Но позже она превратилась в основное средство постижения грядущего. Иногда утописты неплохо указывали на особенности будущей жизни. Ф.Бэкон, к примеру, предвидел и полеты в воздух, и

плавание под водой. Среди не меньших достижений этого английского философа можно назвать и само появление индустрии предсказаний.

Особенно резкой критике подвергается в книге идея прогресса, основанного на феномене рациональности. Вот как оценивает Д. Уилсон предвидения просветителя Ж. Кондорсе: *«Это представление будущего действительно было не лишено некоторой математической логики. Как только вы примете исходные предпосылки, все части соберутся вместе и прогресс станет экспоненциально возрастать. Принципы разума произведут новый международный политический порядок, характеризующийся равенством возможностей, промышленным ростом, социальным обеспечением и образованием, свободным от предрассудков и суеверий. Это завершится ростом производительности, который, в свою очередь, позволит моральным добродетелям и творческим талантам процветать по возрастающей спирали развития»* (с. 158).

Одним из центральных аспектов футуристической утопии конца XIX века было использование евгеники, чтобы гарантировать улучшение и окончательное совершенство человеческого рода. В утопии О. Хаксли для этой цели используются «неопавловские» методы, электрошоковая терапия, гипнопедия, обучение во сне. Вновь обретает актуальность идея Просвещения о человеке как «чистой доске». Предполагалось, что индивидуальность целиком детерминирована влиянием окружающей среды и образования. Для утопистов XVIII столетия такого рода развитие было вне всяких сомнений. Если вы контролируете окружающую среду и обучили детей принципам рассудка и морали – у вас все в порядке. Души детей – полностью покорны, что не вызывало сомнений: с помощью «надежды на награду» или «страха перед наказанием» из них можно было вылепить образцовых граждан. Однако такое просветительское представление долгие десятилетия не теряло своей привлекательности для апостолов мерцающего будущего.

«В итоге светские представления о будущем, в конце концов, воспреобладали, несмотря на то, что миллениаристские ожидания продолжали оказывать мощное влияние на политические и социальные движения. Первые футурологические утопии, появившиеся в конце восемнадцатого столетия, низводили религию до весьма незначительной роли и предвидели мир, в котором деизм заменил христианство. Центральными характеристиками идеального общества были разум, порядок, технологический прогресс и свобода. Пути прошлого, ассоциировавшиеся с алогизмом, хаосом, застоєм и насилием, казалось, были давно оставлены. Бог и небеса представлялись излишними; человек-творец достигнет земного совершенства, используя такие средства, как образование, а где-то к концу XIX века – и евгенику» (с. 221–222).

Может быть, лучше вообще не срывать покров времени? Не проникать мыслью в грядущее? Не разгадывать жребий на светлом челе? По словам современных французских «новых философов», именно идеи виноваты во всех бедствиях человечества. Реальность невольно кроится по меркам социального прогноза. Мечта о благоденствии, которого нет, о стране, которая отсутствует, невольно катапультирует человечество в паразитическое пространство...

Социалисты-утописты едва ли не первые в европейской истории пытались подчинить реальность прекрасной умозрительной идее. Мы долго называли их социальные прогнозы наивными, несбыточными. Пытались придать им более основательный облик, убежденные в утопичности их мечтаний. Но вот парадокс – многое из того, что им грезились, обернулось погромной историей,

воплотилось один к одному. Хотя получило название антиутопии, то есть кошмарного предсказания.

Что касается позиции Д.Уилсона, то он гораздо более скептичен. В девяти случаях из десяти, как говорится, считает он, люди, упорно преследуя ошибку, нет-нет да и наткнутся на истину. Так обстоит дело и с предсказанием: если вы делаете их достаточно много, некоторые из них, в конце концов, осуществятся. *«Футурологи верно угадали, что автомобили будут ведомы к своему месту назначения с помощью электроники – нечто такое, что ныне только начинается. И они были правы в отношении успехов медицины в области пересадки органов, использования генной инженерии в сельском хозяйстве и разработки новых лекарственных средств, которые будут делать людей счастливыми, устранять апатию и вялость и снимать сексуальные проблемы. В общем, это похоже на довольно неплохие достижения: пожалуй в мир прозака, виагры, персональных компьютеров, факсов, мгновенного предоставления информации и Интернета»* (с. 259).

Что же в сухом остатке? Книга Д.Уилсона убеждает в том, что различного рода прорицания в большей степени характеризуют состояние умов в настоящем, чем предвидят будущее. Однако во многих случаях эти игры с грядущим опасны. Они создают массовые движения, мировоззренческие проекты. Не пора ли взять на учет прорицателей? Но, с другой стороны, трудно смириться с мыслью, будто история мчится по заранее проложенным рельсам. Можно ли уйти от фатума? Выход есть, и он, оказывается, предельно прост. Прогнозов должно быть много. Сонм провозвестий трудно воплотить в действительность. Это единственная возможность вернуть истории желаемую альтернативность.

Множество противоречащих друг другу «сценариев», «моделей», «прогнозов» создают впечатление, будто история чревата тектоническими сдвигами. Компьютер взял на себя роль оракула. Проигрываются различные варианты «штурма» будущего. Создается впечатление, будто историю можно пригласить в любое приключение, идиллического или авантюрного свойства.

Не обнаруживается ли здесь другая крайность? Исторический процесс нередко описывается как вереница случайностей. Он оказывается подобным броуновому движению. В итоге – чувство страха перед диктатом случая, который то и дело грозит совлечь человечество в катастрофу. Сама история выглядит несчастной, истомившейся жертвой «самоорганизующихся прогнозов». Любое прорицание может завладеть сознанием людей и стать для них ориентиром поведения.

«Однако пророчества и предсказания продолжают вызывать к глубоким человеческим потребностям. Они предлагают цель и направление там, где царит неуверенность, в состоянии безысходности – вселяют надежду, предупреждают об опасности и откликаются на озабоченность. Поэтому будет достоверным предсказать, что предсказания будут всегда, пока люди будут населять планету» (с. 264).

Общий совет автора, пожалуй, курьезен. Он советует прогнозистам делать свои прорицания как можно более неопределенными. Это относится и к политике, который должен избегать конкретных деталей.

Эльвира СПИРОВА

БОЛЬШОЙ БЛИЖНИЙ ВОСТОК: СТИМУЛЫ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ

**В.А.Гусейнов, А.П.Денисов, Н.П.Савкин, С.В.Демиденко.
ОЛМА МЕДИА ГРУПП, 2007**

В начале 2008 года в свет вышел научный труд «Большой Ближний Восток: стимулы и предварительные итоги демократизации», подготовленный сотрудниками Института стратегических оценок и анализа.

Вышеозначенная книга, вне всякого сомнения, не будет обойдена вниманием отечественного и зарубежного экспертного сообщества, поскольку поднимает важнейшие вопросы современных международных отношений. Главной рассматриваемой проблемой является внешнеполитический курс неоконсервативной администрации Соединенных Штатов на Ближнем Востоке, в Центральной Азии и на Южном Кавказе. Название книги отсылает ее читателей к так называемому плану «Большой Ближний Восток», озвученному президентом США Дж.Бушем-младшим на саммите «Большой восьмерки» в 2004 году и предполагающему «модернизацию» азиатских режимов путем прямого навязывания им либеральных ценностей и стандартов.

Несомненной заслугой авторов «Большого Ближнего Востока» является то, что они первые среди отечественных политологов решились взяться за столь тонкую и трудную тему, как анализ ситуации в одном из наиболее «горячих» регионов нашей планеты. Авторы работы сделали попытку дать обобщенную оценку промежуточных результатов американской политики в Азии, уяснить роль Вашингтона в формировании ближневосточной геополитической реальности. Кроме того, в книге убедительно доказана связь между радикализацией американского курса на субконтиненте в начале 2000-х гг. и подъемом исламского фундаментализма в мире в целом. Достоинством работы является ее прогностическая составляющая. Авторы не ограничились тривиальным описанием существующей в регионе ситуации, смоделировав варианты ее развития в средне- и долгосрочной перспективе.

Богатый фактический материал, знание авторами деталей предмета своего исследования, и главное – простой, литературный язык, которым изложены сложные геополитические проблемы современности, делают «Большой Ближний Восток» весьма привлекательным для читателей самого широкого круга: от ученых-профессионалов и студентов, специализирующихся на соответствующей тематике, до любителей политических наук. Подкупает читателя

также и то, что труд «Большой Ближний Восток» весьма четко структурирован. В его текстовой ткани практически отсутствуют логические несоответствия, нет идеологических «перехлестов», авторы пытаются придерживаться объективного подхода к рассматриваемым проблемам.

Одной из важных частей книги являются главы, посвященные описанию внутривосточной ситуации в отдельных странах субконтинента. Здесь в концентрированном виде изложены иракская и иранская проблематики, просто и доходчиво обрисована ситуация в одном из наиболее сложных с этноконфессиональной точки зрения государств Ближнего Востока – Ливане, подробно описан палестино-израильский конфликт и война в Южном Ливане (лето 2006 года). Также авторы затронули войну в Афганистане и частично – ситуацию в Пакистане. Материал, изложенный в этих главах, в некотором смысле уникален – на сегодняшний день практически отсутствуют труды отечественных авторов, которые бы содержали четкое описание расклада политических сил, предпосылок и причин высокой степени конфликтности в странах субконтинента. Данной теме посвящено большое количество разрозненных газетных публикаций, но в рамках единой монографии подобный материал сведен впервые. Эту часть работы вполне можно рекомендовать для детального изучения студентам профильных ВУЗов.

Необходимо обратить внимание и на нестандартный подход авторов «Большого Ближнего Востока» к курдской проблематике, их желание отказаться от журналистских штампов в отношении описания деятельности национально-освободительных и сепаратистских организаций курдов, подойти к освещению этой проблемы с чисто научных позиций, показать истоки ее возникновения, текущее состояние и перспективы урегулирования.

Интерес для читателя могут представлять и приложения к основному материалу. Приложения эти содержат основные резолюции СБ ООН, хронику военных и политических событий вокруг иракского конфликта и иранской ядерной программы, а также Доклад Исследовательской комиссии Бейкера-Гамильтона по Ираку, оригинальный перевод которого приводится авторами. В данном документе содержатся рекомендации американских дипломатов администрации Дж. Буша на предмет изменения стратегии США в Ираке. Некоторые из положений данного доклада в настоящий момент претворяются Белым домом в жизнь.

Не лишен «Большой Ближний Восток» и ряда недостатков. Так, в некоторых своих частях монография порой перегружена второстепенными фактами, что в известной мере усложняет восприятие читателем материала. Однако в целом авторы со своей задачей справились и создали целостный и интересный научный труд.

Монография «Большой Ближний Восток: стимулы и предварительные итоги демократизации», надо надеяться, займет достойное место в ряду исследований, посвященных международной проблематике и окажет помощь исследователям, занимающимся изучением стран Ближнего Востока и Центральной Азии.

А.Л.СВЕЧНИКОВ,
кандидат философских наук

РОССИЯ И МИР. НОВАЯ ЭПОХА. 12 ЛЕТ, КОТОРЫЕ МОГУТ ВСЕ ИЗМЕНИТЬ

**Ответственный редактор и руководитель авторского коллектива
С.А.Караганов. М.: АСТ: Русь-Олимп, 2008**

Давать прогнозы на будущее – дело, как правило, неблагодарное, если, конечно, не следовать принципу Ходжи Насреддина, обещавшего шаху за 10 лет обучить осла грамоте. Тем не менее в футурологических изысканиях, предчувствиях, предсказаниях, прогнозах недостатка в современной российской действительности нет.

На этом пестром и, надо откровенно признать, малонаучном фоне весьма заметным и ярким явлением стал прогностический научный труд, подготовленный группой членов Совета по внешней и оборонной политике и профессоров Государственного университета – Высшей школы экономики под редакцией известного российского политолога, председателя Президиума СВОП С.Караганова. Нельзя не отметить и заметный вклад, который внесли в данный труд сотрудники Института стратегических оценок и анализа. Своеобразие и практическую ценность данному труду придало и то, что многие его авторы и члены редакционной коллегии, помимо своих научных должностей, званий и степеней, имеют за плечами большой опыт работы на различных должностях в федеральных органах власти и в деловых структурах. Такое сочетание позволило создать труд, который отличает, с одной стороны, глубокий анализ, строгий научный подход к прогнозированию ситуации в тех или иных макросферах жизни страны и мира, а с другой – реальность и прагматичность оценок и выводов.

Надо признать, что стратегическое прогнозирование, основанное на строгом научном подходе, до недавних пор было не очень-то востребовано в нашей стране ни властями, ни бизнесом, ни российскими гражданами, большинство из которых было озабочено проблемами сегодняшнего дня, проблемами выживания. И только в последние годы, когда Российское государство сумело преодолеть угрозу хаоса и распада, стало восстанавливать свои былые позиции на международной арене и взяло социально ориентированный курс во внутреннем развитии страны, возникла потребность в научном прогнозировании на перспективу, появилось понимание того, что именно строго выверенный научный подход к прогнозированию должен служить основой для стратегического перспективного планирования. И в этом отношении совместный труд СВОП и ГУ-ВШЭ является весьма своевременным и актуальным.

Чем же наиболее заметен этот неординарный труд, в который, помимо непосредственных его авторов, свой вклад внесли многие видные политики и политологи страны и мира, принимавшие участие в обсуждениях отдельных проблем в рамках СВОП?

Прежде всего, в нем довольно подробно освещены внешние условия, в которых будет развиваться и Россия и в которых она может оказаться к 2020 го-

ду. Тем самым авторы подчеркивают, что Россия возрождается как активный и влиятельный член мирового сообщества, тесно интегрированный в мировые и региональные структуры, в систему мирохозяйственных связей, что она готова не просто отстаивать собственные интересы, но совместно с другими мировыми державами противостоять общим угрозам, с которыми столкнулось человечество в XXI веке, и внести свой вклад в борьбу с ними.

Вместе с тем труд носит безусловный «российский уклон», все сценарии рассмотрены для российских условий и с учетом долгосрочных интересов нашей страны.

Наиболее интересны данные авторами прогнозы в таких макросферах, как мировая экономика и финансы, военно-политическая обстановка, мировая энергетика и роль России в ней, экологическая и демографическая ситуация. Прогнозы эти тем более ценны, что во многих из этих областей сегодня, что называется, скапливаются тучи, что, по понятным причинам, должно склонять авторов в сторону пессимистических прогнозов. Однако в своем большинстве они все же сумели сохранить объективный подход в своих оценках не столь уж отдаленного будущего.

Пожалуй, впервые в российской политической науке сделана попытка дать в одном труде обобщенную прогнозную картину развития ситуации в отдельных регионах мира – в Европе и на постсоветском пространстве, в Восточной Азии и Латинской Америке. Отдельно рассмотрена роль США, дана взвешенная оценка их возможностям по достижению роли мирового лидера. К сожалению, из рассмотрения выпал Африканский континент, который в прогнозируемый период может выйти из тени и внести весьма ощутимые коррективы – как в ту, так и в другую сторону – в общую картину развития мировой ситуации.

Не стоит, наверное, подробно останавливаться на тех, порою неоднозначных прогнозах, которые дают авторы труда, – каждый гражданин, которому небезразлично будущее своей страны и мира, должен прочесть и осмыслить их сам, дать им собственную оценку, соотнесенную с собственными планами на будущее. Тем более что книга написана простым и доходчивым языком, понятным любому читателю.

Но что стоило бы заметить – труд явился как нельзя более кстати, учитывая, что руководство страны, как представляется, всерьез задумалось над программой ее развития по крайней мере на ближайшие 12 лет. И в этой программе, надо отметить, учтены если не все, то многие оценки и прогнозы, данные авторами в предшествующем сборнике «Мир вокруг России: 2017. Контурь недалекого будущего», вышедшем годом ранее и получившем свое развитие в рецензируемом труде.

С.ОЗНОБИЩЕВ

Новые книги, которые могут вас заинтересовать

Рубрику ведет
кандидат философских наук
Эльвира СПИРОВА

БОЛЕЗНЬ ВЕКА

Делёз Жиль, Гваттари Феликс. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург, 2007, тираж 3000 экз., 672 с.

«Анти-Эдип» – первая книга из дилогии авторов «Капитализма и шизофрении» – ключевая работа не только для самого Ж.Делёза, последнего великого философа минувшего века, как его теперь называют, но и для всей второй половины XX столетия. Издатели не поскупились на восторженные оценки. Они называют книгу последним философским сочинением, которое можно поставить в один ряд с «Метафизикой» Аристотеля, «Государством» Платона, «Суммой теологии» Ф.Аквинского, «Рассуждениями о методе» Р.Декарта, «Критикой чистого разума» И.Канта, «Феноменологией духа» Г.Гегеля, «Так говорил Заратустра» Ф.Ницше, «Бытием и временем» М.Хайдеггера.

Согласно концепции авторов, всеобщая история представляет собой переход от предистории к постистории. История не достигла своей цели: вместо суверенного индивида возник человек озлобленный, заболевший «нигилизмом». Шизоанализ, осуществленный авторами, излагает философию истории новым языком: «болезнь века» – это шизофрения. Наше общество производит шизофреников так же, как оно производит шампунь и автомобили, с той лишь разницей, что первых нельзя продать. Но почему же общество заочащает безумцев, вместо того чтобы видеть в них своих героев, свое собственное завершение? Шизофрения – это внешний предел самого капитализма. С появлением буржуазии исчезает наслаждение как цель. Появляется ни с чем не сравнимое рабство, беспрецедентное подчинение. Больше нет даже хозяина: теперь рабы командуют рабами. Как подчеркивают авторы, «должен быть услышан, наконец, вопль В. Райха: массы не были обмануты, они хотели фашизм. Не сон разума порождает чудовищ, но его неусыпная длительная рациональность. Авторы считают, что природа невроза и психоза одна. Но оба они не поддаются объяснению в терминах Эдипова комплекса.

ЖИЗНЬ ЗЕМНАЯ И ПОСЛЕДУЮЩАЯ

Гроф Станислав. Величайшее путешествие. Сознание и тайна смерти. М., 2007, тираж 3000 экз., 475 с.

Недавно посетивший Россию Станислав Гроф – один из основателей трансперсональной психологии. Он разработал холотропное дыхание – уникальный метод само-

познания, психотерапии и личностного роста. Автор отмечает, что трудно представить себе более универсальную и лично значимую для всех тему, чем смерть и умирание. На протяжении своей жизни все мы теряем родственников, друзей, учителей и знакомых, а в финале остаемся наедине с необходимостью собственного биологического конца. Ключевая мысль Грофа состоит в том, что опыт смерти и возрождения – «величайшее путешествие», которое ждет каждого и является средством исцеления. Это путешествие рассматривается в книге со всех возможных сторон: исторической, теоретической, терапевтической, научной и философской. В книге дается подробный обзор исследований человеческого сознания, которые революционизировали понимание смерти и умирания, а также открыли новые подходы в работе с умирающими.

Трансперсональная психология изучает сознание в широком спектре его проявлений: множественность состояний сознания, духовный кризис, околосмертные переживания, развитие интуиции, творчества, высшие состояния сознания, личностные ресурсы, парапсихологические феномены. Она опирается на целостное видение человека в перспективе его духовного роста, классическую и неклассическую философскую антропологию, мировые духовные традиции, разнообразные способы самопознания и психотерапии, такие как медитация, холотропное дыхание, телесно-ориентированная психотерапия, терапия искусством, работа со сновидениями, активное воображение, самогипноз и т.д.

Трансперсональная психология имеет глубокие корни в истории культуры и религии, в мировых духовных практиках, которые научно обоснованы в классической и современной психологии. Лидерами современной трансперсональной психологии являются С.Гроф, К.Уилбер, Ч.Тарт, А.Минделл, С.Крипнер и другие, каждый из которых развивает свое направление исследований, методы и школу.

В человеческой психике смерть сильно представлена в форме биографических воспоминаний о ситуациях, угрожающих жизни в постнатальный период, во время родов и в пренатальной жизни. Дополнительные темы, связанные со смертью и недолговечностью, составляют важные аспекты исторической, кармической и архетипической областей коллективного бессознательного.

ПЕРЕКРЕСТОК «БЫТИЯ»

Деррида Жак. Диссеминация. Екатеринбург, 2007, тираж 3000 экз., 608 с.

Одно из ключевых собраний текстов крупнейшего современного мыслителя отказывается быть книгой. Это не столько книга, сколько разворачивание во все стороны того рискованного предприятия, в котором одним жестом исполняется чтение и письмо. Высочайшие ставки мысли отличают изощренную игру деконструкции, несводимую к какому бы то ни было набору шагов, правил или приемов. Автор диссеминирует (рассеивается). То же самое можно сказать и о тексте. Провокативность Деррида завораживает и затягивает, волнует и смущает, будоражит и тяготит. Поддаваясь ей, очень легко, оказывается, имитировать некоторые формальные приемы и особенности построения текста, не замечая проводимой им работы. Противостоя ей, упрощающие схемы сознания могут автоматически превратить в понятия даже слова, помечающие границы понятийного.

В этой книге, подчеркивает автор, созданной для того, чтобы «ничего не видеть», «не зная о том, односторонняя интерпретация пришла бы к выводу о единстве Природы (мира в его целостности) и Книги (объемного переплета любого письма). Если такое единство и не дано, то его нужно восстановить. Но, оставаясь в форме блокнота протокола, предисловие оказывается вездесущим. Оно больше книги. Литература также указывает на ту сторону от всего – на «операцию», вписывание, которое преоб-

разует все в целое, требующее завершения или дополнения. Такая дополнительность открывает «литературную игру», в которой вместе с «литературой» исчезает и фигура автора. Несомненно, что литература, по крайней мере, так кажется, сама нацелена на заполнение нехватки (дыры) в целом, которое, по определению, должно было бы испытывать нехватку в самом себе.

Но это сокращает литературу: она не существует, поскольку нет ничего, что было бы вне всего. Она существует, поскольку есть «исключение всего», внешнее всему, а именно некоторое удаление от нехватки. Поскольку же она существует, она одна, все не является ничем, ничто – это все. Это дополнительное ничто, этот отнятый избыток подчиняет порядок смысла (того, что есть), пусть и полисемического, расстраивающему закону диссеминации.

ГЕРОЙ И ПОЛИТИКА БЕССМЕРТИЯ

Сол Джон Ростон. Ублюдки Вольтера. Диктатура разума на Западе. М., 2007, тираж 1500 экз., 895 с.

Знаменитый канадский ученый и писатель Джон Ролстон Сол дает в книге захватывающий анализ кризиса, поразившего западную цивилизацию в последние десятилетия минувшего века. Автор отмечает, что было бы недальновидным критиковать Вольтера и других мыслителей XVIII в. за ту страсть, с которой они боготворили разум. Европейские, в том числе английские, а также американские, философы бросились в объятия разума с убеждением, что в результате этой страсти родится новая интеллектуальная элита, способная создать новую цивилизацию. Эта любовная связь была удивительно плодотворной. В дальнейшем общество было реформировано в лучшую сторону, о чем эти мыслители и не помышляли. Но вскоре демонстрация силы без сдерживающего воздействия со стороны этических структур превратилась в религию новых элит. Их реформы подразумевали беспримерное и постоянное узаконивание государственного насилия. Это сопровождалось усилением борьбы между демократическими и рациональными методами, в которой перевес оказался на стороне последних.

Если бы Вольтер, отмечено в книге, перенесся в наши дни, новые структуры, до неузнаваемости искажившие идеалы, за которые он боролся, вызвали бы его гнев. Что же касается его потомков в лице наших правящих элит, он бы опроверг законность их прав и вступил с ними в борьбу с той же яростью, с какой он боролся в Европе против правителей и священников в XVIII в.

Несколько десятилетий назад демократический, индустриальный, развитый мир начал бессмысленную, ошибочную, но ожесточенную внутреннюю борьбу, которую называли борьбой между левыми и правыми. На самом деле, по мнению автора, это была предсмертная агония Века Разума. Лозунги, использовавшиеся обеими сторонами в этой мнимой борьбе, были на удивление схожими. Такие понятия, как «реформа», «социалист», «социал-демократ» и «вмешательство государства», противопоставлялись понятиям «капиталист», «консерватизм», «индивидуализм» и «общепризнанные ценности».

Если сократовские вопросы все еще актуальны – это, конечно, по словам автора, не рационально. Вольтер указывал, что римское понятие «*sensus communis*» означало «здравый смысл», но также «гуманность» и «способность к сопереживанию». Сейчас его свели до понятия «состояние между глупостью и умом». Мы сузили это понятие еще больше, как если бы оно имело отношение только к труду рабочего и воспитанию маленьких детей. Это сужение влияния цивилизации, которая, предлагая свои ответы, автоматически стремится разделить людей, в то время как мы отчаянно стремимся объединиться на почве решения существующих проблем.

ИНФОРМАЦИОННЫЙ РАЙ

Тоффлер Э. Революционное богатство. М., 2008, тираж 3000 экз., 569 с.

Автор утверждает, что в Америке зарождается цивилизация «третьей волны». Это и есть глобальный процесс. По Тоффлеру, процесс исторической эволюции подобен вечно живому океану, через который время от времени перекачиваются огромные волны, трансформирующие цивилизации. Десять, а возможно и более тысяч лет назад некий гений (возможно, это была женщина) посеял первое зерно. В результате возникла гигантская волна сельскохозяйственной цивилизации со своим жизненным укладом – государство простого разделения труда, четко определенные касты и классы, авторитарная власть. В XVII в. в Европе началась промышленная революция, породившая вторую волну, которая очень скоро захлестнула большую часть мира, преобразовав его и модернизировав и экономические, и общественные институты.

Символы второй волны – заводской труд, конвейер, массовая продукция, массовое распределение, массовая торговля и культура, разрастающийся чиновничий аппарат, призванный приучить бывшего сельскохозяйственного работника к жесткой заводской дисциплине. Выйти в поле можно и в шесть, и в шесть тридцать. Опоздание на десять минут к производственному конвейеру оборачивается простым сотен рабочих и их огромными убытками. К роли винтика в промышленном котле готовила детей и школа. Все – от образования до правительственных организаций – строилось по принципу массивной иерархической структуры и было ориентировано на массового потребителя.

В новой информационной цивилизации («третья волна») меняется не только экономика, но и все ролевые структуры. Начинается демассофикация, становится ненужным чиновничий аппарат. Пропадает присутствие между жизнью дома и на работе. Семья, в которой муж каждое утро отправляется на завод, а жена – за покупками, уходит в прошлое. Все большее число служащих не спешит к 9.00 в свой офис, а, расположившись у компьютера, выполняет свои профессиональные функции. Необратимость, а самое главное, огромная скорость изменений создают реальную угрозу индустриальной цивилизации, грозя уничтожить ее методы, ценности и институты.

SUMMARY

EDITOR'S PAGE

Vagif Guseinov

1. The victory over elections is provided massed organizational-propaganda activities authorities at all levels and, especially, with impressing efforts of the main character of the Russian policy. Figuratively speaking, on wide wings of the rating Putin could lift any successor. It has chosen Medvedev.

2. Almost synchronous performances and the president, and its successor on the State Council and at the Krasnoyarsk economic forum, undoubtedly, pursued a problem of demonstration of organic continuity of authority. Meticulous analysts compared texts, but the main attention, naturally, has been concentrated not to concurrence or similarity of ideas and positions, and on those nuances which would allow to some extent to reliability to judge readiness of the successor independently to supervise over the country, considering, that the former president remains in authority.

POLITICS

Alexander Tsipko. ABOUT STRATEGY OF CONSTRUCTION OF A CIVIL SOCIETY IN RUSSIA

Some preliminary perceptions

1. Evaluating the effects of Putin's activities in positive way, one has to realize that everything he did had the imprint of the extreme measure policy, that overcoming the chaos and distemper was being achieved owing to the sky-high rise of the use of the administrative factor in shaping all sides of the public life. As a matter of fact, this is understandable. The extreme tasks of saving the country cannot be addressed without the extreme measures, without strengthening the role of the one-man-rule. Eventually, the Constitution, Putin leaned upon to restore the vertical of power, has also sprang out of the extreme situation, out of the Fall 1993 civil war.

2. The drama of the current situation is actually made up by our need to solve the two alternative problems simultaneously. The corruption cannot be won over without increasing the use of the administrative dimension in the country's life. At that, one cannot help observing, that, by the prevalent practicing of one-man-rule we reproduce all the faults of the Soviet political system, when, in fact, the whole country's social development depended upon the personal will and predilections of the Number One. I venture to state, that, at least after Stalin's death, the role of the Politburo members in restraining the Secretary General of the CPSU Central Committee from making erroneous decisions was more effective than that of our state top executives today.

Pavel Gurevich. THE AUTHORITIES-TASTING

Part 2

1. As researchers note, using the techniques of political performance becomes the common method of power interception. Today, there is just one man acting as a policymaker in our country. It is not worthwhile to name him,

because no one else plays role of independent figurant in Russia. Everyone plays the role one has been given. The slightest deviation from the specified line is pregnant with political resignation. High ranking politicians have become puppets, in a sense. They wait for the majestic decision that is to determine their destinies. And the political technologists, fully confused, have to comment the events that came about regardless of their forecasts.

2. Psychological weariness of masses is a multiple-valued phenomenon. People are in no small degree capable to distinguish calculated political philippics and self-serving interests behind them. The practice of political killing loses its appeal. Common citizens, with all their suggestibility, make no effort to tell, that the true care of the people's well-being is not obliged to wear the State paternalism outfit, to be imaginary enchanted with the reformatory gambling. More and more often a simple truth become obvious – you want to get votes, you forget naive belief in 'immaturity' of masses, in their total suggestibility, in peoples' organic inability to understand what stronghold they stand on.

3. Once 'servants of the people' go mad on the system of manipulation, the people loses feeling of being governed. Worst of all is that the complexities of new systems have just increased, and the new elites, while rewarding the most successful supporters of the ruling power, start to display contempt towards the populace. The elites came to perceive citizens as creatures of some special sort, the fact confirmed, for example, with special forms of addressing them: something of the kind, 'the people would not understand it', 'the electorate wishes to know', or 'the plebs would lap it up'. The latter expression is especially popular among members of the so-called Fourth Estate.

FOREIGN AFFAIRS

***Peter Schultze (Germany).* THREATS TO THE EUROPEAN SECURITY AND RUSSIA'S COMING BACK TO THE STATUS OF A MAJOR FIGURE IN THE EUROPEAN AND A WORLD POLITICS**

1. Russia's threat to leave the intermediate and small range ballistic missiles (ISRBM) treaty is directed at no country in Europe, including Russia's 'favorite' opponents, Poland and Georgia. Russia is facing more serious security problem at its southern borders. One may suggest, the Moscow and US governments have been engaged in some cynical game in the field of Realpolitik. Moscow might gain some benefit by leaving the ISRBM treaty. If that was the case, the targeting coordinates for the Russian missiles would remain unknown. And that might once and for all ruin the European Security Policy designs, together with the Europe political project.

2. Though the Moscow-EU relations are leave much to be desired now, still, within the last 15 years, a close and intense network of steady economic and political interests have been formed, strengthened and broadened with bilateral contacts and conterminous national interests. The formed interdependence is real and recognized by both sides, so it has to be realized by the political class of Poland. Both partners might and may well get by with some virtual agreement, or just with the agreement on cooperation and partnership with an undetermined period of validity.

3. The conflict would break out in Europe and over it. That eventually would result in weakening the European Union. It is not clear, whether Russia is consciously guiding the development of this situation. But it seems well-defines fact, that the USA is responsible for this conflict situation, whatsoever the conservative media are trying to prove otherwise. Still, the Russian ruling elite's assessment of the European Union has, undoubtedly, changed – the Europe is perceived not just as a partner, but as an opponent as well, even temporarily weakened.

***Marianna Evdofjeva.* THE EUROPEAN COUNTRIES, MIDDLE EAST AND THE PROBLEMS OF SECURITY IN THE MEDITERRANEAN**

1. Based on the analyzing the security problems in the European countries and in the Middle East, the conclusion is to be made that the Mid-Eastern regional security system is in need of serious measures of reinforcement, optimization, as well as some new effective mechanisms of political regulation. Considering the specifics of the political situation in the region, it should be noted, that these regulating mechanisms, first, are to be closely tied with the problems of the Arab-Israeli conflict and peace process progressing in the Middle East, and, second, have close connections with the policy of the United Nations, the European countries, Russia and the USA as intermediaries in Mid-Eastern settlement.

2. In general, the mechanisms of regional interaction and cooperation between the countries of Europe and Middle East might vary. First and foremost, it is important to work out the system of mutual consultations and exchange of experience in the sphere of security between the League of Arab States (LAS) and the European Union

institutions and the NATO countries to ensure the mutual trust and search of compromises in the above specified issues. The key role in the cooperation of the two regions should also continue to be played within the frameworks of direct negotiations between the LAS, on one side, and UN and 'The Mid-East Four' representatives, on the other, that have already become traditional.

3. The Arab countries' closer involvement in the Mid-Eastern settlement and strengthening the regional security, in our opinion, might be promoted with the establishing the European-Mid-Eastern Council on the security problems (between the European Union and the LAS), as well as the closer coordination of actions between the LAS and the 'Mid-East Quartet', strengthening the EU policy of neighbourhood due to developing cooperation in the security sphere and gradual spreading this policy over all the countries in the Mid-Eastern region.

Sergey Kortunov. RUSSIA IN APR: BASIS OF REGIONAL STRATEGY

1. As it seems, the potential incorporated in the Shanghai Cooperation Organization (SCO) is used by far not completely. To increase the efficiency of this organization it has to be enlarged. The current moratorium on the SCO enlargement has to be reversed, I think. Mongolia, India, Pakistan could enter the SCO in the capacity of permanent member-states that would have stabilizing effect on the Indo-Pakistan conflict. Turkey, Afghanistan, Turkmenistan could become the SCO observers as well as, at a certain stage, the USA.

2. The second way to improve the SCO might be developing the organization's economic dimension. Certainly, without solid economic base the SCO could not become the effective regional security organization. At present, the reports on economic cooperation within the SCO look like just the list of existing bilateral and multi-lateral economic projects that are being run with no support on the part of the SCO.

3. In general, it seems necessary to develop the organization more boldly. At that, the anxieties, some Russian politicians and experts have, of the People's Republic of China domination in the SCO are groundless: the documents of the organization speak of the equality of its members, that is more favorable for the weaker as equalizes them in their rights with the stronger. The SCO's new stage of development would give the organization the rank of one of the most authoritative international institutions and contribute to promotion of the Russian national interests in the APR.

Vladimir Roschupkin. LIEUTENANT JOHNSON DOES NOT UNDERSTAND ARABIC

1. Mastering foreign languages becomes of special significance for the American armed forces and intelligence community. Especially, due to the situation in the Middle East, where the American troops are engaged in combat operations in Iraq and Afghanistan. The influential Washington Post newspaper is of opinion, that lack of some noticeable progress 'in fighting the international terrorism' has been caused by insufficient language training of the American military and special services employees. Today on the other side of the ocean, by the language of terrorists is meant primarily the Arabic, the language the Islamic fundamentalists speak.

2. The life itself has put in agenda the need to develop and introduce some complex approach to learning foreign languages not just in the US military and special services, but also in the governmental services. According to some information, an unusual order came into force in the US military department. Its gist is money and languages. The order speaks of sound additional payments to those American military men who know foreign languages well. It was said, the annual rise might sum up to no small amount of 12 thousand dollars, depending on complexity of the studied language and the degree of mastering it.

3. The news that came from such a source as the President, was enthusiastically met in the academic circle and in the military department, where they made a note that such a decision were to be passed several years ago. The participants in the program are the Department of Education, Ministry of Defense, State Department, as well as the central intelligence. So, the Pentagon has already concretized the presidential directives proper in the military sphere. The military department is about to put the allocated money into a national security fund. The fund would deal with implementing the program on learning foreign languages by children of from kindergarten up to university age.

Rasim Agayev (Azerbaijan). THE KURDISH STATE: A MYTH, OR A DREAM, OR A GEOPOLITICAL PROJECT?

1. The history of Kurdish movement, its sources, ethno-political collisions generated by it are the best testimony that such geopolitical projects based on the so-called historical right, are in incompatible contradiction with the principle of territorial integrity, and compromise the other commonly-accepted principle, the right of nations

to self-determination. One cannot but agree, that the history of creating state formations based on the historical right has produced some tangle of stubborn problems affecting the health world community as a whole.

2. The new turn of events in the region has already led to state border breakages, internal ones as yet, that, perhaps, fits into the US plans on modernizing the region they call the Greater Middle East, that, in opinion of the American strategists, needs to be democratically reformed and economically liberalized. Considering the specifics of politics, economy and life style in the Middle East, it seems improbable that 'the American model of democracy' would have any future there. Many experts in Europe are skeptical of the 'reconstruction' program for the Middle East, pointing out that even first steps in this direction have brought in the increased instability in the region.

3. New reshaping the Middle East political map threatens with escalation of tension in wider international scale, inveigling new forces into the conflict that dangerously expand its geopolitical zone. To solve the Kurdish question exactly in accordance with the offered option would provoke new attempts to use the existing experience of Irredentism on the part of other nations that have historical claims for territories of the contemporary states. Perestroika the American style might well results in appearing a new hotbed of long-term instability, which would move dangerously closer to the borders of the Greater Europe.

NATIONAL SECURITY

Anatoly Tsyganok. RUSSIA WITHIN THE CIS SECURITY SPACE

1. The security space of Russia as the world actor is influenced with the processes – both actual and supposed – existent in the space of Europe, Africa, Middle East, the Central, South-West and South-East Asia, Asian-Pacific Region, North America. One of the instances is the problem of the American ABM defense as an element of the forward-based nuclear threat system, the first location of which is in North America (Alaska), the second – the Japan-US joint sea component – in the Sea of Japan and on the Korean Peninsula, the third is planned to be deployed in the territories of Poland and Czechia, the fourth in the territory of the Great Britain, with the radar stations in Norway and Greenland. One should not forget the Israeli-American joint ABM defense in the Middle East.

2. The level of security space is principally influenced with the threat of notorious international terrorism, which is obvious. At present, the major threats are the ever increasing activities of the Islamic terrorism, with its main centers funded by the Saudi Arabia and Pakistan, and the consequences of the war in Iraq that were not anticipated. Despite of the transnational character of the terrorist threats, there are always specific states behind them. In other words, there is an outside threat behind the formally internal one.

3. The North Atlantic Alliance, upon coming closer to the CIS borders, bubbled something on its advance towards the Black and Caspian seas, deployed its bases in the Central Asia and reduced no single real threat, be that the drug addiction or illegal migration: with its decisions to operate without certain delimitation of its actions, the Alliance brings in the threat to the security space in general. Alarming is the perspective of unleashing new armed conflict with Iran, directly adjoining southern borders of the CIS. The NATO member-states have partially reduced their military arsenals, but even the forces remained surpass the military capabilities of the CIS countries many times over.

Vasily Belozerov. RUSSIA'S ARMED FORCES AND THE STRUGGLE FOR ENERGY RESOURCES

1. First of all, the spectrum of military power application varies with the evolution of the society and political relations. The contemporary world universal tendency is that the transformation of armed forces should be done in the way to make them ready to carry into effect practically any tasks. To be certain of that one has just to be familiarized with, for example, provisions of the US Strategy on National Security or Germany's White Book that appeared in 2006 with an interval of some months. Their approach is justified, as the modern postindustrial society becomes increasingly dependent on many factors and, hence, vulnerable, at that, the distinction between military and non-military threats practically non-exists today.

2. It cannot be excluded, that the interests of ensuring the energy security would become a powerful factor to most seriously influence the military skill, already in the nearest future, and result in substantial revision of views on running military operations and destination of the armed forces, as it had been the case after the railways appearance. Russia and its Armed Forces should be ready to that right now, at least, at the level of conceptual approaches.

3. Today, one has all the grounds to contend that to task the Russian Armed Forces with the function of maintaining the energy security would not make a precedent in the international practice at all.

THE ISSUE'S MAIN TOPIC:
WHAT SHOULD BE THE DECISION OF A PROBLEM
OF THE NUCLEAR CONTROL OVER THE MODERN WORLD?

Edward Ifft (USA). UNDERSTANDING DETERRENCE NATO-RUSSIA ADVANCED RESEARCH WORKSHOP

1. Almost any proposed major new strategic weapon system will be both supported and opposed on the basis of its supposed effect upon deterrence. A prominent recent example is the ABM system proposed for Poland and the Czech Republic. The U.S. believes it would strengthen deterrence, while the Russian Federation believes it would weaken it. Evidently, someone is confused! Perhaps the most straightforward explanation for the confusion is the failure to ask, «Deter whom from doing what?»

2. Many recent examples demonstrate the consequences of the failure to apply credible deterrence, or to respond quickly and forcefully to flagrant violations of international norms. Although the Bush administration's doctrine of preemptive/preventive war has been met with strong opposition, it is becoming clear that the international community does need to respond more quickly and more effectively to such outrages.

3. Our task now should be to reduce nuclear weapons to very low levels, relying increasingly upon collective conventional forces for deterrence, gradually pushing nuclear deterrence into the background as a last resort. If this sounds like the New World Order, it probably is. If it sounds naïve, it probably has that flaw as well. Nevertheless, it does sound preferable to the world in which we have been living for the past 60 years.

***Harold Smith (USA). COMPARING THE POLICIES PURSUED BY THE DEMOCRATIC
AND REPUBLICAN PARTIES ON NUCLEAR NON-PROLIFERATION***

1. The Democrats, developing their policy, would take into consideration the positions held by greater number of the countries participating in the process, while the Republicans would rather rely on preserving the strong single position, though, still, the distinctions could be minimal, especially in comparing them to those in the early years the Bush government.

2. The RRW deployment might become some sort of test for such assumption. On the non-proliferation issue, the Congress (presumably being under the control of the Democrats) would strive to assess the deployment's impact on the positions of more the Nuclear Non-Proliferation Treaty signatory powers, rather than to take a note of how it is looked upon by the traditional nuclear states or terrorists. The Congressmen would stake on postponing the deployment in time.

3. The Republican President, perhaps, would choose some narrower approach and support the deployment. But, if this to be the case, it is difficult to picture as to how he would manage to persuade the Congress to assign the needed financing. But, in any case, decision-making on non-proliferation issue would be pushed into background, with the normal bureaucratic procedure to prevail; the lack of urgency and the financial realities would direct to easier way to vote for putting the deployment off.

Michael Krepon, Alex Stolar (USA). THE OUTLOOK FOR NUCLEAR STABILITY IN SOUTH ASIA

1. The stability-instability paradox has produced a succession of crises and one limited border war without escalating across the nuclear threshold. In recent years, however, the dominant trends in Pakistan-India relations are primarily positive. With sound leadership in both countries, the normalization process can continue. An agreement in principle concerning the key elements of a Kashmir settlement is no longer inconceivable.

2. Indeed, the primary impediment to such an agreement in both countries is now domestic politics, rather than disputes over territory, religion, sovereignty and inheritance. The primary threats to both countries are now internal rather than external. Acts of domestic violence can, however, lead to the reopening of old wounds. And external developments, including events in Iran, Afghanistan and China, could still have important consequences for the subcontinent.

3. Macro-economic and geopolitical factors, as well as internal security concerns, have moved India and Pakistan away from dangerous patterns of confrontation and recurring crises. While reverses and setbacks to these dominant trends are likely to occur, and while political uncertainties will persist, there is now greater insulation against the most worrisome nuclear threats on the subcontinent.

1. To achieve the military and technical arrangements aimed at solving the task of lowering the motivation to possess nuclear weapons and the task of preventing the use of nuclear weapons, it needs practically similar control structures and warfare means. Consequently, at the consultations mutually held by Russia, USA and NATO on the European ABM system, it is necessary to stress not the problem of neutralizing the possible threats posed by the deployment of the American systems to Russia, but rather on building-up the system giving priorities to the task of opposing the nuclear proliferation and preventing the use of nuclear weapons.

2. Traditionally, the United States are not prone to share with anybody the control 'levers', including those of the European ABM system under construction. However, there were instances when the USA, in the interests of the task of opposing the nuclear proliferation, has taken the initiative and insistence, putting aside the other interests, that gives some hope to exploit the possibility of full-fledged cooperation for the sake of the ultimate goal.

3. In the contemporary world, the problem of the nuclear control cannot be reduced just to the frameworks of the Nuclear Non-Proliferation Treaty, and, however the USA would be eager to solve the problem of nuclear non-proliferation following its own rules only, there can be no other approach but the multilateral one, that combine the efforts of many states. The nuclear security is not to be achieved without eliminating the motives for other states to obtain the nuclear weapons, and without some measures preventing their usage.

ECONOMICS

Valentine Valyukov, Alexey Yermakov, Boris Sidorov.

SOME ASPECTS OF THE INTERREGIONAL DIFFERENTIATION OF THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT IN RUSSIA

1. The analysis of modern trends in regional development fully testifies the need to create some effective and easy-to-understand mechanism of regulating the inter-regional economic differentiation in the immediate future. Such mechanism is to consider the specifics of the Russian model of federative relations and promote maintenance of the domestic economy's strategic competitiveness under the conditions of globalization. To put it into operation is one of the key preconditions to revive the Russian economy on the principles of the socially-focused market economy.

2. To carry out urgent system transformations it is necessary to work out the long-term Strategy of Socio-Economic Development of the Russian Federation's Regions with no delay. At that, it is needed to provide for the necessary methodical, analytical instrumentation, allowing to monitor in specified parameters existent changes, to quantitatively and qualitatively assess the efficiency of implementing measures, to soundly and unequivocally establish the target 'thresholds' of the social, economic, ethno-cultural development of the entities of the Federation.

3. In general, any effective strategy of regional development should include three vectors: the policy of leveling to support the minimum standard of life in depressive regions; the active regional policy to stimulate the growth and development of certain territories; and, finally, to provide for mobility and rational territorial distribution of the labour force.

TOPICAL PROBLEMS OF PROVIDING RUSSIA'S ECONOMY WITH THE CADRE RESOURCES

1. The state of the labour potential is considered to be inadequate to the scope of Russia's long-term economic development. The quality of primary vocational training and the structure of the number of qualified workers and experts, as a rule, do not meet the current and perspective needs of the economy. The qualified cadre is the basis of the economy in all developed countries. While in the USA the qualified workers make up about 50% of all employed, and 45% in Germany, the corresponding figure in our country, by some estimations, is just 5%.

2. Technological modernizing the economy, developing big corporations in various sectors of the economy and strengthening Russia's positions in the world market can be archived at escalating the labour resources, improving the quality and mobility of labour, developing flexible labour market and effective labour relations. The basic condition for solving these problems has to be replacement of non-qualified and low-paid working places with effective and competitive workplaces based on real integration of the economic, investment, educational policies and the policy in the labour market.

3. The governmental policy in the labour market is to play guiding, stimulating role to secure the economic growth and effective employment of the population. Consistent work is needed to build up youth vocational understanding which could closely link the youngsters' free choice of a trade with the labour market's requirements, options of employment and career development. To this effect, it seems important enough to reconstruct some powerful system of propagation of blue-collar labour, occupations that are necessary and useful to the economy, movements of experienced workers tutorship of their younger successors.

DEBUT

Maria Bochkova. RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE 21st CENTURY: ITS NATIONAL INTERESTS AND THEIR THEORETICAL SUBSTANTIATION

1. In the 21st century, Russia's priority national interests are going to be security in all its aspects (military, territorial, economic, energy, information, transportation, ecological); domestic political stability; substantial rise of the cultural level of the population, with the prime goal of having Russian citizens to be aware of their own national unity, and forming a unified solid nation; bringing-up the national-oriented elite.

2. The state's foreign policy is going to be guided by these national interests as well, with the primary attention being paid to strengthening Russia's position in the world through its membership in the intergovernmental organizations, and cooperation with foreign states in establishing a multi-polar system of the international relations.

3. One cannot exclude new Russia's national interests appear in the 21st century, but all the abovementioned would still be of priority. It has to be specifically noted, that all the interests are interdependent, interconnected and intercorrelated. To have them implemented needs the complex and system approach. Russia would follow the policy serving these national interests to become the sovereign democratic nation and competitive state with the real sovereignty.

Eldar Kasayev. ABOUT SOME PROBLEMS OF ACTUAL SITUATION IN IRAQ

1. By the end of 2007, the political and military situation in Iraq seems to be more complex and no less tense. Second, the principle discrepancies between the Iraqi major political forces on authority division, as well as actual unwillingness of many of them to start full-fledged dialogue on national reconciliation by all means would lead to further destabilization of the situation in the exhausted state.

2. The US military presence in Iraq would last at least 3 to 5 years more. But, following the improvements in the country's internal situation and development of the Iraqi armed forces, the USA would choose the way of gradual reducing its military contingent, keeping it at the necessary minimum level, being enough to deploy several military bases and maintain the safety of the strategic objectives. This is, seemingly, the most probable development scenario.

3. What are Russia's perspectives to take part in the solving the protracted conflict in Iraq? After the USSR ceased to exist, the role of its successor in the Mid-Eastern affairs has somewhat declined, but, as the recent events showed, the official Moscow's goal is to support to solve the region's numerous problems. The Russian side is ready to participate and to cooperate in restoration of Iraq, in particular, of those branches of its economy, where at first the Soviet, and then Russian experts were actively engaged. The Iraqis rely on Russia's more active assistance in the crisis settlement as a mediator.

ROUND TABLE DISCUSSION

WHO'S GUILTY AND WHAT'S TO BE DONE?

Is It and How It Is Possible to Overcome the Faults of Our Privatization?

This round table discussion refers to the most dramatic and deepest contradiction of the Russian present-day reality. On the one hand, everybody have heard of defects, deformations or faults of our landslide reforms, of our landslide privatization in the first place. But, on the other hand, the educated and conscientious Russians understand, that any attempts to high-handedly correct the high-handed privatization could result in a new misfortune.

PUBLICATIONS

Afrand Dashdamirov. THE KARABAKH CONFLICT IN THE CONTEXT OF PERESTROIKA On the threshold of the collapse

The intensification of the interethnic contradictions, that had come to the surface in the USSR, in the perestroika's second year already, and began to develop into interethnic collisions in some regions, into the open challenges to the Center power. By January 1990, at least in the six out of fifteen Union Republics the ethno-oppositional sentiments took the form of mass political separatist movements.

Armenia's annexationist decisions and aggressive activities regarding Azerbaijan, that took place in the period of 1989 – early 1990s, were directly resulted from the increased political activity and weight of the Armenian All-National Movement (AAM) and some other non-conformist associations and organizations, which had come into being on the wave of the Nagornyi Karabakh annexation movement. Under this Movement's slogans, the idea of inevitable 'solving' the Karabakh problem by armed force had been persistently introduced into the mass consciousness of the Armenians.

NOTES ON A BOOK'S MARGINES

Elvira Spirova. APOSTLES OF THE FLICKERING FUTURE On Wilson, David. History of the Future. M., 2007

1. The author compares the abilities of a historian and a prophet. The former has inevitably to deal with sources and make hard judgments: how to choose, systematize and appreciate the available facts. Writing the history becomes the dialogue between the past and the present, in which one informs the other and influences it. The prophet is something different. The problem of the facts just disappears, and the vacuum can be filled according to the interests and needs of each generation. Prophecies do work best when they are uncertain, unclear and retrospective.

2. In his book, D. Wilson convinces that various prophecies characterize the state of minds in the present in a greater degree, than foresee the future. However, these games with the future are dangerous in many cases. They are to form mass movements, world outlook projects. Has it not the time come to take stock of the prophets? On the other hand, it is hard to submit to the idea that the history is speeding along the tracks laid in advance. There is a way out that proved to be the most simple. There should be many forecasts. The host of prophecies are difficult to implement into reality. This is the only chance to give the history back the desired alternativeness.

New books that might be of interest

Reviewed by *Elvira Spirova*, Ph.D.

ILLNESS OF THE CENTURY

Deleuze, Gilles and Guattari, Felix. *Anti-Oedipus. Capitalism and Schizophrenia*. Ekaterinburg, 2007, circ. 3.000 copies, 672 pp.

The *Anti-Oedipus* is the first book of the two-volume *Capitalism and Schizophrenia* work by these authors. It is the key study not just for G. Deleuze, who nowadays is called the last great philosopher of the century gone, but for the whole second half of the 20th century.

According to the authors' concept, the general history is the transition from pre-history to post-history. The history has not reached its goal: instead of a sovereign individual there came an embittered man, taken ill with nihilism.

THE LIFE TERRESTRIAL AND SUBSEQUENT

Grof, Stanislav. *The Greatest Travel. Consciousness and Mystery of Death*. M., 2007, circ. 3.000 copies, 672 pp.

Stanislav Grof, one of the founders of the transpersonal psychology, has recently visited Russia. He developed the holotropic breathwork, a unique method of self-knowledge, psychotherapy and personal growth.

The author notes, it is difficult to conceive some subject that is more universal and personally significant than death and dying. All our lives long we lose relatives, friends, teachers and acquaintances to find ourselves, finally, face to face with the necessity of our own biological end.

THE 'BEING' JUNCTION

Derrida, Jacques. *The Dissemination*. Ekaterinburg, 2007, circ. 3.000 copies, 608 pp.

One of the key assemblies of texts by the great modern thinker refuses to become a book. It is not so much the book, but rather all-sided deploying that risky venture in which reading and writing are executed in one gesture.

The author is disseminating himself. The same can be said of the text. Derrida's provocative intentions captivate and draw in, excite and confuse, agitate and oppress.

THE HERO AND THE POLICY OF IMMORTALITY

Sol, John Rolston. *Voltaire's Bastards. The Dictatorship of Reason in the West*. M., 2007, circ. 1.500 copies, 895 pp.

In his book, the well-known Canadian scholar and author, John R. Sol, gives the fascinating analysis of the crisis that has stricken the Western civilization in the last decades of the past century. The author says, it would be short-sighted to criticize Voltaire and other thinkers of the 18th century for the passion with which they adored the Reason.

The European philosophers rushed to embrace the Reason with the belief, their passion would result in some new intellectual elite, capable to create the new civilization. But soon the demonstration of power without constraining influence of ethical institutions has proved to become the religion of the new elites.

INFORMATION PARADISE

Toffler, Alvin. *Revolutionary Wealth*. M., 2008, circ. 3.000 copies, 569 pp.

The author claims, there is the 'third wave' civilization developing in America. That is the global process. According to A. Toffler, the process of historical evolution is similar to the ever living ocean, from time to time rolled through by the huge waves that transform civilizations.

The irreversibility and, more important, huge speed of changes bring in the real danger to the industrial civilization, threatening to destroy its methods, values and institutions.

ОБ АВТОРАХ

Агаев Расим Гусейнович (Азербайджан) – заместитель председателя Союза журналистов Азербайджана. По образованию филолог – закончил Азербайджанский государственный университет. С 1964 года в журналистике – Азербайджанское радио, собкор Агентства печати Новости, газеты «Труд» по Азербайджану, заведующий Бюро АПН в Ливии. Кандидатская диссертация посвящена проблемам политических союзов в Ираке. В разные годы работал заведующим идеологическим отделом ЦК Компартии Азербайджана, руководителем пресс-службы Президента АР. Автор ряда работ по проблемам Ближнего Востока, стран Южного Кавказа.

Белозёров Василий Клавдиевич – кандидат политических наук, главный эксперт Управления информации и общественных связей Министерства обороны Российской Федерации, полковник. Автор ряда публикаций по проблемам политики безопасности и обороны.

Бочкова Мария Сергеевна – студентка 5-го курса факультета мировой политики Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова. Область научных интересов: международная безопасность. Редактор раздела Россия на международном информационном портале World Security Network.

Валюков Валентин Владимирович – начальник Департамента проблем экономической безопасности аппарата Совета Безопасности Российской Федерации.

Гуревич Павел Семенович – доктор философских наук, доктор филологических наук, профессор, заведующий сектором Института философии РАН, заведующий кафедрой психологии Московского государственного университета технологий и управления, заведующий Клиникой глубинной психологии. Президент Московской межрегиональной психоаналитической ассоциации, один из учредителей и член бюро Российской психоаналитической ассоциации, вице-президент Академии гуманитарных исследований, действительный член Нью-Йоркской Академии наук. Специалист по философской антропологии, глубинной психологии, философии культуры и современной западной философии. Постоянно печатается в центральных газетах и журналах, автор ряда школьных и вузовских учебников, многочисленных монографий, в том числе: «Философская антропология» (2001), «Основы философии» (2002), «Культурология» (2003), «Психология» (2004).

Гусейнов Вагиф Алиовсатович – директор Института стратегических оценок и анализа, главный редактор журнала «Вестник аналитики». Получил образование журналиста в Бакинском государственном университете. Работал комментатором общественно-политических передач Азербайджанского радио и телевидения, редактором газеты «Молодежь Азербайджана», первым секретарем ЦК ЛКСМ Азербайджана, секретарем ЦК ВЛКСМ по международным вопросам, первым заместителем начальника управления МИД СССР. С начала войны между Азербайджаном и Арменией из-за Нагорного Карабаха с 1989 по 1991 год – председатель КГБ Азербайджана. С 1998 года – член Совета по внешней и оборонной политике. Автор книг «Хроника тайной борьбы», «Пьянящий дурман власти», «Война компроматов», «Каспийская нефть – экономика и геополитика». Соредактор монографий: «Иракский кризис и становление нового мирового порядка» (Москва, 2004) и «Средиземноморье –

Черноморье – Каспий: между Большой Европой и Большим Ближним Востоком» (2006). Соавтор и редактор книг «Россия – Великобритания: очередное охлаждение» (2007), «Большой Ближний Восток. Стимулы и предварительные итоги демократизации» (2007). Член редакционной коллегии аналитических сборников «Мир вокруг России: 2017. Контуры недалекого будущего» (2007), «Конкурентоспособность России в условиях глобализации» (2006), «Стратегия для России: 10 лет СВОП» (2002). Автор многих статей по вопросам международной политики, отношений России с ЕС, энергетической безопасности, проблемам Ближнего и Среднего Востока, стран Южного Кавказа, внутренней политики и экономики России.

Дашдамиров Афранд Фирудинович – доктор философских наук, профессор кафедры национальных и федеративных отношений Российской академии государственной службы при Президенте РФ, академик Национальной академии наук Азербайджанской Республики, академик Международной общественной академии педагогических и социальных наук. Автор 15 книг и монографий, около 200 публикаций. В последние годы вышли: «Национальная идея и этничность: азербайджанская идея в этнокультурном интерьере» (М., 1996, Баку, 2001), «Идеологические проблемы межнациональных отношений» (Баку, 2001). В 1970–1981 гг. – заведующий кафедрой философии Бакинской высшей партийной школы, заведующий отделом теоретических проблем национальных отношений Института философии и права АН АЗССР. В 1981–1991 гг. – заведующий отделом ЦК, секретарь ЦК Компартии Азербайджана. В сферу научных интересов входит социально-философские, политологические, этнопсихологические проблемы национального развития и межнационального, межэтнического взаимодействия.

Евтодьева Марианна Георгиевна – кандидат политических наук, руководитель Информационного центра Федерации мира и согласия, член молодежного отделения Российского Пагуошского комитета при Президиуме РАН. Автор ряда научных и публицистических работ по проблемам институционального развития, безопасности ближневосточного региона, ядерного контроля и нераспространения.

Ермаков Алексей Владимирович – главный советник Департамента проблем экономической безопасности аппарата Совета Безопасности Российской Федерации.

Золотарев Павел Семенович – заместитель директора ИСКРАН, кандидат технических наук, профессор Академии военных наук, генерал-майор.

Иффт Эдвард (США) – до выхода в отставку был сотрудником государственного департамента США, в настоящее время – адъюнкт-профессор в программе исследований в сфере безопасности, осуществляемой Школой внешнеполитической службы Джорджтаунского университета.

Касаев Эльдар Османович – студент 5-го курса Международного института энергетической политики и дипломатии (МИЭП) МГИМО (У) МИД России. Автор ряда научных работ и публикаций по проблемам стран Ближнего Востока и Северной Африки. В настоящий момент готовит к защите диссертационную работу (по кафедре международного права МГИМО) на соискание ученой степени кандидата юридических наук.

Крепон Майкл (США) – один из создателей Центра Генри Л.Стимсона, автор и редактор одиннадцати книг и более 350 статей. До участия в создании Стимсоновского Центра Крепон работал в программе фонда Карнеги «Вклад в дело международного мира», в Агентстве США по контролю за вооружениями и разоружению в период президентства Дж. Картера, в Палате Представителей Конгресса США в качестве сотрудника аппарата конгрессмена Нормы Дикса. Получил диплом магистра гуманитарных наук в Школе современных международных исследований Университета Джона Гопкинса и диплом бакалавра гуманитарных наук в колледже Франклина и Машалла. Изучал также арабский язык в Американском университете в Каире (Египет). Крепон к тому же является преподавателем факультета политики Университета штата Вирджиния.

Кортунов Сергей Вадимович – доктор политических наук, заведующий кафедрой мировой политики факультета мировой экономики и мировой политики ГУ ВШЭ, действительный член Академии военных наук, заместитель Председателя Экспертного совета Комитета по международным делам Совета Федерации Федерального собрания РФ. С 1982 по 1994 год работал в центральном аппарате МИД СССР и РФ. Занимался проблемами ограничения гонки вооружений и разоружения. Принимал

участие в двусторонних и многосторонних переговорах по разоружению (ЯКВ, РСМД, СНВ-1, конференция по разоружению, комиссия ООН по разоружению, переговоры основных экспортеров оружия, РКРТ, переговоры по экспортному контролю, ОБСЕ и др.). С 1994 по 1998 год – консультант, референт помощника Президента РФ по национальной безопасности, заместитель руководителя аппарата Совета обороны РФ – начальник международно-аналитического отдела. Занимался концептуальными вопросами национальной и международной безопасности, военной реформы, военного строительства и военной доктрины, а также проблемами разоружения, конверсии и военно-технического сотрудничества. С 1998 по 2001 год – советник руководителя администрации Президента РФ. С 1998 по 2002 год – вице-президент Внешнеполитической ассоциации. С 2004 по 2006 год – начальник управления анализа и прогноза ОАО «ГАО ВВЦ». С 2006 по 2007 год – начальник информационно-аналитического управления Федерации независимых оценщиков и экспертов ТПП РФ. Автор ряда книг и статей (более 200) по концептуальным проблемам международных отношений, внешней политики, разоружения и национальной безопасности.

Рощупкин Владимир Тимофеевич – обозреватель медиапортала «Хранитель», кандидат политических наук, профессор Академии военных наук. Окончил Волгоградский государственный педагогический институт, Дальневосточный государственный университет, Новосибирское высшее военное политическое училище, аспирантуру МГУ им. М.В. Ломоносова. Специализируется по проблемам безопасности, международных отношений, военной истории.

Сидоров Борис Иванович – референт аппарата Совета Безопасности Российской Федерации.

Смит Гарольд (США) – известный ученый и профессор «Голдман скул оф паблик полиси», Калифорнийский университет в Беркли, США. В администрации Клинтона занимал пост помощника министра обороны по программам ядерного, химического и биологического оружия.

Спирова Эльвира Маратовна – кандидат философских наук, заместитель заведующего кафедрой психологии в Московском государственном университете технологий и управления, заместитель заведующего Клиникой глубинной психологии. Автор ряда научных трудов по политической психологии и философской антропологии. Член Российского психоаналитического межрегионального общества.

Столар Алекс (США) – стипендиат Герберта Сквилла (изучение проблем мира), работающий в проектах по Южной Азии и космической безопасности Стимсоновского центра. До этого Алекс работал научным сотрудником Института мира и изучения конфликтов в Нью-Дели (Индия). В 2006 г. окончил с отличием университет штата Вирджиния, получив диплом бакалавра гуманитарных наук (международные отношения). Обучаясь в университете штата Вирджиния, являлся стипендиатом Джефферсона и Эколс.

Ципко Александр Сергеевич – доктор философских наук, главный научный сотрудник Института международных экономических и политических исследований (ИМЭПИ) РАН, политический обозреватель «Литературной газеты». Окончил философский факультет (1968) и аспирантуру МГУ (1972). Работал в газете «Комсомольская правда», в отделе пропаганды ЦК ВЛКСМ, в журнале «Молодой коммунист». С 1972 года – старший научный сотрудник, руководитель группы, заместитель директора Института экономики мировой социалистической системы АН СССР (впоследствии – ИМЭПИ РАН). В 1978–1980 гг. – доцент Института философии и социологии Польской академии наук. В 1986–1990 гг. – консультант отдела ЦК КПСС. В 1992–1993 гг. – профессор Университета г. Хоккайдо (Япония), 1993–1995 гг. – директор научных программ Горбачев-фонда, 1995–1996 – профессор Вудро Вильсон-центра (США). Редактор приложения к «Независимой газете» «НГ-сценарии» (1996–1998), директор центра стратегических исследований Московского фонда президентских программ (1998–1999). Автор ряда монографий и более 100 научных статей.

Цыганок Анатолий Дмитриевич – руководитель Центра военного прогнозирования, доцент факультета международной политики МГУ. Полковник, кандидат военных наук, член-корреспондент Академии военных наук, член общественного Совета при Министерстве обороны Российской Федерации, член Союза журналистов Российской Федерации. Военное образование получил в Омском высшем общевойсковом училище в 1967 году, академии им.М.В. Фрунзе – в 1980 году, адъютантуре академии им.М.В. Фрунзе – в 1987 году. С 1963 по 1993 год – служба в рядах Советской, затем Российской армии, полковник запаса. В 1991 году – заместитель председателя Комитета по формирова-

нию Российской гвардии в секретариате вице-президента РСФСР. В 1991–1992 гг. – консультант, эксперт-специалист Комитета военной реформы при Государственном Совете СССР. Секретарь Государственной Комиссии по формированию Российской Армии и Министерства обороны Российской Федерации. В 1992–1999 гг. – в правительстве Москвы, начальник Московского городского штаба народных дружин, член Совета по безопасности г. Москвы. В 2003–2005 гг. – руководитель центра военного прогнозирования Института политического и военного анализа. Автор монографии «Уроки для России из израильско-ливанской войны 2006 года», около 80 публикаций по закрытой тематике, в открытой печати – более 300 публикаций.

Шульце Петер (Германия) – профессор политологического факультета университета Гёттингена (Германия), эксперт по экономике России.

OUR AUTHORS

Rasim G. AGAYEV (Azerbaijan) – Deputy Chairman of the Azerbaijan Union of Journalists. Graduated from the Azerbaijan State University (the Philological Department). Since 1964, engaged in journalism as correspondent of the Azerbaijan Radio, the Novosti Press Agency's own correspondent, the Trud newspaper's correspondent for Azerbaijan, the Chief of the Novosti PA Bureau in Libya. His Cand. Sc. (History) thesis explored on problems of political alliances in Iraq. In divers years, hold positions of the Chief of the Ideological Department at the Communist Party of Azerbaijan Central Committee, the Head of the Press Service of the President of the Azerbaijan Republic. Authored some publications on problems in the Middle East and the Southern Caucasus countries.

Vasily K. Belozarov – Colonel, Senior Expert at the Directorate of Information and Public Relations of the Russian Federation Ministry of Defense, Cand.Sc. (Politology). Authored of some publications on problems of security and defense policy.

Maria S. BOCHKOVA – the student 5 rates of faculty of world politics of the Moscow state university. Area of scientific interests: the international security. Editor Russia on the World Security Network Foundation.

Afrand F. DASHDAMIROV – Dr.Sc. (Philosophy), the professor at the National and Federal Relations Chair, the RF President's Russian Academy of State Service; Academician, the Azerbaijan Republic National Academy of Sciences; Academician, the International Public Academy of Pedagogical and Social Sciences. Authored some 15 books and monographs, and 200 scientific works. Recent publications include the *National Idea and Ethnhood: the Azerbaijan Idea in an Ethno-Cultural Interior* (M, 1996; Baku, 2001), the *Ideological Problems of the Interethnic Relations* (Baku, 2001). Sphere of scientific researches includes social and philosophical, politological, ethno-psychological problems of national development and interaction between nations and ethnic groups. In 1970–1981, headed the Philosophy Chair of the Baku Higher Party School, the Department of Theoretical Problems of National Relations at the Azerbaijan SSR Academy of Sciences Institute of Philosophy and Law. In 1981–1991, was the Department Head, Secretary of the Communist Party of Azerbaijan Central Committee.

Pavel S. GUREVICH – D. Sc. (Philosophy), D. Sc. (Philology), professor, Sector Head at the RAS Institute of Philosophy, Head of the Psychology Chair at the Moscow State Institute of Technologies and Management, Chief of the Deep Psychology Clinic. Is President of the Moscow Inter-Regional Psychoanalytical Association, one of the founders and Bureau member of the Russian Psychoanalytical Association, Vice-President of the Academy of Humanitarian Studies, Full Member of the New York Academy of Sciences, of the International Informatization Academy, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences. Fields of research include philosophical anthropology, deep psychology, philosophy of culture and modern Western philosophy. Is permanently present in the academic publications and national media, authored some high school and university textbooks, numerous monographs, including *The Philosophical Anthropology* (2001), *The Foundation of Philosophy* (2002), *The Culturology* (2003), *The Psychology* (2004).

Vagif A. Guseynov – director of the Institute of Strategic Studies and Analysis and editor-in-chief of the periodical «Analytical Messenger». Graduate of the State University in Baku. Worked as a commentator for the Radio of Azerbaijan, as a newspaper «Molodezh Azerbajana» editor, a Secretary in charge of international affairs in the Youth Organization of the USSR (Komsomol), a department deputy chief in the Ministry of Foreign Affairs of the USSR. Starting from the outbreak of the war between Azerbaijan and Armenia in 1989 caused by the problem of Nagorny Karabakh till 1991 he was the Chairman of the State Security Committee (KGB) in Azerbaijan. Since 1998 he is a member of the Russian Council on Foreign and Defense Policy (SFDP). Author of several books: «From Yeltsin to...?» (Volume I-III: «The chronicle of secret struggle», «Euphoria of power», «War of discreditable materials»), «The Caspian oil (economy and geopolitics)». Co-edited the monographs on *The Iraq Crisis and Development of the New World Order* (Moscow, 2004) and *The Mediterranean – Black Sea Coast – Caspian Region: Between the Larger Europe and the Greater Middle East* (2006), *The Big Near East: stimulus and preliminary results of democratization* (2007). Hold membership in the editorial boards of the analytical collections on *The World Around Russia: 2017. The Outlines of the Not-So-Far-Away Future* (2007), *Russia's Competitiveness under Globalization* (2006), *The Strategy for Russia: 10 Years of CFDP* (2002).

Edward IFFT (USA) – is a retired U.S. State Department official who is currently Adjunct Professor in the Security Studies Program of the School of Foreign Service at Georgetown University. The views expressed are those of the author and do not necessarily reflect the policies of the U.S. Government or Georgetown University.

Eldar O. KASAYEV – is a student of the International Institute of Energy Policy and Diplomacy at the RF Ministry for Foreign Affairs MGIMO University. In 2006, he took part in the research of political, law and economic risks in the Middle East and Northern Africa countries sponsored by the Rosneft Open Joint Stock oil company. In the same year, he participated in the *What Way Does Iraq Go?* situational analysis carried out under the supervision of the RAS Academician E.M.Prymakov.

Sergey V. KORTUNOV – Dr.Sc. (Politicalology), the Chair of the World Politics at the SU:HSE Faculty of economics and world politics, the full member of the Academy of Military Sciences, Vice-Chairman of the Advisory Council at the Russian Federation Federal Assembly Council of Federation Foreign Affairs Committee. In 1982–1994 employed by the USSR and Russian Federation Ministries for Foreign Affairs. Dealt with the problems of arms race termination and disarmament. Took part in bilateral and multilateral negotiations on disarmament (talks on nuclear control, medium- and short range, and cruise missiles, SALT; 1, Conference on Disarmament, the UN Commission on Disarmament, talks of the major arms exporters, the export control negotiations, the OSCE, etc.). In 1994–1998 – the consultant, aid of the national security advisor to the President of the Russian Federation, Deputy Chief of the staff of the RF Defense Council – the Chief of the International Analytical Department. Was engaged in conceptual issues of national and international security, military reforming, military organization and military doctrine, as well as in problems of disarmament, conversion and military-technical cooperation. In 1998–2001 – the adviser to the Head of Administration of the President of the Russian Federation. In 1998–2002 – Vice-President of the Foreign Policy Association. In 2004–2006 – headed the Analysis and Forecast Department at the Open Joint Stock Company of «the All-Russia Exhibition Center State Joint-Stock Society». In 2006–2007 – Chief of the Info-Analytical Directorate of the Federation of Independent Estimators and Experts at the Russian Federation Chamber of Commerce and Industry. Authored a number of books and articles (over 200) on conceptual problems of the international relations, foreign policy, disarmament and national security.

Michael KREPON (USA) – is Co-founder of the Henry L. Stimson Center and the author or editor of eleven books and over 350 articles. Prior to co-founding the Stimson Center, Krepon worked at the Carnegie Endowment for International Peace, the US Arms Control and Disarmament Agency during the Carter administration, and in the US House of Representatives, assisting Congressman Norm Dicks. He received an MA from the School of Advanced International Studies, Johns Hopkins University and a BA from Franklin & Marshall College. He also studied Arabic at the American University in Cairo, Egypt. Krepon also teaches in the Politics Department at the University of Virginia.

Vladimir T. ROSCHUPKIN – Cand.Sc. (Politicalology), professor at the Academy of Military Sciences, columnist of the Khranitel (Custodian) media-portal. Graduated from the Volgograd State Pedagogical Institute, and the Far Eastern State University, and the Novosibirsk Higher Military-Political School, completed the postgraduate courses at the M. V. Lomonosov Moscow State University. Sphere of scientific researches includes the security problems, international relations, military history.

Peter SCHULTZE (Germany) – is the Professor at the Politology Department of the Goettingen University (Germany), the expert on Russia's economy.

Boris I. SIDOROV – the desk officer at the Russian Federation Security Council Staff.

Harold SMITH (USA) – is a well-known scholar, professor at the Goldman School of Public Policy of the California State University in Berkeley, USA. In the Clinton Administration, held the position of assistant to the Minister of Defense on programs of the nuclear, chemical and biological weapons.

Elvira M. SPIROVA – Ph.D, deputy head of the Psychology Chair at the Moscow State University of Technologies and Managements, deputy Chief of the Deep Psychology Clinic. Authored some scientific works on political psychology and philosophical anthropology. Holds membership in the Russian Psychoanalytical Inter-Regional Society.

Alex STOLAR (USA) – is a Herbert Scoville Peace Fellow with Stimson's South Asia and Space Security Projects. Alex previously served as a Research Officer at the Institute of Peace and Conflict Studies in New Delhi, India. In 2006, he graduated with distinction from the University of Virginia with a BA in Foreign Affairs. While at Virginia, Alex was a Jefferson and Echols Scholar.

Alexander S. TSIPKO – principal research fellow in the Institute of International Economic and Political Studies (IMEPI) of the Russian Academy of sciences, political observer in the «Literaturnaya gazeta», doctor of philosophical sciences. Graduated from the philosophical faculty and the post graduate course of the Moscow University. He worked in the newspaper «Komsomolskaya pravda», the propaganda department of the Central Committee of the Youth Organisation of the USSR (Komsomol), the journal «Molodoy kommunist». Since 1972 he was a senior research fellow, head of a subdivision, deputy director of the Institute of Economy of the World Socialist System of the Academy of sciences of the USSR (later IMEPI). In 1978–1980 worked as a senior lecturer of the Institute of Philosophy and Sociology of the Polish Academy of sciences, in 1986–1990 adviser of a department in the Central Committee of the CPSU. In 1992–1993 he was professor in the University of Hokkaido (Japan), in 1993–1995 director of the scientific programs in the Gorbachev-fund, in 1995–1996 professor in the Woodrow Wilson Center (USA). Editor of the supplement to the «Nezavisimaya Gazeta» newspaper «NG-scenarios» in 1996–1998, director of the Center of strategic studies in the Moscow Fund of Presidential Programs in 1998–1999. Author of a number of books and more than 100 scientific articles.

Anatoly D. TSYGANOK – Cand.Sc. (Military), colonel (retired), the Head of the Military Prognosis Center, the associate professor at the MSU Department of International Politics. Holds membership at the Academy of Military Sciences (corresponding member), in the Public Council at the Russian Federation Ministry of Defense, in the Union of Journalists of the Russian Federation. Military educated in the Omsk Higher Military College (1967), the M. V. Frunze Military Academy (1980) and the Academy's post-graduation courses (1987). In 1963–93 served in the Soviet then Russian Army. In 1991, Deputy Chairman of the Committee on Formation of the Russian Guards at the Secretary of the RSFSR Vice-President. In 1991–1992, the consultant, staff-expert in the Committee on Military Reform at the USSR State Committee. The Secretary to the State Commission on Formation of the Russian Army and the Russian Federation Ministry of Defense. In 1992–1999, worked at the Government of Moscow, Chief of the Moscow City Volunteer Militia Staff, Moscow's Council on Security member. In 2003–2005, headed the Military Prognosis Center at the Institute of the Political and Military Analysis. Authored monograph on The 2006 Israeli-Lebanese War: Lessons for Russia, and some 80 classified publications, and over 300 publications in the open media.

Valentine V. VALYUKOV – Chief of the Department on Problems of Economic Security at the Russian Federation Security Council Staff.

Alexey V. YERMAKOV – top adviser of the Department on Problems of Economic Security at the Russian Federation Security Council Staff.

Pavel S. ZOLOTARYOV – major-general, Cand.Sc. (Technology), Deputy Director of the RAS Institute of the US and Canadian Studies, professor at the Academy of Military Sciences.

Институт стратегических оценок и анализа
Бюро социально-экономической информации

ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

№ 1(31)

*Перевод с английского Владимира Мисюченко, Николая Кривошеина
Перевод с немецкого Елены Савкиной*

Корректурa *Е. Миклашук*
Верстка *Л. Листвина*

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-5981 от 22 декабря 2000 года

Адрес редакции:

109004 Москва, ул. Б. Коммунистическая, д. 40/14, стр. 1

Телефоны: (495) 911-97-78, (495) 912-39-88

Факс: (495) 911-92-77

www.isoa.ru

E-mail: issa@umail.ru

info@isoa.ru

Тираж 1200 экз. Цена свободная

Подписано в печать 27.02.08 г. Формат 60×90/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,25. Заказ № 97.

Отпечатано в ФГУП «Издательство и типография газеты «Красная звезда».

ПОДПИСНЫЕ ИНДЕКСЫ ИЗДАНИЯ

в Объединенном каталоге

«Пресса России» – 44351, 44339.

Электронный адрес подписки в Интернете:

www.presscafe.ru

ПОДПИСКА НА «ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ» ЗА РУБЕЖОМ:

через ЗАО «МК-Периодика» или фирмы-партнеры.

тел. +7 495 681-91-37, 681-97-63;

факс +7 495 681-37-98.

E-mail: info@periodicals.ru

<http://www.periodicals.ru>

SUBSCRIPTION TO *VESTNIK ANALITIKI* ABROAD

Via MK-Periodika or its partners:

Tel.: +7 495 681-91-37, 681-97-63;

fax: +7 495 681-37-98

E-mail: info@periodicals.ru

<http://www.periodicals.ru>

ПОДПИСАТЬСЯ И ПРИОБРЕСТИ ОТДЕЛЬНЫЕ НОМЕРА ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ» МОЖНО В РЕДАКЦИИ.
Телефон: 912 39 88, 911 97 78, электронная почта: issa@umail.ru

Стоимость одного номера журнала в редакции (без доставки) – 100 рублей,
для пенсионеров и студентов – скидка 50 %.

Квитанция для оплаты в Сбербанке

Извещение	Форма № ПД-4
	ЗАО «Институт стратегических оценок и анализа» (наименование получателя платежа)
Кассир	ИНН 7718163808 (ИНН получателя платежа)
	№ р/с 40702810900000080011 (номер счета получателя платежа)
	в АКБ «Росевробанк» г. Москва (наименование банка и банковские реквизиты)
	к/с № 30101810800000000777 в отделении
	2 Московского ГТУ Банка России, БИК 044585777
	Подписка на журнал "Вестник аналитики" (период подписки, номер журнала)
	Дата _____ Сумма платежа _____ Руб. _____ коп. _____
	Платательщик _____

	(Ф.И.О. почтовый адрес, телефон)
Квитанция	ЗАО «Институт стратегических оценок и анализа» (наименование получателя платежа)
	ИНН 7718163808 (ИНН получателя платежа)
	№ р/с 40702810900000080011 (номер счета получателя платежа)
	в АКБ «Росевробанк» г. Москва (наименование банка и банковские реквизиты)
	к/с № 30101810800000000777 в отделении
	2 Московского ГТУ Банка России, БИК 044585777
	Подписка на журнал "Вестник аналитики" (период подписки, номер журнала)
	Дата _____ Сумма платежа _____ руб. _____ коп. _____
	Платательщик _____

(Ф.И.О. почтовый адрес, телефон)	